РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит 4 раза в год Том 43, № 4, октябрь – декабрь 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Роллан Н. «Люди Севера» в плейстоцене: палеолитические вехи и переходные горизонты в Северной Евразии. Часть II: Биогеографический ареал человека в среднем палеолите 3
Анойкин А.А. Индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита долины реки Рубас (Приморский Дагестан) 19
Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии 33
Выборнов А.В., Цыбанков А.А., Макулов В.И. Археологические объекты на берегах Ангары от реки Чадобец до поселка Богучаны: обзор и закономерности 46

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Медведев Г.И. Уникальный бронзовый меч из Прибайкалья 54
Нестеров С.П., Волков П.В., Алкин С.В. Каменная плитка-абразив с Черемховского поселения в Западном Приамурье 63
Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана (полуостров Мангышлак, Казахстан) 72
Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Первые шаги по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» 85
Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури 94
Бобров Л.А. Казахские боевые узколезвийные топоры «шакан» XVIII–XIX веков 106

ЭТНОГРАФИЯ

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда старообрядцев юга Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века: опыт историко-этнографического картографирования 114
Ефимов В.С., Лаптева А.В., Михайлова Е.И. Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ 127

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии 135
Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) 144

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею академика Николая Андреевича Макарова 151
К юбилею члена-корреспондента РАН Евгения Николаевича Черныха 153

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 155
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 156
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2015 ГОДУ 158

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH

ACADEMIC JOURNAL

ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ANTHROPOLOGY OF EURASIA

Four Issues Per Annum Volume 43, No. 4, October – December 2015

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

N. Rolland. The Pleistocene Peopling of the North: Paleolithic Milestones and Thresholds Horizons in Northern Eurasia. Part II: Middle Paleolithic Human Biogeographic Realm 3
A.A. Anoykin. Transitional Middle to Upper Paleolithic Industries in the Rubas Valley, Coastal Dagestan 19
A.V. Shalagina, A.I. Krivoshapkin, and K.A. Kolobova. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia 33
A.V. Vybornov, A.A. Tsybankov, and V.I. Makulov. Archaeological Sites on the Angara Bank from the Chadobets River to Boguchany: Findings of a Survey 46

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

V.I. Molodin and G.I. Medvedev. A Rare Bronze Sword from Lake Baikal Shore 54
S.P. Nesterov, P.V. Volkov, and S.V. Alkin. A Stone Abrasive Tile from Cheremkhova, Western Amur Region 63
A.E. Astafyev and E.S. Bogdanov. A Ceremonial Saddle from Altynkazgan, Mangyshlak Peninsula, Kazakhstan 72
N.A. Makarov, O.V. Zelentsova, D.S. Korobov, A.P. Chernikov, and A.N. Voroshilov. First Steps Towards a National Geographic Information System "Archaeological Sites of Russia" 85
E.G. Devlet and A.R. Laskin. Petroglyphs of the Khabarovsk Region: The Impact of the 2013 Amur and Ussuri Flooding 94
L.A. Bobrov. Shakan: Kazakh 18th–19th Century Narrow-Bladed Battle Axes 106

ETHNOLOGY

E.F. Fursova. Mapping the Traditional Dress Types of Southwestern Siberian Old Believers (late 1800s–early 1900s) 114
V.S. Efimov, A.V. Lapteva, and E.I. Mikhailova. The Impact of Urbanization on the Transmission of the Culture and Language of the Sakha People: A Sociological Analysis 127

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

A.V. Zubova and T.A. Chikisheva. Human Teeth from the Upper Paleolithic Site of Afontova Gora II, Southern Siberia: Morphology and Affinities 135
A.S. Pilipenko, R.O. Trapezov, and N.V. Polosmak. A Paleogenetic Study of Pazyryk People Buried at Ak-Alakha-1, the Altai Mountains 144

PERSONALIA

To the Anniversary of Academician Nikolay Andreevich Makarov 151
To the Anniversary of Corresponding Member of RAS Evgeny Nikolaevich Chernykh 153

ABBREVIATION 155
CONTRIBUTORS 156
PAPERS PUBLISHED IN *ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY OF EURASIA* IN 2015 158

Novosibirsk
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press
2015

УДК 903

Н. Роллан
Канадское общество по изучению доисторической антропологии
Prehistoric Anthropology Research Canada
192 Bushby Street
Victoria, B.C., V8S 1B6, Canada
E-mail: prehistory@shaw.ca

«ЛЮДИ СЕВЕРА» В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ: ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕХИ И ПЕРЕХОДНЫЕ ГОРИЗОНТЫ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ЧАСТЬ II: БИОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Заселение Севера в среднем палеолите рассматривается на основе информации о распространении памятников, хронологических определений, данных о биоклиматической обстановке, а также результатов изучения орудийных наборов. Обсуждаются вопросы, касающиеся хронологической последовательности заселения, адаптационных стратегий, границ расселения и стратегии добычи животной пищи. Сделаны выводы о том, что решающую роль в формировании культурных навыков, необходимых для заселения «холодных пространств» в среднем плейстоцене сыграли культурные достижения предшествующего периода более интенсивного заселения приполярных территорий.

Ключевые слова: *ключевые моменты среднего палеолита, биогеография человека, социальная морфология, границы заселения, культурно-исторические временные ряды и процессы.*

N. Rolland
Prehistoric Anthropology Research Canada
192 Bushby St., Victoria, BC, V8S 1B6, Canada
E-mail: prehistory@shaw.ca

THE PLEISTOCENE PEOPLING OF THE NORTH: PALEOLITHIC MILESTONES AND THRESHOLDS HORIZONS IN NORTHERN EURASIA

PART II: THE MIDDLE PALEOLITHIC HUMAN BIOGEOGRAPHIC REALM

The Middle Paleolithic record for the peopling of the North is presented with tables, a distribution map, chronology, bioclimatic circumstances, and toolmaking repertoires. Salient aspects identify time-series, patterns of adaptive strategies, dispersal "frontlines", and strategies for procurement of food-animals. They support empirically a model of the human biogeographic "cold space" realm; its bearing on the adaptive horizons of the historical zonation of the Paleolithic culture; debates about the Middle to Upper Paleolithic transition in Eurasia; and antecedents for trends in intensification of Holocene culture in circumpolar habitats, with reference to the Canadian Arctic.

Keywords: *Middle Paleolithic milestones, human biogeography, social morphology, occupation "frontlines", culture historical time series.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.003-018

© Роллан Н., 2015

Введение

В части I статьи, посвященной заселению Севера в палеолите, я рассмотрел характер заселения человеком высоких широт Евразии в ранний период эпохи. Несмотря на редкость и малочисленность местонахождений этого времени и дискуссионность контекстов некоторых раннепалеолитических памятников, можно проследить циклически происходившее в раннем палеолите заселение Северной Евразии. Все местонахождения были связаны с мягкими и умеренными хроноклиматическими эпизодами. Уже на этапе раннего палеолита проявилась связь человеческих поселений с биомом мамонтовой степи. Тогда же постепенно формировались адаптационные навыки, необходимые для стабильного заселения высокоширотных территорий. В полной мере они развились в эпохи среднего и верхнего палеолита. Эти процессы, определившие возможность постоянного заселения приполярных пространств Евразии, я рассматриваю в части II.

Среднепалеолитический этап заселения

В этой части исследования я привожу обновленный список 79 среднепалеолитических местонахождений, расположенных на территории Северной Евразии (рис. 1, табл. 1).

Западная Европа: 1 – Мон-Дол; 1a – Комб-Греналь 61–59; 1b – Ла Шез; 1c – Аквитанский бассейн, горизонт кина; 2 – Котт-Сэнт-Брелад L, 6, 13, B; 2a – Котт-Сэнт-Брелад 11; 3 – Крэйфорд; 4 – Линфорд; 4a – Энин-сюр-Кожёль F, G; 5 – Бовэ-ля-Жюстис C1, C2; 5a – Пушуа; 5b – Вергиссон IV; 5c – Сен-Анн J1, J2; 6 – Сави N2; 7 – Месвин IV; 7a – Вельдвезелт-Хезерватер VLL, VLB; 8 – Складина 5; 9 – Аченхейм III, горизонт 74; 9a – Мюциг I 3, 4, II.

Центральная Европа: 10 – Ваннен 1, 2, 3; 11 – Тёнхесберг 1; 12 – Швайнскопф 1, 2, 3; 13a, b – Ариендорф III 1, 2; 14 – Карштайн; 15a, b – Райндален B1, B2-3; 16 – Зальцгиттер-Лебенштедт; 17 – Лихтенберг; 17a – Охтмиссен; 18 – Кёнигсауэ A, B; 19 – Макклиберг.

Восточная / Северо-Восточная Европа: 19a – Тата; 20 – Дзержислав; 20a – Розумице-3; 20b – Тржебка; 20c – Томашув; 20d – Бисник 19, 19 a, b, c; 21 – Рай; 22 – Окиенник; 22a – Рациборж-Очице; 23 – Вылотне; 24 – Зволень; 25 – Чулатово III; 25a – Молодова-5; 26 – Рихта; 27 – Хотылево; 28 – Бетово; 29 – Хвалынск; 30 – Дубовка; 31 – Сухая Мечетка; 32 – Ельники II; 33 – Гарчи I; 33a – Бызовая; 34 – Пещерный Лог; 35 – Большая Глухая; 36 – Ганичата; 37 – Сусилуола.

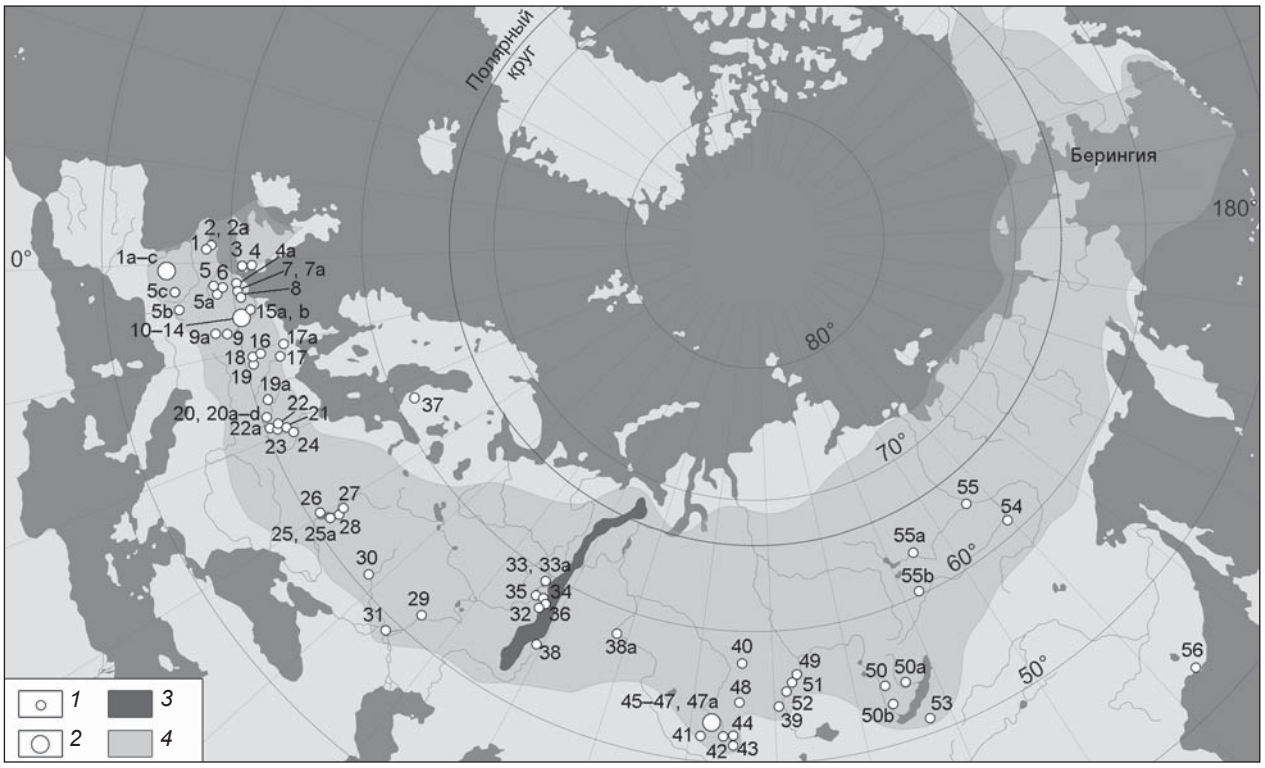


Рис. 1. Среднепалеолитические местонахождения на территории Северной Евразии (названия памятников указаны в тексте). Карта стоянок наложена на карту распространения мамонтовых степных биомов. Материалы для рис. 1–3 собраны и подготовлены к печати автором; карты созданы и оформлены Ж. Синк-Марсом, отредактированы А. Ролланом.
1 – отдельные памятники; *2* – группы памятников; *3* – Уральские горы; *4* – биомы мамонтовых степей.

Таблица 1. **Среднепалеолитические местонахождения в Северной Евразии**

№ памятника	Широта, град.	Биом мамонтовых степей	Флюктуация климата*	Кислородно-изотопная стадия
1	2	3	4	5
Западная Европа				
1	48.5	+	СТ	4
1a	44.5	+	СТ	6
1b	44.5	+	СТ	6
1c	44.5	+	СТ	4
2	49.0	+	СТ	6
2a	49.0	+	СТ	4
3	51.4	+	К	7
4	52.5	+	СТ	4
4a	50.0	+	СТ	4
5	49.5	+	СТ	4
5a	49.5	+	СТ	4
5b	46.0	+	СТ	4
5c	45.0	+	СТ	6
6	50.0	+	К	4
7	50.8	+	К	8
7a	50.5	–	СТ	6
8	50.3	+	ХК	5c/b
9	48.3	+	К / СТ	6
9a	48.5	+	К/ СТ	4/3
Центральная Европа				
10	50.5	+	К / СТ	6
11	50.5	+	К / СТ	6
12	50.5	+	К / СТ	6
13a, b	50.5	+	К / СТ	8, 6
14	50.5	+	К / СТ	4
15a, b	51.5	–	К / СТ	4, 6
16	52.5	+	К / ХК	5b
17	53.0	+	К/ П	4
17a	53.5	–	К / П	6
18	51.	+	К / ХК	3/4
19	51.5	+	К / П	8
Восточная и Северо-Восточная Европа				
19a	47.5	+	К / ХК	5d**
20	50.0	+	К / СТ	6
20a	50.5	–	К / П	8
20b	50.5	–	К / П	8
20c	50.5	–	К / П	8
20d	50.5	+	К / П	8
21	50.0	+	К / СТ	4
22	50.0	–	К/ ХК	5a-d
22a	50.0	–	К / СТ	8
23	50.0	–	К / ХК	5a-d
24	51.0	+	К / СТ	4

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
25	52.0	+	К / ХК	5b-4**
25a	49.8	+	К / СТ	4
26	53.0	+	К / ХК	5b**
27	53.5	+	К / ХК	5b**
28	53.0	+	К / ХК	4
29	52.5	+	РК / ПФ	5e-d**
30	53.0	–	К / ХК	5b**
31	48.5	+	К / СТ	4
32	58.0	+	РК / ПФ	7**
33	59.0	–	РК / ПФ	3a**
33a	65.0	+	РК / ХК	3a
34	58.0	+	РК / ПФ	3a**
35	58.0	+	РК / ПФ	5**
36	58.0	–	РК / ПФ	3a**
37	62.3	–	Б-ВШ / ПФ	5e
Западная Сибирь				
38	52.0	+	РК / ХК	5b, d-4**
38a	58.0	–	РК / ПФ	4-3
39	55.0	–	РК / ПФ	3
40	56.8	–	РК / ПФ	3
41	51.7	+	РК / ПФ	3
42	51.4	+	РК / ПФ	4
43	51.4	–	РК / СТ	4
44	50.1	+	РК / ХК	5d-4
45	50.7	+	РК / СТ	4
46	50.7	+	РК / ПФ	4-3
46a	50.7	–	РК / ПФ	4-3
47	50.7	–	РК / ПФ	4-3
47a	50.0	+	РК / ПФ	?
48	51.0	+	РК / ПФ	5e**
Центральная Сибирь				
49	55.1	+	РК / ПФ	5e
50	52.5	+	РК / СТ	4**
50a	52.0	+	РК / СТ	4**
50b	50.5	+	РК / СТ	4**
51	55.1	+	РК / СТ	4**
52	54.1	+	РК / СТ	3
Восточная Сибирь				
53	52.3	+	РК / СТ	4
54	61.0	–	РК / ПФ	8-9**
55	64.0	+	РК / ПФ	3-4**
55a	62.0	–	РК / ПФ	3-4**
55b	61.0	–	РК / ПФ	4**
Российский Дальний Восток				
56	42.5	–	К / ПФ	5a-d**

*Климат: К – континентальный; РК – резко-континентальный; ПФ – нерасчлененные плейстоценовые флюктуации: СТ – стадиал; П – перигляциал; ХК – холодные колебания.

**Примерная дата.

Западная Сибирь: 38 – Богдановка; 38a – Байгара; 39 – Большой Кемчуг; 40 – Арышевское-2; 41 – пещера Окладникова; 42 – Денисова пещера-14, -13, -12.3; 43 – Усть-Каракол-1; 44 – Усть-Канская пещера; 45 – Кара-Бом; 46 – пещера Каминная; 46a – Ануй-3; 47 – Тюмечин; 47a – Чагырская пещера; 48 – Мохово II.

Центральная Сибирь: 49 – Усть-Ижуль; 50 – Гора Игетей; 50a – Макарово IV; 50b – Сосновый Бор; 51 – Куртак IV; 52 – грот Двуглазка-5–7.

Восточная Сибирь: 53 – Хотык-4, -5; 54 – Диринг-Юрях; 55 – Мунгхарыма; 55a – Усть-Чирикуо; 55b – Кызыл-Сыр.

Российский Дальний Восток: 56 – Осиновка-4.

Они находятся в основном между 50 и 64° с.ш., на пространствах от Северо-Западной, Центральной и Северо-Восточной Европы до Восточной Сибири. Сопутствующая информация включает точные или приблизительные определения широты, данные о биоклиматических условиях и геохронологии в рамках 300–30 тыс. л.н.

Анализ карты среднепалеолитических местонахождений (рис. 1) позволяет выявить максимальное количество таких объектов в Западной Европе и минимальное в Восточной Сибири; зафиксирована относительно высокая концентрация таких объектов в Южной Сибири, что, конечно, не соответствует реальной плотности заселения [Деревянко, Маркин, 2011, с. 40].

Объем используемой в статье информации, несомненно, отражает степень изученности территорий. Описания памятников Сен-Анн I, Котт-Сэнт-Брелад, Складина, Аченхейм, Эйфел-Бэйсин, Зальцгиттер-Лебенштедт, Макклиберг, Зволень, Бисник, Бызовая, пещеры Денисова и Окладникова, Кара-Бом, Хотык представлены в монографиях и отчетах о результатах раскопок [Baumann, Mania, 1983; Chlachula, Drozdov, Ovodov, 2003; Chlachula, 2011; Cyrek, 2010; Деревянко, Шуньков, 2002; The Paleolithic of Siberia…, 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко и др., 2003; Лбова, 2000; Slimak et al., 2011]. Описания других местонахождений можно найти в предварительных отчетах. О стоянках Чирикуо, Мунгхарыма, Кызыл-Сыр в Якутии, указанных на публикуемой в данной статье карте, известно только по кратким сообщениям, в которых имеются изображения артефактов [Мочанов, Федосеева, 2001, с. 32, рис. 2, *2*; 3; 2002, рис. 7, *4–6*].

Рассматриваемые в данной части местонахождения (многослойные палимпсесты, однослойные стоянки, сезонные или кратковременные стоянки) находились как в минимально потревоженном стратиграфическом контексте, так и в переотложенных или перемещенных отложениях. Некоторые местонахождения – Линфорд, Котт-Сэнт-Брелад 3, 6 [Scott, 1980], Мон-Дол, Ачэнхейм 74 [Sainty, Thévenin, 1978], Ельники II, Бызовая, Усть-Ижуль [Chlachula, Drozdov, Ovodov, 2003; Гуслицер, Павлов, 1987; Slimak et al., 2011] – связаны с разделкой туш животных. На основании прямых свидетельств, полученных при изучении памятников с фаунистическими остатками (известны 50 достоверных и 12 небесспорных местонахождений, установлено преобладание объектов, принадлежавших к холодным эпохам плейстоцена. В их числе 7 местонахождений, относящихся к КИС-8, 13 – к КИС-6, 24 – к КИС-4 и 17 стоянок, связанных с периодами холодных осцилляций. Эти данные свидетельствуют в пользу предположения о заселении среднепалеолитическими популяциями человека высоких широт Евразии с холодным климатом.

Исследования территорий к востоку от Урала имеют довольно долгую и отмеченную успехами историю. Однако они проводятся в основном в населенных районах Южной Сибири, в местах вдоль главных рек, которые берут начало на северных склонах центрально-азиатских горных хребтов Алтая и Саян. Большинство археологических объектов находится между 50 и 65° с. ш. [The Paleolithic of Siberia…, 1998, p. 352; Larichev, Khol'ushkin, Laricheva, 1988, 1990, 1992; Орлова и др., 2003, рис. 1, 2; Орлова, Кузьмин, Зольников, 2000, рис. 1, *5*; Vassil'ev et al., 2002, fig. 1]. Их неравномерное размещение, должно быть, обусловлено трудностями в проведении полевых работ. Неисследованными остаются пространства на севере Центральной Сибири (см.: [The Paleolithic of Siberia…, 1998, fig. 204; Vassil'iev, Semenov, 1993, fig. 1; Larichev, Khol'ushkin, Laricheva, 1988, p. 360]), а также Западной, Восточной и Северо-Восточной Сибири.

Речные системы и свободные ото льда пространства обладали ресурсами, необходимыми для жизнедеятельности мобильных собирателей, имевших навыки адаптации к холодным условиям. Согласно палеоклиматическим реконструкциям и данным по географии палеолитических местонахождений, по таким коридорам особенно в теплые периоды казанцевского (КИС-5e) и каргинского межледниковья, а также сартанского стадиала группы людей двигались в северные широты, свидетельством чего является, например, местонахождение Берелёх [Gualtieri et al., 2005; Kienast et al., 2005]. В Сибири, несмотря на гиперконтинентальный экстремальный климат и низкие зимние температуры, были обширные, свободные ото льда, пригодные для жизни человека районы; здесь имелась достаточная для обеспечения пропитания животная биомасса; мощные реки, несущие свои воды на север, способствовали смягчению климата [Suslov, 1961], происходили внутриконтинентальные миграции нерестовых рыб. Аналогичные циклы человеческого заселения, свя-

занные с определенными сообществами растений и животных, отмечены в Северо-Восточной Европе [Chlachula, 2009; Гуслицер, Лосева, 1979; Mangerud, Astakhov, Sevendsen, 2002] и Фенноскандии [Kurtén, 1988; Ukkonen et al., 1999].

Вариабельность орудийного набора

Среднепалеолитический технокомплекс, который существовал на большей части Евразии со времени ок. 380 тыс. л.н., включал различные исчезавшие и появлявшиеся вновь типы орудий, соответствовшие технологиям обработки камня [Bosinski, 1982, 1986b; Rolland, 1988, 1990, 1999]. Недавно обнаруженные материалы свидетельствуют о том, что начиная с раннего плейстоцена некоторые орудия неоднократно появлялись и исчезали [Walker et al., 2013]. Была разработана периодизация таких «предшественников» среднего палеолита на основе качественных и количественных характеристик. По этим критериям оценивалась степень вариабельности ретушированных орудий [Bosinski, 2000, p. 228].

К «рекуррентным» относятся следующие технологии: *получение леваллуазских отщепов* (Мон-Дол, Бовэ, Месвин IV, Зальцгиттер-Лебенштедт, Охтмиссен, Макклиберг, Рациборж-Очице, Молодова-5, пещеры Окладникова, Денисова и Усть-Канская, Усть-Каракол-1, Цаган-Агуй), *леваллуазских пластинчатых отщепов и острий* (Котт-Сэнт-Брелад, Мон-Дол, Макклиберг, пещеры Окладникова, Усть-Канская и Денисова, Чирикуо), *редукция дисковидных ядрищ* (Сен-Анн I, Котт-Сэнт-Брелад, Бовэ, Бетово, Богдановка), *получение отщепов типа кина* (Комб-Греналь (КИС-4), Складина, Сусилуола, Хотык), *призматических пластин* (Вельдвезелт-Хезерватер, Хонако III), *плоско-выпуклых заготовок (комбева)* (Кёнигсауэ, Тата, Дзержислав, Сухая Мечетка, Мунгхарыма), *бифасиальное расщепление* (Тата, Вергиссон IV, Лихтенберг, Зволень, Сухая Мечетка).

Данным технологиям соответствуют типы орудий: *ашельские рубила* (Зальцгиттер-Лебенштедт, Охтмиссен, Макклиберг), *сердцевидные бифасы* (Линфорд, Зальцгиттер-Лебенштедт, Лихтенберг), *бифасиальные ножи* (Лихтенберг, Сухая Мечетка), *листовидные бифасы* (Зволень, Хотылево, Ануй-3, Усть-Канская пещера, Усть-Каракол-1), *бифасиальные ножи* (Зволень, Сухая Мечетка, пещера Окладникова, Мунгхарыма), *удлиненные мустьерские остроконечники* (Котт-Сэнт-Брелад, пещера Окладникова), *скребла типа кина* (Комб-Греналь (КИС-4), Вергиссон IV, пещера Окладникова), *скребла dejetés*, *конвергентные скребла* (Вергиссон IV, Богдановка, Сухая Мечетка, пещеры Окладникова и Чагырская, Мунгхарыма).

По некоторым типам технокомплексов, обладающих специфическими чертами, можно выделить территориальные группы индустрий: «кайльмессер» в Центральной Европе [Bosinski, 1963], мустье ашельской традиции в Приатлантической и Северо-Западной Европе, индустрии с листовидными бифасами (комплексы Хотылево и памятников Горного Алтая [Velichko, 1988; Characteristic Features…, 2011]. Для всех этих комплексов характерны единство форм артефактов, локализованное пространство и период бытования, определяемый формулой «форма–пространство–время» [Spaulding, 1964]. Комплекс местонахождения Мунгхарыма [Мочанов, Федосеева, 2002] составляют разнообразные диагностичные среднепалеолитические бифасиальные орудия, напоминающие формы варианта «восточного микока», представленные на стоянке Сухая Мечетка. Широко распространены варианты леваллуазских индустрий, в частности таких, как на Чирикуо [Там же]. Спорадически встречаются проявления расщепления типа кина [Bourgignon, 1998; Schultz, 2000–2001]. Большая часть типов индустрий, распространенных в Северной Евразии, фиксируется и за ее пределами. Редукционные технологии могли быть простыми или специализированными*. Комплексы сибирячихинского варианта среднего палеолита пещер Окладникова и Чагырской представляют бифасиальные техники и включают артефакты разных размеров, скребла *dejetés*, двойные и тройные скребла [Деревянко, Маркин, 1992, 2011; Деревянко и др., 2009].

Среднепалеолитические комплексы отражают различные способы раскалывания камня. Изучение подходов к отбору сырья и расщеплению кусков породы позволяет говорить о росте мастерства и стандартизации способов обработки. Это прослеживается, например, по материалам местонахождения Аченхейм [Junkmanns, 1991]. В эпоху среднего палеолита значительно расширяются территории добычи каменного сырья [Roebroeks, Kolen, Rensink, 1988; tab. 1; Slimak, Giraud, 2007]. Вероятно, определенные виды «экзотических» кремней доставлялись на стоянки издалека с помощью разветвленных сетей обмена [Slimak, 2008].

Обсуждение

Средний палеолит как культурно-историческое явление ассоциируется с биомом мамонтовой степи (табл. 2), что позволяет говорить о появлении

*Процесс изготовления леваллуазских острий включал по меньшей мере шесть последовательных этапов расщепления – «технического мастерства, остававшегося непревзойденным до века металла» [Leroi-Gourhan, 1964, p. 145–147].

Таблица 2. **Млекопитающие биомов мамонтовых степей Северной Евразии – объекты охоты среднепалеолитического населения**

Местонахождение	Млекопитающие
1	2
Западная Европа	
Карье Томассон	Шерстистый мамонт
Комб-Греналь 61–59	Северный олень*, сайга, горный козел, олень
Комб-Греналь 25-21, 19–17	Северный олень*, лошадь, бизон, олень
Ла Шез (рисс)	Северный олень**, лошадь, бизон, сайга
Сен-Анн J1	Лошадь, мамонт**, шерстистый носорог, северный олень, горный козел
Вергиссон IV	Северный олень*
Линфорд	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лошадь, бизон
Котт-Сэнт-Брелад, КИС-6	То же
Мон-Дол	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лошадь, зубр
Бовэ-ля-Жюстис	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень*, лошадь, бизон
Энин-сюр-Кожёль G	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лошадь, бизон*
Месвин IV	Мамонт**, лошадь**, шерстистый носорог, северный олень, бизон, гигантский олень
Центральная Европа	
Мюциг	Мамонт, бизон, северный олень
Аченхейм Sol 74	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень, бизон, гигантский олень
Зальцгиттер-Лебенштедт	Мамонт**, шерстистый носорог, бизон, сайга, северный олень*
Ариендорф 1	Шерстистый носорог, лошадь, благородный олень
Ариендорф 2	Трогонтериевый слон, шерстистый носорог, лошадь, бизон, благородный олень
Швайнскопф 1	Лошадь
Швайнскопф 2	Шерстистый носорог, лошадь
Швайнскопф 3	Северный олень
Швайнскопф 4	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, северный олень, гигантский олень, благородный олень
Ваннен 1	Шерстистый носорог, лошадь, европейский плейстоценовый осел, благородный олень
Ваннен 2	Шерстистый носорог, лошадь, благородный олень, серна
Ваннен 3	Шерстистый носорог, лошадь, северный олень, благородный олень, серна
Лихтенберг	Мамонт, северный олень, бизон
Кёнигсауэ A, B	Мамонт, шерстистый носорог, сайга, северный олень, бизон, европейский плейстоценовый осел, благородный олень
Тата	Мамонт**, бизон, европейский плейстоценовый осел, благородный олень, гигантский олень
Зволень	Мамонт, шерстистый носорог, сайга, северный олень, бизон**
Рай	Мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лошадь, бизон, овцебык
Восточная / Северо-Восточная Европа	
Бисник OIS 8	Шерстистый носорог, лошадь, северный олень, бизон
Дзержислав	Шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень, гигантский олень
Молодова-5	Шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень, благородный олень
Бетово	Мамонт, шерстистый носорог
Хотылево	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень, благородный олень
Сухая Мечетка	Мамонт, сайга, лошадь, бизон
Ельники II	Трогонтериевый слон
Большая Глухая	Северный олень, гигантский олень
Пещерный Лог	Сайга

Окончание табл. 2

1	2
Западная Сибирь	
Богдановка	Мамонт, шерстистый носорог, сайга, лошадь, бизон, северный олень, благородный олень
Пещера Окладникова	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень, сибирский горный козел, благородный олень, европейский плейстоценовый осел, баран
Денисова пещера	Мамонт, шерстистый носорог, сайга, бизон, северный олень, сибирский горный козел, европейский плейстоценовый осел, монгольский дзерен, благородный олень, баран
Усть-Канская пещера	Шерстистый носорог, лошадь, европейский плейстоценовый осел, сибирский дзерен, монгольский дзерен, баран
Кара-Бом-1, -2 (мустье)	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, сибирский горный козел, сибирский баран
Чагырская пещера-6a, b/2, c/2	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон*, як, северный олень, благородный олень, сибирский горный козел, баран
Центральная, Восточная Сибирь	
Усть-Ижуль	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень, благородный олень
Двуглазка-5–7	Шерстистый носорог, сайга, лошадь, бизон, благородный олень
Хотык-4–6	Шерстистый носорог, лошадь, бизон, монгольский дзерен, благородный олень, баран
Мунгхарыма	Мамонт, шерстистый носорог, лошадь (?), бизон (?), северный олень (?)

*Значительное количество.
**Доминирующие.

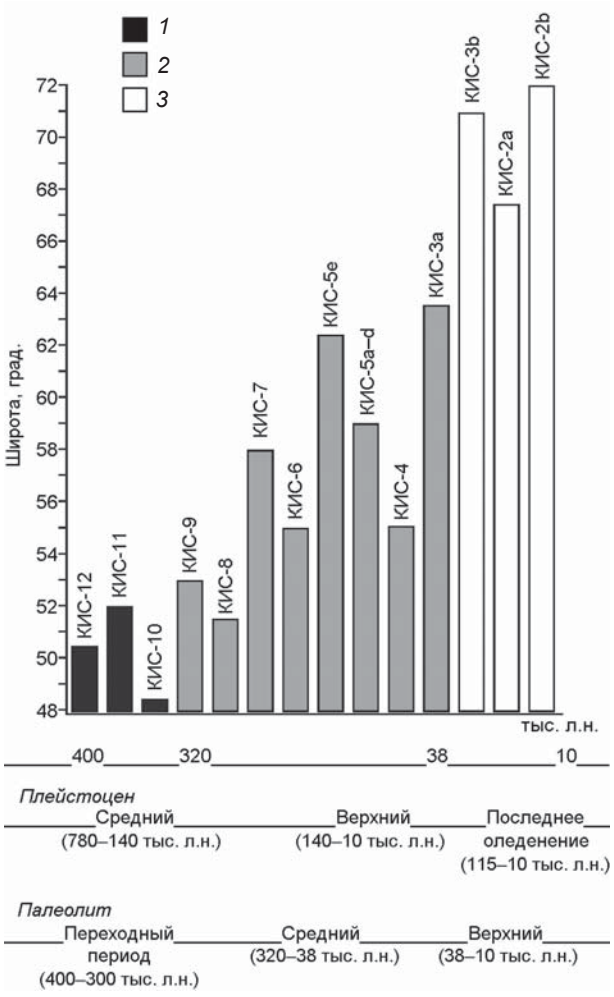
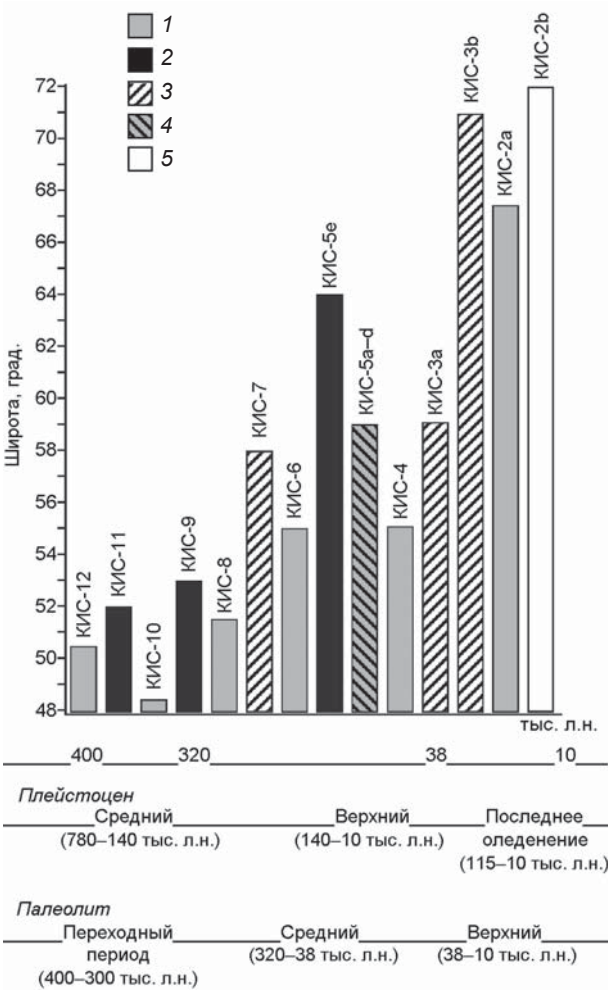


Рис. 2. Изотопные стадии плейстоцена.
1 – переходный период палеолита; *2* – средний палеолит; *3* – верхний палеолит.

в суровых палеоклиматических условиях «палеокультурной ойкумены холодного пространства» в биогеографии человека [Bosinski, 1982; Cyrek, 2010; Foltyn, Kozłowski, Waga, 2010; Nat, 1972; Slimak et al., 2011]. Существование в «криоусловиях» предполагает специализированное использование пространства и формирование особого образа жизни, в т.ч. основ среднепалеолитических культурных достижений. Данный образ жизни ни в коей мере не подразумевает скитаний в пустынной глуши (ср.: [Hoffecker, 2002]). Те 79 среднепалеолитических местонахождений, которые указаны в табл. 1 и на карте в настоящей статье, – лишь малая часть стоянок, существовавших когда-то в Северной Евразии. Вероятно, какое-то количество стоянок исчезло в результате геоморфологических процессов и можно предположить, что ареал и плотность среднепалеолитических местонахождений в действительности были больше.

Сопоставление плейстоценовых морских изотопных стадий с основными единицами периодизации палеолита и этапами колонизационных процессов по географическим широтам (рис. 2), а также этапов колонизационных движений популяций на север до максимального градуса северной широты, достигнутого мигрантами с биоклиматическими характери-

Рис. 3. Стадии адаптации в заселении Северной Евразии и Берингии.
1 – продвижение во время стадиалов; *2* – интергляциалы; *3* – умеренные или прохладные интергляциалы или интерстадиалы; *4* – раннее оледенение – умеренное или холодное; *5* – тардигляциал – период отступления последнего максимума оледенения и переход к неотермалу голоцена.



стиками изотопной стадии (рис. 3) позволяет увидеть фазы наступлений и отступлений, описывающие два основных тренда движения человеческих популяций по линии север – юг согласно биоклиматическим циклам в плейстоцене. Движение на север сначала совпадает с теплыми или умеренными эпизодами в начале среднего плейстоцена, а в последующем – со стадиалами и достигает кульминации в период верхнего палеолита; во время стадиалов или осцилляций климата человек появляется во все более высоких широтах [Roebroeks, Conard, van Kolfschoten, 1992].

Среднепалеолитическое заселение Европы начинается во время КИС-8 (Месвин IV, Ариендорф 1, Макклиберг, Бисник, Розумице-3), продолжается во время КИС-6 (Комб-Греналь, Сен-Анн J1, Бовэ, Котт-Сэнт-Брелад 3, 6, Аченхейм 74, Швайнскопф, Ваннен, Охтмиссен, Дзержислав) (рис. 3). Эта тенденция нарастает во время позднего плейстоцена: КИС-5b, -5d (Бетово, Хотылево, Складина 5), КИС-4 (Комб-Греналь, Вергиссон IV, Мон-Дол, Линфорд, Лихтенберг, Зволень, Рациборж-Очице), КИС-3 (Бызовая). Материалы по Сибири могут свидетельствовать о заселении территории в доверхнепалеолитический период во время умеренных или теплых эпизодов [Arkhipov, 1999], т.к. здесь требовалось больше усилий для адаптации к гиперконтинентальному климату. Недавние открытия в Европе среднепалеолитических местонахождений, относящихся к стадиалам, допускают возможность нахождения таких же объектов в Сибири, это могут быть местонахождения Куртака [Drozdov, Chlachula, Chekha, 1999] и «макаровского пласта», относящиеся, вероятно, к КИС-4.

Адаптационные стратегии

Развитие интеллекта и приобретение культурных навыков, экологический полиморфизм сделали возможным заселение человеком высокоширотных территорий с продолжительными полярными ночами и гиперконтинентальным климатом. Подвиды палеоантропов (неандертальцы, архаические люди современного физического типа) были способны развить навыки освоения этих пространств и сезонных передвижений в различных топографических, биотопических и метеорологических условиях. Многие местонахождения являются свидетельствами приспособления палеоантропов к различным особенностям местности: пересеченный ландшафт – местонахождение Сен-Анн J1 центрального массива [Sainte-Anne 1…, 2007, p. 24], биоклимат – стоянка Эйфел-Бэйсин [Bosinski, 1986a; Turner, 1990], комплекс этих условий – позднеплейстоценовые среднепалеолитические памятники пещер Окладникова, Денисовой, Усть-Канской, стоянка Кара-Бом на Алтае [Деревянко и др., 2003; The Paleolithic of Siberia…, 1998], топографические, высотные, узколокальные и перигляциальные климатические контрасты – стоянки в Забайкалье [Лбова, 2000; Лбова и др., 2003].

Остатки обожженных костей, которые находят в Сибири, редко связаны с кострищами*. Это может быть связано с наличием такого доступного ресурса, как сибирская лиственница (*Larix sibirica*), быстро растущего и выносливого дерева, древесина которого

*Устное сообщение К. Тёрнера, Новосибирск, 2003.

является прекрасным топливом, позволяющим поддерживать медленное и длительное горение костра [Suslov, 1961, p. 36–37].

Эксплуатация пищевых ресурсов животного происхождения

Наблюдения древнего человека, касающиеся особенностей биоклиматических условий и поведения копытных, способствовали эффективному использованию им ландшафта и ресурсов (см. рис. 2), а также выработке стратегий мобильности [Kelly, 1983]. На месте нынешнего пролива Ла-Манш и Зеландского хребта в периоды низкого уровня моря во время максимума оледенений существовали перешейки с перигляциальной тундрой (в которой водились крупные млекопитающие), палеореками и стоянками неандертальцев, ныне покрытыми Северным морем [Hublin et al., 2009; Tuffreau, Marcy, 1988, p. 4, fig. 1]. На утесах береговой линии Северной Бретани и Нормандии находят скопления стоянок среднепалеолитических наблюдателей за дичью (Роше-Тоннер, Гоарева, Тринит, Мон-Дол, Котт-Сэнт-Брелад и Котт а ля Шевр) [Monnier, 1980, fig. 230, 235]. Геоморфологическое положение стоянок Котт-Сэнт-Брелад и Котт а ля Шевр на о-ве Джерси показывает на сдвиг мест обитания человека в связи с изменениями береговой линии во время флюктуаций ледникового периода [La Cotte de St. Brelade…, 1986, fig. 31, *2*, *5*].

Стоянка-мастерская Макклиберг в Восточной Германии расположена на выходах каменного сырья на р. Пляйсе, в ленточно-гравийных отложениях, сформированных во время КИС-8 гляциальным озером около кромки ледникового щита Дренте-Заале [Mania, 1998, fig. 23]. Воды тающего ледникового щита обеспечивали биотическое богатство степного ландшафта, привлекавшего шерстистых мамонтов, носорогов, лошадей – излюбленную добычу охотников [Grahmann, 1955, fig. 2]. Материалы местонахождений одерского стадиала КИС-8 Бисник, Тржебка, Томашув, Розумице-3 в Южной Польше свидетельствуют о существовании миграционного транзитного пути вдоль края ледника [Foltyn, Kozłowski, Waga, 2010, p. 107] и/или позволяют отнести эту территорию к постоянному ареалу мобильных охотников и собирателей. В Минусинской котловине в лесостепной зоне недалеко от слияния рек Енисей и Усть-Ижуль в Куртакском археологическом районе на 55.1° с.ш. зафиксировано место разделки мамонта, носорога и бизона Усть-Ижуль [Chlachula, Drozdov, Ovodov, 2003; Drozdov, Chlachula, Chekha, 1999], относящееся к казанцевскому времени (КИС-5е).

Постоянное заселение мамонтовой степи

Широкое распространение среднепалеолитических стоянок по всей территории Евразии предполагает формирование у древнего человека образа жизни, основанного на хищнической диете, природных инстинктах и культурных достижениях, который позволял сохранять навыки выживания при перемещении на значительные расстояния и изменении природной среды. Согласно европейским материалам, начиная со среднеплейстоценовых стадиалов поступательно развивались стратегии выживания, направленные на эксплуатацию биоресурсов приледниковой зоны. Шерстистые мамонты служили постоянным пищевым ресурсом для обитателей территории Англии во время последнего ледникового максимума [Lister, 2009] и высокоширотных пространств Финляндии и Урала во время межледниковий или интерстадиалов. В Северо-Восточной Европе и Сибири с гиперконтинентальным климатом постоянное заселение во время стадиалов вплоть до позднего плейстоцена проявляется не столь отчетливо.

Массовая миграция населения из мамонтовых степей во время холодных флюктуаций позднего плейстоцена была невозможна из-за слишком многих трудностей. Перемещение популяций в сторону гипотетических рефугиумов в Причерноморье, на побережье Каспийского моря или в Центральную Азию потребовало бы преодоления больших расстояний, что могло отрицательно сказаться на репродуктивных возможностях рассеянных на огромном пространстве малочисленных групп населения ввиду утраты прежних социальных связей и незнания местных ресурсов. Мигрирующие группы, вынужденные искать долины с благоприятной природной обстановкой к югу от степей Центральной Азии [Olsen, 1987; 1992], должны были бы преодолевать пустыни, плато, глубокие впадины, альпийские ледники и горы [Suslov, 1961]. Подъем земной коры в центре Азии в четвертичный период [Yongqiu et al., 2001] вызвал расширение аридной зоны, а понижение температуры обусловило падение продуктивности биомассы. В этих условиях миграция на юг была вряд ли возможна: скорее всего, люди предпочитали жить в сухих степях, в которых обитали обширные стада копытных животных [Орлова и др., 2000, рис. 1–5; Верещагин, 1971; Зенин, 2002, с. 42]. Этим может объясняться относительная немногочисленность верхнепалеолитических местонахождений в Центральной Азии [Davis, Ranov, 1999, p. 186, 191–192; Vishnyatsky, 1999].

Стратегия использования ландшафта, базирующаяся на глубоком знании источников воды и пищевых ресурсов, делала человеческие популяции Северо-Восточной Европы и Сибири менее зависимыми от частых микроклиматических колебаний [Матасо-

Таблица 3. **Стадии заселения Северной Евразии**

Дата, тыс. л.н.	Зона	Стадия развития культуры	Эпоха
10–30	IV	Апогей, «классический» период	Верхний палеолит
30–40	III	Становление, начальный период	Переходный период от среднего к верхнему палеолиту
40–50	II	Зарождение	Средний палеолит
50–300	I	Освоение, формативный период	Переходный период от нижнего к среднему палеолиту
Ранее 300	0	Ранние стадии «биогеографии человека»	Ранняя переходная стадия палеолита
600–1 400	–	Начальное заселение Евразии	Нижний палеолит

ва и др., 2001]. Она могла формироваться на основе опыта применения разнообразных эффективных технологий и накопленных знаний о сезонах охоты на животных определенных видов, например, о жизненных циклах северного оленя [Haber, Walters, 1980]. Люди, вероятно, умели прогнозировать характер изменений ресурсной базы в течение года, ловить пресноводную рыбу (свидетельства обнаружены в пещерах Усть-Канская, Денисова, на стоянке Усть-Каракол-1). При мезоклиматических изменениях они должны были своевременно переселяться с открытых холодных равнин в близлежащие изолированные от воздействий неблагоприятного климата долины предгорий, гор и межгорные котловины [Suslov, 1961, p. 12, 68, 242], как например, это случалось на территории Алтае-Саян [Современные проблемы…, 2001, с. 74].

Культурно-историческое развитие и модель адаптационной зональности

Траектория постепенного заселения Северной Евразии до Северного полярного круга может рассматриваться как объект периодизации, наиболее поздние отделы которой включают верхний палеолит [Археология…, 1998; Escutenaire, 1994; Larichev, Khol'ushkin, Laricheva, 1988, 1990, 1992; Pavlov, Indrelid, 2000; Pavlov, Roebroeks, Swendsen, 2004; Vassil'ev, 1992] (табл. 3).

Процессы развития человека, происходившие в плейстоцене, достигают апогея в специализированных адаптационных стратегиях его жизни в приполярных и субарктических зонах Евразии и Северной Америки в эпоху голоцена [Clark, 1975; Cooper, 1946; Народы Сибири, 1956; McGhee, 1996; Okladnikov, 1962; Prehistoric Foragers…, 2003].

Формативная стадия верхнего палеолита

Если рассматривать средний палеолит не как обычную археологическую эпоху, а как важный этап развития человека [Childe, 1944; Roe, 1982; Rolland, 1999], то необходимо отметить, что в это время начала формироваться палеолитическая ойкумена, человеческие стоянки появились на всем «холодном пространстве» Северной Евразии [Bosinski, 1963, 1982, 1983; Nat, 1971, 1972, 1974; Rolland, 2001, 2008]. Свидетельствами этих процессов являются недавно открытые памятники в Северной Европе: Котт-Сэнт-Брелад, Линфорд, Понтньюидд, Бовэ, Месвин IV, Лихтенберг, Охтмиссен, Сусилуола. На огромном материковом пространстве от Урала до Лены, видимо, сохранялись свободные ото льда коридоры, в которых проживали человеческие сообщества. Огромная человеческая экосистема включала среднепалеолитические стоянки в Центральной Азии: Тешик-Таш, Ангилак, Кульбулак, Аман-Кутан, Амир-Темир, Оби-Рахмат [Davis, Ranov, 1999; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Современные проблемы…, 2001; Glantz et al., 2003; Nat, 1971; Вишняцкий, 1996; Vishnyatsky, 1999]. По мере углубления исследований список среднепалеолитических стоянок в высоких широтах Северной Евразии (Сусилуола*, Гарчи I,

*Открытие Сусилуолы, или Волчьей пещеры, – изолированной стоянки, расположенной в высоких широтах (62.2° с.ш.) [The Susiluola…, 1999–2003; Norrman, 1993–1997; Schultz, 1998], вызвало волну скептицизма и дебатов по поводу как самих археологических находок, так и их контекста. По мнению критиков, найденные «геофакты» больше похожи на щебень, добываемый в местных карьерах [Schultz, 2010, p. 47; Вишняцкий, Питулько, 2012, с. 8–10]. Исследователи местонахождения не соглашаются с такой оценкой и при обосновании своей позиции ссылаются на петрографические характеристики предметов, их фотографии, таблицы и графики [Schultz, 2000–2001, 2010; Schultz et al., 2002]. В составе коллекции имеются продукты морозного и механического воздействия, криотурбации и т.д., а также предметы, форма которых не может быть объяснена геологическими процессами. Это поддерживает предварительное определение комплекса Сусилуолы как среднепалеолитической индустрии, созданной человеком во время Эемского межледниковья (КИС-5е) [Niemelä, Jungner, 1989–1990; Hütt et al., 1993]. Слои IV и V содержат много отщепов и нуклеусов со следами искусственного раскалывания [The Susiluola…, 1999–2003; Schultz, 2010,

Ельники II, Пещерный Лог, Большая Глухая, Хвалынск, Бызовая, Диринг-Юрях, Чирикуо, Мунгхарыма), несомненно, будет расширен.

Возникновение верхнего палеолита

Гипотеза о моноцентрическом характере «верхнепалеолитической революции», связанной с распространением анатомически современных людей из Африки или с Ближнего Востока [Bar-Yosef, 2002; Mellars, 2006], вызывает сомнения, поскольку материалы, выявленные во многих регионах Евразии, свидетельствуют о возникновении верхнего палеолита в нескольких центрах [Clark, Riel-Salvatore, 2009; Деревянко, 2009, 2011; Characteristic Features…, 2011; Kuzmin, 2007; Otte, 1994; Teyssandier, 2008; Vishnyatsky, 2005; Djindjian, Kozłovski, Bazile, 2003]. Верхний палеолит формируется на основе предшествующего среднего палеолита в условиях полицентризма в результате непрерывной эволюции [Вишняцкий, 2000; 2008]. Материалы разбросанных на обширном пространстве местонахождений позднего этапа среднего палеолита (Бызовая, 28,5 тыс. л.н.; Двуглазка, 27,2 тыс. и 26,6 тыс. л.н.; Арышевское-2 (-6), 33,6 тыс. л.н.; Мохово II, 30,3 тыс. л.н.; пещера Окладникова, 33,3 и 37,4 тыс. л.н.) нуждаются в тщательном рассмотрении ввиду того, что они по времени совпадают с индустрией раннего верхнего палеолита первой половины КИС-3. В результате развития и унификации культуры на всей территории Евразии (включая Субарктику и Арктику) формировался классический верхний палеолит.

Колонизация Арктики в голоцене

Навыки и традиции, сформированные общностями эпох плейстоцена, явились основой для специализированной культурной адаптации к условиям приполярной зоны, включающей незаселенные суровые пространства Канадской Арктики. Поведенческие традиции, сложившиеся в среде обитателей побережья Берингова и Чукотского морей, распространились через Аляску на территории Арктической Канады и Западной Гренландии [Eastern Arctic Prehistory…, 1976; McGhee, 2001; Rolland, Cinq-Mars, 2011; Rudenko, 1961; Sheehan, 1985; Wright, 2001]. Популяции, представляющие предорсетский культурный горизонт, отличались высокой мобильностью, культурной гомогенностью и ориентировались на добычу наземных млекопитающих (овцебык, северный олень), а также, в меньшей степени, тюленей и рыбную ловлю. В более холодный период развитого дорсета их умения продолжали совершенствоваться путем комбинирования промысла как наземных, так и морских (морж, тюлень) млекопитающих. Позже быстрое распространение групп носителей культуры Туле (инуитов), владевших развитыми технологиями добычи морских млекопитающих, сопровождалось вытеснением местного населения.

Заключение

Заселение высоких широт Евразии было невозможно без развития комплекса культурных навыков, необходимых для выживания в сложной среде обитания. Развитие этих навыков, истоки которых находились в среднем плейстоцене, продолжалось очень долго. Имеются прямые свидетельства того, что биогеографические особенности формативной стадии среднего палеолита начали складываться задолго до ее начала в культуре представителей предшествующего периода. Когда было достигнуто соответствие набора этих навыков особенностям биомов мамонтовых степей, заселение Севера, несмотря на все биоклиматические флюктуации, стало долговременным трендом в распространении человеческих популяций. Экологическая диверсификация и культурная интенсификация гоминидов [Bader, 1965; Otte, 1994; Отт, Козловский, 2001; Semenov, 1970; Zeuner, 1963] усиливалась в высоких широтах континентальной части Евразии во время верхнего палеолита и голоценового мезолита Старого Света, а также архаического периода в Америке.

Благодарности

За консультации и предоставление ценной информации выражаю глубокую благодарность коллегам и научным учреждениям Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии, Польши, Финляндии, России. Отдельная благодарность – профессору Института языка, литературы и истории Республики Коми П.Ю. Павлову (г. Сыктывкар) и особенно академику

---

fig. 4–10; Schultz et al., 2002, fig. 8, 1–3]. Особенно характерен пластинчатый отщеп из кварца.

Независимый анализ структурных элементов слоя внутри пещеры выявил следы антропогенной деятельности. Были обнаружены две частично сохранившиеся «мостовые», образовавшиеся в результате утаптывания гравийного покрытия в зоне пещеры с наиболее высоким потолком. Слой IV-2 на участке общей площадью 7,4 м² содержал инситные артефакты и имел ровную поверхность [Schultz et al., 2002, fig. 3]. У задней стенки пещеры на участке площадью 1 м² прослежены непотревоженные отложения. В пределах слоя X находилась линзовидная овальная структура тощиной 10 см и размерами 1,1–1,9 м [Schultz, 2010, fig. 3]. Согласно данным геохимического анализа, линза включала угольки многократно использовавшегося кострища. В ней не обнаружены следы марганца. Установлено, что линза не могла быть связана с нерегулярными лесными пожарами.

РАН А.П. Деревянко и его коллегам из Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), д-ру геогр. наук Я.В. Кузьмину из Института геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск) и д-ру ист. наук Л.Б. Вишняцкому из Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) за ценные комментарии и советы, высказанные в связи с подготовкой данной статьи. Выражаем признательность канадскому коллеге Жаку Синк-Марсу, который подсказал многие идеи, ставшие основой этой статьи, а также предоставил сведения «из первых рук» по археологии и этнографии Юкона и поделился знаниями по палеолиту Сибири.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / под ред. А.П. Деревянко, А.К. Агаджаняна, Ф.Ф. Барышникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 174 с.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Материалы по фаунам антропогена СССР. – Л.: Наука, 1971. – Вып. XLIX. – С. 123–198.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европ. дом, 1996. – 214 с.

Вишняцкий Л.Б. Верхнепалеолитическая революция: география, хронология, причины // Stratum plus. Cultural Anthropology, Archaeology. – 2000. – № 1. – С. 245–266.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – 248 с.

Вишняцкий Л.Б., Питулько В.В. Сусилуола, Бызовая и вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе // Transactions of the Inst. for the History of Material Culture, St. Petersburg. – 2012. – Iss. 7. – P. 7–15.

Гуслицер Б.И., Лосева Е.И. Верхний кайнозой Печорской низменности. – Сыктывкар: АН СССР, отд. Респ. Коми, 1979. – 24 с. – (Науч. докл.; № 43).

Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении северо-востока Европы. – Сыктывкар: АН СССР, отд. Респ. Коми, 1987. – 24 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Материалы стоянок сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 40–43.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 129–132.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–54.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Ф.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 22–44.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец Л.В., Дергачева М.И., Феденева И.К., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Зыкина В.С., Чиркин К.С. Реконструкция древней природной среды и палеоклимата магнитными методами на археологических памятниках Средней и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 2–16.

Мочанов И.Е., Федосеева С.А. Ноосфера и археология // Наука и техника в Якутии. – 2001. – № 1. – С. 28–33.

Мочанов И.Е., Федосеева С.А. Археология палеолита Северо-Восточной Азии: внетропическая прародина человечества и древнейшее заселение человеком Америки. – Якутск: АН Республики Саха (Якутия), 2002. – 60 с.

Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зенин В.Н., Дементьев В.Н. Динамика и условия существования популяций мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) в позднеледниковье в Северной Азии // Геология и геофизика. – 2003. – № 8. – С. 809–818.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зольников И.Д. Пространственно-временные аспекты истории популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) и древний человек в Сибири (по радиоуглеродным датам) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 31–41.

Отт М., Козловский Я.К. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 51–62.

Современные проблемы евразийского палеолитоведения / под ред. А.П. Деревянко, Г.И. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 431 с.

Arkhipov S.A. Natural habitat of early man in Siberia // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 133–140.

Bader O.N. The Palaeolithic of the Urals and the peopling of the North // Arctic Anthropol. – 1965. – Vol. III, N 1. – P. 77–90.

Bar-Yosef O. The Upper Paleolithic Revolution // Ann. Rev. of Anthropol. – 2002. – Vol. 33. – P. 363–393.

Baumann W., Mania D. Die Paläolithische Neufunde von Markkleeberg bei Leipzig. – Dresden: Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte, 1983. – 280 S.

Bosinksi G. Eine mittelpaläolitische Formengruppe und das Problem ihrer geochronologischen Einordnung // Eiszeitalter und Gegenwart. – 1963. – Bd. 14. – S. 124–140.

Bosinski G. The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northwestern Germany // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man / ed. A. Ronen. – Oxford: BAR, 1982. – Vol. 151. – P. 165–175.

Bosinski G. Eiszeitjäger im Neuwieder Becken. Archäologie an Mittelrhein und Mosel 1. – Koblenz: Landesamt für Denkmalpflege, 1983. – 112 S.

Bosinski G. Archäologie des Eiszeitalters. Vulkanismus und Lavaindustrie am Mittelrhein. – Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1986a. – 38 S.

Bosinski G. Chronostratigraphie du Paléolithique inférieur et moyen en Rhénanie // Chronostratigraphie et faciès culturels du Paléolithique inférieur et moyen dans l'Europe du Nord-ouest / eds. A. Tuffreau, J. Sommé. – P.: [s.n.], 1986b. – N 26. – P. 15–34.

Bosinski G. General Discussion // Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400-50 k-years ago / eds. A. Ronen, M. Weinstein-Evron. – Oxford: BAR, 2000. – Vol. 850. – P. 228.

Bourgignon L. Le débitage Quina de la couche 5 de Sclayn: éléments d'interprétation // Recherches aux de grottes de Sclayn / eds. M. Otte, M. Patou-Mathis, D. Bonjean. – Liège: E.R.A.U.L., 1998. – Vol. 79. – P. 249–276.

Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia / eds. A.P. Derevianko, M.V. Shunkov. – Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeol. and Ethnogr. SB RAS, 2011. – 226 p.

Childe V.G. Archaeological ages as technological stages // J. of the Royal Anthropol. Inst. – 1944. – Vol. 74. – P. 7–24.

Chlachula J. Environmental context of Pleistocene peopling of the Central Urals // Quaternary Intern. – 2009. – DOI: 10.1016/j.quaint.2009.08.012

Chlachula J. Climate History and Early Peopling of Siberia // Earth and Environmental Science / eds. I.A. Dar, M.A. Dar. – [S.l.]: Tech Publications, 2011. – P. 495–538.

Chlachula J., Drozdov N., Ovodov N.D. Last Interglacial peopling of Siberia: the Middle Palaeolithic site Ust'Izhul', the upper Yenisei area // Boreas. – 2003. – Vol. 32. – P. 506–520.

Clark G.A., Riel-Salvatore J. What's in a name? Observations on the compositional integrity of the Aurignacian // The Mediterranean from 50,000 to 25,000 BP: Turning Points and New Directions / eds. M. Camps, C. Szmidt. – Oxford: Oxbow Books, 2009. – P. 323–338.

Clark J.G.D. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. – Cambridge: Univ. Press, 1975. – 307 p.

Cooper J.M. The Culture of the Northeastern Indian Hunters: A Reconstructive Interpretation // Man in Northeastern North America / ed. F. Johnson. – Andover: Peabody Foundation for Archaeology, 1946. – P. 272–305.

Cyrek K. The Biśnik Cave in Southern Poland: reconstruction of the Palaeolithic cave habitation in relation to the environmental change // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas / eds. J.M. Burdikiewicz, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – Vol. XLI: Studia Archeologiczne. – P. 69–93.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropol. – 1999. – Vol. 8, N 5. – P. 186–193.

Djindjian F., Kozłowski J., Bazile F. Europe during the early Upper Palaeolithic 29 (40,000–30,000 BP): a synthesis // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / eds. J. Zilhaõ, F. d'Errico. – Lisboa: Trabalhos de arqueologia, 2003. – P. 29–48. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Drozdov N.I., Chlachula J., Chekha V.P. Pleistocene environments and palaeolithic occupation of the Northern Minusinsk Basin, southern Krasnoyarsk region // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 141–155.

Eastern Arctic Prehistory: Paleoeskimo Problems / ed. M.S. Maxwell. – Wash.: Soc. for Am. Archaeol., 1976. – 170 p.

Escutenaire M. La transition paléolithique moyen/supérieur de Sibérie. Première partie: les données // Préhistoire Européenne. – 1994. – Vol. 6. – P. 9–76.

Foltyn E., Kozłowski J.K., Waga J.M. Geochronology and environment of the pre-Eemian Middle Palaeolithic in Southern Poland // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas / eds. J.M. Kozłowski, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – Vol. XLI: Studia Archeologiczne. – P. 95–115.

Glantz M., Suleymanov R., Hughes P., Schauer A. Anghilak cave, Uzbekistan: documenting Neandertal occupation at the periphery // Antiquity. – 2003. – Vol. 77, N 295. – P. 1–4.

Grahmann R. The Lower Palaeolithic site of Markkleeberg and other comparable localities near Leipzig. – Philadelphia: Transactions of the Am. Philos. Soc., NS, 1955. – Vol. 45, pt. 2. – P. 509–627.

Gualtieri L., Vartanyan S.I., Brigham-Grette J., Anderson P.M. Evidence of an ice-free Wangel Island, northeast Siberia during the Last Glacial Maximum // Boreas. – 2005. – Vol. 34. – P. 264–273.

Haber G.C., Walters C.J. Dynamics of the Alaska-Yukon caribou herds and management implications // Proc. of the Intern. Reindeer/Caribou Symposium, Røros, Norway / eds. E. Gaare, S. Skjenneberg. – Trondheim: [s.n.], 1980. – P. 645–660.

Hoffecker J.F. Desolate landscapes. Ice-Age Settlement in Eastern Europe. – New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2002. – 298 p.

Hublin J.-J., Weston D., Gunz P., Richards M., Roebroeks W., Glimmerveen J., Anthonis L. Out of the North Sea: the Zeeland Ridge Neandertal // J. of Human Evol. – 2009. – DOI: 10.1016/j.hevol.2009.09.001

Hütt G., Jungner H., Kujansu R., Saarnisto M. OSL and TL dating of buried podsols and overlying sands in Ostrobothnia, western Finland // J. of Quaternary Sci. – 1993. – Vol. 8, N 2. – P. 125–132.

Junkmanns J. Die Steinartefakte aus Achenheim in der Sammlung Paul Wernert // Archäologisches Korrespondenzbl. – 1991. – Bd. 21. – S. 1–16.

Kelly R.L. Hunter-gatherer mobility strategies // J. of Anthropol. Research. – 1983. – Vol. 39. – P. 277–306.

Kienast F., Schirrmeister L., Siegert C., Tarasov P. Palaeobotanical evidence for warm summers in the East Siberian Arctic during the last cold stage // Quaternary Research. – 2005. – DOI: 10.1016/j.yqres.2005.01.003

Kurteń B. Fossil and Subfossil Mammals in Finland // Memoranda Societatis Fauna Flore Fennica. – 1988. – Vol. 64. – P. 5–39.

Kuzmin Y.V. Chronological framework of the Siberian Paleolithic: recent achievements and future directions // Radiocarbon. – 2007. – Vol. 49, N 2. – P. 757–766.

La Cotte de St. Brelade 1961–1978: Excavations by C.B.M. McBurney / eds. P. Callow, J. Cornford. – Norwich: Geo Books, 1986. – 433 p.

Larichev V., Khol'ushkin U., Laricheva I. The Upper Paleolithic of Northern Asia: Achievements, Problems, and Perspectives. I. Western Siberia // J. of World Prehistory. – 1988. – Vol. 2, N 4. – P. 359–396.

Larichev V., Khol'ushkin U., Laricheva I. The Upper Paleolithic of Northern Asia: Achievements, Problems, and Perspectives. II. Central and Eastern Siberia // J. of World Prehistory. – 1990. – Vol. 4, N 3. – P. 347–385.

Larichev V., Khol'ushkin U., Laricheva I. The Upper Paleolithic of Northern Asia: Achievements, Problems and Perspectives. III. Northeastern Siberia and the Russian Far East // J. of World Prehistory. – 1992. – Vol. 6, N 4. – P. 441–476.

Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. – P.: Albin Michel, 1964. – Vol. I. – 326 p.

Lister A. Late-glacial mammoth skeleton (*Mammuthus primigenius*) from Condover (Shropshire, UK): anatomy, pathology, taphonomy and chronological significance // Geol. J. – 2009. – Vol. 44. – P. 447–449.

Mania D. Die ersten Menschen in Europa. – Stuttgart: Konrad Theiss Verl., 1998. – 101 S.

Mangerud J., Astakhov V., Sevendsen J.-I. The extent of the Barents-Kara ice sheet during the Last Glacial Maximum // Quaternary Sci. Rev. – 2002. – Vol. 21. – P. 111–119.

McGhee G.R. The Late Devonian Mass Extinction: The Frasnian/Famennian Crisis. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1996. – 303 p.

McGhee J.R. Ancient people of the Arctic. – Vancouver: UBC Press, 2001. – 244 p.

Mellars P.A. Archaeology and the dispersal of modern humans in Europe. Deconstructing the "Aurignacian" // Evolutionary Anthropol. – 2006. – Vol. 15. – P. 167–182.

Monnier J.L. Le paléolithique de la Bretagne dans son cadre géologique. Travaux du laboratoire d'anthropologie, préhistoire, protohistoire et quaternaire armoricain. – [S.l.]: Univ. de Rennes, 1980. – 607 p.

Nat D. Eléments de préhistoire et d'archéologie nord-sibériennes. (Contributions du Centre d'Ētudes Arctiques et Finno-Scandinaves; N 9, fasc. 1.) – P.: Ecole Pratiques des Hautes Etudes-Sorbonne, 1971. – 258 p.

Nat D. Pour une paléoanthropologie des espaces froids // Inter-Nord. – 1972. – N 12. – P. 210–233.

Nat D. Le Néolithique baïkalien // Inter-Nord. – 1974. – N 13/14. – P. 181–204.

Niemelä J., Jungner H. Thermoluminescence dating of late Pleistocene sediments related to till-covered eskers from Ostrobothnia, Finland // Geological Survey of Finland. – 1989/1990. – Vol. 12. – P. 135–138.

Norrman R. Wolf Cave – Varggrottan – Susiluola. A Pre-Ice Age Archaeological Find in Lappfjärd, Finland // Studia Archaeologica Ostrobothniensia – [S.n.], 1993–1997. – P. 131–137.

Okladnikov A.P. The temperate zone of continental Asia // Courses Toward Urban Life / eds. R.J. Braidwood, G.R. Willey. – Chicago: Aldine, 1962. – P. 267–287.

Olsen J.W. Prehistoric land use and desertification in northwest China // MASCA J. – 1987. – Vol. 4, N 3. – P. 103–109.

Olsen J.W. Digging Beneath the Silk Road // Natural History. – 1992. – Vol. 9. – P. 30–38.

Otte M. Origine de l'homme moderne: Approche comportementale // Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris. – 1994. – Vol. 238. – Sér. II. – P. 267–273.

Pavlov P., Indrelid S. Human occupation in Northeastern Europe during the period 35,000–18,000 BP // Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: Univ. Press, 2000. – P. 165–172.

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.E. The Pleistocene colonization of northeastern Europe: a report on recent research // J. of Human Evol. – 2004. – Vol. 47, N 1/2. – P. 3–17.

Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia. Northern Hunter-Gatherers Research Series 1. Baikal Archaeology Project / eds. A. Weber, H. McKenzie. – [S.l.]: Canadian Circumpolar Inst. Press, 2003. – 215 p.

Roe D.A. The transition from Lower to Middle Palaeolithic with particular reference to Britain // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man / ed. A. Ronen. – Oxford: BAR, 1982. – Vol. 151. – P. 177–191.

Roebroeks W., Conard N., Kolfschoten T., van. Dense Forests, Cold Steppes, and the Palaeolithic Settlement of Northern Europe // Current Anthropol. – 1992. – Vol. 33, N 5. – P. 551–586.

Roebroeks W., Kolen J., Rensink E. Planning depth, anticipation and the organization of Middle Palaeolithic technology: the "archaic natives" meet eve's descendants // Helinium. – 1988. – Vol. XXVIII. – P. 17–34.

Rolland N. Variabilité et classification: nouvelles données sur le "complexe moustérien" // L'homme de Néandertal / ed. M. Otte. – Liège: E.R.A.U.L. – 1988. – Vol. 4: La technique. – P. 169–183.

Rolland N. Variabilité du Paléolithique moyen: nouveaux aspects // Paleolithique moyen recent et Paleolithique superieur ancien en Europe. Ruptures et transitions: examen critique des documents archéologiques / ed. C. Farizy. – Nemours: [s.n.], 1990. – P. 69–76. – (Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France; N 3).

Rolland N. The Middle Palaeolithic as Development stage: Evidence from technology, subsistence, settlement systems, and hominid socio-ecology // Hominid Evolution. Lifestyles and Survival Strategies / ed. H. Ullrich. – Schwelm: Archaea, 1999. – P. 209–221.

Rolland N. The Colonization and Occupation of Eurasia's Westernmost Region: The Lower and Middle Palaeolithic Stages in Adapting to the European Continent's Middle and Higher Latitudes // On Being First: Cultural Innovation and Environmental Consequences of First Peopling / eds. J. Gillespie, S. Tupakka, C. de Mille. – Calgary: Chacmool, 2001. – P. 307–322.

Rolland N. The Pleistocene hominid peopling of Northern Eurasia: Middle Palaeolithic adaptive threshold // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: мат-лы Междунар. конф. (3–5 дек. 2007 г.). – М.: ИГ РАН, 2008. – С. 48–52.

Rolland N., Cinq-Mars J. The Middle to Upper Palaeolithic transition in Eurasia and Neanderthal "extinction": analogies from the Cis-Baikal Neolithic of Siberia and Canadian Arctic culture history // Characteristic Features of the Middle to Upper Palaeolithic Transition in Eurasia / eds. A.P. Derevianko, M.V. Shunkov. – Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeol. and Ethnogr. SB RAS, 2011. – P. 180–185.

Rudenko S.I. The Ancient Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem. – Toronto: Univ. Press, 1961. – 186 p.

Sainte-Anne 1, Sinzelles, Polignac, Haute-Loire. Le Paléolithique moyen de l`unite j1 / ed. J.-P. Raynal. – Laussonne: CDERAD, 2007. – 265 p. – (Les dossiers de l`Archéo-Logis; N 3).

Sainty J., Thévenin A. Le Sol 74 // Géomorphologie et préhistoire dans la région de Strasbourg. Recherches Géographiques à Strasbourg. – 1978. – N 7. – P. 123–136.

Schultz H.-P. De tog skydd I Varggrottan // Populär Arkeologi. – 1998. – N 3. – P. 3–7.

Schultz H.-P. The lithic industry from layers IV–V, Susiluola Cave, Western Finland, dated to the Eemian interglacial // Préhistoire Européenne. – 2000/2001. – Vol. 16/17. – P. 43–56.

Schultz H.-P. The Susiluola Cave site in Western Finland: evidence of the northernmost Middle Palaeolithic settlement in Europe // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnictwo Universytetu Wrocławskiego, 2010. – P. 47–67.

Schultz H.-P., Eriksson B., Hirvas H., Huhta P., Jungner H., Purhonen P., Ukkonen P., Rankama T. Excavations at Susiluola Cave // Eripainos Suomen Museo. – 2002. – N 109. – P. 5–45.

Scott C. Two hunting episodes of Middle Palaeolithic age at La Cotte de Saint-Brelade, Jersey (Channel Islands) // World Archaeol. – 1980. – Vol. 12, N 2. – P. 125–133.

Semenov S.A. The forms and functions of the oldest tools // Quartär. – 1970. – Vol. 21. – P. 1–20.

Sheehan G.W. Whaling as an Organizing Focus in Northwestern Alaskan Eskimo Societies // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / eds. T.G. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 123–154.

Slimak L. Circulation de matériaux très exotiques au Paléolithique moyen, une notion de detail // Bull. de la Société Préhistorique Française. – 2008. – Vol. 105, N 2. – P. 267–281.

Slimak L., Giraud Y. Circulation sur plusieurs centaines de kilomètres Durant le Paléolithique moyen. Contributions à la connaissance des sociétés néandertaliennes // Comptes Rendus Palevol. – 2007. – Vol. 6. – P. 359–368.

Slimak L., Svendsen J.I., Mangerud J., Plisson H., Heggen J.P., Brugère A., Pavlov P.Y. Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle // Science. – 2011. – Vol. 332. – P. 841–845.

Spaulding A.C. The Dimensions of Archaeology // Physical Anthropology and Archaeology. Selected Readings / ed. P.B. Hammond. – N. Y.: Macmillan, 1964. – P. 209–238.

Suslov S.P. Physical Geography of Asiatic Russia. – San Francisco: W.H. Freeman, 1961. – 594 p.

Teyssandier N. Revolution or evolution: the emergence of the Upper Paleolithic in Europe // World Archaeol. – 2008. – Vol. 40, N 4. – P. 493–519.

The Paleolithic of Siberia. New Discoveries and Interpretations / ed. A.P. Derevianko. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1998. – 406 p.

The Susiluola (Wolf Cave) Middle Palaeolithic Site Occurrence in Ostrobothnia, Finland. National Board of Antiquities Finland. – 1999–2003. – URL: http://nba.fi/ARCHAEOL/RESEARCH/susieng.htm

Tuffreau A., Marcy J.-L. Les premiers habitants du Pas-de-Calais. – Pas-de-Calais: Conseil Général, 1988. – 46 p.

Turner E. Middle and Late Pleistocene Macrofaunas of the Neuwied Basin Region (Rhineland-Palatinate) of West Germany. – Mainz: J. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 1990. – 403 p.

Ukkonen P., Lunkka J.P., Jungner H., Donner H. New radiocarbon dates from Finnish mammoths indicate large ice-free areas in Fennoscandia during Middle Weichselian // J. of Quaternary Sci. – 1999. – Vol. 14, N 7. – P. 711–714.

Vassil'ev S.A. The Late Paleolithic of the Yenisei: A New Outline // J. of World Prehistory. – 1992. – Vol. 6, N 3. – P. 337–383.

Vassil'ev S.A., Kuzmin Y.V., Orlova L.A., Dementiev V.N. Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // Radiocarbon. – 2002. – Vol. 44, N 2. – P. 503–530.

Vassil'ev S.A., Semenov V.A. Pehistory of Upper Yenisei area (Southern Siberia) // J. of World Prehistory. – 1993. – Vol. 7, N 2. – P. 213–242.

Velichko A.A. Geoecology of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas // L'Homme de Néandertal. – Liège: E.R.A.U.L., 1988. – Vol. 2: L'Environnement / ed. M. Otte, N 29. – P. 181–206.

Vishnyatsky L.B. The Paleolithic of Central Asia // J. of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 69–122.

Vishnyatsky L.B. How Many Core Areas? The "Upper Paleolithic Revolution" in an East Eurasian Perspective // J. of the Israel Prehistoric Soc. – 2005. – Vol. 35. – P. 143–158.

Walker M.J., López-Martínez M., Carrión-García J.S., Rodríguez-Estrella T., San-Nicolás del Toro M., Schwenninger J.-L., López-Jiménez A., Ortega-Rodrigáñez J., Haber-Uriarte M., Polo-Camacho J.-L., Garcia-Tores J., Campillo-Boj M., Avilés-Fernández A., Zack W. Cueva Negra del Estrecho del Río Quípar (Murcia, Spain): A late Early Pleistocene hominin site with an "Acheuleo-Levalloiso-Mousteroid" Palaeolithic assemblage // Quaternary Intern. – 2013. – Vol. 294. – P. 135–159.

Wright J.V. Early Palaeo-Eskimo Culture (Précis, Chapter 21). Middle Palaeo-Eskimo Culture (Précis, Chapter 30) // A History of the Native People of Canada / ed. J.V. Wright. Vol. I: (10,000 to 1,000 B.C.). – Hull: Canadian Museum of Civilization, 2001. – P. 540–566.

Yongqiu W., Zhiju C., Gengnian L., Daokai G., Jiarun Y., Qinghai X., Qiqing P. Quaternary geomorphological evolution of the Kunlun Pass area and uplift of the Qinghai-Xizang (Tibet) Plateau // Geomorphology. – 2001. – Vol. 36. – P. 203–216.

Zeuner F.E. A History of Domesticated Animals. – N.Y.: Harper and Row, 1963. – 560 p.

Материал поступил в редколлегию 15.02.13 г.

УДК 902/904

А.А. Анойкин
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

ИНДУСТРИИ РУБЕЖА СРЕДНЕГО – ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДОЛИНЫ РЕКИ РУБАС (ПРИМОРСКИЙ ДАГЕСТАН)*

В статье приводятся описание стратиграфии памятника Рубас-1 в Приморском Дагестане и подробная технико-типологическая характеристика археологических материалов верхнего комплекса артефактов, обнаруженных в ходе работ на пяти шурфах в 2006–2007 гг. Дается анализ индустрии и определяется ее сырьевая база. По результатам комплексного изучения всех материалов рассматриваемый археологический комплекс отнесен к рубежу среднего – верхнего палеолита. Проводится сравнение палеолитических индустрий Приморского Дагестана этого периода с синхронными археокомплексами Кавказа и Русской равнины.

Ключевые слова: *Кавказ, Дагестан, средний палеолит, начальный этап верхнего палеолита, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа.*

A.A. Anoykin
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

TRANSITIONAL MIDDLE TO UPPER PALEOLITHIC INDUSTRIES IN THE RUBAS VALLEY, COASTAL DAGESTAN

The stratigraphy of Rubas-1 Paleolithic site in coastal Dagestan is described, and results of a detailed technical and typological analysis of lithics from the upper horizon, excavated from five trenches in 2006–2007, are outlined. The resource base is assessed. Results suggest that the assemblage dates to the period transitional between the Middle and the Upper Paleolithic. Industries of the Dagestan coast are compared with those of the Caucasus and the Russian Plain.

Keywords*: Caucasus, Dagestan, Middle Paleolithic, Initial Upper Paleolithic, primary reduction, stone tools, Levallois*.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.019-032

Введение

Одним из основных направлений в изучении палеолита является определение специфики перехода от средне- к верхнепалеолитическим индустриям, который сопровождал становление культуры человека современного физического типа на территории Евразии. Памятники конца среднего – начала верхнего палеолита хорошо изучены на территориях Европы, Леванта, Центральной Азии и др. На Кавказе, который представляет собой своеобразный мост между европейской и азиатской частями материка, стоянок этого времени известно немного, поэтому внимание исследователей сосредоточено в основном на вопросах первоначального заселения данной территории и развития на ней ашельских и среднепалеолитических индустрий. Бóльшая часть памятников финала среднего – начала верхнего палеолита расположена на Южном Кавказе и вдоль Черноморского побережья [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003; Любин, Беляева, 2006; Pinhasi et al., 2012]. На Северо-Вос-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

© Анойкин А.А., 2015

точном Кавказе до недавнего времени было известно только несколько комплексов подъемного материала на территории Дагестана, которые по технико-типологическим параметрам определены как средне- и верхнепалеолитические [Котович, 1964]. В последнее десятилетие в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было открыто более 30 памятников палеолита, среди них – несколько многослойных объектов. Индустрии этих местонахождений представляют все основные этапы древнего каменного века, что позволяет создать общую картину развития ранних культур на территории Приморского Дагестана [Деревянко и др., 2012]. Рубеж среднего – верхнего палеолита в этом районе Кавказа характеризуют материалы расположенных в долине Рубаса стоянок Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс). Анализу индустрии последней и посвящена данная статья.

Рубас-1 (верхний комплекс)

Местонахождение Рубас-1 находится на правом борту р. Рубас, в 3 км выше по течению от с. Чулат (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Памятник локализован в теле крупного оползня блочного типа, в настоящее время имеющего вид протяженного террасовидного уступа с ровной столообразной поверхностью и крутыми склонами. Верхний край уступа находится на высоте ок. 25–30 м над урезом воды и 270 м над ур. м.

На памятнике получен сводный разрез четвертичных отложений мощностью до 18 м. В нем выделены шесть основных литологических тел, с которыми связаны три комплекса археологических материалов (рис. 1) [Там же]. Наиболее поздний комплекс палеолитических находок (1 303 экз.) изучался в 2006–2007 гг. серией из пяти шурфов общей площадью 20 м^2, перекрывающей участок площадью ок. 1 тыс. м^2 [Деревянко и др., 2007]. Наиболее полно литология изученного участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1 (площадь 12 м^2).

Шурфом 1 вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 6 м. В ней выделены десять основных литологических слоев, которые по ряду характеристик можно объединить в три пачки (рис. 2, 3) [Деревянко и др., 2012].

Слой 1. Серо-коричневая супесь с включениями мелкого щебня и гальки – современный почвенный горизонт. Мощность 0,1–0,2 м.

Слои 2–9. Мощная толща сложного генезиса, составленная преимущественно светлым серо-коричневым суглинком с алевритом. Пачка отложений субаэрального образования содержит горизонты коллювиально-пролювиально-делювиального происхождения в виде гравийно-дресвяных, галечно-щебнистых материалов со светло-коричневым песчанистым заполнителем. Местами толща разбита гравитационными трещинами отрыва. Мощность до 4,0 м. В слоях зафиксировано семь уровней залегания археологического материала палеолитического облика.

Слой 10. Тонко-слойчатый песок с прослоями и линзами светло-серого алеврита, который подстилают гравийно-галечниковые отложения аллювиального происхождения. Вскрытая мощность более 1,0 м.

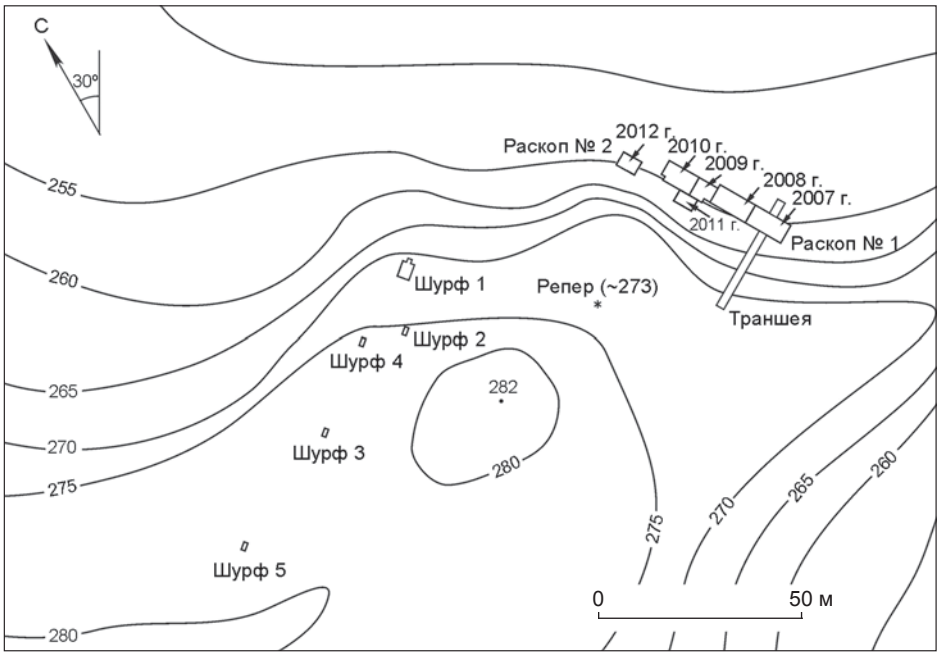


Рис. 1. План-схема памятника Рубас-1.

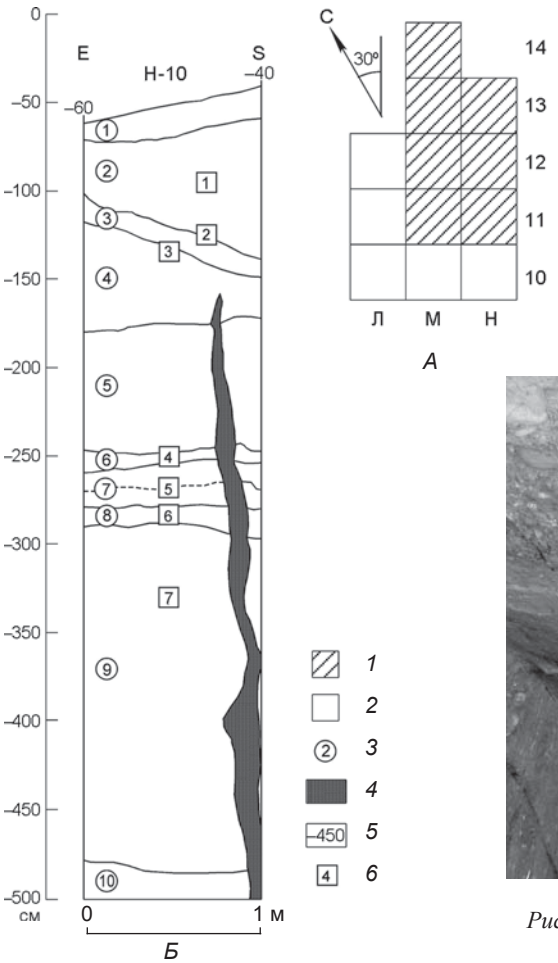


Рис. 2. План (*А*) и стратиграфический разрез юго-восточной стенки (фрагмент) (*Б*) шурфа 1 памятника Рубас-1.
1 – отложения, вскрытые в 2006 г.; *2* – отложения, вскрытые в 2007 г.; *3* – номер слоя; *4* – гравитационная трещина отрыва; *5* – высотная отметка; *6* – археологический уровень.

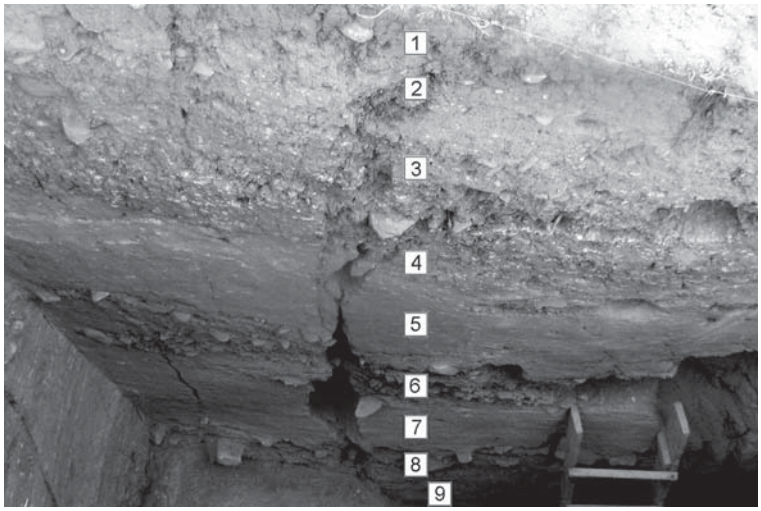


Рис. 3. Стратиграфический разрез северо-западной стенки (фрагмент) шурфа 1 памятника Рубас-1.

Стратиграфическая ситуация в остальных шурфах в целом соответствует таковой в шурфе 1. Различаются вскрытая мощность отложений и, соответственно, количество и индивидуальная мощность литологических тел, составляющих пачку слоев 2–9. Кроме того, в шурфах 3–5 в верхней части разрезов (подошва слоя 2) выявлен прослой серо-коричневого суглинка, вероятно, являющегося погребенным почвенным горизонтом. Стратиграфическая последовательность геологических тел в шурфах и их литологическая характеристика позволяют достаточно уверенно их коррелировать, что, в свою очередь, дает возможность сопоставлять связанный с ними археологический материал.

Временные рамки рассматриваемых комплексов определяются на основе геологических данных, которые свидетельствуют о формировании отложений, содержащих культурные остатки (слои 2–9), в период позднего неоплейстоцена. Кроме того, палеопочва, зафиксированная в верхней части разрезов в трех шурфах, с большой долей вероятности может соотноситься с палеопочвой из раскопов 2 и 3 стоянки Тинит-1, расположенной в 14 км от памятника Рубас-1. Это предположение косвенно подтверждается сходством условий осадконакопления и строения разрезов на обоих объектах и отсутствием в этом районе других известных палеопочв. Нижняя хронологическая граница ископаемого почвенного горизонта на Тините-1 (слой 2.3) на основе результатов ^{14}С-датирования определяется возрастом ≈ 39 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013].

Каменная индустрия

Археологический материал шурфов связан с пачкой слоев 2–9. Он залегал в основном в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах (см. рис. 2). В ходе работ на шурфе 1 во вскрытой толще выделено семь уровней локализации артефактов (археологических уровней). Археологические уровни включают артефакты, находящиеся в пределах одного литологического тела и имеющие согласное залегание с вмещающими отложениями, а также небольшой вертикальный разброс относительно друг друга. Поскольку артефакты верхнего комплекса Рубаса-1 связаны преимущественно с маломощными горизонтами коллювиально-пролювиально-делювиального генезиса, нельзя исключать перемещения кремневых изделий

в процессе формирования слоя, считать их априори залегающими *in situ* и предполагать, что выделенные археологические уровни соответствуют отдельным моментам функционирования стоянки (горизонтам обитания). Вместе с тем с учетом характера залегания, состава, а также состояния поверхностей и краев изделий можно утверждать, что если перемещение артефактов и имело место, то интенсивность и расстояние переноса были минимальными. Анализ стратиграфии остальных шурфов позволяет коррелировать уровни залегания археологического материала на всех объектах.

В ходе изучения археологического материала было установлено, что рассматриваемая каменная индустрия моносырьевая и основана на использовании кремня, источником которого являлась галька, извлекавшаяся из русла реки или из разрушающихся конгломератов. Коллекция стратифицированного археологического материала из шурфа 1 насчитывает 804 экз., из шурфа 2 – 32, из шурфа 3 – 108, из шурфа 4 – 67, из шурфа 5 – 210 экз.

Каменные индустрии, представленные во всех шурфах, достаточно однообразны и, судя по условиям залегания артефактов, вероятно, близки по возрасту (в пределах одного культурно-хронологического подразделения). Поэтому артефакты из разных шурфов будут анализироваться суммарно, по выделенным археологическим уровням.

Среди артефактов с уровней 1–7 много обломков и осколков – 818 экз., в среднем 67 %. Эта категория предметов не является технологически значимой, далее статистические данные приводятся без ее учета.

Археологический уровень 1. Обнаружены 24 артефакта: нуклевидный обломок, пластина, 2 пластинчатых отщепа, 14 отщепов и 6 технических сколов. Орудийный набор включает: скребок боковой, нож с обушком-обломом, комбинированное изделие (ретушированный анкош + нож) и два обломка с ретушью.

Археологический уровень 2. Обнаружены 59 артефактов: 3 нуклевидные формы, 7 пластин, 5 пластинчатых отщепов (рис. 4, *8*), 39 отщепов и 5 технических сколов. Нуклевидные изделия представлены нуклевидным обломком, а также одно- и двухплощадочным ядрищами монофронтальными параллельного принципа скалывания для получения удлиненных заготовок (рис. 4, *11*). Орудийный набор включает: скребло поперечное, скребок с плечиками (рис. 4, *5*), долотовидное орудие, два резца (угловой (рис. 4, *4*) и плоский), нож с естественным обушком, выемчатое орудие с ретушированным анкошем, шиповидное

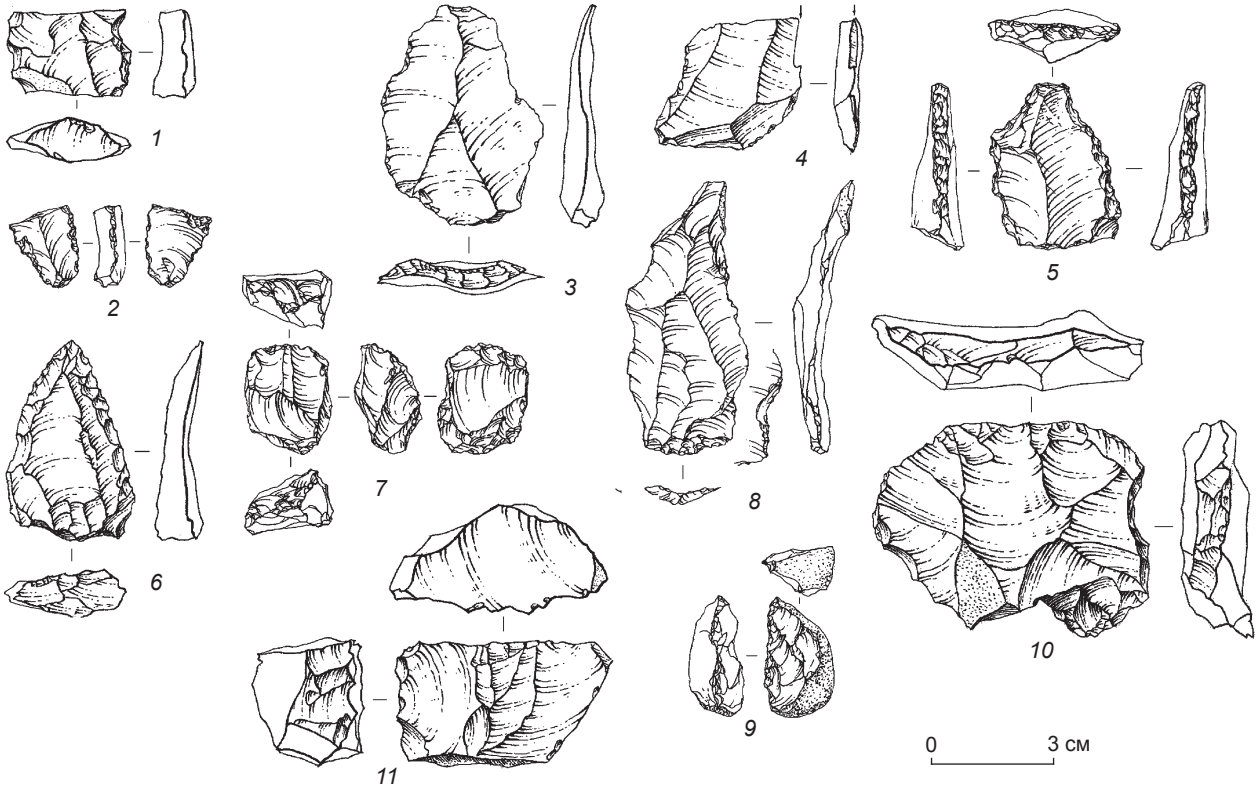


Рис. 4. Каменные артефакты памятника Рубас-1. Здесь и далее рисунки А.В. Абдульмановой и Л.Б. Щербовой.
1, 2, 7, 9, 10 – археологический уровень 3; *3, 6* – подъемные материалы; *4, 5, 8, 11* – археологический уровень 2.
1 – клювовидное орудие; *2* – пластина с ретушью; *3* – атипичный остроконечник леваллуа; *4* – резец; *5* – скребок; *6* – остроконечник мустье; *7, 10, 11* – нуклеусы; *8* – пластинчатый отщеп; *9* – нож.

изделие, пластину с ретушью, три отщепа с ретушью и три обломка с ретушью.

Археологический уровень 3. Обнаружен 61 артефакт: 9 нуклевидных форм, 8 пластин, 7 пластинчатых отщепов, 35 отщепов и 2 технических скола. Нуклевидные изделия представлены пятью нуклевидными обломками и четырьмя ядрищами (одно- и двухплощадочное) монофронтальными параллельного принципа скалывания для получения удлиненных заготовок (рис. 4, *7, 10*). Орудийный набор включает: два ножа с естественным обушком (рис. 4, *9*), тронкированный пластинчатый скол, клювовидное орудие (рис. 4, *1*), шиповидное изделие, два выемчатых орудия с ретушированным анкошем, комбинированное орудие (концевой скребок + ретушированный анкош), пластина с ретушью (рис. 4, *2*) и три отщепа с признаками ретуши.

Археологический уровень 4. Обнаружены 139 артефактов: 20 нуклевидных форм, 22 пластины (рис. 5, *4*), 10 пластинчатых отщепов, 70 отщепов, 13 технических сколов, 4 скола леваллуа (рис. 5, *6*). Нуклевидные изделия представлены 15 нуклевидными обломками и 5 ядрищами (леваллуазское одноплощадочное монофронтальное для получения отщепов (черепаховидное), истощенное (рис. 5, *12*) два одноплощадочных монофронтальных параллельного принципа скалывания для получения отщепов; торцовое одноплощадочное монофронтальное для удлиненных заготовок; подпризматическое). Орудийный набор включает: скребло продольное (рис. 5, *8*), резец угловой (рис. 5, *5*), нож с обушком-гранью, пять шиповидных изделий (рис. 5, *11*), три пластины с ретушью, два отщепа с ретушью, четыре технических скола с признаками ретуши, обломок с ретушью.

Археологический уровень 5. Обнаружены 53 артефакта: 8 нуклевидных форм, 10 пластин (рис. 5, *13*), 6 пластинчатых отщепов (рис. 5, *3*), 24 отщепа, скол леваллуа (рис. 5, *7*). Нуклевидные изделия представлены семью нуклевидными обломками и истощенным подпризматическим ядрищем (рис. 5, *1*). Орудийный

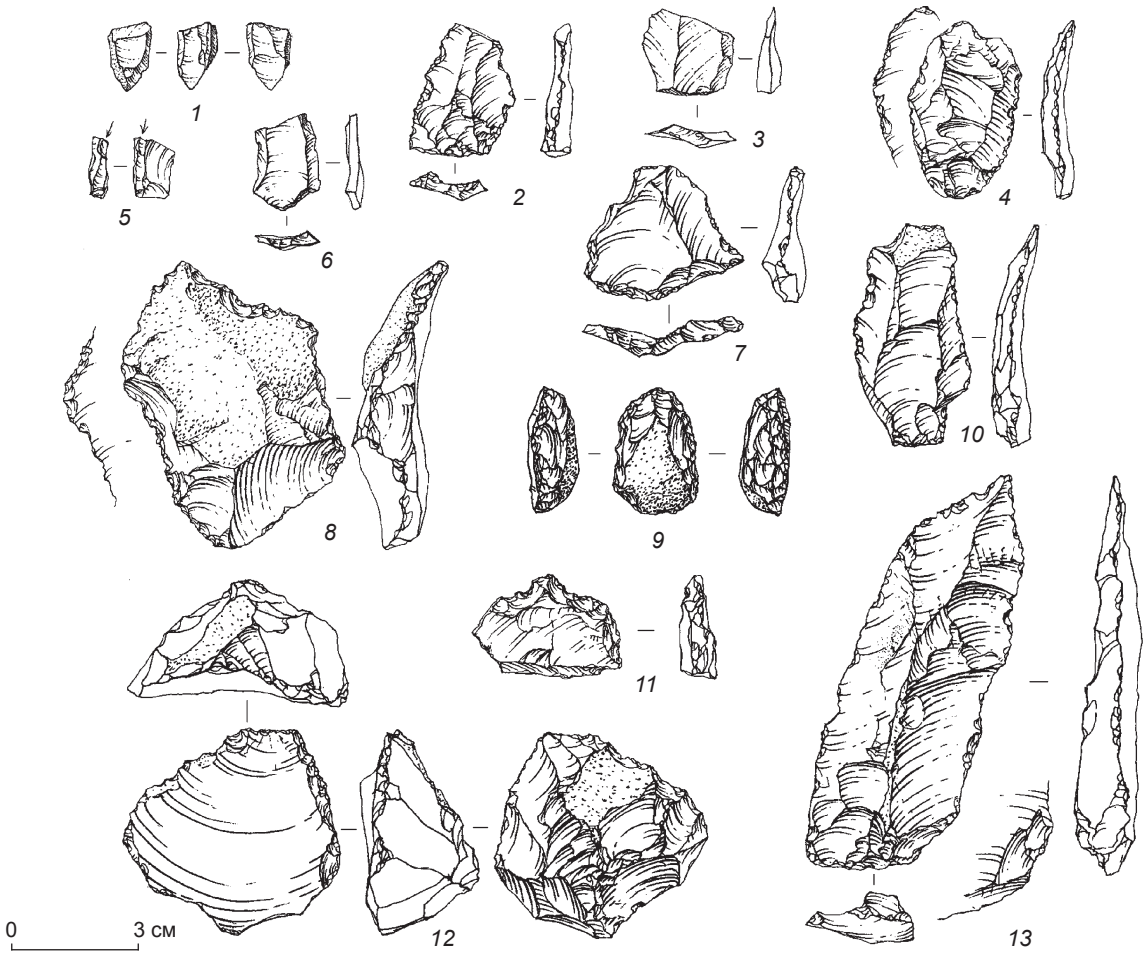


Рис. 5. Каменные артефакты памятника Рубас-1.
1–3, 7, 9, 10, 13 – археологический уровень 5; *4–6, 8, 11, 12* – археологический уровень 4.
1, 12 – нуклеусы; *2* – пластина с ретушью; *3* – пластинчатый отщеп; *4, 10, 13* – пластины; *5* – резец; *6, 7* – сколы леваллуа; *8* – скребло; *9* – скребок; *11* – шиповидное орудие.

набор включает: скребловидное изделие, скребок с лезвием, занимающим 2/3 периметра (рис. 5, *9*); две пластины с ретушью (рис. 5, *2*), два отщепа с элементами ретуши.

Археологический уровень 6. Обнаружены 66 артефактов: 10 нуклевидных форм, 7 пластин, 30 отщепов, 12 технических сколов (рис. 6, *8*), 7 сколов леваллуа (рис. 6, *1, 7, 9, 13*). Нуклевидные изделия представлены шестью нуклевидными обломками и четырьмя ядрищами (леваллуазское для получения острий (рис. 6, *3*), леваллуазское для удлиненных заготовок (рис. 6, *11*), два одноплощадочных монофронтальных параллельного принципа скалывания для получения отщепов). Орудийный набор включает: четыре скребла продольных, два одинарных (рис. 6, *5, 6*), двойное на сколе леваллуа (рис. 6, *2*), диагональное (рис. 6, *12*), три скребка (концевые и тройной (рис. 6, *4*)), два ножа (с естественным обушком (рис. 6, *10*) и с обушком-гранью), два шиповидных изделия, пластину с ретушью, три обломка с ретушью.

Археологический уровень 7. Обнаружено только аморфное истощенное ядрище.

Нестратифицированный комплекс. Большое количество артефактов извлечено из заполнителя гравитационных трещин, который, скорее всего, представляет собой смешанные отложения слоев 3–9. Коллекция насчитывает 82 экз., без учета обломков и осколков (46 экз.). В число находок входят: нуклевидные формы (8 экз.), отщепы (25 экз.), пластины (7 экз.), технические сколы (4 экз.), сколы леваллуа (2 экз.). Нуклевидные изделия представлены шестью нуклевидными обломками и двумя ядрищами параллельного принципа скалывания (истощенный одноплощадочный монофронтальный для получения отщепов и торцовый одноплощадочный монофронтальный для получения удлиненных заготовок). Орудийный набор включает: леваллуазский остроконечник (см. рис. 4, *3*), мустьерский остроконечник (см. рис. 4, *6*), скребок высокой формы, шиповидное изделие, два выемчатых орудия с ретушированным анкошем, два зубчато-выемчатых продольных орудия, три отщепа с ретушью и два обломка с ретушью.

Анализ материалов верхнего комплекса артефактов позволяет выделить две группы ассамбляжей, со-

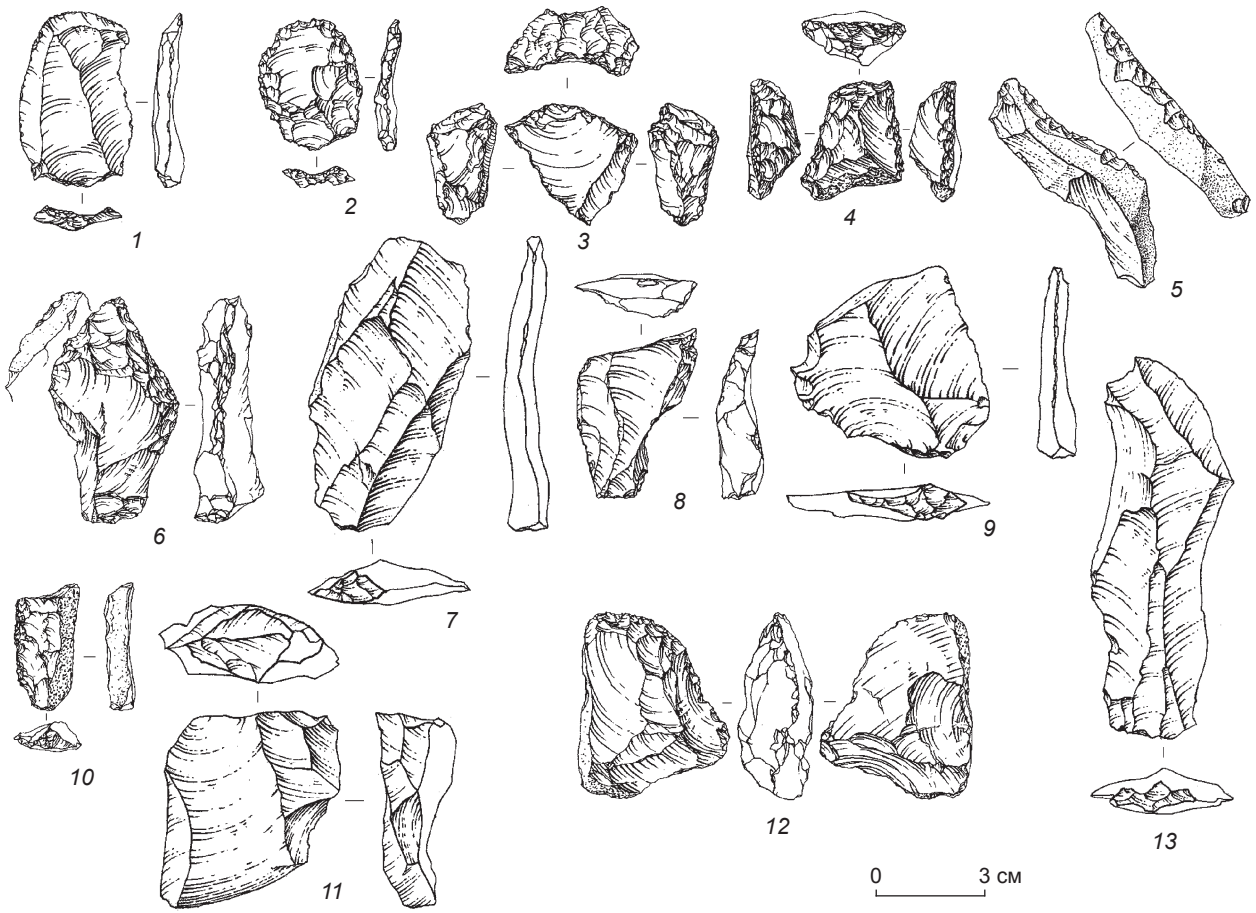


Рис. 6. Каменные артефакты археологического уровня 6 памятника Рубас-1.
1, 7, 9, 13 – сколы леваллуа; *2, 5, 6, 12* – скребла; *3, 11* – нуклеусы; *4* – скребок; *8* – технический скол; *10* – нож.

ответствующих археологическим уровням 1–3 и 4–7. Сводные коллекции этих уровней (144 и 259 артефактов значимых категорий соответственно) различаются как по показателям, представляющим технику первичного расщепления, так и по орудийным наборам. Следует отметить, что горизонты 1–3 и 4–7, видимо, были разделены продолжительным временным интервалом; об этом свидетельствует пачка стерильных в археологическом плане отложений (слои 4 и 5 в стратиграфической колонке шурфа 1) мощностью более 1 м.

Каменную индустрию группы нижних уровней (4–7) характеризует развитая леваллуазская техника. Леваллуазские ядрища составляют ок. 30 % от типологически выраженных нуклеусов, а сколы леваллуа 5,5 % от категории сколов. IFlar равен 23,2, а IFstr 13,6 (табл. 1). Помимо леваллуазской техники использовались простое параллельное расщепление одно- и двухплощадочных ядрищ, а также расщепление, близкое к объемному – подпризматическое ядрище из уровня 5 и торцовый нуклеус с переходом фронта скалывания на латераль из уровня 4. В орудийном наборе (39 экз., из них 17 экз. – сколы и обломки с ретушью) преобладают скребла и шиповидные формы (27 и 32 % от типологически выраженных орудийных форм соответственно), менее многочисленны ножи и скребки, причем последние далеки от классических верхнепалеолитических типов. Скребки выполнены, как правило, на небольших отщепах, с коротким прямым или слабоизогнутым лезвием, они имеют признаки одно- и двухрядной ретушной обработки. Тройной скребок по размерам и типу ретушной отделки близок к скреблам. Наиболее показателен инструмент с лезвием, которое занимает 2/3 периметра и имеет следы тщательной многорядной ретушной обработки на значительной части дорсальной поверхности. Данное орудие массивнее и длиннее округлых и ногтевидных скребков в классических индустриях верхнего палеолита и выполнено на первичном отщепе. Материалы уровней 4–7 позволяют сделать вывод о том, что в первичном расщеплении примерно в равной степени применялись простая параллельная и левалуазская техники, эпизодически использовались методы объемного раскалывания. Сколы, полученные с помощью леваллуазской техники, небольшой толщины и с низким индексом массивности. Это в основном технические сколы, которые не преобразовывались в орудия. По морфологическим показателям (характер огранки, остаточные ударные площадки, направления снятия и др.) их можно отнести к боковым/краевым сколам подправки фронтальной поверхности нуклеуса, которая подготавливала отделение основного снятия в рамках конвергентной однонаправленной острийной леваллуазской техники. Таким образом, по совокупности признаков данная индустрия, с большой долей вероятности, соответствует финальным стадиям среднего палеолита. Она свидетельствует о сохранении леваллуазской техники и появлении полуобъемного и объемного расщепления. В орудийном наборе наряду с классическими среднепалеолитическими типами фиксируются верхнепалеолитические категории изделий, в основной массе неустойчивых форм.

В комплексе артефактов верхних уровней (1–3) типологически выраженные нуклевидные формы представлены простыми одно- и двухплощадочными монофронтальными ядрищами. Среди сколов, по сравнению с таковыми нижних уровней, резко уменьшается количество артефактов с фасетированными площадками (IFlar 13, IFstr 2,6), сколы леваллуа отсутствуют (табл. 1). Анализ каменного инвентаря выявил увеличение роли параллельной бинаправленной и продольно-поперечной огранки дорсальной части изделий (табл. 2). Отмечается уменьшение средних размеров ядрищ и сколов, что может свидетельствовать о более интенсивном использовании нуклеусов и их более частом пере-

Таблица 1. **Распределение сколов верхнего комплекса памятника Рубас-1 по типу ударных площадок**

Археологический уровень	Ударные площадки										Всего, экз.
	естественные		гладкие		точечные + линейные		двухгранные		фасетированные		
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	
1	1	5,9	7	41,2	3	17,6	5	29,4	1	5,9	17
2	1	2,9	24	70,6	5	14,7	3	8,8	1	2,9	34
3	5	19,2	18	69,2	3	11,5	–	–	–	–	26
4	7	10,6	36	54,5	9	13,6	6	9,1	8	12,1	66
5	1	4,0	18	72,0	3	12,0	2	8,0	1	4,0	25
6	1	2,9	15	44,1	6	17,6	4	11,8	8	23,5	34
Всего	16	7,9	118	58,4	29	14,4	20	9,9	19	9,4	202

Таблица 2. **Распределение сколов верхнего комплекса памятника Рубас-1 по характеру огранки в дорсальной части**

Археологический уровень	Огранка														Всего, экз.
	естественная		гладкая		субпараллельная				продольно-поперечная		конвергентная		бессистемная		
					однонаправленная		бинаправленная								
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	
1	–	–	5	21,7	7	30,4	–	–	7	30,4	2	8,7	2	8,7	23
2	3	5,4	7	12,5	15	26,8	7	12,5	15	26,8	3	5,4	6	10,7	56
3	1	1,9	7	13,5	16	30,8	3	5,8	21	40,4	1	1,9	3	5,8	52
4	4	3,4	17	14,3	51	42,9	8	6,7	29	24,4	4	3,4	6	5,0	119
5	1	2,2	6	13,3	23	51,1	3	6,7	8	17,8	2	4,4	2	4,4	45
6	2	3,6	7	12,5	25	44,6	3	5,4	9	16,1	4	7,1	6	10,7	56
Всего	11	3,1	49	14,0	137	39,0	24	6,8	89	25,4	16	4,6	25	7,1	351

оформлении в рамках параллельной стратегии. При этом соотношение основных категорий сколов (за исключением сколов леваллуа) соответствует таковым нижних уровней. Орудийный набор (31 экз., из них 12 экз. – сколы и обломки с ретушью) демонстрирует большее разнообразие форм. Преобладают ножи (26 % от типологически выраженных орудийных форм), скребки (16 %) и выемчатые орудия с ретушированными анкошами. Равными долями представлены как верхнепалеолитические формы (резцы, долотовидное и тронкированное изделия), так и «архаичные» (скребло, клювовидное и шиповидные изделия). Однако орудия верхнепалеолитических типов по сравнению с комплексом нижних уровней не только разнообразнее, но и ближе к «классическим» образцам. Среди них следует отметить скребок с плечиками, ассоциирующийся с позднепалеолитическими индустриями. Таким образом, индустрию верхних археологических уровней, вероятно, можно отнести к началу перехода от среднего к верхнему палеолиту; это предположение подтверждается изменениями как в первичном расщеплении (отказ от леваллуазской техники), так и в соотношении средне- и верхнепалеолитических типов орудий при большем разнообразии последних.

Нестратифицированный комплекс (13 орудийных форм) по типологической представленности в целом соответствует материалам шурфов, но при этом содержит два ярких остроконечника. Следует отметить наличие торцового ядрища для получения пластин и скребка высокой формы – типов, сочетание которых характерно для переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий [Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2011]. Таким образом, нестратифицированные материалы содержат как несомненные среднепалеолитические орудийные формы, так и изделия, вероятно, более позднего времени.

Дискуссия

Изучение археологических материалов верхнего комплекса стоянки Рубас-1 выявило их культурное соответствие наборам каменных артефактов рубежа среднего – верхнего палеолита. Отсутствие данных абсолютной хронологии не позволяет определить точные временные рамки их бытования. Вместе с тем прямые аналоги этих технокомплексов имеются в материалах расположенной в том же районе многослойной стоянки Тинит-1 (11 археологических горизонтов) [Деревянко и др., 2012; Анойкин и др., 2013]. Ее ассамбляжи также характеризуются большим количеством простейших форм плоскостных ядрищ и представленными в нижних археологических горизонтах выразительными леваллуазскими формами (для получения отщепов и острий), которые использовались вместе с торцовыми разновидностями нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской технике приходит параллельная полуобъемная техника раскалывания, нацеленная на получение пластинчатых заготовок с элементами продольной и бипродольной огранки дорсальных поверхностей, близкая к технике, которая получила отражение в материалах стоянок Бокер Тахтит (Израиль) и Странска Скала (Чехия) [Volkman, 1983; Škrdla, 2003]. В орудийном наборе из всех археологических горизонтов Тинита-1 преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями, что связано, вероятнее всего, с хозяйственной специализацией стоянки. Следует отметить, что на стоянке Тинит-1, как и на памятнике Рубас-1, среди орудий отсутствуют изделия со следами бифасиальной обработки. В коллекции нижних горизонтов значительную долю составляют леваллуазские сколы и изделия из них. Орудия верхнепалеолитических категорий всех археологических уровней невыразительны и представлены в основном атипичными

формами скребков и резцами. Вместе с тем в археологических горизонтах 4–6 найдены единичные скребки высокой формы, тронкированно-фасетированные орудия и многогранный поперечный резец, являющиеся маркирующими орудийными формами для многих археокомплексов рубежа среднего – верхнего палеолита [Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2011; The Early…, 2004; Transitions…, 2006]. Памятники Тинит-1 и Рубас-1, которые близки по многим чертам в облике индустрий, тенденциям изменений в первичном расщеплении и орудийных наборах, а также по локализации на местности и стратиграфическим последовательностям на этих стоянках, с большой долей вероятности, относятся к одному культурно-хронологическому подразделению. С учетом результатов радиоуглеродного датирования, полученных для археокомплексов Тинита-1, наиболее вероятным периодом бытования индустрии Рубаса-1 можно считать 50–35 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013].

Анализ других, территориально и хронологически близких, палеолитических индустрий дает основания для вывода об отсутствии на территории Северо-Восточного Кавказа стратифицированных стоянок открытого типа с материалами этого культурно-временного интервала. С Рубасом-1 соседствуют многослойные пещерные стоянки Таглар, Газма, Азых, Дашсалахлы, Бузеир (Азербайджан). Материалы первых трех памятников наиболее представительны и опубликованы [Джафаров, 1983, 1999; Любин, 1989; Гусейнов, 2010; Зейналов, 2014]. В Тагларской пещере, находящейся на территории Нагорного Карабаха, выделено шесть слоев, содержащих индустрии среднепалеолитического времени. Технокомплексы всех слоев достаточно однообразны; их основой являются леваллуазские и мустьерские остроконечники, а также скребла различных вариантов, значительную долю составляют леваллуазские сколы. Индексы подправки площадок высокие (IFlar 66,2; IFstr 34,6). Среди орудий в незначительном количестве представлены ножи, зубчато-выемчатые формы, лимасы и скребки. Резцы и проколки единичны. Первичное расщепление было ориентировано на получение остроконечных заготовок с помощью острийной леваллуазской техники, а также подпрямоугольных сколов для последующего изготовления скребел способом простого параллельного расщепления. В верхних слоях эпизодически встречаются артефакты, свидетельствующие об использовании полуобъемной техники, предполагающей при параллельном скалывании распространение фронта частично или полностью на боковые плоскости. Некоторые нуклевидные формы из этих слоев, судя по иллюстрациям, могут соответствовать тронкированно-фасетированным изделиям [Джафаров, 1983, с. 76, рис. 10, *4*]. Особенностью индустрии Тагларской пещеры является интенсивное использование приема вентрального утончения базальной части орудий; оно фиксируется по остроконечникам и скреблам, причем на последних следы утончения могут распространяться на весь корпус (скребла тагларского типа). Упомянутые выше типы изделий характерны для индустрий финала среднего – начала верхнего палеолита Леванта, Средней Азии, Алтая и других регионов [Вишняцкий, 2008; Rybin, 2014]. Время существования стоянки определяется на основе комплекса палеонтологических и геологических данных – от финала хазарской трансгрессии Каспийского моря до раннехвалынского времени (70–35 тыс. л.н.).

Материалы пещеры Газма (Нахчевань) по характеристикам близки к археокомплексам Таглара. В Газме выделено три культуросодержащих слоя с индустриями среднего палеолита [Джафаров, 1999; Зейналов, 2014]. Основу технокомплекса Газмы, как и Таглара, составляют остроконечники (леваллуазские и мустьерские) и скребла, имеются лимасы, ножи и немногочисленные невыразительные верхнепалеолитические формы (скребки и проколки) [Зейналов, 2014]. Индустрии и Таглара, и Газмы отражают использование приемов вентральной подправки основания остроконечников и утончения заготовок скребел. В коллекции Газмы присутствует скребло с лезвием, подвергнутым бифасиальной обработке. Время бытования стоянки установлено на основе одной калиброванной радиоуглеродной даты, полученной по объединенной коллекции кости из всех трех культуросодержащих слоев, – 29 300 ± 187 л.н. [Там же]. Однако с учетом археологического контекста и особенностей датируемого материала она представляется нам значительно омоложенной. Индустрия Газмы по основным показателям в целом соответствует технокомплексу территориально близкой Тагларской пещеры; с большой долей вероятности, они принадлежат одному культурно-хронологическому интервалу.

Представительная индустрия среднего палеолита из слоя III пещеры Азых (Нагорный Карабах), по мнению исследователей, – более древняя (раннехазарское время – 130–80 тыс. л.н.), чем указанные выше. В ее технокомплексе также имеются остроконечники с базальным утончением, скребла тагларского типа и тронкированно-фасетированные изделия [Любин, 1989; Гусейнов, 2010]. При этом здесь присутствуют редкие ручные рубила и чопперы. В орудийном наборе преобладают леваллуазские и мустьерские остроконечники, скребла, заметную долю составляют зубчато-выемчатые изделия и ножи. В верхнепалеолитическую группу орудий входят редкие невыразительные скребки и угловые резцы. Первичное расщепление основывалось на дисковидных ядрищах; простых нуклеусов параллельного принципа расщепления немного; леваллуазские формы единичны [Гусейнов, 2010]. Таким образом,

индустрия слоя III пещеры Азых имеет общие черты со среднепалеолитическими комплексами других стоянок Азербайджана, но содержит много архаичных элементов. Среднепалеолитическую индустрию Азыха, вероятно, следует рассматривать как предшественницу комплексов Таглара, Газмы и др.: в ней прослеживаются основные направления их будущего развития (ориентация на леваллуазское расщепление, постепенный отказ от бифасиальных форм, доминирование остроконечников и скребел в орудийных наборах, присутствие специфических типов изделий (остроконечники с базальной подправкой, тронкированно-фасетированные и т.д.)). Наличие у этого технокомплекса архаичных черт может объясняться смешением археологического материала: слой III, хотя и не отличался большой мощностью (до 1,5 м), мог включать несколько культурно и хронологически различных уровней обитания.

Коллекция артефактов из пещеры Дашсалахлы (Газахский р-н Азербайджана) по основным параметрам также соответствует упомянутым индустриям. Технокомплекс, основой которого являются удлиненные скребла и остроконечники (леваллуазские и мустьерские), в т.ч. утонченные в вентральной части, включает ножи и зубчато-выемчатые формы, но не содержит изделий верхнепалеолитических типов. Первичное расщепление представляют дисковидные ядрища при значительном количестве леваллуазских сколов, IFstr 48,1. Данная индустрия (для нее не имеется каких-либо возрастных определений) по технико-типологическим характеристикам может соответствовать нижним слоям Таглара или немного более раннему этапу среднего палеолита [Джафаров, 1999; Гусейнов, 2010].

На территории Армении наиболее представительные комплексы, содержащие материалы, которые могут относиться к рубежу среднего – верхнего палеолита, принадлежат многослойным пещерным стоянкам Ереванская и Лузакерт I [Ерицян, 1970, 1975; Chataigner et al., 2003; Adler et al., 2012; Stone Age…, 2014].

В Ереванской пещере (окрестности г. Еревана) с означенным интервалом связаны, видимо, материалы четырех верхних культуросодержащих слоев (коллекции первых трех практически не опубликованы [Stone Age…, 2014]). Первичное расщепление характеризуют леваллуазские и простые ядрища параллельного принципа скалывания, сколы леваллуа, в т.ч. удлиненные, а также сравнительно невысокие индексы фасетирования (IFlar 34,5, IFstr 18,0) [Ерицян, 1970]. В орудийном наборе доминируют скребла, присутствуют леваллуазские и мустьерские остроконечники, имеются ножи и выемчатые изделия. Верхнепалеолитические типы, представленные долотовидными орудиями, атипичными скребками и простыми формами резцов, немногочисленны, но их присутствие нарастает вверх по разрезу [Ерицян, 1970; Ерицян, Семенов, 1971; Stone Age…, 2014]. Обнаружены бифасиально обработанные орудия и лимасы. Для индустрии типичны такие артефакты, как остроконечники со следами базальной подправки (остроконечники ереванского типа) и тронкированно-фасетированные изделия с двумя и более усеченными краями (скребла с утонченным корпусом), прямые аналоги которых имеются в археокомплексах Азербайджана [Джафаров, 1999; Liagre et al., 2006]. Для культуросодержащих слоев 3 и 4 в Ереванской пещере получена серия некалиброванных AMS-дат в интервале >49 000–32 000 л.н. [Stone Age…, 2014, p. 76].

Материалы верхних слоев (CI и B) пещеры Лузакерт I (Котайкская обл. Армении) характеризуют доминирование леваллуазского расщепления и высокие индексы фасетирования (IFstr ≈ 50) [Ерицян, 1975; Liagre et al., 2006; Stone Age…, 2014]. В слое CI среди орудий большинство составляют остроконечники, в основном леваллуазские, и скребла. Представлены зубчато-выемчатые формы и ножи. Изделия верхнепалеолитических типов немногочисленны, в основном это долотовидные изделия и атипичные скребки. В большом количестве встречаются изделия, утонченные в вентральной зоне, среди них – остроконечники со следами подправки в базальной части. В слое B преобладают зубчато-выемчатые орудия, остроконечников крайне мало, артефакты со следами подправки основания фиксируются редко. Много ножей. Скребла (включая скребла-ножи) и изделия верхнепалеолитических типов представлены примерно в равных долях (ок. 10 %). Последние включают скребки, плоские резцы и острия-перфораторы. Судя по рисункам, в коллекциях слоев CI и B имеются изделия, которые могут рассматриваться как тронкированно-фасетированные [Ерицян, 1975, с. 48, рис. 5, *8, 9*]. Материалы верхних горизонтов пещеры Лузакерт I соответствуют, вероятнее всего, интервалу 40–30 тыс. л.н. Определение базируется на трех OSL-датах для слоя C – ≈ 36 тыс. л.н. с допуском 2–3 тыс. лет, а также калиброванной AMS-дате, установленной по зубу лошади из этого же слоя, – 31 692 ± 190 л.н. [Stone Age…, 2014, p. 78].

К этому же или несколько более древнему периоду относятся материалы пещеры Холк-1 (Тавушская обл. Армении), в которой выделено семь культуросодержащих слоев палеолитического времени. Каменный инвентарь на данном объекте крайне скуден. Так, слой 5, для которого имеются две AMS-даты 39 109 ± ± 1 324 (калиброванная) и >46 000 л.н., содержит нуклеус, отщеп и семь осколков, а слой 4 с AMS-датой 35 550 ± 650 л.н. – отщеп и осколок [Pinhasi, Gasparian, Wilkinson et al., 2008, p. 810; Pinhasi, Gasparian, Nahapetyan et al., 2011, p. 3855]. В подстилающих от-

ложениях обнаружены удлиненные остроконечники и пластины с фасетированными ударными площадками, свидетельствующие об использовании леваллуазской техники [Pinhasi et al., 2008; Stone Age…, 2014].

Подъемные материалы скального навеса Ангехакот I (Сюникская обл. Армении) включают небольшую, но показательную коллекцию, в которую входят униполярные конвергентные (леваллуазские ?) и дисковидные ядрища, леваллуазские и мустьерские остроконечники, в т.ч. «ереванского типа» и с вентрально-утонченным корпусом. Имеются также скребла, бифас и несколько изделий с элементами бифасиальной обработки [Liagre et al., 2006; Stone Age…, 2014]. Согласно реконструкциям условий формирования участка долины р. Воротан, на котором находится объект, возраст археологических материалов значительно моложе интервала 126 ± 3 ÷ 111 ± ± 4 тыс. л.н. (K/Ar-даты) [Liagre et al., 2006, p. 8].

На стоянке открытого типа Калаван-2 (Гехаркуникская обл. Армении) палеолитические артефакты зафиксированы в пяти слоях. К поздним этапам среднего палеолита исследователи относят только два верхних слоя (6 и 7) [Stone Age…, 2014]. Первичное расщепление характеризуется широким применением в рамках леваллуазской техники рекуррентного однонаправленного метода, который использовался для получения пластинчатых заготовок и удлиненных острий. Имеются дисковидные ядрища. Орудийный набор составляют леваллуазские и мустьерские остроконечники, скребла; изделия верхнепалеолитических типов редки и невыразительны (долотовидное, атипичные скребки и резец). Использовалась техника тронкирования, но остроконечники ереванского типа отсутствуют [Гукасян и др., 2010]. Возраст стоянки определяется на основе некалиброванной AMS-даты, полученной по зубу бовида из слоя 7, – 34 200 ± ± 360 л.н.; остальные даты для этого слоя (в пределах 27–16 тыс. л.н.) считаются омоложенными [Stone Age…, 2014, p. 83].

Рассматривая индустрии Азербайджана и Армении в целом, исследователи отмечают их близость к комплексам загрос-таврийского мустье, которые отражают сочетание леваллуазских и простых параллельных техник раскалывания и включают радиальные/дисковидные нуклеусы. В орудийных наборах преобладают скребла и остроконечные формы (леваллуазские и мустьерские остроконечники, угловатые скребла и др.), часто удлиненные; имеются тронкированно-фасетированные изделия, в т.ч. орудия со следами подправки базальной части, свидетельствующие о широком применении приемов усечения заготовок [The Paleolithic…, 1993; Dibble, McPherron, 2007; Tsanova, 2013]. К указанным выше стоянкам относят и ряд основных памятников с материалами финального этапа среднего палеолита на территории Грузии (Ортвала-Клде, Сакажиа и др.) [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003; Гукасян и др., 2010; Tushabramishvili et al., 1999; Adler, 2002; Pleurdeau et al., 2007].

Сравнение материалов стоянок Рубас-1 и Тинит-1 с коллекциями памятников Южного Кавказа выявило значительные различия между ними. Первичное расщепление на стоянках Дагестана не было связано с дисковидными и радиальными ядрищами, а леваллуазская техника не являлась доминирующей даже в период, которому соответствуют нижние археологические уровни. На верхних уровнях получила отражение преимущественно параллельная полуобъемная техника раскалывания в одном и встречных направлениях. В орудийных наборах имеются остроконечные формы, среди них – угловатые скребла и остроконечники, но их доля незначительна. Прием тронкирования заготовок использовался, но не систематически. Тронкированно-фасетированные изделия единичны, орудия со следами базальной подправки не обнаружены. Отсутствуют также бифасиально оформленные изделия и лимасы. В целом же для этих индустрий основными орудийными типами являются предметы без следов интенсивной ретушной отделки (ножи, однолезвийные скребла, сколы со следами ретуши), что обусловлено, скорее всего, хозяйственной специализацией рассматриваемых стоянок открытого типа. Эти материалы трудно сравнивать с пещерными комплексами. В данной ситуации основными ориентирами являются использовавшиеся системы первичного расщепления и отдельные яркие орудийные формы. В этом контексте материалам Закавказья наиболее близки археокомплексы нижних горизонтов, представляющие развитую леваллуазскую технику, нацеленную на получение удлиненных, в частности остроконечных, заготовок, и содержащие единичные экземпляры изделий характерных типов, перечисленных выше (остроконечники, тронкированно-фасетированные орудия и т.д.).

Индустрии финала среднего палеолита Приморского Дагестана, как показало его изучение, в динамике демонстрируют продолжение линии развития, которую представляют комплексы среднего палеолита южно-кавказских стоянок: переход в первичном расщеплении от нескольких леваллуазских техник к одному сильно измененному однонаправленному острийному варианту, нацеленному на получение удлиненных конвергентных заготовок. В дальнейшем он модифицируется в параллельную полуобъемную пластинчатую технику раскалывания (в продольном и бипродольном вариантах) при одновременном использовании торцовых форм ядрищ. Орудийные наборы постепенно освобождаются от острийных форм и сложных типов скребел. Еще раньше исчезают орудия со следами бифасиальной обработки и лимасы.

Однако такие изделия, как мустьерские остроконечники фиксируются в более ранних материалах стоянок в долине Рубаса или в подъемных комплексах этой же территории [Деревянко и др., 2012]. Одновременно с указанными процессами увеличивается доля верхнепалеолитических форм, среди которых начинают появляться скребки «классических» типов и отдельные маркирующие изделия (скребки высокой формы, многогранные поперечные резцы). Важно отметить, что, согласно данным радиоуглеродного датирования, материалы рубежа среднего – верхнего палеолита из южно-кавказских памятников синхронны рассматриваемым комплексам Дагестана. Таким образом, последние на ранних стадиях бытования (80–50 тыс. л.н.) проявляли сходство с индустриями загрос-таврийского типа (к их кругу относят материалы стоянок Закавказья), а в более поздний период обнаруживали явные отличия от комплексов соседних территорий. Это позволяет считать дагестанские индустрии локальным вариантом развития среднепалеолитических индустрий Среднего Востока.

Определенные аналогии прослеживаются между материалами финального среднего палеолита Приморского Дагестана и индустриями памятников Русской равнины, которые не соответствуют «восточному микоку» с его характерными формами двухсторонне обработанных орудий. Так, материалы слоев 7–9 стоянки Шлях (средний Дон), датированных естественно-научными методами 44–37 тыс. л.н., отличаются своеобразной техникой получения типологически леваллуазских пластин с торцово-клиновидных и плоскостных нуклеусов со смежными фронтами [Нехорошев, 2009]. На наш взгляд, она близка к технике, реконструированной на основе ремонтажа материалов археологического горизонта 4 стоянки Тинит-1 [Деревянко и др., 2012]. В слое 8 индустрии Шляха также имеются нуклеусы параллельного принципа скалывания с противолежащими ударными площадками и единичные радиальные ядрища. Леваллуазские сколы немногочисленны; индексы подправки площадок: IFlar 19,9, IFstr 12,1 [Нехорошев, 2009]. Орудийный набор составляют остроконечники, ножи, атипичные скребки и резцы, тронкированные сколы, протокостёнковские ножи и скребла с ядрищным утончением («костёнковская подтеска»). Использование последнего приема характерно для индустрии (его проявления зафиксированы на 17 % орудий на сколах). Предметов со следами двухсторонней обработки нет. Материалы слоя 9 свидетельствуют о том, что скалывание производилось в основном с нуклеусов параллельного плоскостного принципа расщепления; среди орудий отсутствуют остроконечники и протокостёнковские ножи; практически не представлен прием ядрищного утончения [Там же, с. 114]. В целом индустрии нижних слоев Шляха близки к материалам дагестанских стоянок по некоторым важным параметрам первичного расщепления. Это трансформация острийной леваллуазской техники в полуобъемную пластинчатую при сохранении небольшого количества типологически леваллуазских заготовок. Сходство с дагестанскими материалами проявляется и в орудийных наборах, в первую очередь слоя 9 стоянки Шлях: преобладают простые формы скребел и сколы с ретушью, представлена верхнепалеолитическая группа орудий, состоящая в основном из атипичных скребков и резцов, имеются единичные экземпляры проколок, концевых скребков, тронкированных сколов, отсутствуют бифасиальные формы.

Материалы нижних слоев стоянки Шлях демонстрируют сходство с некоторыми комплексами стоянок на территории Донбасса (Курдюмовка, Звановка, Белокузьминовка) [Колесник, 2003; Нехорошев, 2009]. Однако проводить аналогии между последними и материалами Приморского Дагестана трудно. В первичном расщеплении у них есть отдельные близкие черты, в первую очередь в ориентации индустрий на получение пластинчатых заготовок с подпризматических нуклеусов при сохранении леваллуазской составляющей среди конечных продуктов расщепления. Однако их орудийные наборы демонстрируют различия. Наиболее яркими формами индустрий белокузьминовской группы являются остроконечники и ножи с утонченным корпусом, протокостёнковские ножи и тронкированные сколы; имеются бифасиальные формы. Среди изделий довольно значительную долю составляют леваллуазские сколы; высок индекс тонкой подправки площадок (для верхнего культуросодержащего слоя Белокузьминовки IFstr равен 43,9) [Колесник, 2003].

Таким образом, в археологических комплексах рубежа среднего – верхнего палеолита Кавказского региона и на юге Русской равнины пока не обнаружены прямые аналоги синхронных индустрий Приморского Дагестана.

Заключение

Изучение индустрий финала среднего палеолита Приморского Дагестана на материалах стоянок Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1 позволяет сделать вывод о постепенном отказе от леваллуазской техники на фоне ее трансформации, направленной на более интенсивное использование технического объема ядрища в рамках полуобъемного пластинчатого расщепления. Параллельно в индустриях происходили изменения в орудийном наборе – исчезали среднепалеолитические острийные формы, упрощалась обработка скребел, увеличивались количество и разно-

образие верхнепалеолитических типов, появлялись единичные маркирующие орудия (скребки с плечиками и высокой формы, тронкированно-фасетированные изделия, многогранные резцы). При этом общий типологический состав орудий соответствовал одной функциональной направленности. Рассмотренные индустрии на протяжении всего периода существования, который составляет ок. 15 тыс. лет (50–35 тыс. л.н.), демонстрируют плавный характер изменений в рамках одной стратегии. Обзор синхронных комплексов ближайших территорий показывал, что по ряду параметров материалы нижних археологических уровней памятников Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1 наиболее близки к инвентарю стоянки Шлях (слои 7–9). Однако по особенностям орудийного набора и приемам вторичной обработки дагестанские комплексы нельзя напрямую соотносить ни с индустрией среднего Дона, ни с территориально и хронологически близкими комплексами Южного Кавказа. Вместе с тем обнаруженные в верхних уровнях стоянок Дагестана руководящие типы орудий (скребки высокой формы и т.д.) позволяют рассматривать данные технокомплексы в контексте общего развития индустрий рубежа среднего – верхнего палеолита западной части Евразии.

Время существования археологических комплексов, непосредственно предшествующих индустриям переходного периода от среднего к позднему палеолиту, западной части Кавказа (Сакажиа, Ортвала-Клде, Мезмайская пещера и др.) определяется интервалом 44–37 тыс. л.н. [Pinhasi, Nioradze, Tushabramishvili et al., 2012], что соответствует датам, полученным для стоянок Приморского Дагестана. Вместе с тем технокомплексы Рубаса-1 и Тинита-1 свидетельствуют об изменениях в технике первичного расщепления и в меньшей степени – в орудийных наборах, направленных на формирование верхнепалеолитических черт. Это позволяет предполагать развитие поздних каменных индустрий региона на местной основе. Однако сегодня на территории Дагестана не известны стратифицированные стоянки с четко идентифицируемыми ассамбляжами начальных и более поздних этапов верхнего палеолита. Но даже при отсутствии информации о позднем палеолите региона можно допустить, что был внешний импульс, возможно, связанный со сменой человеческой популяции, который вызвал изменения в направлении «верхнепалеолитической революции» («дрейф идей») после 37 тыс. л.н.

Список литературы

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего – верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 26–39.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – 251 с.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. – Донецк, 2003. – № 13. – С. 18–66.

Гукасян Р., Колонж Д., Нахапетян С., Оливье В., Гаспарян Б., Моншо Э., Шатене К. Калаван-2 (северное побережье озера Севан, Армения): памятник конца среднего палеолита на Малом Кавказе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 39–51.

Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: ТекНур, 2010. – 220 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Новые данные о позднепалеолитических комплексах местонахождения Рубас-1 (по материалам разведочных шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 66–71.

Джафаров А.К. Мустьерская культура Азербайджана: (по материалам Тагларской пещеры). – Баку: Элм, 1983. – 98 с.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Елм, 1999. – 346 с.

Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1970. – 31 с.

Ерицян Б.Г. Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт I (Армения) // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 42–50.

Ерицян Б.Г., Семенов С.А. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван» // КСИА. – 1971. – Вып. 126. – С. 32–36.

Зейналов А.А. Палеолит Нахчывана: дис. … д-ра философии по истории. – Баку, 2014. – 203 с. – Рукопись.

Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса. – Донецк: Лебедь, 2003. – 294 с. – (Археол. альманах; № 12).

Котович В.Г. Каменный век Дагестана. – Махачкала: Изд-во Даг. фил. АН СССР, 1964. – 226 с.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 9–144.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 108 с.

Нехорошев П.Е. Конец среднего палеолита на Русской равнине в свете материалов стоянки Шлях // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. – Донецк: Донбасс, 2009. – С. 111–128. – (Археол. альманах; № 20).

Adler D.S. Late Middle Palaeolithic Patterns of Lithic Reduction, Mobility, and Land Use in the Southern Caucasus: Unpublished PhD thesis. – Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ., 2002. – 488 p.

Adler D.S., Yeritsyan B., Wilkinson K., Pinhasi R., Bar-Oz G., Nahapetyan S., Mallol C., Berna F., Bailey R., Schmidt B.A., Glauberman P., Wales N., Gasparyan B. The Hrazdan Gorge Palaeolithic project, 2008–2009 // Archaeology of Armenia in Regional Context / eds. P. Avetisyan, A. Bobokhyan. – Yerevan: Gitutyun, 2012. – P. 21–37.

Chataigner C., Ollivier V., Liagre J., Colonge D., Beauval C., Fourloubey Ch. Le Paléolithique en Arménie: état des connaissances acquises et données récentes // Paléorient. – 2003. – Vol. 29/1. – P. 5–18.

Dibble H., McPherron S. Truncated-faceted pieces: hafting modification, retouch, or cores? // Tools versus cores: Alternative approaches to Stone tool analysis. – Newcastle: Cambridge Scholars Publ., 2007. – P. 75–90.

Liagre J., Gasparyan B., Ollivier V., Nahapetyan S. Angeghakot 1 (Armenia) and the identification of the Mousterian cultural facies of "Yerevan points" type in the Southern Caucasus // Paléorient. – 2006. – Vol. 32/1. – P. 5–18.

Pinhasi R., Gasparian B., Wilkinson K., Bailey R., Bar-Oz G., Bruch A., Chataigner C., Hoffmann D.L., Hovsepyan R., Nahapetyan S., Pike A.W.G., Schreve D., Stephens M. The Middle and Upper Palaeolithic of Armenia: a preliminary chronological framework // J. of Human Evol. – 2008. – N 55. – P. 803–816.

Pinhasi R., Gasparian B., Nahapetyan S., Bar-Oz G., Weissbrod L., Bruch A.A., Hovsepyan R., Wilkinson K. Middle Palaeolithic Human Occupation of the High Altitude Region of Hovk-1, Armenia // Quaternary Sci. Rev. – 2011. – Vol. 30, iss. 27. – P. 3846–3857.

Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Adler D.S., Stringer C., Higham T.F.G. New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // J. of Human Evol. – 2012. – N 63. – P. 770–780.

Pleurdeau D., Touchabramichvili N., Nioradze M., Lumley H., de, Lordkipanidze D. Les assemblages lithiques du Paleolithique moyen de Georgie // L'anthropologie. – 2007. – Vol. 111. – P. 400–431.

Rybin E.P. Tools, beads and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.

Škrdla P. Comparison of Boker Tachtit and Stránská skála MP/UP Transitional Industries // J. of the Isr. Prehistoric Soc. – 2003. – N 33. – P. 37–73.

Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia / eds. B. Gasparyan, M. Arimura. – Kanazawa: Kanazawa Univ., 2014. – 370 p.

The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe / eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley et al.: Univ. of California Press, 2004. – 295 p.

The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeol. and Anthropol., 1993. – 238 p.

Transitions before the Transition: Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age / eds. E. Hovers, S.L. Kuhn. – N. Y.: Springer, 2006. – 332 p.

Tsanova T. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros. A taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // J. of Human Evol. – 2013. – Vol. 65/1. – P. 39–64.

Tushabramishvili N., Lorkipanidze D., Vekua A., Tvalcherlidze M., Muskhelishvili A., Adler D.S. The Palaeolithic rockshelter of Ortvale Klde, Imereti region, the Georgian Republic // Préhistoire Européenne. – 1999. – Vol. 15. – P. 65–77.

Volkman P. Boker Tachtit: core reconstructions // Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. – 1983. – Vol. III. – P. 127–190.

Материал поступил в редколлегию 03.02.15 г.

УДК 903.2

А.В. Шалагина, А.И. Кривошапкин, К.А. Колобова
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru
shapkin@archaeology.nsc.ru
kolobovak@yandex.ru

ТРОНКИРОВАННО-ФАСЕТИРОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ*

Тронкированно-фасетированные изделия известны во многих палеолитических комплексах Евразии и Африки. В последнее десятилетие данная категория артефактов была выделена в переходных от среднего к верхнему палеолиту и ранне-верхнепалеолитических индустриях на территории Северной Азии. Наиболее многочисленная коллекция в этом регионе связана с комплексами оби-рахматской культурной традиции. Анализ тронкированно-фасетированных изделий показал, что, несмотря на унифицированные морфометрические параметры, их функциональная принадлежность могла различаться. Сопоставление этих артефактов с различных территорий позволило выявить их культуро- и хрономаркирующее значение при характеристике финальных среднепалеолитических, переходных и ранних верхнепалеолитических комплексов Северной Азии.

Ключевые слова: *финальный средний палеолит, ранний верхний палеолит, Северная Азия, тронкированно-фасетированные изделия, «орудия-маркеры».*

A.V. Shalagina, A.I. Krivoshapkin, and K.A. Kolobova
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru; shapkin@archaeology.nsc.ru; kolobovak@yandex.ru

TRUNCATED-FACETED PIECES IN THE PALEOLITHIC OF NORTHERN ASIA

Truncated-faceted pieces have been reported from many Paleolithic industries of Eurasia and Africa. In the latest decade, this category of artifacts was identified in the Middle to Upper Paleolithic transitional and Early Upper Paleolithic industries of Northern Asia as well. The largest collection of truncated-faceted pieces in this region is associated with the Obi-Rakhmatian tradition, primarily with the Paleolithic industry of the Obi-Rakhmat Grotto, Uzbekistan. A detailed analysis of Obi-Rakhmatian truncated-faceted pieces shows that despite unified morphometric characteristics, they could differ in function. A comparison of Obi-Rakhmatian truncated-faceted pieces with similar artifacts from nearby areas revealed their importance as a cultural and chronological marker of terminal Middle Paleolithic and early Upper Paleolithic industries in Northern Asia.

Keywords: *Final Middle Paleolithic, early Upper Paleolithic, Northern Asia, truncated-faceted pieces.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.033-045

Введение

Среди вопросов, связанных с изучением эволюционных процессов, миграций, межпопуляционных взаимодействий в палеолите, актуальным является выделение конкретных критериев, которые позволяют установить взаимосвязи между сравниваемыми комплексами. В исследовательской литературе существует несколько подходов к определению таких критериев [Вишняцкий, 2004, с. 42; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007, с. 22–25; Деревянко, 2009, с. 6–8].

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

© Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., 2015

Одним из основных подходов является выделение «руководящих ископаемых», или «орудий-маркеров» [Рыбин, 2000; Rybin, 2014]. К ним относят различные категории изделий: специфичные кареноидные резцы и скребки, острия с утонченным основанием и т.д. [Burins préhistoriques…, 2006, p. 23–35; Le Brun-Ricalens, 2006; Dinnis, 2008; Rybin, 2014]. В данный список включается и такая группа артефактов, как тронкированно-фасетированные изделия. Они выделены в различных регионах: в Северной Африке, Западной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке, Кавказе, Русской равнине [Leakey, 1931, с. 99–100, 202, 216; McPherron, Dibble, 2000; Otte, 1980; Nishiaki, 1985; Любин, Джафаров, 1986; Нехорошев, 1999] и в Северной Азии [Кривошапкин, 2012; Рыбин, Колобова, 2005–2009]. Несмотря на широкое распространение этих изделий в палеолитических индустриях, в литературе до сих пор отсутствует их четкое типологическое определение, и нередко в одну категорию попадают предметы с различными морфометрическими характеристиками.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу тронкированно-фасетированных изделий с памятников оби-рахматской культурной традиции, где артефакты подобного рода многочисленны, метрически и типологически стандартизированы, что позволяет, на наш взгляд, определить их хроно- и культуромаркирующее значение для переходных от среднего к верхнему палеолиту индустрий Северной Азии.

Историографический контекст

Первые упоминания об орудиях, аналогичных по своим морфологическим параметрам тронкированно-фасетированным изделиям, встречаются у Л. Лики при описании капсийской верхнепалеолитической культуры Кении. Работая с материалом пещеры Гамбль II, исследователь выделил серию орудий на пластинах с грубо оформленным рабочим краем, расположенным под прямым углом по отношению к длинной оси скола. Исходя из предполагаемой функции, Л. Лики назвал их «sinew frayers» – «трепало для сухожилий», поскольку наблюдал, как в некоторых современных племенах Кении подобными орудиями обрабатывали сухожилия животных, расщепляя их на волокна [Leakey, 1931, p. 99–100, 160–163]. Позже М. Ньюкамер и Ф. Ивернель-Гер пересмотрели эту коллекцию артефактов и пришли к выводу, что в технологическом контексте изделия больше соответствуют нуклеусам. Мелкие сколы, полученные с таких ядрищ, могли использоваться для изготовления геометрических микролитов [Newcomer, Hivernel-Guerre, 1974].

Само понятие «тронкированно-фасетированные изделия» было предложено при изучении памятников мустье Леванта. Первым эти изделия выделил и описал Б. Шрёдер на материалах местонахождения Ерф-Айла в Сирии [Shroeder, 1966]. Позднее они были зафиксированы и в других мустьерских комплексах региона [Solecki R.S., Solecki R.A., 1970; Nishiaki, 1985; Crew, 1975]. Роза и Ральф Солеки по материалам памятника Нахр-Ибрагим (Ливан) выделили своеобразную тронкированно-фасетированную технику (рис. 1, *1, 2*), которая могла применяться для различных целей (создание особой формы края, подготовка для крепления в рукояти). Иногда подобные предметы выступали и в качестве нуклеусов. В соответствии с таким подходом исследователями было выделено шесть типов тронкированно-фасетированных изделий [Solecki R.S., Solecki R.A., 1970]. Несколько вероятных интерпретаций подобных артефактов (технология утончения для крепления в рукояти, особый вид нуклеусов) рассмотрены и Ёшихиро Нишиаки на примере коллекции из пещеры Кео (Ливан). Однако он исключает возможность использования тронкированно-фасетированной техники с целью создания зазубренного рабочего края [Nishiaki, 1985].

Х. Диббл и Ш. Мак-Феррон проанализировали коллекции с памятников Биситун (Иран) (рис. 1, *3, 4*), Пеш-де-Лязе IV, Ля-Котт-де-Сан-Брелад (Франция). В результате сопоставления полученных данных с существующими гипотезами относительно функциональной интерпретации тронкированно-фасетированных изделий авторы заключили, что такие артефакты являются нуклеусами для получения мелких сколов [Dibble, McPherron, 2007]. Данная категория каменных предметов была выделена также в Загросе на стоянках Варвази [Dibble, Holdaway, 1993], Шанидар [Solecki, 1954] и Кунджи [Baumler, Speth, 1993]. Исключительно технологический подход продемонстрировали Ю. Демиденко и В. Усик при анализе коллекции из грота Тор-Фарадж (Иордания), в которой были выявлены апплицирующиеся тронкированно-фасетированные изделия и леваллуазские сколы [Demidenko, Usik, 2003].

В целом следует отметить, что в среднепалеолитических комплексах Ближнего Востока тронкированно-фасетированные изделия никогда не рассматривались ни в качестве «руководящих ископаемых», ни как культурные маркеры. Вероятнее всего, это связано со значительным распространением данных артефактов в регионе в широком хронологическом интервале [Hovers, 2007]. Их присутствие обосновывалось недостатком каменного сырья и особыми стратегиями мобильности древнего населения [Wallas, Shea, 2006].

В русскоязычной литературе для обозначения рассматриваемых предметов часто использовались понятия «площадочный» или «ядрищный способ

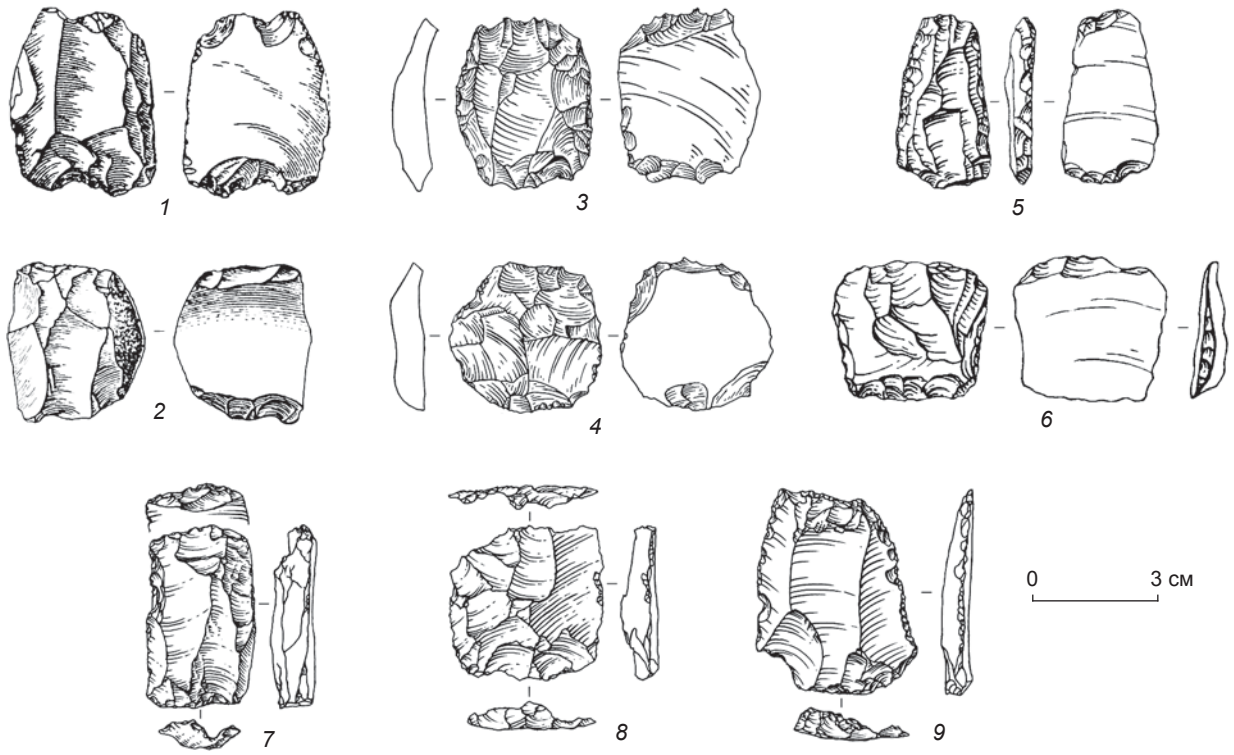


Рис. 1. Тронкированно-фасетированные изделия.
1, 2 – Нахр-Ибрагим, Ливан (по: [Solecki R.S., Solecki R.A., 1970, p. 141, fig. 1]); *3, 4* – Биситун, Загрос (по: [Dibble, 1984, p. 28, fig. 3]); *5, 6* – Таглар, Кавказ (по: [Любин, Джафаров, 1986, с. 76, рис. 1]); *7–9* – Оби-Рахмат, Средняя Азия.

утончения». Изделия, аналогичные по своим морфологическим характеристикам тронкированно-фасетированным, зафиксированы на Кавказе в среднепалеолитических комплексах Ереванской пещеры (Армения), Азыхской (мустьерский слой) и Тагларской (Азербайджан) [Ерицян, 1970, 1981; Гусейнов, 2010; Любин, Джафаров, 1986]. В материалах последней исследователи отдельно выделили скребла, «корпус которых утончен не локально, а сплошь, на всем своем протяжении, посредством снятия плоских лицевых ретушных сколов с одной или нескольких вспомогательных ударных площадок» [Любин, Джафаров, 1986, с. 75]. Такие орудия вошли в литературу как скребла тагларского типа (рис. 1, *5, 6*). Тронкированно-фасетированные изделия также были описаны исследователями в мустьерских комплексах Крыма [Veselsky, 2008; Demidenko, 2008].

П.Е. Нехорошев, изучавший среднепалеолитические памятники Русской равнины, выделил «костёнковскую подтеску» – ядрищное, в продольном направлении, утончение дорсальной плоскости орудия, – посредством которой оформлялись протокостёнковские ножи и скребла [Нехорошев, 1996]. Такие ножи, по мнению автора, имеют мало общего с костёнковскими и получили свое наименование благодаря схожему приему оформления. Однако, если на костёнковских ножах подтеска производилась с целью восстановления острой режущей кромки лезвия, притупившегося в процессе использования [Беляева, 1977; Лев, Кларик, Гиря, 2009], то на протокостёнковских – для утончения корпуса орудия со стороны спинки [Нехорошев, 1999, с. 146]. Несмотря на упоминания многими исследователями ножей костёнковского типа в одном ряду с нуклеусами «нахр-ибрагим» и «sinew-frayers» [Nishiaki, 1985; Shroeder, 2007; Frick, 2012], на примере материалов Зарайской стоянки доказано, что в случае с классическими орудиями этого типа речь идет исключительно об особой технике подживления их рабочего края [Лев, Кларик, Гиря, 2011, с. 248–251].

Одна из наиболее многочисленных коллекций (219 экз.) тронкированно-фасетированных изделий в Евразии собрана на памятнике Оби-Рахмат (Узбекистан), где подобные предметы (рис. 1, *7–9*) найдены практически во всех культурных слоях [Кривошапкин, 2012]. Также они обнаружены в слое 23 стоянки Кульбулак (Узбекистан), материалы которого отнесены к начальным этапам существования переходной от среднего к верхнему палеолиту оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин и др., 2010]. Значительное количество (47 экз.) таких артефактов выявлено на памятнике Худжи (Таджикистан), ассоциирующемся с поздним этапом оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012].

Тронкированно-фасетированные изделия зафиксированы во многих комплексах каменного века на территории Евразии и Африки, однако определение их типологической принадлежности все еще порождает множество вопросов. Данное обстоятельство объясняется отсутствием единой общепринятой типологической и категориальной дефиниции.

Тронкированно-фасетированные изделия из грота Оби-Рахмат

Грот Оби-Рахмат является ключевым памятником при изучении финального среднего палеолита и перехода к верхнему палеолиту в западной части Центральной Азии. Он расположен на территории Республики Узбекистан в 100 км к северо-востоку от г. Ташкента, на высоте 1 250 м над ур. м. (рис. 2). Памятник был открыт в 1962 г. археологическим отрядом Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемым А.Р. Мухамеджановым. Основные исследования грота и публикация материала осуществлялись в 1964–1965 [Сулейманов, 1972] и 1998–2012 гг. в рамках сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Института истории и археологии АН РУз [Деревянко и др., 1998; Кривошапкин, Павленок, Шнайдер и др., 2012].

В результате последнего этапа изучения памятника (1998–2012 гг.) было выделено 37 культуросодержащих горизонтов с различной насыщенностью археологическим материалом. Данные радиоуглеродного датирования средней и верхней пачки отложений комплекса свидетельствуют об их формировании более 40 тыс. л.н., а ЭПР- и ОСЛ-даты указывают на возраст самых нижних культурных горизонтов в 70–80 тыс. лет [Krivoshapkin, Kuzmin, Jull, 2010].

В основе оби-рахматской каменной индустрии лежит среднепалеолитическая пластинчатая технология с незначительным присутствием модифицированной леваллуазской. Основной ее спецификой является наблюдаемое в материалах всех слоев памятника сочетание средне- и верхнепалеолитических характеристик как на технологическом, так и на типологическом уровне [Кривошапкин, 2012]. Одна из характерных черт – наличие практически во всех культурных горизонтах тронкированно-фасетированных изделий, коллекция которых составляет 219 экз. Наибольшее их количество (117 экз.) обнаружено в нижних стратиграфических подразделениях 21–19, что может быть связано как с большей площадью вскрытия нижних слоев, так и с расположением раскопанных участков относительно структуры грота. В верхних горизонтах 18–4 таких артефактов значительно меньше (31 экз.).

На основе атрибутивного подхода были изучены основные формообразующие элементы оби-рахматских тронкированно-фасетированных изделий, в результате чего определен их общий морфологический облик (рис. 3, 4): на сколе или фрагменте скола прямоугольной либо овальной формы создавалась одна или несколько тронкированно-фасетированных плоскостей, с которых производились мелкие снятия, приуроченные к ребрам заготовки либо направленные

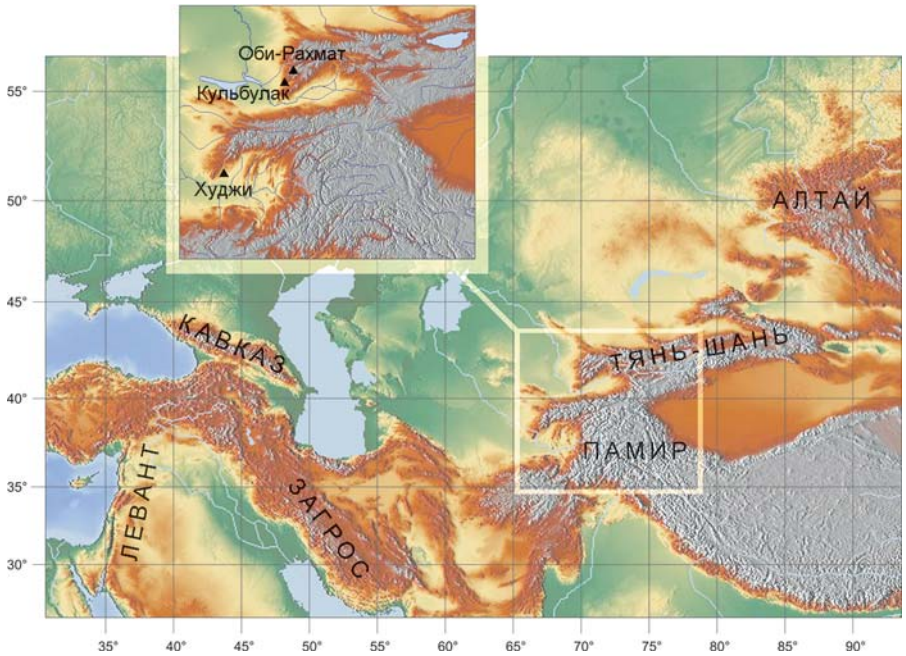


Рис. 2. Расположение памятников оби-рахматского варианта перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии.

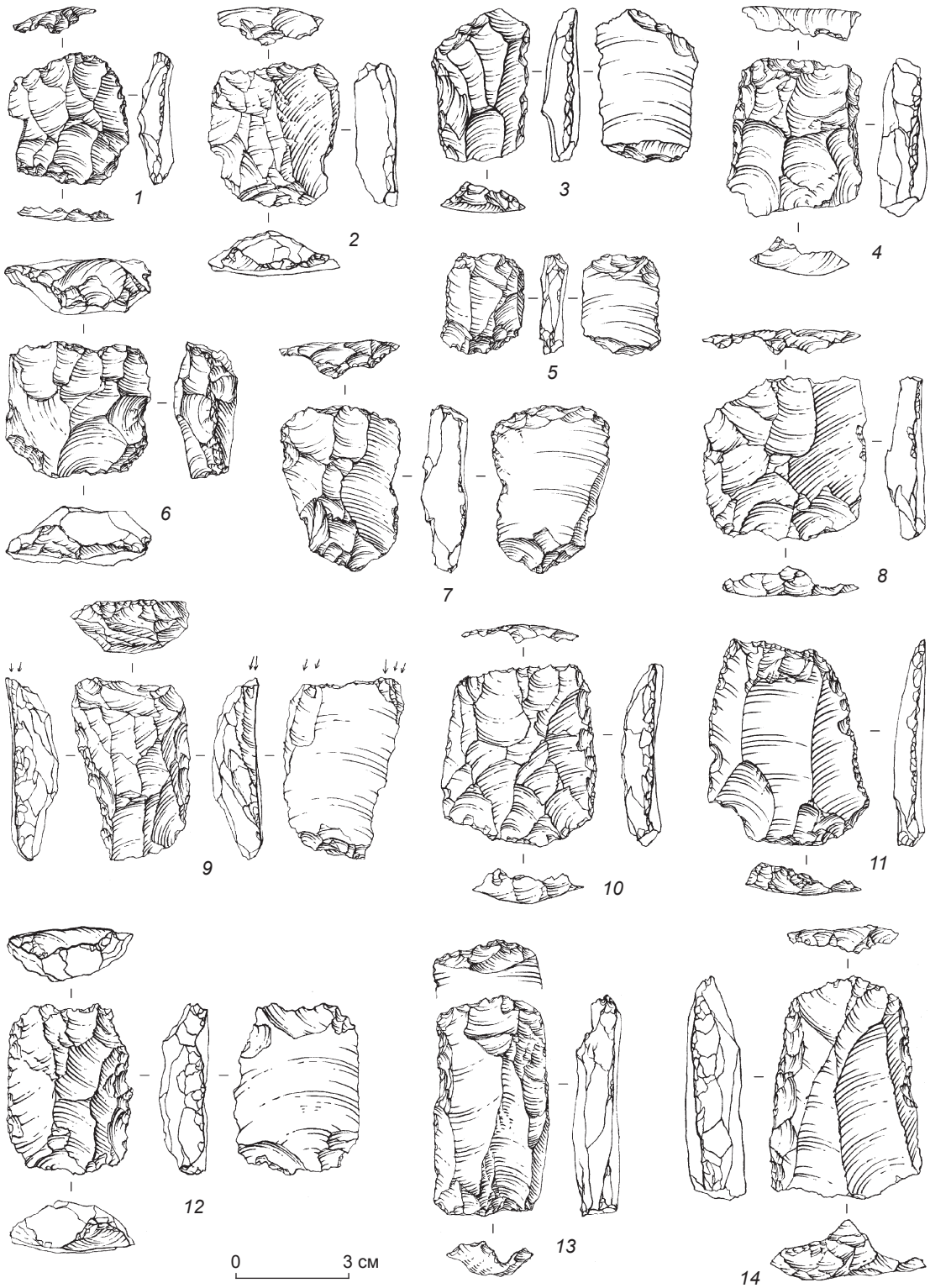


Рис. 3. Тронкированно-фасетированные изделия из слоев 21–19 грота Оби-Рахмат.

на уплощение ее проксимальной части. В качестве заготовок предпочитали использовать массивные в поперечном сечении, удлиненные сколы трапециевидной, прямоугольной, квадратной или овальной формы (чаще всего это были отщепы, гораздо реже пластины и фрагменты сколов).

Процесс изготовления тронкированно-фасетированного изделия (рис. 5) начинался с формирования

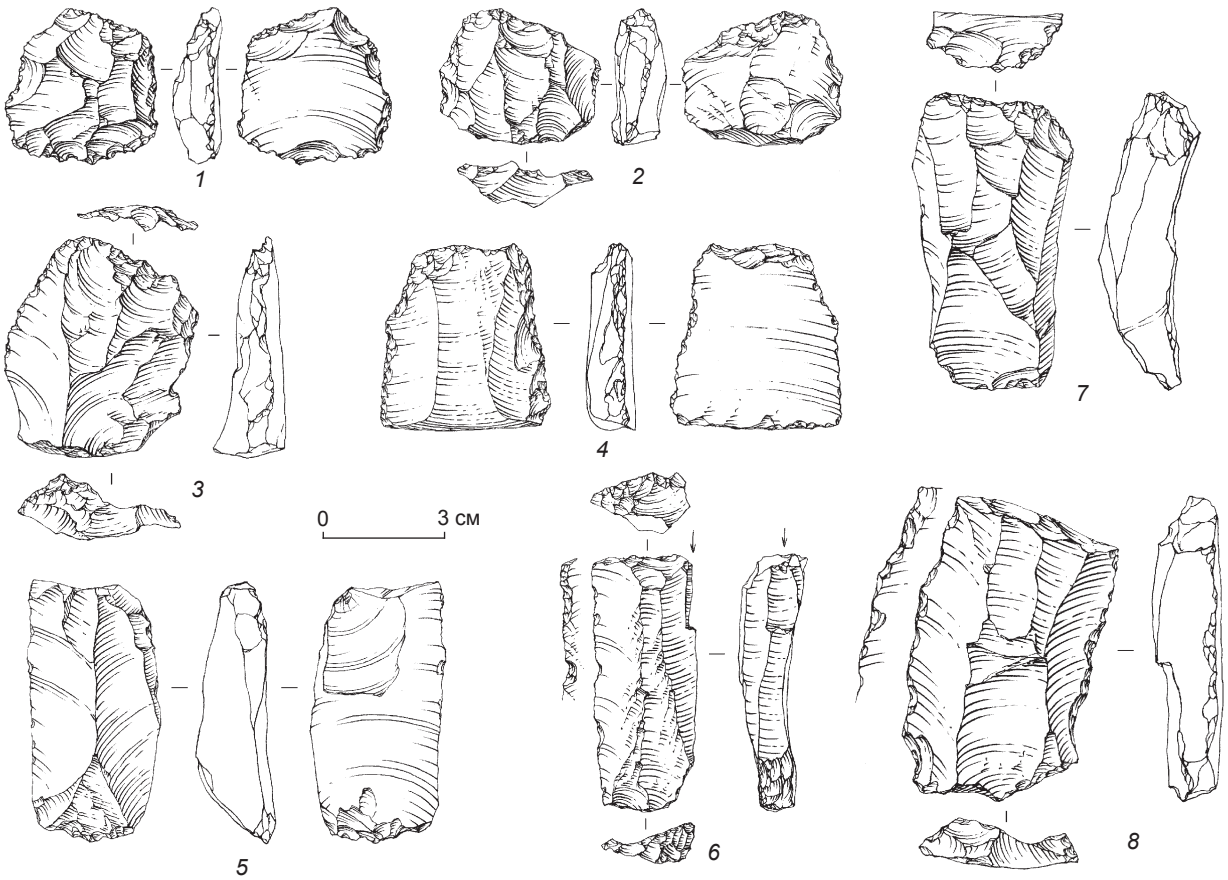


Рис. 4. Тронкированно-фасетированные изделия из слоев 18–4 грота Оби-Рахмат.

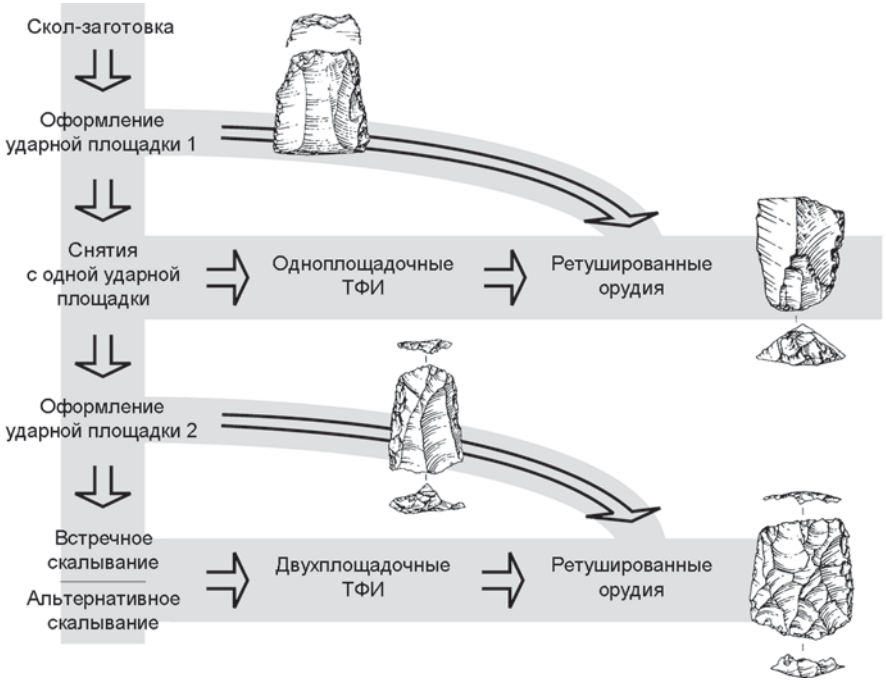


Рис. 5. Редукционная схема рассматриваемых тронкированно-фасетированных изделий (ТФИ).

усеченной ретушированной плоскости (плоскостей), которая в дальнейшем служила ударной площадкой для реализации нескольких мелких снятий. Тронкированно-фасетированная плоскость фиксируется в проксимальной или дистальной части скола, на поперечном сломе, иногда на продольных краях заготовки. Она оформлялась несколькими способами: при помощи поперечного фасетирования (см. рис. 3, *1, 5, 7, 10, 11*), продольно-поперечного ретуширования (см. рис. 3, *3, 6, 9, 13, 14*), посредством продольных сколов, напоминающих резцовые (см. рис. 3, *4*), а также несколькими крупными поперечными снятиями (см. рис. 4, *1, 2*). В некоторых случаях дополнительная подправка не производилась. Иногда практиковались снятия с остаточной ударной площадки скола-заготовки.

Большая часть тронкированно-фасетированных плоскостей значительно скошена (вплоть до 40–50°) по отношению к поверхности, с которой в дальнейшем производились снятия, за исключением случаев скалывания с неоформленной плоскости поперечного слома. С тронкированно-фасетированной плоскости реализовывались мелкие снятия на дорсальной или вентральной поверхности заготовки. На завершающих этапах оформления изделия в некоторых случаях на продольные края наносилась преднамеренная ретушь. Зависимости между частотой вторичной обработки и количеством ударных площадок не выявлено. Помимо преднамеренной ретуши на отдельных изделиях отмечается наличие ретуши утилизации, которая в большинстве случаев присутствует на одном продольном крае, на двух она фиксируется только на предметах с двумя площадками.

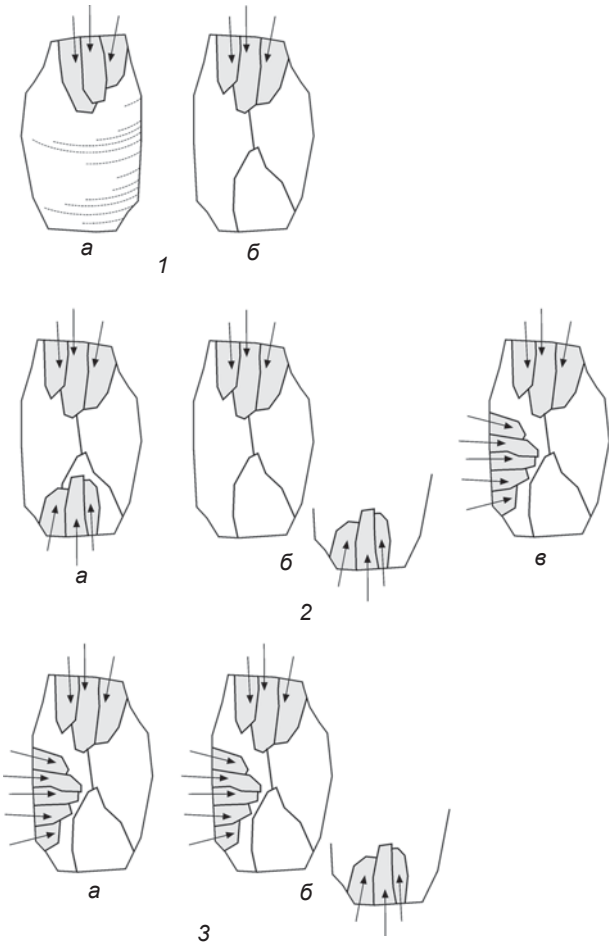


Рис. 6. Типологическая схема анализируемых тронкированно-фасетированных изделий.

Вариабельность тронкированно-фасетированных изделий в индустриях грота Оби-Рахмат

Для выявления причин типологической вариабельности тронкированно-фасетированных изделий коллекция была разделена на несколько групп: 1) одноплощадочные предметы со снятиями на дорсальной или вентральной поверхности (рис. 6, *1*); 2) двухплощадочные со встречным, альтернативным или продольно-поперечным скалыванием (рис. 6, *2*); 3) многоплощадочные со снятиями на одной или двух плоскостях (рис. 6, *3*). Некоторые изделия не входят ни в одну из трех групп, поскольку на них были оформлены тронкированно-фасетированные плоскости, но снятия не производились. Эти предметы отнесены к заготовкам.

Большую часть коллекции составляют одно- и двухплощадочные тронкированно-фасетированные изделия, причем для верхних слоев (18–4) характерно преобладание одноплощадочных, а для нижних (21–19) – более сложных в оформлении двухплощадочных со встречным, альтернативным или продольно-поперечным скалыванием (рис. 7, *1*). По мере развития индустрии сколы, оформляющие тронкированно-фасетированную плоскость, заметно укрупняются, за счет чего сокращается их количество – для оформления площадки все чаще становится достаточно двух-трех продольных или поперечных снятий (рис. 7, *2*). Кроме того, прослеживаются изменения угла скалывания: в верхних слоях больше изделий, на которых угол между усеченной площадкой и поверхностью расщепления составляет от 70 до 90° (рис. 8, *1*). Возможно, это связано с менее тщательным оформлением ударной площадки.

В верхних слоях грота (18–4) отмечено увеличение метрических параметров изделий. Если в нижних слоях (21–19) значения длины большей части заготовок находятся в интервале 29–62 мм, то в верхних (18–4) они уже варьируют от 38 до 70 мм. Аналогичный процесс фиксируется для толщины изделий: ди-

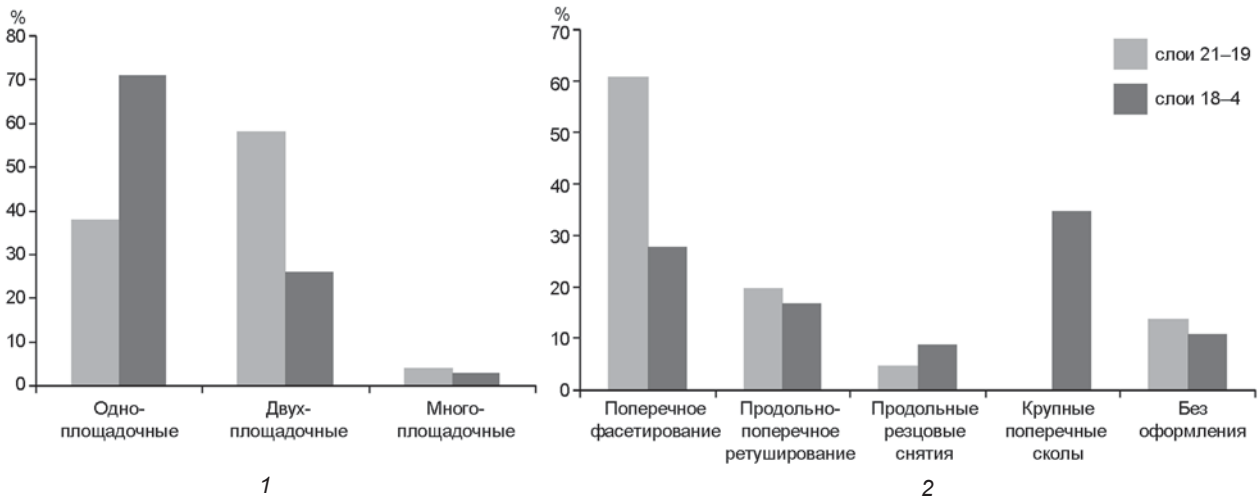


Рис. 7. Распределение тронкированно-фасетированных изделий из грота Оби-Рахмат в соответствии с количеством ударных площадок (*1*) и способами их оформления (*2*).

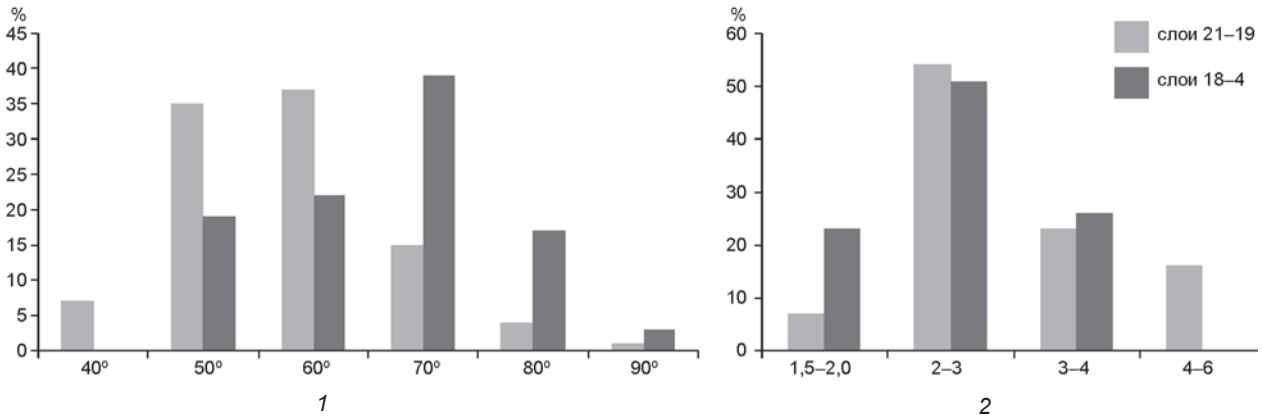


Рис. 8. Распределение тронкированно-фасетированных изделий из грота Оби-Рахмат в соответствии со значениями угла скалывания (*1*) и индекса массивности (*2*).

апазон значений увеличивается от 7–18 (слои 21–19) до 10–20 мм (слои 18–4). При этом ширина предметов во всех индустриях грота от 22 до 51 мм. Таким образом, снизу вверх по разрезу тронкированно-фасетированные изделия становятся более удлиненными и массивными (рис. 8, *2*).

При подсчете остаточных негативов снятий выяснилось, что снималось от одного до 15 сколов (чаще всего три – восемь). В основном это отщепы и пластинки. В нижних слоях (21–19) негативы снятий занимают от 1/6 до 1/3 длины изделия, а в верхних (18–4) – до половины и более, причем фиксируется увеличение их размеров.

В верхних культурных подразделениях памятника (18–4), по сравнению с нижними, значительно сокращается доля тронкированно-фасетированных изделий с ретушью на продольных краях. При наличии ретуши она локализуется только на одном крае, в то время как в нижних слоях (21–19) – чаще на двух.

Таким образом, несмотря на схожесть основных морфологических характеристик тронкированно-фасетированных изделий в верхних (см. рис. 4) и нижних (см. рис. 3) слоях грота Оби-Рахмат, с развитием индустрии прослеживаются тенденции в сторону упрощения общей схемы их оформления. Мастера начинают менее тщательно подходить к выбору заготовок. Сколы и фрагменты сколов, на которых оформляются тронкированно-фасетированные изделия, становятся асимметричными в плане и в профиль. Изделия делаются более массивными, при этом значительного утончения посредством снятий с площадки не происходит. Кроме того, увеличиваются размеры не только самих предметов, но и сколов, полученных с усеченной площадки. Данные выводы сделаны для большинства тронкированно-фасетированных изделий. Тем не менее в коллекции из верхних слоев грота выделены единичные экземпляры, аналогичные по морфометрическим параметрам изделиям из нижних слоев.

Функциональная принадлежность тронкированно-фасетированных изделий

С момента выделения данной категории артефактов среди исследователей не было единства по поводу их функциональной принадлежности. В литературе сложились три основные интерпретации: 1) технология утилизации нуклеуса на сколе; 2) техника утончения орудий для крепления в рукояти; 3) технология создания специфического рабочего края изделия. Некоторые исследователи сходятся во мнении, что тронкированно-фасетированная технология в рамках одной индустрии в зависимости от ситуации могла применяться для решения нескольких перечисленных задач [Solecki R.S., Solecki R.A., 1970; Nishiaki, 1985].

Зафиксированная в комплексах нижних и верхних слоев грота Оби-Рахмат метрическая и морфологическая вариабельность тронкированно-фасетированных изделий, с нашей точки зрения, отражает их функциональную специфику. Такие артефакты из нижних слоев (21–19), на наш взгляд, следует рассматривать, в первую очередь, как орудия по следующим причинам.

1. Технология изготовления тронкированно-фасетированных изделий практически дублирует процесс утилизации плоскостных нуклеусов, однако с них не серийно снимались мелкие нестандартизированные отщепы и пластинки. При этом технология производства стандартизированных серийных заготовок с плоскостных нуклеусов на сколах была известна в оби-рахматской индустрии. Заготовки, аналогичные скалываемым с тронкированно-фасетированных изделий, можно было получить с ядрищ, которые демонстрируют более высокую производительность (например, клиновидные для снятия пластинок и кареноидные нуклеусы) [Кривошапкин, Колобова, Белоусова, Исламов, 2012].

2. Сколы, получаемые с рассматриваемых изделий, по своим метрическим параметрам не соответствуют предметам из орудийного набора. Длина самого большого негатива снятия с тронкированно-фасетированной плоскости не превышает 25 мм, в то время как длина отщепов, из которых в оби-рахматской индустрии изготавливались орудия, варьирует от 40 до 60 мм [Колобова, Кривошапкин, Славинский, 2003]. Систематического же получения пластинчатых заготовок с тронкированно-фасетированных изделий не наблюдается, и обработка пластинок в целом не свойственна этой индустрии.

3. Детальное изучение негативов снятий на поверхности данных предметов показало, что оформлению тронкированно-фасетированного края придавалось особое значение. Посредством анализа их последовательности [Richter, 2001; Kot, 2014] было установлено, что в некоторых случаях расщепление завершалось не снятиями с усеченной площадки, а сколами, оформляющими ее поверхность (рис. 9, *7*). Кроме того, в коллекции отмечены предметы, на которых оно заканчивалось снятием крайне мелких сколов (рис. 9, *11, 12*), способствовавших формированию зазубренного края между фронтом расщепления и тронкированно-фасетированной плоскостью (см. рис. 3, *6, 10, 11, 13*). Подобные сколы не могли служить заготовками в силу их миниатюрных размеров. В процессе анализа было отмечено, что каждое последующее снятие с ударной площадки часто приходилось не на межфасеточное ребро негативов предыдущих сколов, а на участок в некотором отдалении от него, в результате чего формировались мелкие выступы/зазубрины.

4. На некоторых изделиях был зафиксирован прием поочередного снятия мелких сколов на тронкированно-фасетированной плоскости и на поверхности расщепления, также формирующий зубчатый край. В данном случае снятия на тронкированно-фасетированной плоскости сложно назвать ее оформлением, поскольку они не способствовали успешному производству сколов.

Такие особенности оформления рассматриваемых изделий, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу гипотезы об их использовании для получения отдельных волокон растительного или животного происхождения [Leakey, 1931, p. 100]. Наблюдения Л. Лики,

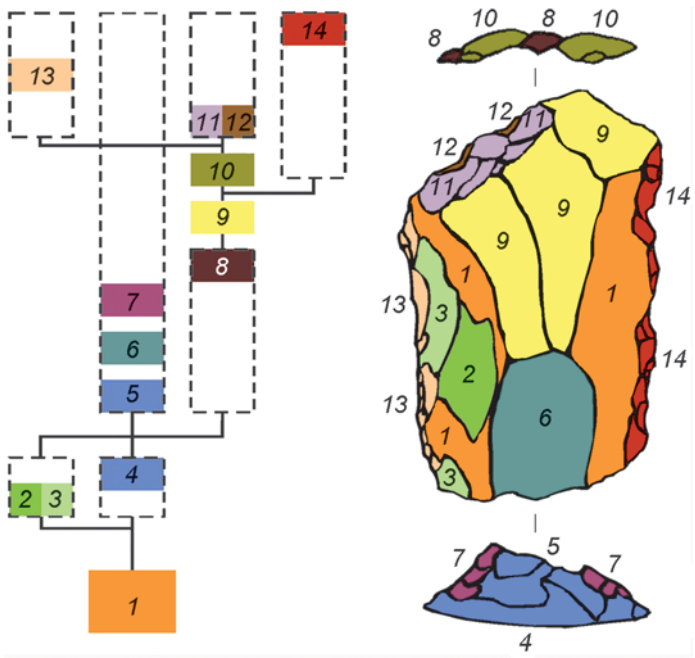


Рис. 9. Последовательность негативов снятий на тронкированно-фасетированном изделии из слоя 21 грота Оби-Рахмат.

а также этнографические сведения, указывающие на то, что нити изготавливались в основном из сухожилий со спины и конечностей копытных животных, коррелируются с характеристикой фаунистических материалов грота Оби-Рахмат, в которых широко представлены кости конечностей мелких и средних копытных [Ринн, 2004]. Предположение же о получении растительных волокон обитателями грота стоит исключить, потому что, как показывают палинологические исследования, в момент осадконакопления в этой местности была развита сухая степь среднегорий Тянь-Шаня [Деревянко и др., 2001, с. 51–54].

Технология оформления большинства тронкированно-фасетированных изделий из верхних слоев грота (18–4) по ряду параметров скорее напоминает процесс утилизации нуклеусов на сколах.

1. В верхних слоях обнаружены массивные в поперечном сечении изделия (см. рис. 8, *2*), в целом имеющие бóльшие размеры, чем подобные артефакты из нижних слоев. В некоторых случаях зафиксированы крупные удлиненные негативы сколов, которые могли впоследствии оформляться в орудия. Эти негативы доходят до середины предмета и иногда достигают 40 мм, что, в принципе, соответствует длине орудий на отщепах (40–60 мм) из верхнего комплекса, а также пластинчатых заготовок с ретушью (40–60 мм) из слоев 5–2 [Колобова, Кривошапкин, Славинский, 2003].

2. Несмотря на то что в целом по всему разрезу фиксируется примерно одинаковое количество негативов снятий на тронкированно-фасетированных изделиях, в верхних слоях (18–4) наблюдается меньше сколов, ушедших в залом. Это демонстрирует более успешный процесс получения мелких сколов-заготовок с тронкированно-фасетированной плоскости.

3. Для рассматриваемых изделий из верхних слоев характерен упрощенный способ оформления тронкированно-фасетированных ударных площадок (посредством нескольких крупных поперечных снятий; см. рис. 4, *1, 2, 7*), который зафиксирован на других нуклеусах оби-рахматской индустрии [Кривошапкин, 2012].

Таким образом, есть основания полагать, что тронкированно-фасетированные изделия из нижних и верхних культурных подразделений грота Оби-Рахмат имеют различную функциональную принадлежность. Стандартизированная серия этих изделий из нижних слоев (21–19), на наш взгляд, представляет собой орудия, основным рабочим элементом которых является зазубренный край между тронкированно-фасетированной плоскостью и плоскостью расщепления, а продольные края с ретушью выполняют вспомогательные функции. Данные палеоэкологических реконструкций свидетельствуют в пользу того, что с помощью таких орудий обрабатывались сухожилия копытных животных. Основная часть тронкированно-фасетированных изделий из верхних слоев грота (18–4) с большой степенью вероятности утилизировалась как нуклеусы для получения мелких сколов-заготовок.

Применительно к оби-рахматским тронкированно-фасетированным изделиям предположение о снятии с них сколов для утончения заготовки с целью дальнейшего крепления в рукояти кажется сомнительным. В коллекции достаточно много предметов, на которых не фиксируется существенного утончения посредством снятий с усеченной плоскости. Это объясняется неравномерным распределением сколов на плоскости расщепления или присутствием множества снятий, ушедших в заломы. Кроме того, тронкированно-фасетированные плоскости могли располагаться как на торцовых, так и на продольном крае заготовки (соответственно снятия фиксируются в продольном и поперечном направлениях), что не укладывается в рамки предположения о креплении подобных орудий в рукояти.

Обсуждение

В западной части Центральной Азии, помимо грота Оби-Рахмат, известен ряд стратифицированных археологических объектов, индустрии которых также относятся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту и содержат тронкированно-фасетированные изделия. Прежде всего, конечно, это памятники различных этапов оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012] Кульбулак (Узбекистан) и Худжи (Северный Таджикистан).

В слое 23 стоянки Кульбулак было найдено лишь одно тронкированно-фасетированное изделие (рис. 10, *1*). Его морфометрический облик аналогичен таковому артефактов данной категории из нижних слоев (21–19) грота Оби-Рахмат, что позволяет, учитывая и целый ряд других параметров, отнести эту индустрию к раннему этапу оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин и др., 2010; Vandenberghe et al., 2014].

Детальное изучение тронкированно-фасетированных изделий со стоянки Худжи (47 экз.; рис. 10, *2–8*) показало, что по основным характеристикам они в целом схожи с такими артефактами из грота Оби-Рахмат, но менее стандартизированы по метрическим и морфологическим параметрам. Худжийские тронкированно-фасетированные изделия, в отличие от оби-рахматских, часто демонстрируют свидетельства относительно крупных снятий (длиной 30–60 мм), занимающих практически весь фронт расщепления. Характерная для предметов данной категории из грота Оби-Рахмат S-образная форма края между тронкированной плоскостью и плоскостью расщепления (которая могла служить рабочей поверхностью)

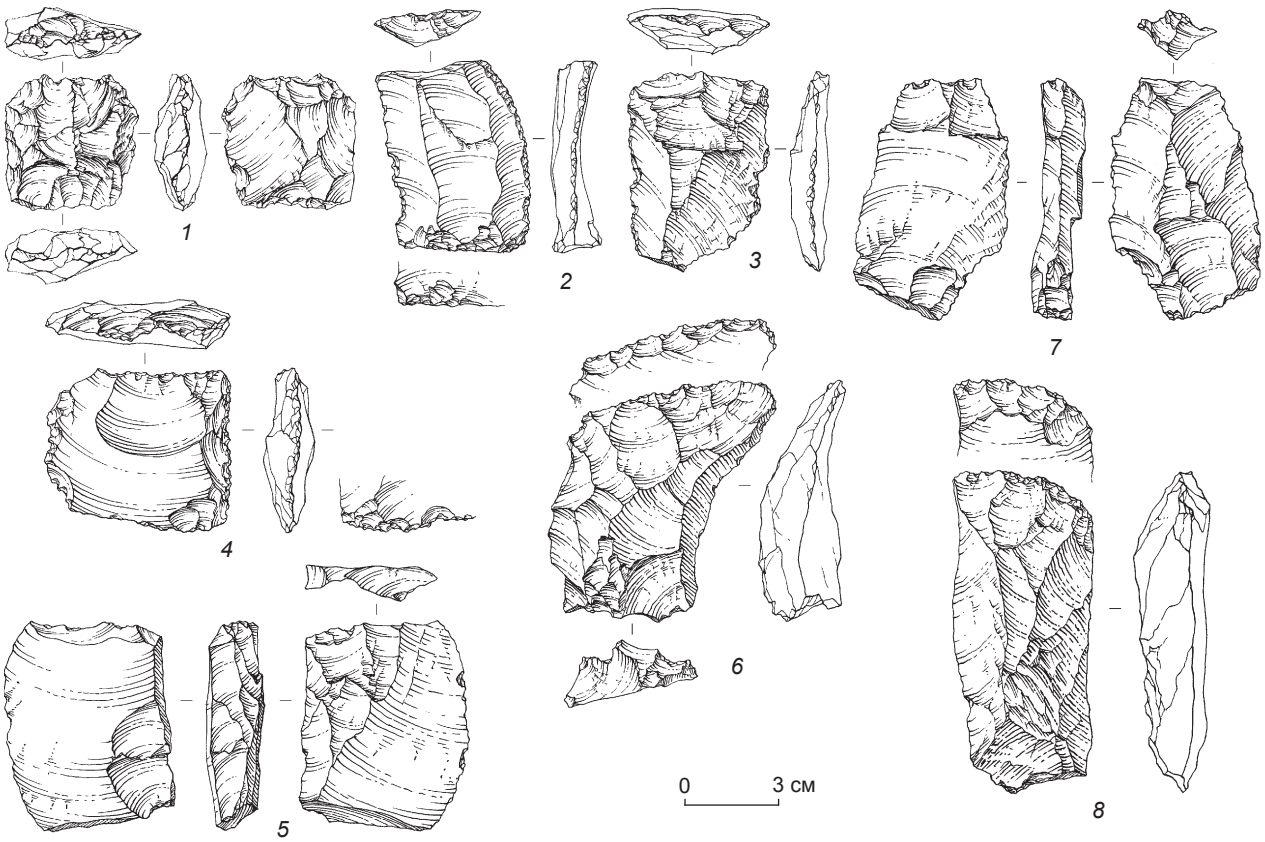


Рис. 10. Тронкированно-фасетированные изделия из комплексов оби-рахматской культурной традиции.
1 – Кульбулак, *2–8* – Худжи.

наблюдается лишь на половине артефактов из коллекции со стоянки Худжи, а краевая ретушь, также типичная для оби-рахматских изделий, фиксируется всего на одном худжийском.

Сопоставительный анализ показал сходство тронкированно-фасетированных изделий с памятника Худжи в первую очередь с таковыми из верхних культурных слоев (18–4) грота Оби-Рахмат, характеризующимися упрощенной схемой оформления. Данное наблюдение хорошо соотносится с высказанным ранее мнением, согласно которому индустрия этой стоянки относится к развитым этапам оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012; Павленок, Кривошапкин, 2014].

В Центральной Азии тронкированно-фасетированные изделия встречаются также в палеолитических комплексах Монголии, Западной и Южной Сибири, где для обозначения подобных предметов исследователи используют термин «изделие с вентральным утончением на дистальном окончании» [Рыбин, Колобова, 2005–2009]. Несмотря на то, что они представлены единичными находками, эти артефакты рассматриваются как «орудия-маркеры» в индустриях начального верхнего палеолита на данной территории [Rybin, 2014].

Наибольшее сходство тронкированно-фасетированные изделия с памятников оби-рахматской традиции демонстрируют с подобного рода предметами из загросского мустье и среднепалеолитических комплексов Леванта. Данное наблюдение, наряду с целым рядом иных технико-типологических показателей, уже было использовано для обоснования ближне- и средневосточных корней этой традиции [Кривошапкин, 2012].

Заключение

В результате изучения тронкированно-фасетированных изделий из комплексов оби-рахматской культурной традиции в западной части Центральной Азии можно сделать несколько выводов. Они являются четко диагностируемыми артефактами с характерными морфометрическими параметрами, что наряду с другими факторами позволяет рассматривать эти предметы в качестве маркирующих определенные культурно и хронологически значимые события. Вместе с другими специфичными изделиями (нуклеусы-резцы, остроконечники оби-рахматского типа, интенсивно ретушированные пластины и т.д.) они определяют облик оби-рахматской культурной традиции.

В отличие от Ближнего Востока, где тронкированно-фасетированные изделия имеют значительное распространение в широком хронологическом интервале [Hovers, 2007], в западной части Центральной Азии они не обнаружены ни в средне-, ни в верхнепалеолитических индустриях [Ранов, Каримова, 2005, с. 48–73; Вишняцкий, 1996, с. 174–178], представлены только в комплексах оби-рахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012]. Соответственно, можно предположить, что в силу своей узкой локализации (пространство и время) данные артефакты в индустриях западной части Центральной Азии могут иметь не только культуро-, но и хрономаркирующее значение. В других регионах Северной Азии они также ассоциируются с переходными от среднего к верхнему палеолиту комплексами (или ранневерхнепалеолитическими), что может свидетельствовать о генетических связях между популяциями, заселявшими эти отдаленные территории.

Благодарности

Авторы признательны художникам ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной и А.В. Абдульмановой, подготовившим иллюстрации каменных артефактов.

Список литературы

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 223 с.

Беляева В.И. Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа» // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 117–127.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европ. дом, 1996. – 213 с.

Вишняцкий Л.Б. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 41–50.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: ТекНур, 2010. – 220 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Кривошапкин А.И., Алимов К., Крахмаль К.А., Феденева И.Н., Зенин А.Н., Анойкин А.А. Исследование грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 37–45.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 42–63.

Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1970. – 31 с.

Ерицян Б.Г. Об одном техническом приеме утончения мустьерских изделий (по материалам Ереванской стоянки) // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 64–86.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Славинский В.С. Характеристика метрических параметров орудийных основ и приемов вторичной обработки в индустрии грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // История Евразии: истоки, преемственность и перспективы: (мат-лы Междунар. Бекмахановских чтений, 21–22 мая 2003 г.). – Алматы, 2003. – С. 379–395.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 39 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 211–221.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.М. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110.

Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шалагина А.В., Мухтаров Г.А. Археологические исследования грота Оби-Рахмат в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 94–98.

Лев С.Ю., Кларик Л., Гиря Е.Ю. О причинах разнообразия форм ножей костенковского типа // РА. – 2009. – № 4. – С. 81–93.

Лев С.Ю., Кларик Л., Гиря Е.Ю. Ножи костенковского типа и пластины с подработкой конца: феномен конвергентного развития или родство технологий? // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова. – М.: Таус, 2011. – С. 235–279.

Любин В.П., Джафаров А.К. Новая разновидность скребел в инвентаре тагларской мустьерской стоянки // Палеолит и неолит. – Л.: Наука, 1986. – С. 74–77.

Нехорошев П.Е. Среднепалеолитическая группа памятников на юге Русской равнины // Археологический альманах. – 1996. – № 5. – С. 71–74.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европ. дом, 1999. – 172 с.

Павленок К.К., Кривошапкин А.И. Специфика перехода к верхнему палеолиту в западной части Центральной Азии: индустрия стоянки Худжи // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 113–115.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Ринн П.Дж. Анализ фаунистических остатков из грота Оби-Рахмат (материалы раскопок 1998–2002 гг.) // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 131–156.

Рыбин Е.П. К вопросу о «руководящих ископаемых» в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палеолита Горного Алтая // Палеогеография каменного века: Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. конф. – Красноярск, 2000. – С. 123–126.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. – 2005–2009. – № 1. – С. 33–78.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 172 с.

Baumler M.F., Speth J.D. A Middle Paleolithic Assemblage from Kunji Cave, Iran // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Univ. Museum Press, 1993. – P. 1–74.

Burins préhistoriques: formes, fonctionnements, fonctions. – Luxembourg: Musée nat. d' histoire d'art, 2006. – 376 p.

Crew H. An evalution of the relationship between the Mousterian complexes of the eastern Mediterranean: a technological perspective // Problem in Prehistory: North Africa and the Levant. – Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1975. – P. 427–437.

Demidenko Y.E. Kabazi V, Sub-Unit III/3: Western Crimean Mousterian Assemblages // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian camp sites. – Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2008. – P. 211–273.

Demidenko Y.E., Usik V.I. Refitting study and technological reconstructions // Neanderthals in the Levant: Behavioral Organisation and the Beginnings of Human Modernity / ed. by D. Henry. – L.; N. Y: Continuum, 2003. – P. 107–155.

Dibble H. The Mousterian Industry from Bisitun Cave // Paléorient. – 1984. – Vol. 10, N 2. – P. 23–34.

Dibble H., Holdaway S. The Middle Paleolithic of Warwasi Rockshelter // The Paleolithic Prehistory of the Zagros. – Philadelphia: Univ. Museum Press, 1993. – P. 75–99.

Dibble H., McPherron S. Truncated-faceted pieces: hafting modification, retouch, or cores? // Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – P. 75–90.

Dinnis R. On the technology of Late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin // Lithics: J. of the Lithic Studies Soc. – 2008. – Vol. 29. – P. 18–35.

Frick J. Kostenki-Enden (Dorsalabbau an Abschlägen) // Steinartefakte: Vom Altpaläolithikum bis in die Neuzeit. – Tübingen: Kerns Verl., 2012. – S. 459–466.

Hovers E. The many faces of cores-on-flakes: A perspective from the Levantine Mousterian // Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis. – Newcastle: Cambridge Scholars Publ., 2007. – P. 42–74.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 326/327. – P. 381–397.

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52. – P. 549–554.

Le Brun-Ricalens F. Les pièces esquillées: ètat des connaissances après un siècle de reconnaissance // Paleo. – 2006. – Vol. 18. – P. 95–114.

Leakey L.S.B. The stone age cultures of Kenya Colony. – Cambridge: Cambridge Univ., 1931. – 287 p.

McPherron S., Dibble H. The lithic assemblages of Pech de L'Azé IV (Dordogne, France) // Prehistoire Europeene. – 2000. – N 15. – P. 9–43.

Newcomer M., Hivernel-Guerre F. Nucléus sur éclat: technologie et utilization par differentes cultures préhistoriques // Bull. de la Soc. Préhistorique Française. – 1974. – N 71. – P. 119–128.

Nishiaki Y. Truncated-facetted flakes from Levantin mousterian assemblage // Bull. of dep. of archeology (Univ. of Tokyo). – Tokyo: The Univ. of Tokyo, 1985. – P. 215–226.

Otte M. Le "couteau de Kostienki" // Helinium. – 1980. – N 20. – P. 54–58.

Richter J. Une analyse standardisée des chaines opératoires sur les pièces foliaces du Paléolithique moyen tardif // Préhistoires. – 2001. – N 5. – P. 77–78.

Rybin E.P. Tools, beads and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.

Schroeder B. The lithic material from Jerf Ajla: a preliminary report // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. – 1966. – N 16. – P. 201–214.

Schroeder B. Truncated-Faceted Pieces from Jerf-Ajla // Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis. – Newcastle: Cambridge Scholars Publ., 2007. – P. 17–41.

Solecki R.S. Shanidar Cave, a Paleolithic Site in Nothern Iraq // Annual Rep. of the Smithsonian Institution. – Wash., 1954. – P. 389–425.

Solecki R.S., Solecki R.A. New Secondary Flaking Technique at the Nahr Ibrahim Cave Site, Lebanon // Bull. du Musée de Beyrouth. – 1970. – N 23. – P. 137–142.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., Dapper M., de, Nieuland J., van, Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., Pelsmaeker E., de, Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 324. – P. 180–189.

Veselsky A.P. Kabazi V, Sub-Unit III/1: The Starosele Facie of Micoquian // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian camp sites. – Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2008. – P. 129–179.

Wallace I.J., Shea J.J. Mobility Patterns and Core Technologies in the Middle Paleolithic of the Levant // J. of Archaeol. Sci. – 2006. – Vol. 33, N 9. – P. 1293–1309.

Материал поступил в редколлегию 02.06.15 г.

УДК 902

А.В. Выборнов[1, 2], А.А. Цыбанков[1], В.И. Макулов[1]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tsybankov@yandex.ru; makulov@krasurao.ru
[2]Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vb.anton@gmail.com; vybornov@archaeology.nsc.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ НА БЕРЕГАХ АНГАРЫ ОТ РЕКИ ЧАДОБЕЦ ДО ПОСЕЛКА БОГУЧАНЫ: ОБЗОР И ЗАКОНОМЕРНОСТИ*

Руслом Ангары соединяются крупные историко-географические регионы Сибири – Прибайкалье и Приенисейский край. Ее берега хорошо изучены археологически, и полученные материалы включены в культурно-хронологические модели. Большая часть Ангары в настоящее время входит в систему искусственных водохранилищ, что не позволяет апробировать гипотетические построения, верифицировать теоретические модели с учетом новых сведений о планиграфии и стратиграфии археологических объектов. В 2014 г. авторами осуществлено археологическое изучение 115-километрового участка североангарского побережья между плотиной Богучанской ГЭС и пос. Богучаны. Проведена сплошная разведка, обобщены полученные материалы и архивные данные об археологических объектах района. Установлен протяженный характер распространения культурного слоя на поверхности ангарской террасы, выделены участки концентрации артефактов, как правило, в слабостратифицированных условиях субаэрального комплекса. Известные археологические объекты района относятся к периоду неолита – позднего железного века.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, южная тайга, неолит, эпоха бронзы, железный век, археологические объекты, стратиграфия.*

A.V. Vybornov[1, 2], A.A. Tsybankov[1], and V.I. Makulov[1]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography,Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: tsybankov@yandex.ru; makulov@krasurao.ru
[2]Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: vb.anton@gmail.com; vybornov@archaeology.nsc.ru

ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE ANGARA BANK FROM THE CHADOBETS RIVER TO BOGUCHANY: FINDINGS OF A SURVEY

The Angara River separates major historical and geographic regions of Siberia – the Cis-Baikal area and the Yenisei drainage. Its banks were subjected to detailed archaeological surveys whose findings were integrated into cultural and chronological models. Because most of the Angara has become part of a system of artificial reservoirs, we are unable to test these models using new planigraphic and stratigraphic information concerning all the riverside archaeological sites. In 2014 we carried out an in-depth archaeological survey of a 115-kilometer stretch of the northern Angara bank between the Boguchany dam and the village of Boguchany. Survey results were supplemented by archival data. The ancient habitation layer was found to extend over large area of the Angara terrace. Artifacts tend to accumulate in weakly stratified parts of the subaerial complex. Known archaeological sites span the period from the Neolithic to the Late Iron Age.

Keywords: *Northern Angara region, southern taiga, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Late Iron Age, archaeological sites, stratigraphy.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.046-053

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

© Выборнов А.В., Цыбанков А.А., Макулов В.И., 2015

Введение

Побережье р. Ангары, крупнейшего водного потока, объединяющего Байкальскую Сибирь и Приенисейский регион, имеет исключительное значение для изучения процессов генезиса культур тайги и сопредельных территорий Северной Азии. Река и леса ее берегов являются богатым источником жизненно важных ресурсов. Это, а также транспортное значение Ангары определили долгую и насыщенную историю ее заселения, которую можно рассматривать как показательную для территории тайги, связанной с крупным водотоком.

Единственным источником по истории населения Ангары до включения региона в систему российского документооборота в XVII в. являются археологические объекты. Целенаправленное изучение ангарской археологии началось в конце XIX в. и связано с именем В.И. Витковского, который обнаружил и исследовал ряд памятников, предложил систему сравнения материалов различных объектов. В XX в. крупные изыскания на Ангаре осуществлялись в связи с проектами затопления ее берегов водами системы водохранилищ, охватывающих сейчас большую часть русла реки. Основные работы проводились А.П. Окладниковым и сотрудниками академических институтов Ленинграда и Новосибирска, Иркутского и Красноярского педагогического университетов, Красноярского музея. Таким образом, была получена часть сложно подсчитываемого объема археологической информации по берегам Ангары в пределах Иркутского, Братского и Усть-Илимского водохранилищ. Наиболее обширные исследования, сосредоточенные на археологии Северного Приангарья, проводились Богучанской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в 2008–2012 гг. Результатом полевых работ стал крупнейший корпус источников по археологии крупного таежного региона [Богучанская археологическая экспедиция, 2014]. Его изучение активно продолжается в настоящее время. Проверка и апробация теоретических построений, возникших в период работ экспедиции, требует проведения исследовательских процедур на сохранившихся участках Ангары.

Важным детерминантом археологического исследования ангарских берегов продолжает оставаться риск затопления памятников искусственными водохранилищами. В частности, планируется создание Нижне-Богучанской ГЭС, чей створ, возможно, будет размещен в районе шиверы Косая. Предполагается, что нормальный подпорный уровень водохранилища составит 140 м [ГЭС на Нижней Ангаре, 2013]. Опыт возведения каскада ГЭС на р. Ангаре раскрывает сложность проблемы затопления ложа водохранилищ, которая требует комплексного подхода государственных и коммерческих структур и должна опираться на строгое научное обоснование подготовленности территории. Полноценное изучение археологических источников – единственный способ сохранения сведений о древней истории крупного региона.

Следствием обозначенной ситуации стала организация сплошной разведки в зоне предполагаемого размещения ложа водохранилища Нижне-Богучанской ГЭС. Участок исследований располагался между плотиной Богучанской ГЭС и пос. Богучаны, административно это территории Кежемского и Богучанского районов Красноярского края. Разведке предшествовал сбор архивной и картографической информации, были выделены участки по степени перспективности расположения памятников. Разведка проводилась пешими маршрутами (с передвижением между участками работ на речном и автомобильном транспорте) с визуальным обследованием территории и разбивкой шурфов.

Археологические материалы исследуемого района

Полевые исследования проводились на 115-километровом участке Ангары от створа плотины Богучанской ГЭС до пос. Богучаны (рис. 1). Это территория Приангарского плато, части Среднесибирского плоскогорья, со значительным перепадом высот от 110 до 150 м. Урез воды находится в пределах от 138 м у о-ва Чельбихин до 123 м у шиверы Овсянка. Территория покрыта густым лесом (преимущественно сосна, а также лиственница, ель, береза, кедр, осина). В районе обследования находятся несколько крупных островов, наиболее высоким из которых является Сосновый (напротив устья р. Большая Имбала); устья крупных ангарских притоков Чадобец и Мура, а также ряда относительно небольших. Ангарское русло здесь пересекается несколькими скалистыми участками (шивера Брянская, Мурский порог, шиверы Мурская, Гольтявинские камни, Косая, Овсянка). На изученных берегах Ангары расположены достаточно крупные населенные пункты – с. Заледеево, деревни Тагара, Чадобец, Климино, Сыромолотово (Кежемский р-н); д. Говорково, поселки Хребтовый, Невонка, Шиверский, Красногорьевский (Богучанский р-н). Известны и нежилые или сезонные поселения – деревни Пашутино, Гольтявино, Заимка (Богучанский р-н).

Критерии установления границ археологических объектов на берегах Ангары в среднем и нижнем течении отличаются необходимостью учета современных представлений о распространении культурного слоя на этой территории. Берега реки были заселены на протяжении длительного времени. Временные стоянки и относительно долго существовавшие поселения встречаются на всех террасах и различных площадках. Однако распространение и концентрация культурного слоя крайне неравномерны. Учет ланд-

Рис. 1. Схема расположения объектов разведки в районе от плотины Богучанской ГЭС до пос. Богучаны.
1 – Тагара; *2* – Мыс Поп; *3* – поселение, могильник Чадобец; *4* – Чёртов Лог; *5* – Верхние Чернила; *6* – писаница Писаный Камень; *7* – Писаный Камень-1; *8* – Писаный Камень-2; *9* – Пашутино; *10* – писаница Мурский Порог; *11* – Мурская Шивера; *12* – Кипелая; *13* – Урыль; *14* – Ручей Черемшаный; *15* – Гора Черемшанка; *16* – Река Сосновая-1; *17* – Река Сосновая-2; *18* – Река Сосновая-3; *19* – Ручей Гремучий; *20* – Ручей Добголя; *21* – Шиверский; *22* – Шивера Косая (Скала Дальняя); *23* – Красногорьевский; *24* – Скала Печка; *25* – Говорково; *26* – стоянки в нижнем течении р. Мура; *27* – Гольтявино; *28* – Гора Невонка; *29* – Невонка-1; *30* – Невонка-2; *31* – Большая Имбала; *32* – Остров Сосновый; *33* – Заимская Курья; *34* – Шивера Косая (Скала Веселая); *35* – Шивера Овсянка.
а – известные объекты археологического наследия на берегах Ангары между створом Богучанской ГЭС и пос. Богучаны; *б* – известные писаницы.

шафтно-топографической ситуации часто становится принципиально важным для определения границ археологического объекта. Возможно распространение почвенного слоя с относительно единым культурным наполнением на протяжении нескольких километров одной непрерывной ангарской террасы. Это подтверждается неизменным характером поверхности террасы, фиксацией почвенных отложений и культурных следов в обнажениях и шурфах.

В районе разведки были известны 17 памятников, поставленных на государственный учет. В публикациях имеются сведения о нахождении археологического материала вне учтенных объектов [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Сенотрусова, 2013; и др.]. Наиболее полный свод археологических памятников нижней Ангары представлен Н.И. Дроздовым, В.И. Макуловым и А.В. Ермолаевым [1989]. По учетной документации, литературным, полевым данным и устным сообщениям* на правом берегу Ангары известны следующие стоянки (сверху вниз по течению реки): Тагара, Мыс Поп, Чадобец (поселение, могильник), Чертов Лог, Верхние Чернила, Писаный Камень-1, -2, Пашутино, Мурская Шивера, Кипелая, Урыль, Ручей Черемшаный, Гора Черемшанка, Река Сосновая-1–3, Ручей Гремучий, Ручей Добголя, Шиверский, Шивера Косая (Скала Дальняя), Красногорьевский; на левом – Скала Печка, Говорково, Мура-1–4, Усть-Мура, Гольтявино, Гора Невонка, Невонка-1, -2, Большая Имбала, Остров Сосновый, Заимская Курья, Шивера Косая (Скала Веселая), Шивера Овсянка. Известны петроглифы в двух пунктах: Писаный Камень, Мурский Порог.

Большая часть объектов датируется периодом от неолита до позднего железного века (Средневековья). На поселении Чадобец в результате раскопок 1973–1977 гг. исследованы материалы эпохи мезолита. Культурный слой располагается на четко выделяемых приустьевых площадках (Большая Имбала, Усть-Мура), песчаных дюнах (Чадобец, Невонка-1), мысовых площадках (Мыс Поп, Гора Черемшанка), террасоувалах (Шивера Косая (Скала Дальняя, Скала Веселая)). Но наибольшее распространение культурные отложения приобретают на протяженных относительно ровных террасах, залегая узкой полосой

*Благодарим за сведения об археологических объектах в исследованном районе научного сотрудника ООО «Красноярская геоархеология» Н.С. Степанова, заведующую сектором археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета канд. ист. наук П.О. Сенотрусову.

(в среднем в пределах 30–70 м) вдоль бровки: Пашутино – на 1 км, Река Сосновая-1 – на 1,8, Река Сосновая-3 – на 1,6, Ручей Гремучий – на 5,5 км.

Обсуждение результатов исследования

Топографическое расположение памятников и находок. Приангарская археология знает примеры установления геоморфологических закономерностей расположения объектов. В частности, обобщение сведений о памятниках плейстоцена в Северном Приангарье привело иркутских исследователей к выделению четырех их групп. К четвертой отнесены «раннеголоценовые ансамбли» с привязкой к ярким ландшафтным объектам – устьям, шиверам, мысам, островам [Медведев и др., 2009, с. 305]. Это общие закономерности расположения памятников на всем протяжении бывшей и сохранившейся реки.

Обобщение сведений о географическом положении археологических объектов на берегах Ангары в среднем и нижнем течении приводит к подтверждению гипотезы о широком распространении культурного слоя, отличающегося участками концентрации находок и структур на узкой полосе вдоль бровки террасы. Представленные в настоящее время границы условны и обозначены на основании факторов с высокой степенью изменчивости или случайности – наличия находок в шурфе, фиксации подъемного материала, существенных ландшафтных изменений. При этом рельефные характеристики остаются опорными. Например, изменение высоты террасы, мысовой выступ и площадка на склоне являются относительно устойчивыми признаками по сравнению с наличием или отсутствием находок в шурфе либо экспонированном состоянии, присутствием характерных осадков в разрезах. Таким образом, следует признать недоказанным отсутствие культурного слоя на территории прибрежных площадок различного генезиса до раскопок плотной серии шурфов. Многолетний опыт проведения археологических разведок даже на относительно небольшом, 100-километровом отрезке Ангары демонстрирует лишь успешное зонирование мест вероятного расположения памятников с редкой локальной возможностью окончательного утверждения границ объектов.

Стратиграфическое распределение археологических предметов. Стратиграфия памятников Северного Приангарья отличается сложностью разделения горизонтов, включающих археологические материалы, в верхнем ярусе циклоклиматических террас. Эта проблема проявляется в абсолютном большинстве полевых отчетов и признается в публикациях [Синицына, 1985, с. 36]. Особенности генезиса и возраст «аллювиальных» террас Северного Приангарья рассмотрены по материалам работ Богучанской археологической экспедиции [Зольников и др., 2013]. В частности, авторами подчеркнута невозможность датирования культуровмещающих слоев на основании гипсометрических оценок [Там же, с. 48].

На абсолютном большинстве рассмотренных в 2014 г. разрезов археологических объектов, расположенных на приангарских площадках и пологих склонах, наблюдаются смешения в результате переотложения (размывов, надува) песчаных, супесчаных, суглинистых осадков [Там же, с. 44]. Таким образом, археологические предметы всех обследованных в ходе разведки объектов располагаются в слабо дифференцируемом субаэральном комплексе, представленном делювиальными, эоловыми отложениями, палеопочвами. Отсутствие четкого литологического разделения отложений, содержащих керамические материалы, отмечалось ранее на большинстве изученных памятников р. Ангары. Аналогичная ситуация наблюдается на участке от р. Чадобец до шиверы Косой. Она усугубляется на объектах, расположенных на перевеянных песках (устье р. Невонки). Такая ситуация не позволяет осуществить жесткое разделение материалов на основании стратиграфии. Опорные культурно-хронологические критерии представлены в закрытых комплексах и связаны для большей части археологических периодов с возможностями дифференциации фрагментов керамических сосудов.

Культурно-хронологическая дифференциация археологических материалов. Большая часть археологических предметов, обнаруженных в раскопах и подъемных сборах на территории Северного Приангарья, является продуктами расщепления камня и фрагментами керамических сосудов. Они составляют абсолютное большинство находок, собранных в ходе сплошной разведки 2014 г. от Чадобца до пос. Богучаны. Исследования поселения и могильника Чадобец в 1970-х гг. Н.И. Дроздовым позволили выделить (в т.ч. на основании данных радиоуглеродного датирования) комплексы, относящиеся к крупным хронологическим периодам от мезолита до позднего железного века [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 121–125]. Для остальных объектов ключевым является сопоставление морфологии и орнамента керамических сосудов.

Относительная хронология археологических материалов на изучаемой территории прослежена в ходе раскопок на стоянке Невонка-1 и поселении Чадобец. В первом случае выделены пять культурных горизонтов [Новых, Акимова, 1989, с. 281–289], содержание которых демонстрирует базовую культурно-хронологическую дифференциацию археологических материалов участка исследований. Наиболее древний по призматическим пластинам и продуктам

первичного расщепления камня датируется ранним неолитом. Четвертый культурный горизонт (развитый неолит), с наибольшим количеством находок, представлен каменными отщепами, в т.ч. с ретушью утилизации, пластинками, скребками, наконечниками стрел, заготовкой тесла. В нем выделены два керамических комплекса: с отпечатками «сетки-плетенки» и со смешением различных орнаментальных техник, объединенных наличием признаков «посольского» типа. В третьем культурном горизонте (поздний неолит) предметы из камня ограничиваются отщепами, редкими пластинами и скребками. Керамические сосуды представлены фрагментами, покрытыми отпечатками «вафельного» штампа, ямками по верхнему краю, оттисками гребенки. Во втором культурном горизонте каменные изделия ограничиваются отщепами и абразивами. Керамика отличается рядами «жемчужин» под венчиком, овальными вдавлениями, рядами оттисков отступающей палочки и гребенки. Позднейший культурный горизонт датируется ранним железным веком. Он включает каменный дебитаж и шлак. Керамические сосуды представлены фрагментами с округлыми и овальными вдавлениями по венчику, оттисками гребенки, горизонтальными линиями защипов, рядами наколов ногтями и птичьими костями.

Проблема классификации, типологии и хронологии керамических материалов Северного Приангарья дискуссионная. Терминологический разнобой и многочисленность корреляционных построений отражают многообразие как археологического источника, так и исследовательских моделей. Культурно-хронологическая дифференциация керамики задается соотнесением морфологии и декора сосудов Северного Приангарья с материалами Прибайкалья, Приенисейского края, выделением генеральных схем развития и распространения орнаментальных традиций таежной зоны Восточной Сибири, частными типологиями керамических изделий с отдельных памятников [Бердников, 2013; Бердников, Лохов, 2013; Герман, Леонтьев, 2013; Мандрыка, Сенотрусова, 2014; Лохов, Роговской, Дударёк, 2013; Бирюлева, 2013; Савин, 2010; и др.]. Развитие этой дискуссии с учетом гигантского количества материала, накопленного Богучанской археологической экспедицией, весьма плодотворно. Следует отметить, что наличие в настоящее время разных методик описания керамических сосудов Северного Приангарья с осторожностью позволяет применять существующие культурно-хронологические модели. Справедливость обозначенного подхода подтверждается известной практикой типологизации керамических материалов Прибайкальской Сибири [Базалийский, 2012, с. 43].

На рассматриваемом участке Северного Приангарья в ходе разведок и ограниченных раскопок обнаружены фрагменты сосудов, которые отражают культурные традиции от неолита до Средневековья. Ничтожное количество археологически целых сосудов предполагает особое внимание сравнению орнамента. По материалам представленных объектов на основании превалирования ключевого признака выделяется несколько орнаментальных групп.

Тонковаликовая керамика (рис. 2, *1–4*) – волнистые, прямые параллельные или пересекающиеся налепные либо выглаженные валики покрывают поверхность сосуда. Обнаружен фрагмент, на котором имеются валики обоих типов.

Оттиски гребенки (рис. 2, *5, 8*) – плотный ряд отпечатков накольчатой или протащенной гребенки, как правило, четырех-пятизубчатой. Слагают либо сплошное покрытие, либо одиночные ряды под венчиком, на плечиках.

Оттиски лопатки (рис. 2, *6*, *7*, *9*) – отпечатки полукруглого штампа. Представлены либо плотными протащенными рядами с образованием желобков, либо разреженными рядами оттисков. Достоверно покрывают верхнюю часть сосудов и сопровождаются ямочками под срезом венчика.

«Жемчужины» (рис. 2, *10, 11*) – разных размеров, располагаются в один ряд под краем венчика, срез которого покрыт наклонными овальными вдавлениями. На стенках следы рядов вытянутых вдавлений, оттиски гребенки, лопатки.

Шнуровая керамика (рис. 2, *12*) – плотные ряды наклонных или вертикальных овальных вдавлений. Им сопутствуют оттиски гребенчатого штампа и защипы по венчику, косой срез венчика с карнизом.

Сетчатые и беспорядочные отпечатки (рис. 2, *13*) – сетка из мелких ромбиков, хаотические вдавления (выбивка), иногда слабо заглаженные. Покрывают стенки сосудов в нижней части, в одном случае – все тулово, но сопровождаются бороздками в верхней части, прямым венчиком и сквозными отверстиями под краем.

Защипы пальцами – располагаются по венчику ряда сосудов с оттисками гребенки по шейке (рис. 2, *8*).

Гончарная керамика (рис. 2, *14*) – сосуды из мелкодисперсной массы с заглаженной внешней и внутренней поверхностью, округлым отогнутым венчиком и параллельными желобками под ним.

Разумеется, отмеченные элементы декора сочетаются с иными и слагают специфический орнамент. На изделиях с оттисками лопатки встречаются отпечатки гребенки, сосуды с оттисками гребенки имеют венчики с защипами по краю, шнуровая керамика сопровождается отпечатками гребенки. Представленные орнаментальные характеристики соответствуют известным типам приангарской керамики – устьбельской, глазковской, «тонковаликовой». Часть сосу-

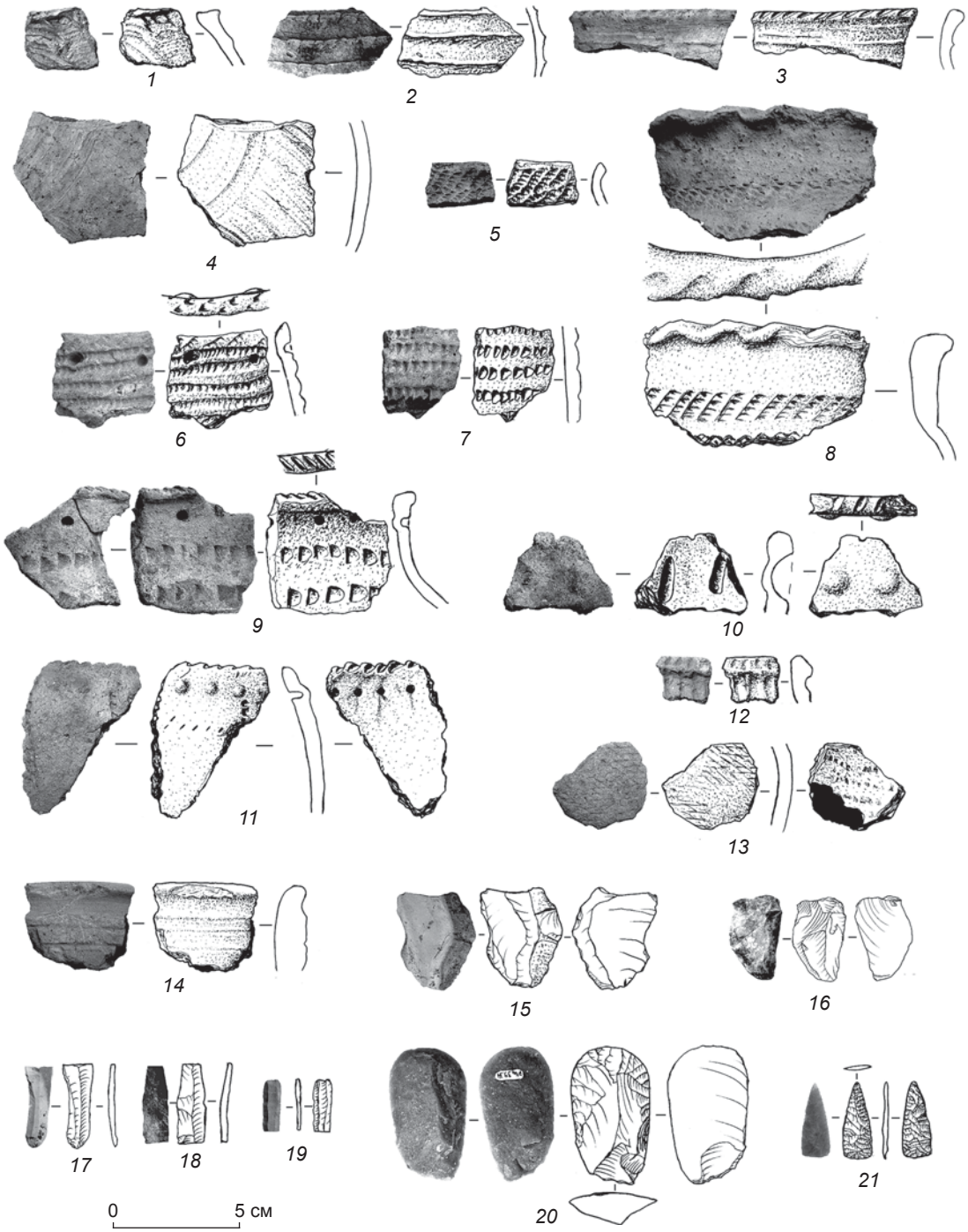


Рис. 2. Находки с памятников Северного Приангарья от Чадобца до пос. Богучаны.
1–14 – фрагменты керамических сосудов; *15–21* – каменные изделия.
1, 11–13, 16 – Большая Имбала, № 34.10, 34.2, 34.3, 34.7, 34.75 (отщеп); *2, 6, 7, 9, 10, 15, 17–21* – Ручей Черемшаный, № 39.17, 39.14, 15, 33, 39.5, 40.5 (отщеп), 40.2 (пластинка), 40.3 (пластинка), 39.78 (пластинка), 39.2 (скребок), 40.1 (наконечник); *3–5, 8* – Красногорьевский, № пс40.1, пс42.3, пс42.2, пс42.1; *14* – Гольтявино, № 17.1.

дов может ассоциироваться с хайтинским, аплинским и карабульским типами. Среди выявленных в 2014 г. на исследованном участке керамических материалов отсутствуют характерные для памятников региона элементы посольской и цэпаньской посуды. При этом подобная керамика представлена в изученных раскопами слоях стоянки Невонка-1 [Новых, Акимова, 1989, с. 284, 287–289].

С учетом обозначенных особенностей стратиграфической фиксации археологических предметов стро-

гое послойное разделение керамических материалов является маловероятным. Однако, обобщая наблюдения, можем заметить, что «тонковаликовая» керамика залегает выше остальной. Судить о степени распространения сосудов того или иного типа до проведения широких археологических раскопок преждевременно. Следует отметить, что на большинстве объектов от Чадобца до Овсянки встречена «тонковаликовая» керамика, а также фрагменты сосудов со следами беспорядочной выбивки.

Каменные предметы обнаружены на всех указанных объектах. Большая часть артефактов – продукты первичного расщепления камня (отщепы разных размеров) и обломки (рис. 2, *15, 16*). На ряде отщепов отмечаются следы утилизации. На поселении Чадобец найдено большое количество различных пластин, снятых с призматических и конусовидных нуклеусов. На большинстве памятников до пос. Богучаны встречаются пластины средних размеров, в т.ч. с ретушью (рис. 2, *17–19*). На стоянке Невонка-1 обнаружено много микропластин. Нуклеусы с этой стоянки и с поселения Чадобец представлены призматическими, коническими, карандашевидными формами. На поселении Чадобец получена коллекция разнообразных орудий. В 2014 г. на памятниках района исследований были обнаружены заготовки и фрагменты тесел и скребков, а также целые концевой скребок с притупляющей ретушью (рис. 2, *20*), вытянутый наконечник стрелы с прямым окончанием (рис. 2, *21*) и выпрямитель из абразива. Все каменные изделия имеют прямые аналогии в материалах стратифицированных и датированных объектов Северного Приангарья, в т.ч. в районе исследований – поселения Чадобец и стоянки Невонка-1.

Обнаруженные многочисленные фрагменты костей животных в большинстве случаев неопределимы. Выделяется фрагмент бедренной кости мамонта, найденный у Дикого Улова выше устья р. Чадобец, известного местонахождения плейстоценовой фауны. Обломки таза обыкновенной лошади встречены на глубине 0,6–0,8 м в шурфе на стоянке Река Сосновая-1. В шурфах и подъемных сборах отмечается большое количество горелых костей.

Археологические структуры в изученном районе представлены закрытыми комплексами погребений могильника Чадобец, открытыми очагами и скоплениями каменных изделий на одноименном поселении, а также возможными жилищными котлованами на стоянке Мурская Шивера. В ходе разведки 2014 г. получено подтверждение существования активного металлургического производства на означенном участке Ангары: шлаки обнаружены на стоянках Река Сосновая-3, Ручей Черемшаный, Красногорьевский, поселении Чадобец.

Заключение

Итогом разведки 2014 г. в нижнем течении р. Ангары явилось создание схемы археологического зонирования берегов от створа Богучанской ГЭС до пос. Богучаны. Обновлены сведения об известных памятниках, выявлены новые. Апробированы гипотезы о распространении объектов на берегах Ангары, обобщены стратиграфические наблюдения и культурно-хронологические характеристики археологического материала в Северном Приангарье. Археология эпохи неолита – железного века на исследованном участке представлена объектами, включающими культурные остатки, которые концентрируются на ровных площадках у устьев притоков, на дюнных возвышенностях, террасоувалах, а также распространяются на относительно плоской поверхности протяженных террас. В большинстве случаев материал залегает в слабостратифицированных условиях субаэрального комплекса. Археологические предметы принадлежат известным категориям каменных изделий, отражают традиции пластинчатой и микропластинчатой техники скалывания. Керамические сосуды, представленные, как правило, фрагментами, разделяются на орнаментальные группы, находящие аналогии в материалах Приенисейского края и Байкальской Сибири неолита – позднего железного века (Средневековья). В орнаментации преобладают «тонковаликовое» покрытие, оттиски гребенки, лопатки и беспорядочная выбивка. Большую часть территории исследованных ангарских берегов следует рассматривать как вмещающую культурные остатки неолита – позднего железного века. Как правило, это стоянки без ярко выраженных структур и с предметами вне строгой стратиграфии. Для оценки степени и характера заселения ангарских берегов недопустимо ограничиваться редкими закрытыми комплексами, требуется внимание ко всей широкой площади распространения археологических объектов на берегах Ангары.

Список литературы

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 203–229.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2. – С. 72–83.

Бирюлева К.В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера IV // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Богучанская археологическая экспедиция / А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, С.В. Колонцов, Г.И. Марковский, А.А. Присекайло, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 105 с.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 133–155.

ГЭС на Нижней Ангаре | Блог РусГидро [Электронный ресурс]: Публикация от 18.02.2013 пользователем Пресс-служба. – URL: http://blog.rushydro.ru/?p=8081

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – С. 190–212.

Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чупина Д.А. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 37–49.

Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударёк С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 116–132.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – № 8. – С. 63–81.

Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Таракановский С.П. Северное Приангарье: Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии: Иркутская школа 1918–1937 гг.: мат-лы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, г. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 298–309.

Новых Л.В., Акимова Е.В. Многослойная стоянка Невонка в Северном Приангарье // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – С. 280–290.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Сенотрусова П.О. Результаты разведочных работ в нижнем течении р. Муры // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2013. – Вып. VI. – С. 103–111.

Синицына Г.В. Неолитическая керамика поселения Нижнесередкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 35–46.

Материал поступил в редколлегию 28.05.15 г.,
в окончательном варианте – 10.06.15 г.

УДК 903.227

В.И. Молодин, Г.И. Медведев
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

УНИКАЛЬНЫЙ БРОНЗОВЫЙ МЕЧ ИЗ ПРИБАЙКАЛЬЯ*

Статья представляет мастерски отлитый из бронзы трехсоставной меч, обнаруженный на берегу оз. Байкал. Подробно описываются условия нахождения предмета в момент обнаружения, его структура и оформление. В работе детально рассматриваются такие особенности, как изначально трехчастная структура, нефункциональные клинок и рукоять, своеобразно оформленная гарда, изображение стилизованных личин в центре перекрестья, не позволяющие считать меч боевым оружием. Отмечается, что он не имеет абсолютных аналогов, но обнаруживает сходство по некоторым признакам со скифскими мечами и с хоту-талаахским мечом с р. Вилюй. Особое внимание уделяется анализу семантики изучаемой находки. Установлено, что меч, воплотивший черты влияния скифо-сибирского мира и коренного населения сибирской тайги, использовался в ритуальных целях.

Ключевые слова: *меч, Прибайкалье, скифское время, ритуальная практика, таежная зона, Сибирь.*

V.I. Molodin and G.I. Medvedev
Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

A RARE BRONZE SWORD FROM LAKE BAIKAL SHORE

The article describes an unusual high-quality tripartite bronze sword found on the eastern coast of Lake Baikal and apparently dating to the Scythian Age. Because the blade and the hilt are nonfunctional, the sword was not used as an actual weapon. The guard is peculiarly shaped and decorated with stylized masks. While no exact parallels are known to us, certain features link the specimen to Scythian counterparts and to a sword from Khotu-Talaakh, Yakutia. Special attention is paid to the semantics of the find, possibly evidencing contact with ritual practices of the Scytho-Siberian world and those of Siberian taiga.

Keywords: *Sword, Siberia, Lake Baikal, taiga zone, Scythian Age, ritual.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.054-062

История обнаружения

Бронзовый меч необычной формы и размеров, состоящий из трех частей, найден в конце 1970-х гг. рабочим Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (г. Байкальск, Иркутская обл.), не пожелавшим назвать свою фамилию. По его словам, меч был обнаружен им случайно в одной из падей Обручевского Сброса (Приморский хребет) между пос. Черноруд и ущельем р. Сарма (рис. 1). Как утверждал информатор, один обломок меча (острие) торчал из земли, а две другие его части находились рядом под камнями.

Меч был передан сначала в среднюю школу, а затем – на кафедру всеобщей истории Иркутского государственного университета. Позже профессор университета Г.И. Медведев передал эту ценную находку в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, где она экспонируется в настоящее время.

Описание находки

Публикуемый бронзовый меч, как отмечено выше, состоит из трех частей (рис. 2–6). Осмотр каждой из них позволяет уверенно говорить о том, что меч был не сломан, а отлит тремя блоками в литейной форме, скорее

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

© Молодин В.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, 2015

Рис. 1. Предположительное место обнаружения меча.

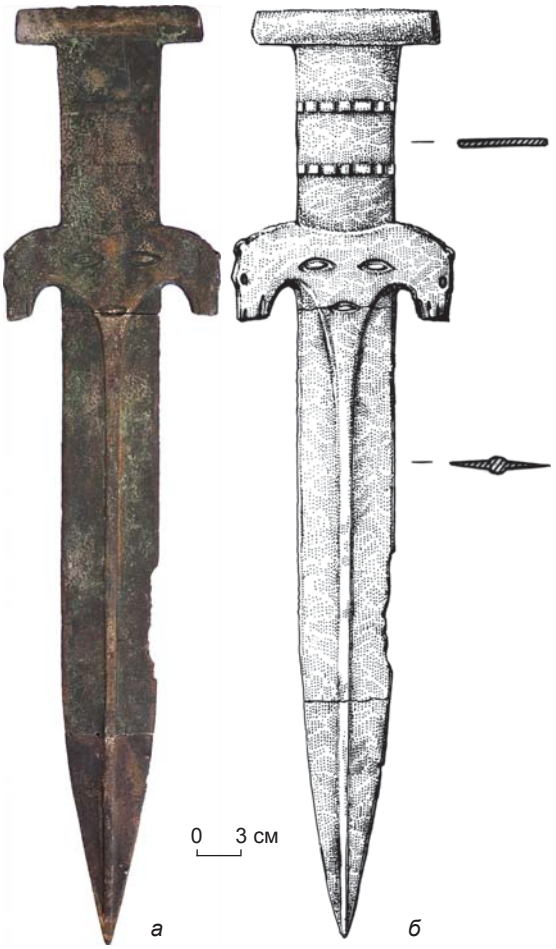


Рис. 2. Бронзовый меч.
а – фото; *б* – прорисовка.

Рис. 3. Рукоять и гарда.

Рис. 4. Клинок.

Рис. 5. Колющая оконечность.

Рис. 6. Деталь гарды. Отливка головы медведя с отчетливо прослеживаемым литейным швом.

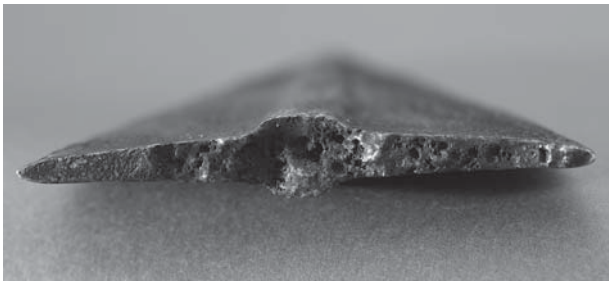


Рис. 7. Торец клинка с кавернами, образовавшимися в процессе литья при отходе газов.

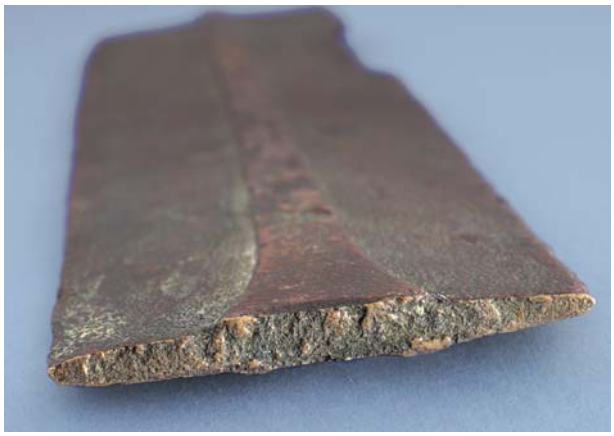


Рис. 8. Следы пришлифовки на торце клинка.

всего, глиняной, двухстворчатой*. На находке в зоне стыка створок литейной формы отчетливо виден шов (рис. 6). В некоторых местах, например, на рукояти, шов был ликвидирован в ходе последующей дополнительной обработки. Меч отлит по оттиску целого бронзового (возможно, деревянного) образца, выполненному по сырой глине; это зафиксировалось на внутренней поверхности створок. Заливка металла производилась, вероятно, со стороны рукояти. Вывод о том, что меч был отлит в виде трех блоков, позволяет сделать отсутствие следов какого-либо механического воздействия на его «тело» (см. рис. 3–5), а также изгибов, которые неминуемо появились бы в случае нанесения по изделию ударов с целью разломать на части. Кроме того, на торцах каждой части имеются характерные каверны (следы выхода газов), которые образуются при литье бронзового предмета; они не появились бы, если бы «тело» меча при отливе оставалось монолитным (рис. 7). Из этого следует, что перед литейщиком изначально стояла задача создать трехчастное изделие, которое предполагалось использовать в ритуальной практике. Наличие четких следов пришлифовки на торцах составных частей (рис. 8) позволяет предположить неоднократное использование каждой из них в отдельности. Очевидно, что при необходимости меч составляли из трех частей в единое целое (см. рис. 2). Меч отлит мастерски. У него имеется лишь незначительный литейный брак – не полностью отлит край лезвия (см. рис. 2, 4). После отливки изделие не нуждалось в дополнительной обработке. Таким образом, изучение трехчастного меча специфической формы из Прибайкалья позволяет сделать вывод о том, что это исходно было не боевое оружие, а предмет, предназначенный для совершения обрядовых действий, по сути ритуальный.

Длина анализируемого меча 71 см. Верхняя его треть, включающая рукоять и гарду, имеет длину 23,1 см (см. рис. 2, 3). Центральная часть – клинок – наибольшая, ее длина 32,2 см (см. рис. 2, 4). Нижняя часть клинка – острие – длиной 15,7 см (см. рис. 2, 5). Форма изделия не вполне обычна и требует детального рассмотрения. Прежде всего обращает на себя внимание массивная, крупная, подпрямоугольная в плане рукоять, ширина которой исключает возможность комфортного захвата рукой человека; это не позволяет отнести меч к холодному оружию. Длина рукояти 14,7 см (см. рис. 2, 3). В плане она подпрямоугольной формы. Ее ширина (7,3–7,8 см), а также сравнительно небольшая толщина (0,8 см) также не соответствуют параметрам боевого оружия. С обеих сторон в центральной части рукоять декорирована двумя параллельными рельефными, рассеченными по вертикали валиками шириной 0,6 и 0,7 см. Рассечение производилось, вероятно, произвольно, поэтому валики выглядят цепочками из квадратиков и прямоугольничков. Вверху рукояти имеется массивное брусковидное навершие, в разрезе слегка подовальной формы. Длина навершия 14,2 см, ширина на концах 2,7, в центральной части – 2,5 см (разница в 2 мм визуально не фиксируется). Толщина навершия, как и самой рукояти, 0,8 см.

*Благодарю канд. ист. наук И.А. Дуракова за консультации, касающиеся технологии изготовления меча.

Рис. 9. Гарда с лицевой (*а*) и оборотной (*б*) сторон.

Между рукоятью и клинком находится массивная зооморфная гарда, которая делит меч на две неравные части и имеет явный семантический смысл (рис. 9, 10). Гарда выполнена в виде симметрично расположенных медвежьих голов, наклоненных мордами вниз. Головы изображены очень реалистично*, с характерными лбами и рельефно выраженными округлыми ушками (см. рис. 6, 9, 10). В реалистичной манере переданы овальные глазки, ноздри и сомкнутая пасть.

В центральной части гарды, между рукоятью и клинком, с обеих сторон меча показана личина (см. рис. 2, 9, 10). Это стилизованное изображение антропоморфного существа, у которого глаза и рот выполнены в виде линзовидных овалов. Личина является, несомненно, центральным изображением на мече, которое сразу же приковывает к себе внимание. Интересно, что линия «разлома», разделяющая верхнюю и центральную части изделия, проходит через рот личины (см. рис. 2, *а*; 3, 9). Далее рельефно выраженная гарда плавно переходит в ребро жесткости меча, которое, постепенно сужаясь, проходит по центральной части клинка с обеих сторон до самого острия (см. рис. 2). Ребро жесткости сверху уплощено и по мере приближения к концу становится все более овальным.

Клинок меча представлен фактически двумя фрагментами. Общая его длина (от начала лезвия и до острия) составляет 47,9 см: длина центрального фрагмента 32,2 (см. рис. 4), а нижнего (колющая часть) 15,7 см (см. рис. 5). В разрезе клинок имеет уплощенную форму, плавно сужается к закругленным по режущей кромке лезвиям, которые в отличие от лезвий любого настоящего рубяще-колющего оружия так и остались незаостренными. Последняя

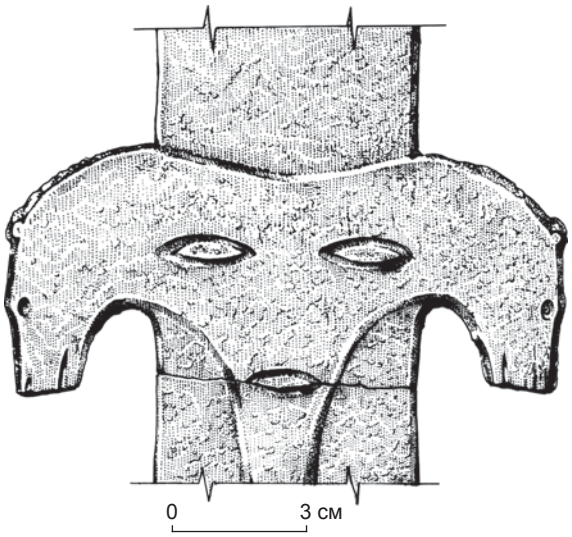


Рис. 10. Прорисовка гарды. Лицевая сторона.

особенность еще раз подчеркивает обрядовое назначение изделия, является еще одним свидетельством того, что перед нами не боевое оружие. Максимальная толщина клинка в прилегающей к рукояти части (вместе с ребром жесткости) 0,75–0,80 см. На большей части (2/3) ширина клинка практически не меняется и составляет 6,7–7,3 см. В нижней части толщина клинка уменьшается и составляет уже 0,35–0,37 см.

Аналоги и проблемы датировки

Изучаемый предмет не имеет абсолютных аналогов. Некоторые особенности его формы можно рассматривать как эпохальные признаки, с учетом которых представляется возможным говорить о хронологической принадлежности и территории распространения таких артефактов.

*По мнению канд. биол. наук С.К. Васильева, древний мастер изобразил головы бурых медведей. Благодарю С.К. Васильева за исчерпывающую консультацию.

Изделие, если ориентироваться на классификацию М.В. Горелика (60–70 см – короткие, 70–90 – оптимальных размеров, более 90 см – длинные) [2003, с. 215], следует отнести к коротким мечам. По размерам и оформлению он тяготеет к мечам-акинакам скифского типа. Согласно данным А.И. Мелюковой, длина большинства скифских мечей составляет от 50 до 70 см [1964, с. 46].

Рассматриваемый меч из Прибайкалья, несмотря на своеобразие, по ряду критериев вполне сопоставим со скифскими мечами. Последние изготавливались, как правило, из железа, но известны и бронзовые образцы [Там же]. В соответствии с классификацией данного вида вооружения, разработанной А.И. Мелюковой, анализируемый меч следует включить в первый отдел изделий с прямым брусковидным навершием [Там же, с. 47]. Типы в каждом отделе указанной схемы выделяются по достаточно стабильной форме гарды (почковидные, бабочковидные, ложнотреугольные), но очевидно, что меч из Прибайкалья не может быть отнесен ни к одному из них. Однако, как отмечает А.И. Мелюкова, среди скифских мечей имеются изделия с перекрестьем своеобразной формы [Там же]. В качестве примера она упоминает меч, перекрестье которого трактовано как «сильно стилизованные головы двух хищных птиц, орлов или грифонов, со спиралевидным клювом и одним большим глазом в центре» [Там же, с. 53]. Этот меч был изготовлен под влиянием сибирских акинаков [Там же]. Действительно, именно для бронзовых кинжалов-акинаков, обнаруженных на территории Сибири, характерны гарды в виде развернутых в противоположные стороны голов хищных птиц и животных. Сводка таких изделий приведена в монографии М.В. Горелика [2003, табл. XII]. К сожалению, прорисовки, опубликованные в книге, предельно схематичны, тем не менее хорошо видно, что по крайней мере у шести предметов (три из Минусинской котловины, один из Новосибирского Приобья и два из Ордоса) гарды выполнены в виде головок волка (?), кошачьих хищников (львов ?), кабана, а также целых фигурок животных и стилизованных изображений [Там же]. Очевидно, что в этих изображениях получили воплощение персонажи скифо-сибирского звериного стиля. В контексте данного исследования важно, что указанные изделия не выходят за рамки V–III вв. до н.э. К.Т. Смирнов и В.Г. Петренко относят савроматские мечи с брусковидным навершием рукояти к VII–VI вв. до н.э. Впрочем, такие мечи были у савроматов и в более позднее время – в V–IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 11, *1–6*, *14*, *43*]. Гарда в виде скульптурных изображений головок медведей встречена впервые. Образ хозяина тайги, воссозданный на мече, является свидетельством того, что последний был изготовлен в таежной зоне, вероятно, в Восточной Сибири.

Анализируемый меч, как мне представляется, следует датировать именно скифским временем, поскольку он имеет брусковидное навершие и перекрестье, оформленные в виде реалистически переданных голов медведей. Выбор мастером главного персонажа отражает, конечно же, местные реалии, особое отношение к самому главному обитателю тайги.

Что касается аналогов рассматриваемого меча, то они имеются среди материалов с территории, расположенной к северу от Байкала. С XIX в. известны обнаруженные в Якутии бронзовые предметы «крупных размеров и необычной формы» (случайные находки) [Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991, с. 8]. Среди них, пожалуй, одним из первых был найден массивный бронзовый кельт из устья р. Колымы [Окладников, 1944]. Однако наиболее известными считаются пять бронзовых мечей из Якутии, каждый из которых выделяется индивидуальными чертами. (Их наиболее полная сводка опубликована в работах И.В. Лесковой, С.А. Федосеевой [1985] и В.И. Эртюкова [1990, с. 79–81].) Аналоги этим мечам исследователи пытались найти в районах к югу от Якутии, но образцы с этих территорий имели лишь отдаленное сходство с вышеназванными изделиями, позволявшее только наметить временные границы их бытования. С учетом хронологических реперов, разработанных для подобного вида изделий из Южной и Западной Сибири, два из них можно отнести к финалу бронзового века (конец карасукской эпохи) – раннему периоду железного века (тагарская эпоха)*. Что же касается мечей с Алдана (укулаанский меч) и Лены (сэндэлэнский меч), то это, с моей точки зрения, совершенно особые предметы, нуждающиеся в специальном рассмотрении.

Наиболее близок к публикуемому изделию бронзовый меч, найденный на р. Вилюй в окрестностях оз. Хоту-Талаах и называемый хоту-талаахским [Борисов, 1961]. Правда, он в отличие от прибайкальского имеет кольцевидное навершие, с учетом которого В.Г. Борисов сопоставил хоту-талаахский меч с карасукскими и тагарскими [Там же] и предложил датировать его концом карасукского – началом I тыс. до н.э. [Там же, с. 241].

С моей точки зрения, хоту-талаахский меч ближе к тагарским образцам, чем к карасукским. У него не только утрированное крупное навершие и выраженное ребро жесткости, но и характерное перекрестье, не типичное для более ранних, карасукских кинжалов; похожие образцы, хотя и редко, но встречаются среди тагарского оружия из Минусинской котловины [Членова, 1992, табл. 84, *17*], в частности в коллекциях предметов раннескифской эпохи Тувы [Мандельштам, 1992, табл. 84, *17*]. Такое перекрестье имеют

*Напомню, что периодизация эпох бронзы и раннего железа Якутии не совпадает с классической, используемой для Южной и Западной Сибири.

ранние (железные) мечи-акинаки скифов, датированные V–IV вв. до н.э. [Мелюкова, 1989, табл. 32, *1*]. Все вышерассмотренное позволяет датировать хоту-талаахский меч периодом не ранее VII в. до н.э. Если брать во внимание тагарские аналоги, то можно предположить бытование хоту-талаахских мечей до III в. до н.э.

Прибайкальский и хоту-талаахский мечи вполне сопоставимы по пропорциям (хотя последний несколько меньше: его общая длина 56,4 см). Оба имеют излишне широкую и плоскую рукоять, что делает невозможным их боевое применение. Следует отметить, что хоту-талаахский меч, как и прибайкальский, был обнаружен воткнутым в землю под корнем дерева [Архипов, 1994, с. 7]. Это сближает сопоставляемые предметы и семантически.

Аналогами анализируемого меча можно считать железные короткие мечи из таежной зоны Западной Сибири. Их сближает в первую очередь прямое брусковидное навершие рукояти [Соловьев, 2003, рис. 110]. Очень важно, что в эпоху раннего железа в этой части Азии мечи использовались не только по прямому назначению, но и как сакральные предметы, о чем свидетельствуют их изображения вместе с личиной в центре нагрудников усть-полуйских [Мошинская, 1953] и кулайских [Троицкая, 1979] доспехов.

Семантическая нагрузка

Меч является символом, получившим широкое распространение в мифологии и мировых религиях [Мейлах, 1982, с. 149]. Культы, связанные с мечом, были довольно широко распространены как во времени, так и в пространстве. Их истоки, по-видимому, следует искать в эпохе поздней бронзы, времени появления данного вида оружия. Расцвет обрядовой практики, связанной с мечом, несомненно, приходится на скифское время, когда она распространилась на всей территории скифо-сибирского единства.

В периоды раннего и позднего Средневековья у многих народов Евразии сформировалось особое отношение к мечу. Меч выступал символом власти, мужества, справедливости и правды. Он являлся фаллическим символом. По мнению специалистов, были и особые мечи, «наделенные сверхъестественной силой» [О'Кеннел, Эйри, 2009, с. 20]. Кроме того, меч всегда выполнял церемониальную функцию [Там же, с. 226]. Ритуалы, связанные с мечом или саблей, известны и у сибирских народов; в сильно трансформированном виде они сохранились до современности [Бауло, 2004, с. 101]. Мне думается, что рассматриваемый меч вызывает исключительный интерес именно с точки зрения семантической нагрузки.

Бронзовый меч, найденный на северном побережье Байкала, как отмечалось, не имеет аналогов. Такие особенности, как изначально трехчастная структура, явно нефункциональные клинок и рукоять, своеобразно оформленная гарда, а также изображение стилизованных личин в центральной части перекрестья свидетельствуют о том, что меч был создан не для боевых, а, скорее всего, сакральных целей. Не следует забывать о том, что в момент обнаружения острие меча было воткнуто в землю, а остальные части находились рядом, под камнями. Напомню, что воткнутым в землю был найден и бронзовый меч с Вилюя.

Морфологическое сходство мечей из Прибайкалья и с территории к северу от озера, по-видимому, не является случайным. Скорее всего, меч происходит именно из таежной зоны (возможно, с территории Якутии). На это указывает оформление рукояти меча двумя рассеченными валиками (см. рис. 4). Уместно напомнить, что подобные налепные валики характерны для керамики усть-мильской культуры Якутии* [Федосеева, 1970, 1974; Эртюков, 1990, с. 96; и др.].

Меч из Прибайкалья, как отмечалось выше, довольно четко датируется скифским временем (V–III вв. до н.э.). В свете этой информации его использование в обрядовой практике не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Согласно письменным источникам, скифы использовали мечи-акинаки в ритуальных целях. Их современник Геродот в своей «Истории» по поводу ритуалов, связанных с мечом, писал: «…Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потом приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь наверх кучи хвороста и окропляют ею меч…» [1999, с. 254–255].

Важно иметь в виду, что у скифов были разные ритуальные манипуляции, в которых использовался меч.

---

*Усть-мильская культура ее исследователями отнесена к эпохе бронзы, хотя предметы, которые с ней ассоциируются, бытовали в районах к югу от Якутии в скифское и даже отчасти гунно-сарматское время, поэтому не следует исключать возможность проникновения в северные регионы как предметов, так и идей, уже не относящихся к эпохе бронзы.

«Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так, – писал Геродот. – В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора… затем в чашу помещают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» [Там же, с. 257].

О ритуальном использовании меча у скифов говорится и в более поздних римских источниках. Указывается, например, что у скифов меч мог посвящаться Марсу [Латышев, 1904, с. 123; 1906, с. 276]. Римскими историками также отмечалось: 1) как бы продолжение древней традиции поклонения мечу, отождествляемому с Марсом, у более поздних, чем скифы, народов. Аммиан Марцеллин об аланах писал: «…они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют» [Латышев, 1906, с. 342]. Климент Александрийский указывал: «…очень многие племена, как мне кажется, воткнув в землю один меч, приносят ему жертвы как Арею… Из числа скифов Сарматы… почитают меч…» [Латышев, 1893, с. 596]; 2) мечи, которым поклонялись, были не обыкновенными, а особыми. Неслучайны, по-видимому, и легенды, связанные с обнаружением Атиллой Марсова меча, «считавшегося священным у скифских царей» [Приск Панийский..., 1956] и давшего ему «могущество в войнах» [Иордан, 1960, с. 102]. Вероятно, чтобы подчеркнуть сакральную функцию меча, ему специально придавалась необычная форма.

Вполне возможно, что и на территории к северу от ареала скифо-сибирских традиций меч играл особую семантическую роль, по-видимому, еще с карасукского времени. Именно об этом могут свидетельствовать бронзовые мечи карасукской эпохи, обнаруженные в восточно-сибирской тайге (Якутия). Их форма и размеры необычны даже для исконной территории распространения карасукского оружия. Об этих находках А.П. Окладников писал: «По своему размеру, пропорциям, совершенству формы и тщательности отделки он (меч, найденный в XIX в. в 150 верстах от Вилюйска на дне спущенного оз. Сильгумджа. – **М.В.**) является единственным в своем роде образцом литейного искусства сибирских мастеров бронзового века. Более того, равных ему по размерам и изяществу отделки бронзовых мечей нет не только в Сибири, но и во всей лесной полосе Советского Союза»* [1949, с. 149].

*Следует отметить, что все известные сегодня замечательные бронзовые предметы (мечи, копья, кельты, котел) из Якутии, многие необычные по форме и размерам, обнаружены вне комплексов, это случайные находки. Не является ли это свидетельством того, что все они имели сакральное значение и использовались на святилищах?

В свете высказанной гипотезы несомненный интерес представляет бронзовый карасукский меч, найденный в г. Томске в Лагерном саду на месте, которое в древности могло использоваться как сакральное. Этот меч состоит из трех частей (вероятно, четвертая – фрагмент рукояти – утрачена) [Соловьев, 2003, рис. 43] и семантически сопоставим с анализируемой находкой из Прибайкалья.

Возвращаясь к рассматриваемому мечу, следует подчеркнуть, что контекст находки позволяет говорить о проявлении определенного ритуала, связанного с втыканием меча в землю и предполагающего его использование в расчлененном (испорченном) состоянии. На мече из Прибайкалья запечатлен замечательный и очень важный сюжет – личина, она изображена между головами двух медведей (см. рис. 9, 10). Как было отмечено, изображения личин и мечей на нагрудниках лат носителей усть-полуйской и кулайской культур таежной части Западной Сибири свидетельствуют о глубокой древности данного семантического сюжета, совпадающего по времени с мечом из Прибайкалья. Более того, анализируемый меч как бы объединяет два этих важнейших символа в единое целое. Изображения медвежьих голов могут дополнять семантическую композицию, воплощенную в мече.

Личина на анализируемом мече – вероятно, его главный персонаж – изображена схематично. Мастер передал только глаза и рот без каких-либо дополнительных деталей, однако выпуклая гарда, плавно переходящая в ребро жесткости, трактована как своеобразное изображение вполне оформленного лица. Подобное иконографическое воплощение образа характерно для северного таежного круга культур Евразии и, пожалуй, более созвучно выделенному А.П. Окладниковым стилю восточно-сибирского литья [1948, с. 216]. Во всяком случае именно так, в виде миндалевидных овалов, трактуются глаза и рты на бронзовых изображениях личин из Восточной Сибири [Там же, рис. 1–4 и др.]. Кстати, известны предельно стилизованные личины, у которых аналогичным образом показаны только глаза и рот [Там же, рис. 7, 8]. А.П. Окладников не только справедливо связал восточно-сибирские бронзовые личины со скифским временем, но и убедительно доказал их принадлежность «шаманским изображениям» [Там же, с. 219]. С учетом этого рассматриваемый меч из Прибайкалья можно отнести к шаманским атрибутам. Напрашивается даже его сопоставление с шаманскими жезлами, на которых имеется изображение человеческого лица [Там же, с. 224].

Традиция оставлять оружие (мечи и сабли) на святилищах характерна для угорского населения таежной зоны Западной Сибири. Информация об этом имеется в этнографических источниках. Профессор А.В. Бауло, крупный специалист в области сибирской этнографии, отмечает: «Сабля в шаманской практике обских

угров севера Западной Сибири является таким же распространенным атрибутом, как и бубен» [2004, с. 107]. Оружейный набор духа-покровителя ляпинских манси, приведенный в монографии И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, кроме железного боевого топора, железной пальмы, стрел с железными наконечниками, включал железный обоюдоострый меч, железную саблю с рукоятью из оленьего рога и деревянные, обитые жестью ножны с остатками деревянного меча [1986, с. 20–23]. Интересно, что у таежных шаманов сабля использовалась в ритуалах самой разной направленности (гадание, камлание) [Бауло, 2004, с. 108].

Не исключено, что меч из Прибайкалья являлся олицетворением божества. Особенно показательный пример подобного синкретизма у манси Северной Сосьвы мы находим в материалах И.Н. Гемуева. Длинный узкий железный клинок был изготовлен в виде фигуры божества. Эфес выполнен в форме рук божества. К эфесу прикреплена голова с глазами и ртом, обозначенными лунками [1990, с. 134–135]. Большое количество примеров воплощения в оружии (сабля) образа божества приводит в своем исследовании А.В. Бауло [2004, с. 105–106].

Центральное место на эфесе меча из Прибайкалья, помимо личины, занимают изображения голов двух медведей. Личина и медвежьи головы составляют эфес ритуального меча. У различных народов таежной зоны Сибири голову хозяина тайги было принято воплощать в металлопластике (см., напр.: [Народы Сибири…, 2000]). Судя по находкам на святилищах, бронзовые бляхи с изображением медведя с древности использовались аборигенным населением в ритуальной практике (см., напр.: [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980]). Они участвуют и в современной обрядовой деятельности [Бауло, 2004, с. 81–82]. У северных хантов образ медведя ассоциировался с защитой – «от ударов злых сил заслоняющий дух» [Там же]. Образ медведя на находке из Прибайкалья мог выполнять охранительную функцию или подчеркивать мощь и силу меча. Известно, что в среде носителей культур скифо-сибирского звериного стиля перекрестье меча или кинжала-акинака было принято украшать изображением головы хищного животного или птицы. Кстати, образ медведя здесь никогда не использовался, поскольку он не был характерен для сакральных образов скифо-сибирского мира. У коренного населения севера сибирской тайги медведь является особо почитаемым животным и в наши дни.

Таким образом, в мече из Прибайкалья можно видеть проявление синкретизма, связанного как с южными, скифо-сибирскими традициями, в которых меч играл важнейшую семантическую роль, так и с северными – шаманской практикой таежного населения. В этом нет ничего удивительного, ведь, согласно кетской и бурятской мифологии, именно шаман руководил войском, лично участвовал в военных действиях [Анучин, 1914, с. 40–41; Окладников, 1948, с. 220]. Все вышесказанное подтверждает вывод А.П. Окладникова о том, что «в культуре таежных племен на аборигенной основе отложились следы прямого воздействия скифской степи» [1948, с. 225].

Особой проблемой является реконструкция обрядовой практики, связанной с умышленной порчей вещей. И если применительно к погребальной обрядности у носителей различных археологических культур Сибири и Дальнего Востока в этнографической литературе мы можем найти немало объяснений, то в нашем случае дело обстоит сложнее. Тем не менее некоторые варианты интерпретации данного феномена можно привести. Важно, что сюжеты порчи вещей связаны с носителями культур таежного круга (хотя Западной, а не Восточной Сибири). Так, на Иртыше, по сообщению В.Н. Чернецова, были обнаружены сакральные фигурки волков, спины которых оказались намеренно переломанными [1941, с. 26]. Значимая для нас информация имеется в монографии А.В. Бауло. Автор приводит данные А. Каннисто о духе-покровителе вогульской деревни князе Тек, меч которого, сломанный в борьбе со злым духом, был помещен в жертвенное хранилище [Бауло, 2004, с. 103]. Имеются также сведения о помещении на святилищах манси железных сабель с обломанным клинком [Гемуев, Бауло, 1999, с. 30–31] и без рукоятей [Бауло, 2004, с. 104]. Не исключено, что семантика трехчленного байкальского меча связана с какими-то подобными феноменами.

Заключение

Рассмотренный бронзовый меч был целенаправленно изготовлен в трех частях. Его облик свидетельствует о принадлежности к скифскому времени. Меч демонстрирует несомненный синкретизм мифологических установок, восходящих к скифо-сибирскому импульсу с территории Южной Сибири, что, вероятно, проявлялось и в отправлении самого культа, связанного с мечом (втыкание его в землю и совершение в последующем каких-то мистерий). Важно, что в его иконографии (личина, медвежьи головы, рубчатые валики на рукояти) получили отражение таежные сюжеты.

Такой синкретизм позволяет полагать, что байкальский меч мог активно использоваться в каких-то ритуалах. Это могли быть и гадания на мече, и ритуалы, связанные с медвежьими праздниками, на которых в настоящее время практикуются мистерии, включающие манипуляции с клинковым оружием, в частности саблями [Бауло, 2004, с. 102]. Их корни в таежной части Западной Сибири, по мнению ряда исследователей, уходят в эпоху раннего железа (см., напр.: [Мошинская, 1953, с. 100]), а, может быть, и в более

древние времена. Неслучайна, по-видимому, и умышленная порциальность (испорченность) меча, имевшая, несомненно, сакральный смысл.

Благодарность

Доктор исторических наук, профессор Герман Иванович Медведев ушел из жизни неожиданно 21 февраля 2015 г. Я не успел показать ему данную статью, на создание которой он и благословил меня, передавая в институт этот замечательный бронзовый меч, найденный на берегу Байкала. Пусть данная работа, посвященная уникальной находке, по существу спасенной для науки Германом Ивановичем, послужит памятью этому прекрасному ученому, педагогу и человеку.

Список литературы

Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Археология Якутии (Эпоха палеометаллов и средневековья). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1991. – 111 с.

Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. – СПб.: [тип. Имп. АН], 1914. – 90 с. – (Сб. МАЭ; т. II, вып. 2).

Архипов Н.Д. Древняя Якутия. – Мирный: [б. и.], 1994. – Ч. II: Бронзовый и ранний железный век. Первобытное искусство и религия. – 79 с.

Бауло А.В. Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 157 с.

Борисов В.Г. Меч и копье из Якутии // СА. – 1961. – № 2. – С. 239–241.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси: Культовые места XIX – начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Геродот. История / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – М.: ЛАДОМИР; АСТ, 1999. – 752 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – СПб.: Атлант, 2003. – 336 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / текст, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 436 с.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб.: [тип. Имп. АН], 1893. – Т. 1: Греческие писатели, вып. 1, ч. II. – 600 с.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб.: [тип. Имп. АН], 1904. – Т. 2: Латинские писатели, вып. 1. – 271 с.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб.: [тип. Имп. АН], 1906. – Т. 2: Латинские писатели, вып. 2. – 480 с.

Лескова И.В., Федосеева С.А. Химический состав бронзовых изделий усть-мильской культуры Якутии // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1985. – С. 100–105.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–195.

Мейлах М.Б. Меч // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1982. – Т. II. – С. 149.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 113 с. – (САИ; вып. 1/4).

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 92–99.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 207 с.

Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полуя // МИА. – 1953. – № 35. – С. 72–106.

Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / Н.А. Алексеев, А.А. Бадмаев., Ф.Ф. Болонев, В.Я. Бутанаев, П.А. Косинцев, В.М. Кулемзин, А.А. Люцидарская, А.Н. Майничева, В.И. Молодин, И.В. Октябрьская, А.В. Табарев, Т.Н. Троицкая, М.Г. Туров, Н.В. Федорова, Е.Ф. Фурсова, М.А. Чемякина, Д.В. Черемисин, В.Н. Широков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 104 с.

О'Кеннел М., Эйри Р. Знаки и символы: Иллюстр. энцикл. – М.: ЭКСМО, 2009. – 256 с.

Окладников А.П. Археологические памятники и древние культуры на Нижней Лене // Учен. зап. Якут. пед. ин-та. – Якутск, 1944. – Вып. 1. – С. 3–20.

Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. – 1948. – Т. X. – С. 203–225.

Окладников А.П. История Якутии. – Якутск: Якутскгосиздат, 1949. – Т. I: Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству. – 438 с.

Приск Панийский. Готская история / пер. В.В. Латышева // ВДИ. – 1956. – № 4. – С. 244–267.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 38 с. – (САИ; вып. 1/9).

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с.: ил.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 128 с.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1970. – С. 128–142.

Федосеева С.А. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история Юго-Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 146–158.

Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских югров // КСИИМК. – 1941. – Вып. IX. – С. 18–28.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–223.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 151 с.

Материал поступил в редколлегию 05.10.15 г.

УДК 903.21

С.П. Нестеров[1], П.В. Волков[2], С.В. Алкин[2]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru
[2]Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: volovopen@gmail.com; alkin-s@yandex.ru

КАМЕННАЯ ПЛИТКА-АБРАЗИВ С ЧЕРЕМХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ*

Памяти археолога Алексея Владимировича Мачинского,
погибшего в 1942 г. в бою за Родину, посвящается

В статье приведены результаты морфологического и трасологического исследования каменной плитки-абразива из раскопок А.В. Мачинского 1940 г. на раннесредневековом поселении у с. Черемхова Амурской обл. На основе экспериментально-трасологического и технологического анализа особенностей процесса изготовления изделия и специфики его утилизации сделан вывод о том, что плитка использовалась для обточки и шлифовки внешней поверхности округлых в сечении каменных бусин. Подобные плитки для обработки каменных округлых изделий (стержней, бусин) являются специализированным инструментарием. Их первое появление на востоке Азии пока фиксируется в раннем неолите (абразивы новопетровской культуры). Без изменения они продолжали использоваться в раннем железном веке и Средневековье.

Ключевые слова: *плитка-абразив, трасология, мохэ, Черемхово, Амурская область.*

S.P. Nesterov[1], P.V. Volkov[2], and S.V. Alkin[2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru
[2]Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: volovopen@gmail.com; alkin-s@yandex.ru

A STONE ABRASIVE TILE FROM CHEREMKHOVA, WESTERN AMUR REGION

A stone abrasive tile excavated by A.V. Machinsky in 1940 at an Early Medieval site at Cheremkhova, Amur Region, is described. Judging by results of the experimental use-wear and technological analyses, the abraive tile was used to polish round stone beads. In East Asia, such specialized tools first appeared in the early Neolithic (Novopetrovka culture) and were still employed in the Early Iron Age and during the Middle Ages.

Keywords: *Abrasive tile, traceological analysis, Mohe, Cheremkhovo, Amur Region.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.063-071

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

© Нестеров С.П., Волков П.В., Алкин С.В., 2015

Введение

В 1940 г. в Ивановском р-не Амурской обл. А.В. Мачинским* было раскопано одно древнее жилище у с. Черемхова [Новиков-Даурский, 1961, с. 14]. Село расположено на левом берегу небольшой речки Ивановки, протекающей в данном месте параллельно левому берегу р. Зеи на расстоянии 2,8 км от нее (рис. 1). По сведениям С.Г. Новикова-Даурского, обнаруженные А.В. Мачинским во время раскопок материалы были переданы в Институт истории материальной культуры АН СССР (г. Ленинград), а в Амурский музей им были отданы «дублетные» предметы и фотографии. В публикациях А.В. Мачинского в газете «Амурская правда» поселение датировалось ранним железным веком [Там же, с. 52]. В настоящее время черемховская коллекция хранится в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Она состоит из 210 фрагментов керамических сосудов, железного вильчатого наконечника стрелы, обломка кельта, двух каменных плиток-абразивов, орнаментированной лошадиной бабки, целой чаши-пиалы, отщепов, а также костей животных. Эта коллекция была изучена Е.И. Деревянко, которая отнесла ее к мохэской культуре [1968, с. 288–292; 1975, с. 134–136], в настоящее время атрибутированной как троицкая группа памятников [Дьякова, 1984, с. 60–76]. Плитка с желобками, о которой пойдет речь в данной статье, была определена как абразив (рис. 2)**, «по-видимому, для шлифования каких-то предметов, может быть, древков стрел. Круглое углубление с чашевидным дном предназначалось для зашлифовки кончиков древков» [Деревянко Е.И., 1968, с. 290].

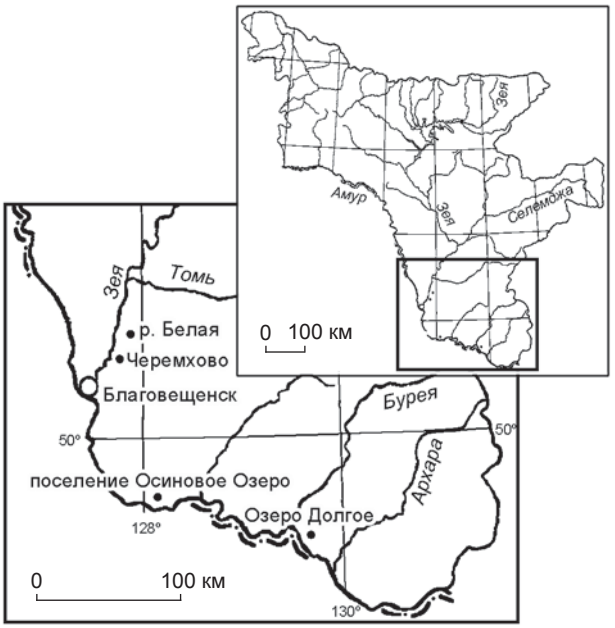


Рис. 1. Места нахождения мохэских абразивов на карте Амурской обл.

Новое обращение к черемховской плитке вызвано несколькими причинами. Во-первых, она перестала быть оригинальным изделием, единственным известным в Приамурье до начала XXI в. Так, в 2005 г. на правом берегу р. Белой в Ивановском р-не Амурской обл., напротив раннесредневекового Троицкого могильника, на заброшенном посевном поле была обнаружена подобная кварцитовая с включением слюды плитка с восемью протертыми желобками (рис. 3) [Зайцев и др., 2008, с. 195]. В экспозиции Национального музея Республики Кореи (г. Сеул) выставлена аналогичная плитка, датированная, в отличие от приамурских абразивов, неолитом (рис. 4, *1*). В музее г. Ачэна пров. Хэйлунцзян (КНР) имеется экспонат чжурчжэньского времени, подпись под которым гласит, что это – кирпич. Однако на его широкой плоской стороне присутствуют шесть желобков, выполненных в технике пикетажа (рис. 4, *2*). Не исключено, что данный кирпич предполагалось использовать в качестве абразива для шлифовки округлых предметов. Во-вторых, трасологический анализ поверхности черемховской плитки позволил уточнить ее назначение. В-третьих, этот уникальный предмет, дающий представление о хозяйственно-производственной деятельности мохэского населения Западного Приамурья, до сих пор был известен только по описанию, нигде не представлен в виде рисунка или фотографии.

---

*Алексей Владимирович Мачинский родился 3 (16) марта 1910 г. В 1932 г. окончил Ленинградский историко-лингвистический институт, получив квалификацию историка Древнего Востока и музееведа, и был принят на работу в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК). В 1936 г. он перевелся в Институт антропологии и этнографии, однако продолжал участвовать в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. А.В. Мачинский уделял большое внимание проблемам археологии и этнографии Древнего Востока, Центральной Америки, а также древней эскимосской культуры на Чукотке. В 1939 г. он был призван в ряды Красной Армии и отправлен в Амурскую обл. Один год А.В. Мачинский служил рядовым, затем переводчиком при штабе дивизии в с. Черемхове. С первых дней Великой отечественной войны он находился на фронте. По сведениям Дзержинского райвоенкомата г. Санкт-Петербурга, лейтенант А.В. Мачинский пропал без вести во время боев в декабре 1942 г. Во время службы в Амурской обл. он познакомился с краеведом, археологом С.Г. Новиковым-Даурским и директором Благовещенского краеведческого музея Ф.А. Гурским. Участвовал в работе научно-методического совета музея, проводил археологические разведки и раскопки, вел музееведческую работу (подробнее о нем см.: [Деревянко Е.И., 1968; 1975, с. 17–18; Решетов, 1995, с. 3–5].

**Рис. 2–4, 8–14 – фото С.П. Нестерова, рис. 5–7 – П.В. Волкова.

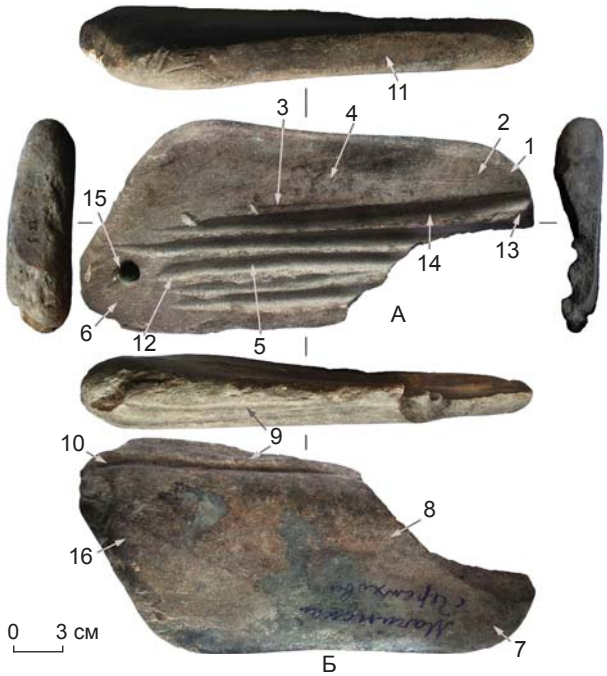


Рис. 2. Плитка-абразив из мохэского жилища у с. Черемхова.
А – лицевая сторона; Б – оборатная.
1–16 – зоны трасологического исследования.

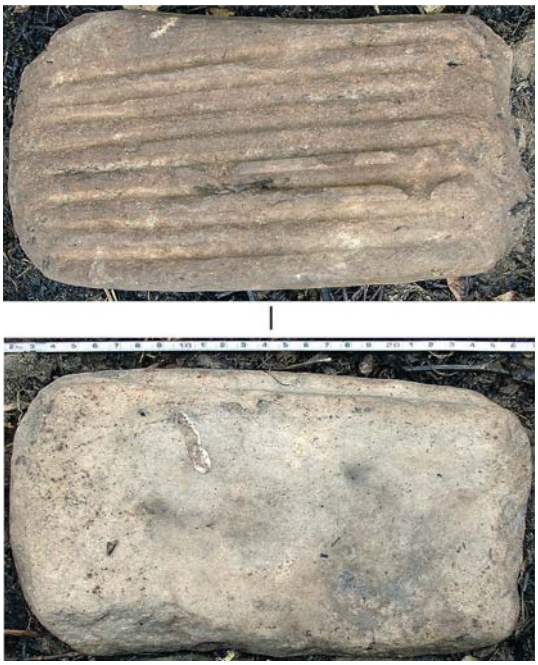


Рис. 3. Плитка-абразив с правого берега р. Белой в Амурской обл. (случайная находка).

Рис. 4. Неолитическая плитка-абразив из Национального музея Республики Кореи (*1*) и чжурчжэньский кирпич из музея г. Ачэна пров. Хэйлунцзян КНР (*2*).

Описание плитки

Плитка плоская, изначально была четырехугольной, неправильной формы. Углы закруглены, один из них обломан. Наибольшая длина плитки 26,5 см, ширина 10,8–12,5, толщина – 2,5–3,2 см. На ее плоской лицевой поверхности (см. рис. 2, А) имеются пять желобков (см. *таблицу*; описание плитки дано относительно ее расположения на рис. 2 сверху вниз).

Желобки № 1 и 2 сохранили полную первоначальную длину, хотя на правую нижнюю часть второго пришелся край слома. Дно всех желобков округлое. Их левые концы имеют заостренную в плане форму, а сохранившиеся правые концы каналов № 1 и 2 – полукруглую. Выше желобка № 1 на поверхности камня имеется вытянутое по длинной оси понижение. В 8 мм от левого конца желобка № 3 находится ямка глубиной 12,1 мм, ее диаметр по верхнему краю 12,2–13,5, по дну 11,5 мм. Длинная ось ямки имеет наклон вверх (ок. 10°). Дно округлое. Слева от ямки и окончаний желобков № 1–5 присутствуют короткие риски.

Нижний край плитки с правой стороны на одну треть отколот и скруглен. На нем, в верхней части и в середине, присутствуют следы сколов. Верхний край плитки срезан фаской по всей длине, поэтому имеет два ребра. Левый и правый края закруглены. Верхняя сторона плитки вогнута в средней части на 3,5 мм, имеет гладкую, залощенную поверхность.

Оборотная сторона плитки (рис. 2, Б) плоская, с небольшим понижением в центральной части. Края

Размеры желобков, мм

Номер	Длина	Ширина	Глубина
Лицевая сторона			
1	214	12,0	6,0
2	237	10,0	5,3
3	143	8,4	4,5
4	120	5,8	1,3
5	117	10,0	5,3
Оборотная сторона			
6	150	7,0	2,5
7	90	3,0	0,5–1,2

Примечание: длина каналов № 3–5 указана по линии слома плитки.

округлые, нижний частично срезан фаской. На ее поверхности имеются два желобка, обломанные в правой части (см. *таблицу*). Желобок № 6 с правой стороны выклинивается, № 7 – незначительно обломан сколом, негатив которого имеет более светлую патину, чем сам желобок. В левом углу плитки есть еще скол. Ниже расположена окружность диаметром 8–9 мм с небольшим углублением в середине. На лицевой стороне плитки в данном месте находится ямка. Центры окружности и ямки не совпадают, но располагаются на одной наклонной оси. На левом закругленном крае плитки имеются негативы сколов, которые несколько светлее, чем она сама, а также четыре риски длиной 1 см, шириной 2 мм, и еще четыре более мелкие.

На нижней стороне плитки от руки синими чернилами написано: «Мачинский с. Черемхово» (см. рис. 2, Б).

Результаты трасологического анализа поверхности плитки

Изучение поверхности артефакта на его различных участках (отмечены на рис. 2) позволило на основе экспериментально-трасологического и технологического анализа определить особенности процесса изготовления изделия и специфику его утилизации. При общем обследовании предмета применялся бинокулярный микроскоп МБС-10 с односторонним боковым освещением объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. Применялся и специально адаптированный для микротрасологии микроскоп «Olympus BHT-M» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат. Для сравнительного анализа следов изношенности и приемов обработки камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов [Волков, 2013, с. 94–154].

Установлено, что сырьевой заготовкой для изделия послужила уплощенная песчаниковая плитка, окатанная в водном потоке (рис. 5, *1*). Зернистость и плотность материала средние по сравнению с песчаниками в районе обнаружения артефакта.

По итогам обследования одна плоскость заготовки была определена как основной рабочий участок. Ее поверхность подготовлена шлифовкой на абразиве, изготовленном, вероятно, из того же, что и исследуемый артефакт, материала. Следы уплощающей шлифовки хорошо прослеживаются на большей части основной плоскости изделия (рис. 5, *2*). Первоначально на рабочем участке была проведена разметка в виде глубоко процарапанных направляющих будущих желобков (рис. 5, *3*).

Рабочий участок представляет собой продольные углубления, расстояния между бортами которых колеблются от 7 до 9 мм (рис. 5, *5*). Трасологический анализ их внутренней поверхности показал, что здесь происходила обработка изделий из материала относительно большей, чем абразив, твердости. Вероятно, цилиндрические предметы обтачивались путем их возвратно-поступательного движения по параллельно расположенным желобкам на изучаемом абразиве. Исходя из совпадения метрических параметров шлифовальных желобков и обнаруживаемых в археологических коллекциях региона халцедоновых бусин, можно предположить, что основное назначение изучаемого орудия – обточка до округлой формы и шлифовка заготовок данных украшений.

Если предположение об использовании изучаемой плитки для производства каменных бусин верно, то логично и присутствие на ней специального рабочего участка для закругления краев цилиндрических заготовок. Такого рода работа, о которой свидетельствуют характерная микровыкрошенность и сравнительно хаотично ориентированные линейные следы, привела в итоге к образованию некоторого углубления относительно плоскости шлифованной стороны плитки (рис. 5, *4*).

Линейные следы на лицевой поверхности ниже ямки (рис. 6, *1*) также вполне могут быть следствием удаления образующихся при шлифовке излишне заостренных краев обрабатываемых изделий. Данное место на плитке вряд ли было особым рабочим участком. Следы взаимодействия абразива и обрабатываемого материала здесь относительно редки.

Обратная сторона плитки имеет естественную поверхность (рис. 6, *2, 3*). Отчетливых следов оформления изделия или его использования для обработки предметов из других материалов здесь не выявлено.

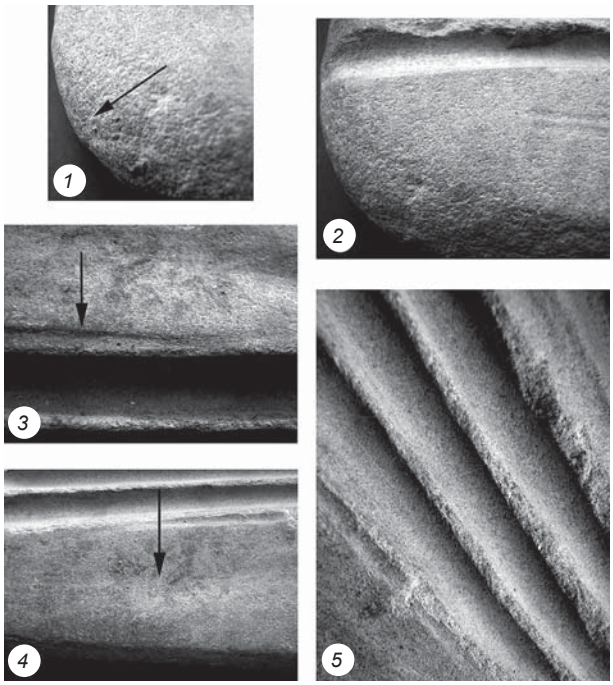


Рис. 5. Результаты трасологического изучения зон 1–5 плитки-абразива.
1 – естественная поверхность на торце изделия (зона 1); *2* – шлифованная поверхность в зоне 2; *3* – след разметки на основной рабочей плоскости в зоне 3; *4* – вспомогательный рабочий участок (зона 4); *5* – основной рабочий участок (зона 5).

Желобки на нижнем торце плитки (рис. 6, *4*) имеют тот же генезис, что и основные. Данный рабочий участок явно второстепенный и по удобству расположения, и по относительной продолжительности его использования. Для подготовки места (при расточке дна желобка) использовался не метчик, следы работы которого наблюдаются на основном рабочем участке (см. рис. 5, *3*), а линейно ориентированное естественное расслоение песчаниковой породы (см. рис. 6, *5*).

Довольно неожиданным было обнаружение на плитке рабочего участка, предназначенного для выполнения работы, не связанной с изготовлением каменных бусин. Трасологический анализ поверхности артефакта в зоне 11 (см. рис. 2; 7, *1*) позволил выявить следы контакта абразива с металлическим предметом. По характерной заглаженности, линейным микроследам, их ориентации и общей форме деформации участка можно предположить его использование для правки-заточки плоских относительно гибких металлических изделий, вероятно, ножей. Есть основания полагать, что следы такого рода работы на абразивной плитке вторичны и технологически не связаны с основными рабочими процессами.

Диаметр предполагаемых заготовок бусин, исходя из размеров шлифовальных желобков, можно определить в 7–8 мм. Вычислить их длину значительно сложнее. Судя по конфигурации изгиба желобков на участках у их концов (рис. 7, *2*) и «обрывистости» одного желобка у торца абразивной плитки (рис. 7, *3*), а также по результатам экспериментальных исследований, при удержании обрабатываемых изделий в руке во время их шлифовки длина бусин не могла быть менее 20 мм. Маловероятна и длина более 25–30 мм. В противном случае, продольный профиль шлифовальных желобков не смог бы приобрести столь вогнутый характер (рис. 7, *4*).

Следов искусственного происхождения на поверхности округлого в плане углубления (зона 15), несмотря на выкрошенность на его краях, не выявлено (рис. 7, *5*). Вероятно, оно образовалось при вымывании содержавшейся внутри песчаниковой плитки конкреции, фрагмент которой еще сохранился и хорошо виден с противоположной стороны артефакта (рис. 7, *6*).

В целом изученный на основе экспериментально-трасологического анализа предмет можно функционально определить как абразив для работы с цилиндрическими заготовками из относительно твердого каменного сырья. Вторично, вполне вероятно после

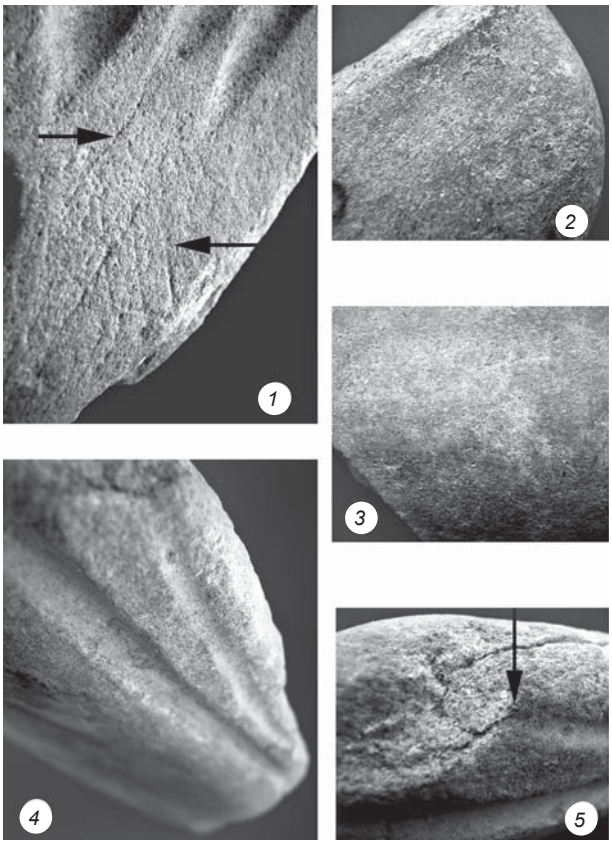


Рис. 6. Результаты трасологического изучения зон 6–10 плитки-абразива.
1 – линейные следы на верхней плоскости в зоне 6; *2, 3* – естественная поверхность нижней плоскости в зонах 7, 8; *4* – торцовый рабочий участок (зона 9); *5* – формирование желобка на основе естественной трещины (зона 10).

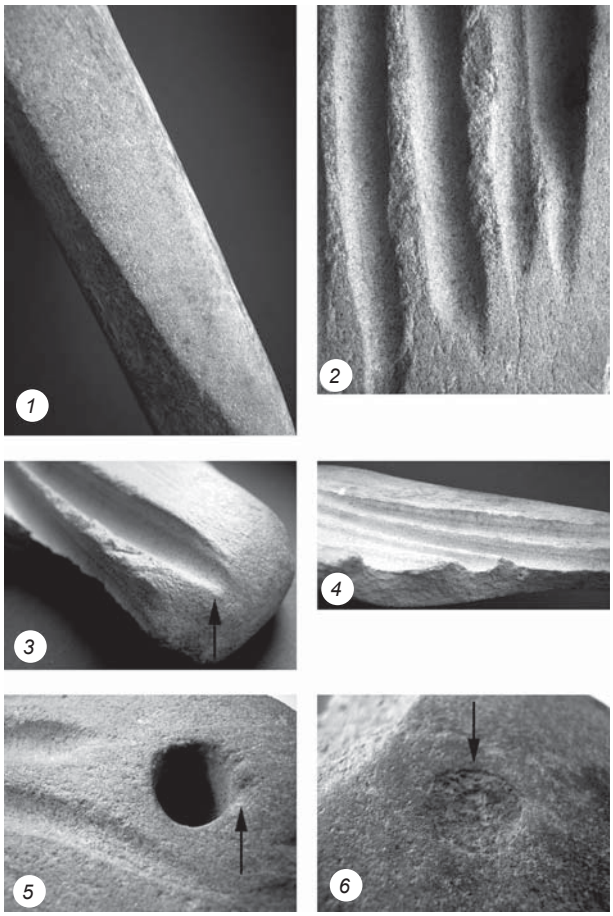


Рис. 7. Результаты трасологического изучения зон 11–16 плитки-абразива.
1 – дополнительный рабочий участок для заточки металлических лезвий (зона 11); *2* – левые торцы желобков № 2–5 (зона 12); *3* – участок желобков № 1, 2 у правого края (зона 13); *4* – характер изгиба желобков на верхней плоскости (зона 14); *5* – углубление на верхней плоскости (зона 15); *6* – округлая конкреция на нижней плоскости (зона 16).

его раскалывания и повреждения основного рабочего участка, артефакт был использован для правки-заточки металлических ножей. Не исключено, что, после того как был отломан сегмент плитки, ее еще какое-то время использовали по основному назначению. При этом с обратной стороны появились два желобка (№ 6, 7). Они не выходят за края плитки. В дальнейшем, используя место слома как рукоять, артефакт превратили в импровизированный пест или отбойник, о чем свидетельствуют негативы сколов на левом углу и на нижней стороне.

Вместо заключения

В Западном Приамурье наиболее ранние абразивы с проточенными канавками обнаружены в материалах неолитической новопетровской культуры (рис. 8). Эти небольшие абразивы из песчаника применялись для шлифовки и заточки стержней и лезвий каменных тесел [Деревянко А.П., Нестеров, Алкин и др., 2004, с. 98] или как инструмент для обточки, выпрямления и калибровки древков стрел [Ли Синьвэй, 2009, с. 63, рис. 1]. Подобный артефакт из окатанного окаменелого дерева встречен в переотложенном культурном слое 2 памятника Озеро Долгое. Он имеет подпрямоугольную форму, размеры 6,3 × 4,0 × 1,4÷1,6 см. Три канавки на одной из плоских сторон выполнены пикетажем, следы которого читаются на их дне, тогда как края залощены (рис. 9). Трасологический анализ позволил лишь предположительно связать эту залощенность с обработкой кости. Привязка артефакта к конкретной археологической культуре затруднена. Археологические материалы из данного слоя представлены немногочисленными каменными изделиями новопетровской культуры, урильской, польцевской (единичные фрагменты) и талаканской керамикой раннего железного века, а также раннесредневековой михайловской [Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2009, с. 122–124].

Абразивная плитка для обточки удлиненных бусин известна по неолитическим материалам с Корейского полуострова (см. рис. 4, *1*). Представленная в Национальном музее Республики Кореи (г. Сеул) реконструкция процесса изготовления бусин заканчивается их шлифовкой на абразиве, аналогичном черемховскому (рис. 10).

Похожий инструмент использовался при изготовлении халцедоновых бусин талаканской культуры. Реконструируемый по материалам памятника Прядчино-3 цикл производства этих бусин конечным этапом подразумевал придание им округлой формы при по-

Рис. 8. Неолитическая плитка-абразив новопетровской культуры с памятника Новопетровка III.

Рис. 9. Абразив из окаменелого дерева с памятника Озеро Долгое.

Рис. 10. Графическая реконструкция процесса изготовления каменных бусин. Национальный музей Республики Кореи в г. Сеуле.

мощи пикетажа, а затем обточки на абразиве. Два обломка такого кварцитового камня имели характерные желобки. Шлифование производилось параллельно просверленному в бусине отверстию, следов вращательного движения ею не зафиксировано [Болотин и др., 1998, с. 210–212, рис. II].

Археологический материал из раскопок жилища у с. Черемхова относится к троицкой группе мохэской культуры. К этой же культуре, возможно, относится плитка-абразив, найденная на правом берегу р. Белой (см. рис. 3). Трасологическое исследование данного артефакта не проводилось. Предположительно плитка использовалась для калибровки древков стрел или как терочник. Версия об ее применении в качестве точильного камня вызвала сомнение у исследователей из-за того, что «в этом случае донышки желобков не имели бы округлой формы, ровной поверхности и примерно равной степени износа» [Зайцев и др., 2008, с. 196]. Хотя именно эта характеристика желобков более всего функционально увязывается с обточкой и шлифовкой каменных округлых предметов, в т.ч. бусин.

На обеих плоскостях и на одном торце подпрямоугольной абразивной плитки (15,0÷16,8 × 11,9÷13,6 × × 2,8÷3,2 см) с памятника Озеро Долгое имеется залощенность поверхности (рис. 11). Других следов трасологическим анализом не выявлено. Вышедшая из употребления плитка была использована в качестве бутового материала при сооружении внутримогильной конструкции мог. 17. Могильник относится к троицкой группе мохэской культуры и датируется предположительно VIII в. н.э.

В хозяйственно-бытовой деятельности мохэ использовали не только прямоугольные абразивы. В жилище 2 ювелира-литейщика на поселении Осиновое Озеро найден оселок в форме полумесяца (рис. 12, *1*). Его длина (по хорде) 22 см. Вогнутая сторона (ширина 2,8–3,2 см) использовалась для формообразования каких-то изделий и заточки плоских предметов, а ее ребра – для шлифовки. На выпуклой стороне оселка имеются канавки, образовавшиеся при заточке режущих инструментов или обдирке краев отлитых бронзовых украшений. Аналогичные следы есть и на одной из плоских сторон. Рядом с жилищем 2 найден расколотый на две части гранитный камень треугольной в плане формы, но с одним закругленным углом (рис. 12, *2*). Его ровное основание (длина 17,3 см) получилось в результате использования этой стороны для шлифовки. Следы лощения имеются и на обеих широких плоскостях. Они могли образоваться от рук во время работы инструментом. Для удобства верхняя сторона камня была скруглена, а под указательный

Рис. 11. Абразив с памятника Озеро Долгое.

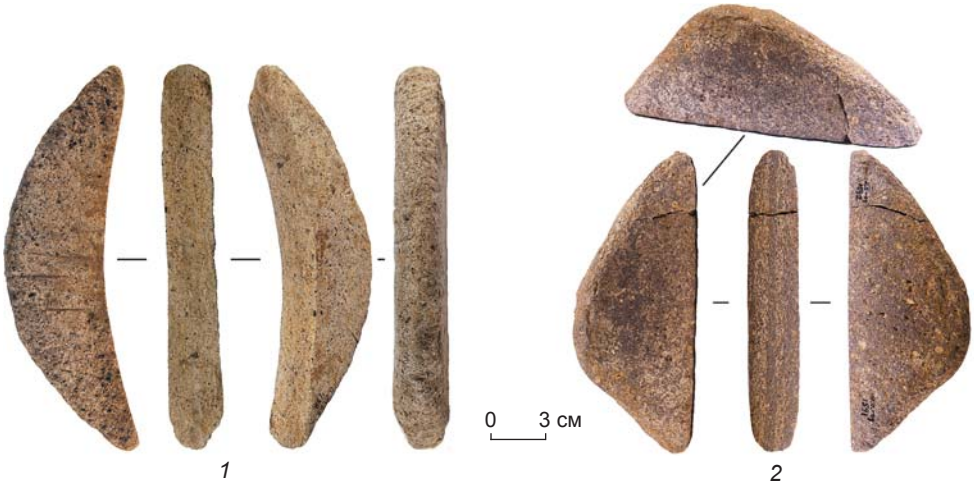


Рис. 12. Абразивы в форме полумесяца (*1*) и сегмента (*2*) с поселения Осиновое Озеро.

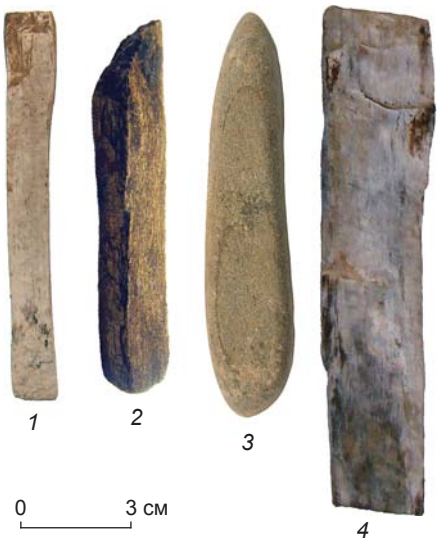


Рис. 13. Бруски окаменелого дерева (*1, 2, 4*) и удлиненная галька (*3*), использованные в качестве оселков, с поселения Осиновое Озеро.

Рис. 14. Камень-сиденье со следами использования в качестве абразива из жилища 2 поселения Осиновое Озеро.

палец сделана выемка. Наибольшая ширина оселка 6,6 см, толщина 2,9 см.

Мохэ для производственных нужд, связанных с заточкой инструмента, обдиркой, шлифованием, обточкой предметов, использовали не только специально приспособленные для этих целей камни соответствующей структуры, но и любой камень, обладающий абразивными свойствами. В раскопанных жилищах

и вокруг них часто встречаются небольшие бруски окаменелого дерева и удлиненные гальки со следами заточки металлических предметов (рис. 13). Обитатели жилища 2 поселения Осиновое Озеро даже приспособили для этих целей лежащий у очага на полу, ориентированный углами по сторонам света большой камень-сиденье трапециевидной в плане формы, клиновидный в сечении. Его длина 22 см, ширина в нижней части 18,5, максимальная высота 16 см (рис. 14). На верхней поверхности камня имеются выбоины и царапины, а на верхнем юго-западном ребре – негативы девяти сколов. На этом ребре, а также на северо-западном и юго-восточном есть следы залощенности. Она присутствует и на выпуклостях поверхности. На нижней плоскости камня, на площади примерно 10 × 20 см, имеются выбоины трапециевидной в плане формы – следы от удара инструментом. С северо-западной стороны на этой плоскости в 2,2 см от кромки есть канавка длиной 9,3 см, шириной 1,5–2,0 мм – след от заточки или обточки металлических изделий. Еще две такие же, но короткие (5 мм) расположены у юго-восточной кромки. Нижнее северо-западное ребро закруглено девятью сколами, а противоположное имеет естественное закругление. На боковой юго-восточной грани камня есть отдельные выбоины. У юго-западной грани внизу отколот угол и имеется скол на нижней кромке [Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров и др., 2010, с. 292–293, табл. 145, 146; с. 311, табл. 181; с. 313, табл. 185].

Таким образом, несмотря на типологическое и морфологическое многообразие абразивных камней для шлифовки каменных и металлических предметов, плитки для обработки каменных округлых изделий (стержней, бусин) являются специализированным инструментарием. Их первое появление на востоке Азии пока фиксируется в раннем неолите (абразивы новопетровской культуры). Без изменения они продолжали использоваться в раннем железном веке и Средневековье.

Список литературы

Болотин Д.П., Нестеров С.П., Сапунов Б.С., Сапунов И.Б., Зайцев Н.Н. Поселение раннего железного века у с. Прядчино Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 207–213.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с. – (Archaeologica Varia).

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Хабибуллина Я.Ю. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Гос. исслед. ин-та культурного наследия Респ. Кореи, 2009. – Вып. II: Раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Гос. исслед. ин-та культурного наследия Респ. Кореи, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 318 с.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Волков П.В., Канг Чан Хва, Ли Хон Джон, Ким Кэн Чжу, О Ён Сук, Ли Вон Чжун, Ян На Ре, Ли Хе Ён. Об археологических раскопках памятника Новопетровка-III в Амурской области в 2003 г. – Новосибирск; Чечжу: Изд-во Фонда культуры и искусства Чечжудо Респ. Кореи, 2004. – 116 с.

Деревянко Е.И. К изучению памятников мохэской культуры на среднем Амуре (по материалам раскопок А.В. Мачинского в с. Черемхово) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1968. – Вып. 1. – С. 287–292.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Кудрич О.С., Чередова Т.П., Орешкин К.В. Необычные находки с памятников археологии Амурской области // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2008. – С. 195–199.

Ли Синьвэй. Инструменты с желобками для выпрямления древков в первобытном Китае // Каогу. – 2009. – № 6. – С. 62–71 (на кит. яз.).

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. – 192 с.

Решетов А.М. Отдание долга. Ч. II: Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР // Этногр. обозрение. – 1995. – № 3. – С. 3–20.

Материал поступил в редколлегию 20.01.15 г.

УДК 903.2

А.Е. Астафьев[1], Е.С. Богданов[2]
[1]Мангистауский государственный историко-культурный заповедник
3-й микрорайон, 66, Актау, Мангистауская обл., 130001, Республика Казахстан
E-mail: aasta@list.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

ПАРАДНОЕ СЕДЛО ИЗ АЛТЫНКАЗГАНА (ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК, КАЗАХСТАН)

Статья посвящена уникальной находке, полученной в результате исследования территории, связанной с каменной оградой на памятнике Алтынказган на п-ове Мангышлак. Ограда, сооруженная из плит песчаника, поставленных на ребро, составляет основу археологического объекта. В работе приводятся описания каменной конструкции и находок – серебряных обкладок седла, украшенных рельефными зооморфными изображениями, и мелких деталей гарнитуры. Рассматривается техника нанесения изображений. Установлено, что рельефы выдавливались с лицевой стороны, шкуры и анатомические признаки зверей и птиц прорабатывались специальной палочкой; матрицы делали, скорее всего, из деревянных дощечек. Публикуется реконструкция седла. Определено, что анализируемый тип седел связан с племенами гуннского облика и сформировался в V в. н.э. На данную дату указывают аналоги из погребальных и ритуальных комплексов Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа. В статье дается семантическая и культурно-историческая интерпретация серебряных обкладок седла. Изображения животных и птиц на них не имеют точных аналогов, но манера орнаментации характерна для золотых украшений гуннской эпохи. Алтынказганская находка позволила впервые доказать, что такая «совершенная» конструкция седла была известна уже в гуннское время; подобные седла стали прообразом древнетюркских.

Ключевые слова: *Казахстан, Мангышлак, гунны, серебряные обкладки седла, поздние сарматы.*

A.E. Astafyev[1] and E.S. Bogdanov[2]
[1]Mangistau State Historical and Cultural Reserve,
3rd Microregion 66, Aktau, 130001, Republic of Kazakhstan
E-mail: aasta@list.ru
[2]Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

A CEREMONIAL SADDLE FROM ALTYNKAZGAN, MANGYSHLAK PENINSULA, KAZAKHSTAN

An unusual saddle found in a stone enclosure at Altynkazgan on the Mangyshlak Peninsula, Kazakhstan, is described. Its parts include silver plaques with figures of animals and birds, and small details of garniture. The figures were punched from inside, apparently on a template made from wooden planks, and their details were modeled with a special tool. Based on parallels from the Volga drainage, Ural, and Northern Caucasus, a Xiongnu-type saddle manufactured no later than the 5th century AD is reconstructed. A semantic and cultural interpretation of zoomorphic images is suggested. Though they have no exact parallels, their style is typical of golden ornaments of the Xiongnu Age. The Altynkazgan find demonstrates that high-quality saddles were manufactured already during the Xiongnu epoch, being prototypical to those made by Old Turks.

Keywords: *Kazakhstan, Mangyshlak, Xiongnu, Late Sarmatians, saddles.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.072-084

© Астафьев А.Е., Богданов Е.С., 2015

Введение

Культово-погребальный комплекс Алтынказган находится на п-ове Мангышлак на восточном берегу Каспийского моря, в долине между меловым уступом Северного Актау и нагорьем Западный Каратау в пределах горных возвышений Тобекудык, Урыжол и Кулаат (рис. 1). Бóльшую часть полуострова занимает солончаковая пустыня с участками высохшей скудной растительности. Рельеф сформирован комплексом процессов, связанных с ростом Каратауского нагорья, поднятием западной части Туранской плиты и эрозионной волновой деятельностью Палеокаспийского моря. Межгрядовые участки имеют мелкорусловые понижения.

Памятник Алтынказган был открыт весной 2010 г. благодаря жителю г. Актау Ф. Ахмадулину, нашедшему древние артефакты, которые он передал археологу А.Е. Астафьеву. Выехавшие на место обнаружения предметов археологи выявили большой комплекс остатков наземных каменных сооружений на площади более 120 га. К сожалению, социально-экономическая ситуация в регионе не способствовала проведению археологических исследований, и только в 2014 г. авторам статьи удалось провести раскопки нескольких объектов на территории памятника, в т.ч. каменной ограды, внутри которой Ф. Ахмадулиным были найдены серебряные обкладки седла.

Описание памятника и хода раскопок

Археологические объекты (восемь комплексов) располагаются на грядовидных возвышениях. Через восточный сектор комплекса проходят две ветки древней караванной дороги, хорошо просматривающиеся на спутниковой карте. При детальном осмотре местности были выявлены каменные конструкции пяти основных типов: каменные ограды из нескольких рядов вертикально врытых плит или с горизонтальной закладкой стен плитняком, «жертвенно-алтарные» конструкции из плитняка округлых, трапециевидных, подковообразных, четырехугольных очертаний, плитчатые наброски и дугообразные выкладки (иногда двухрядные), высокие курганы с каменно-грунтовой насыпью и плоские курганы с каменной насыпью. Размеры оград от 4 × 4 до 34 × 24 м*.

*Сохранность видимой части каменных конструкций даже в пределах одного комплекса различная. Это связано с естественным разрушением каменных плит и техногенным воздействием человека в наши дни. Поэтому во многих случаях архитектуру объектов можно определить только после археологических раскопок. Более детальное описание погребально-поминального комплекса Алтынказган не входит в задачи данной статьи; на эту тему готовится отдельная публикация.

Рис. 1. Месторасположение памятника Алтынказган.

Ограда (объект № 15), в которой были найдены серебряные обкладки седла, находится в центральной части памятника (рис. 2). Ограда прямоугольная в плане, размерами 15,5 × 1,0 м, продольной осью ориентирована по линии С – Ю с небольшим отклонением к востоку за счет магнитного склонения (рис. 3). До раскопок на современной поверхности просматривались контуры вертикально установленных плит и каменно-грунтовых валов. В ходе раскопок выяснилось, что стены ограды выполнены в технике двухрядной кладки: плиты алевролитового песчаника были врыты на глубину 10–15 см и возвышались над уровнем древней поверхности на 40–50 см. Ширина стен ограды 0,8–1,2 м. В северной и южной стенах по центральной оси устроены сквозные проходы.

Сохранившиеся части горизонтального заклада из плитняка залегают не на материковом основании, а на грунтовом прослое толщиной 20–25 см, поэтому можно полагать, что межкладочное пространство стен заполнялось грунтом. Продольные стены, вероятно, были укреплены с помощью настила из плитняка, сложенного в один-два ряда. Высота северной и южной стен составляла не менее 1 м. После удаления всех плитчатых развалов в районе северо-восточного угла ограды с внешней стороны северной стены было выявлено пятно дромоса, после выборки которого удалось обнаружить катакомбное захоронение (рис. 3, *б*). На дне погребальной камеры находились: скелет молодой девушки, скелет ребенка в возрасте 1 года, железный однолезвийный нож, четырехгранная бусина из темно-синего стекла, шесть керамических сосудов, курильница с остатками древесных угольков, проволочная (свинцово-оловянистая бронза) серьга в виде

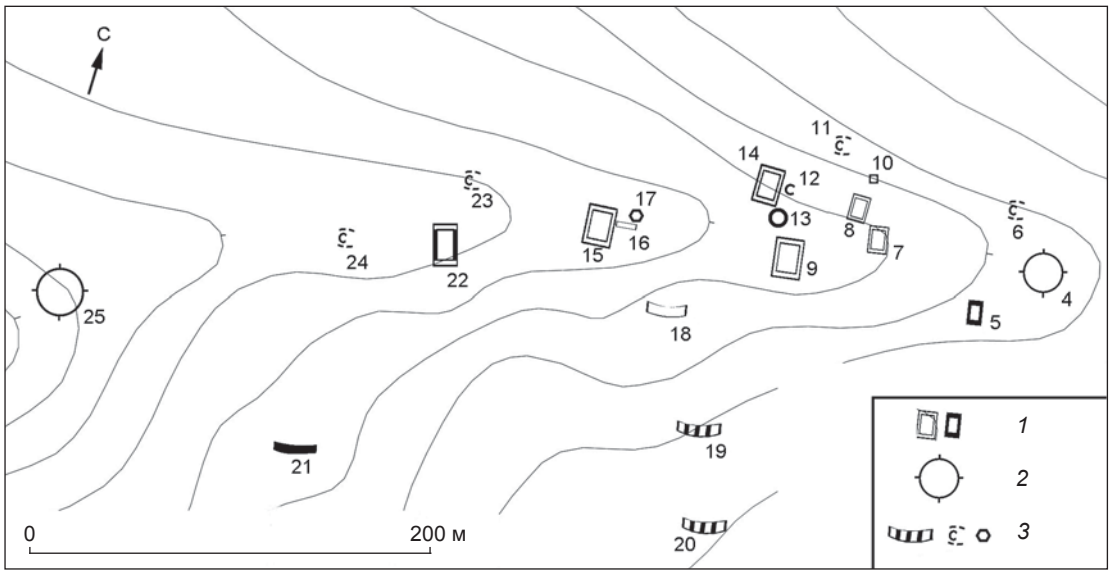


Рис. 2. Топографический план участка I памятника Алтынказган.
1 – каменные ограды; *2* – курганы; *3* – каменные выкладки.

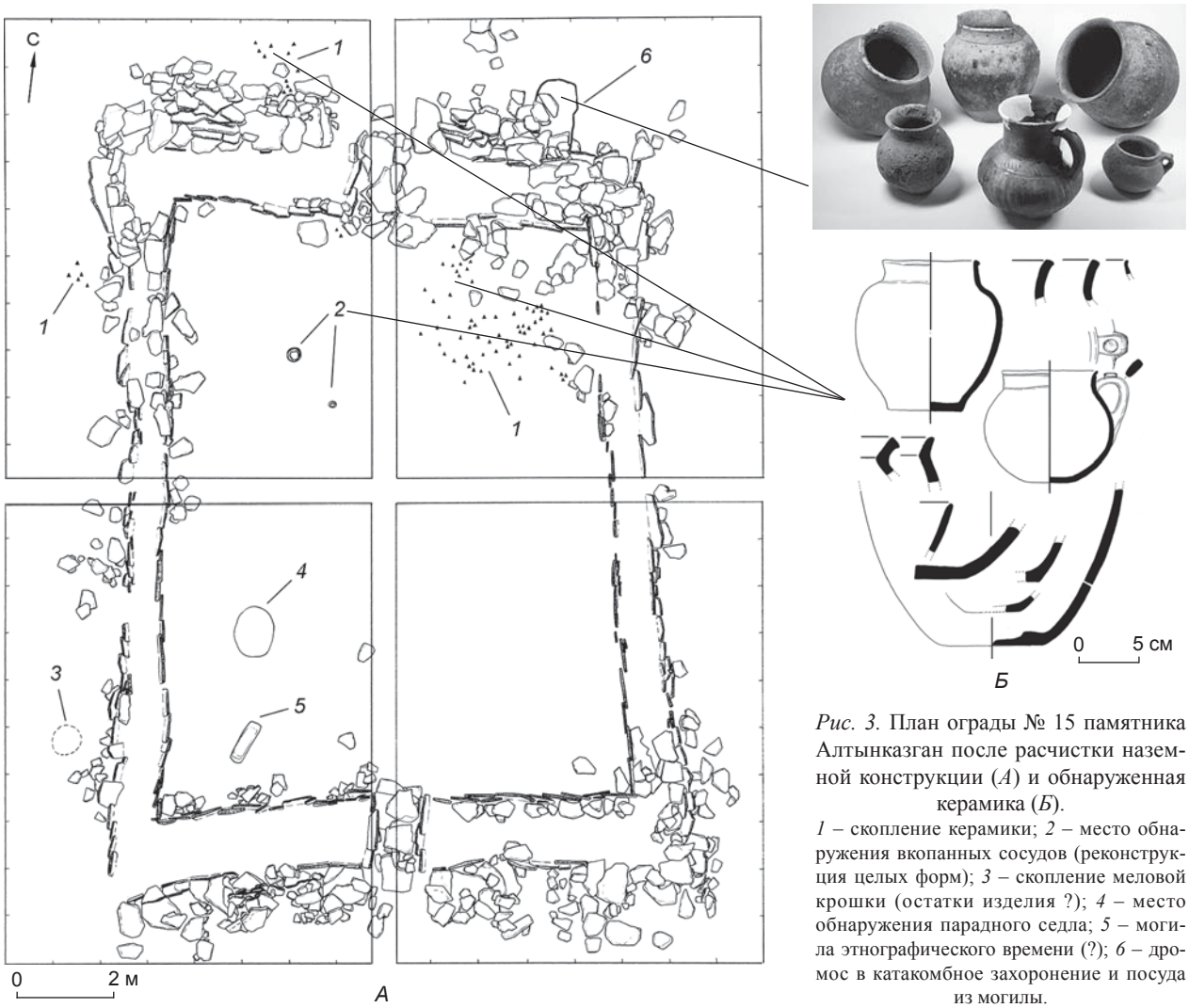


Рис. 3. План ограды № 15 памятника Алтынказган после расчистки наземной конструкции (*А*) и обнаруженная керамика (*Б*).
1 – скопление керамики; *2* – место обнаружения вкопанных сосудов (реконструкция целых форм); *3* – скопление меловой крошки (остатки изделия ?); *4* – место обнаружения парадного седла; *5* – могила этнографического времени (?); *6* – дромос в катакомбное захоронение и посуда из могилы.

волютообразного знака и алевролитовая плитка подтреугольной формы без следов обработки.

В северо-западном секторе внутреннего пространства ограды на уровне древней поверхности расчищены два лепных сосуда горшковидной формы, врытых вертикально в материковое основание на 8–10 см. В северо-восточном секторе на уровне древней поверхности (в бóльшей степени на 7–10 см выше древнего горизонта) зафиксировано скопление более 400 фрагментов (станковая и лепная керамика) шести-семи сосудов, в основном крупных. Черепки относительно тонкостенные, внешняя поверхность красноватого цвета, возможно ангобированная (рис. 3, *Б*).

Рис. 4. Серебряная обкладка передней луки (*1*) и зажим, скрепляющий две половинки обкладки (*2*). Алтынказган.

Описание седла и седельной гарнитуры

При расчистке внутреннего заполнения пространства ограды зафиксированы контуры узкой овальной ямы (детской могилы ?) позднего происхождения и остатки ямы, в которой Ф. Ахмадулин нашел детали седла. Последняя находилась в 1,5 м от западной стены ограды. В ходе раскопок установлено, что фрагменты седла залегали на глубине ок. 70 см от современной поверхности. Зачистка неровных стенок ямы выявила только материковые слои, следовательно, это было не погребение. При осмотре ямного выброса найдены мелкие серебряные детали убранства седла и мелкие фрагменты обкладок, три серебряных колокольчика, две металлические детали ручки плети, кусочки трухлявых деревянных дощечек – свидетельства нахождения остатков седла с жестким деревянным каркасом именно в этом месте. Седло представлено серебряными обкладками с медной окантовкой лук и полок. По заключению сотрудника Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяна, ведущего специалиста по древней металлообработке, изображения на обкладках сделаны в технике басмы*.

Передняя лука (рис. 4, 5). Обкладка передней луки представляет собой две сочлененные встык тонкие серебряные пластины (толщина 0,10–0,11 мм), повторяющие подковообразные очертания деревянной основы и суживающиеся к нижним концам. Наибольшая ширина обкладок в средней части луки составляет 74 мм, ширина на концах 25 мм. В каждой пластине симметрично относительно друг друга имеются по два круглых отверстия диаметром 5 мм. Отверстия служили, вероятно, для продевания крепежных ремней для гибкого сочленения передней луки и полок.

На поверхности пластин выдавлены зооморфные изображения. В центре композиции находится крупная фигура бегущего дикого кабана (вепрь). Все детали четко проработаны, почти полностью отсутствуют элементы стилизации. Реалистично показана полураскрытая пасть с парой клыков, прочерченными волнистыми линиями выделены мощный загривок и шея,

*В своем заключении исследователь отметил: «Рельефы, судя по мягким контурам боковых кромок изображений и отсутствию жестких следов деформации на фоне и на фигурах, которые возвышаются над фоном, выдавливались с лицевой стороны. Шкуры и анатомические признаки зверей и птиц штриховались стилом. Необычна конструкция матриц. Фон и фигуры абсолютно плоские, толщина рельефов одинаковая. Матрицы с такими параметрами невозможно вырезать из дерева, невозможно также вылепить восковую модель для изготовления отливки. Матрицы, скорее всего, делали из деревянных дощечек. На них наклеивали вырезанные из толстой кожи фигурки персонажей, а затем накладывали серебряные пластины и проколачивали. Отсутствие следов ударов на серебре – признак того, что серебро проколачивали через слой кожаных прокладок. Нижний толстый слой кожи слегка намачивали, чтобы добиться надлежащего оттиска. С помощью простых инструментов кочевники делали художественные изделия подобного рода; их особенностью являлось использование своеобразного способа изготовления в сочетании с графической манерой изображения персонажей». Авторы благодарят Р.С. Минасяна за ценную консультацию.

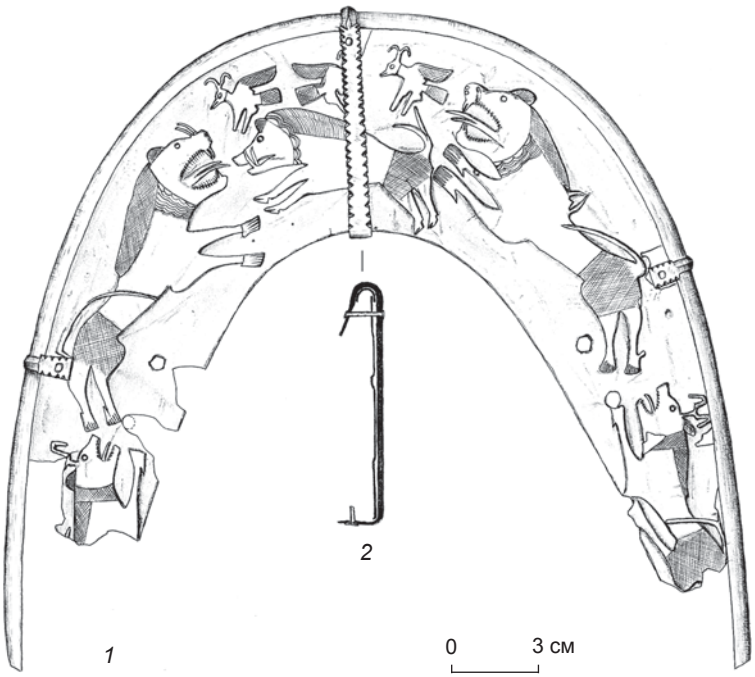


Рис. 5. Прорисовка обкладки передней луки седла вместе с крепежными деталями. Алтынказган.

обозначены раздвоенные копыта, а также высоко поднятый раздвоенный хвост. Круп животного и полукруглое ухо заштриховано прорезными линиями. Глаз обозначен кружком. На кабана с двух сторон «нападают» крупные хищники (львы ?), у которых насечками выделены загривки, шея и задняя часть тела. Животные с крупными головами, мощной грудью и зауженной «талией». Из широко раскрытой зубастой пасти хищников торчит длинный раздвоенный язык. Особо выделены нос и лапы с отставленным в сторону одним когтем («шпоры»). Хвост заброшен на круп. Уши полукруглые, маленькие, глаза показаны кружками. При зеркальном сходстве у изображений имеются некоторые различия: у левого хищника вздыбленные усы, у правого на спине обозначены два отростка («крылатость»?). Следом за крупными хищниками бегут два мелких зверя с тамговидными знаками на голове (показаны в зеркальном отражении). У них меньше головы, языки не раздвоены; фигуры похожи по изобразительной манере. Существенная часть обкладки в месте этих изображений не сохранилась. Над кабаном «зависли» три птички, из которых две (в центре) показаны в зеркальном отражении. У пернатых на головах раздвоенные хохолки, тонкие вытянутые клювы и длинные вытянутые ноги. Широкие хвосты в виде лопаточки и крылья заштрихованы прорезными линиями.

Несмотря на то, что концы серебряных обкладок передней луки утрачены, определить ее размеры возможно по сохранившейся вдоль внешней кромки медной окантовке полукруглой формы со скошенными концами (диаметр 8 мм, ширина 10 мм). Она была прижата к торцу деревянного основания луки при помощи гвоздика, расклепанного в зоне острия. Сохранилась также обжимная скоба с пильчатыми (см. рис. 4, *2*); она располагалась в средней части и закрывала стык декоративных обкладок. Нижний конец скобы загнут под прямым углом к декоративной пластине и расплющен. Реконструируемый по форме крепежной скобы профиль луки имеет высоту 80 мм при толщине верхней кромки 7 мм и ширине основания не менее 24 мм. Длина скобы полностью совпадает с шириной серебряных обкладок в месте стыка. У серебряных обкладок кромка внутреннего края слегка загнута, что могло произойти только на краю деревянной основы.

Задняя лука (рис. 6). От нее сохранились (в обломках) медная окантовка, которая полностью ре-

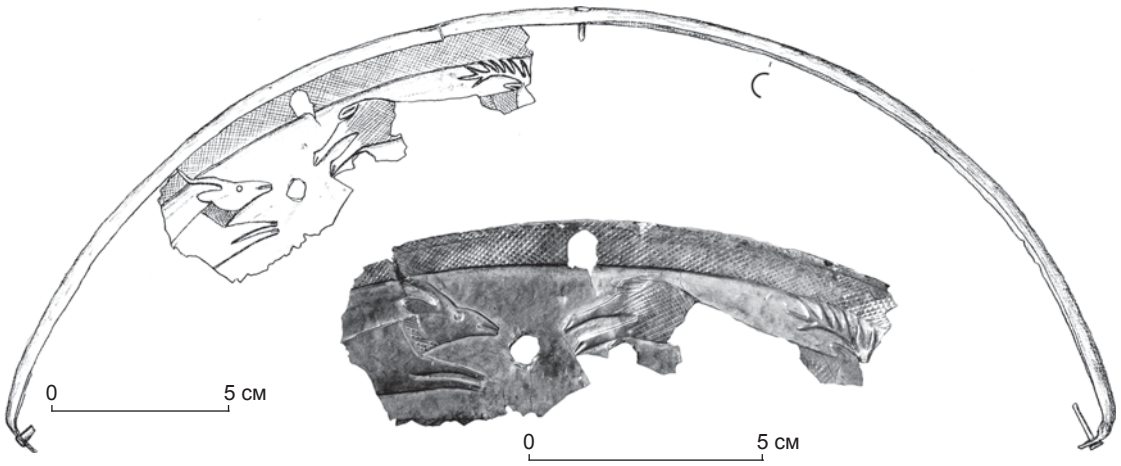


Рис. 6. Серебряная обкладка задней луки седла. Алтынказган.

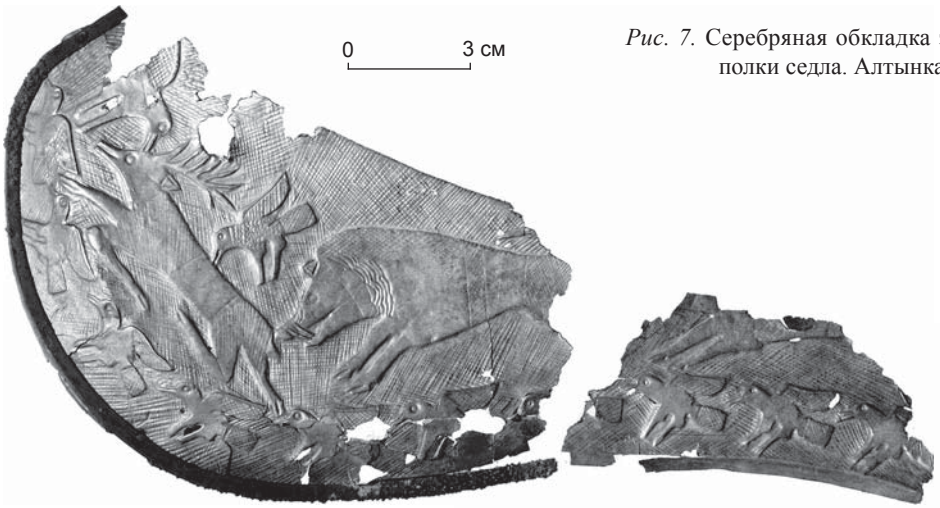


Рис. 7. Серебряная обкладка заднего конца полки седла. Алтынказган.

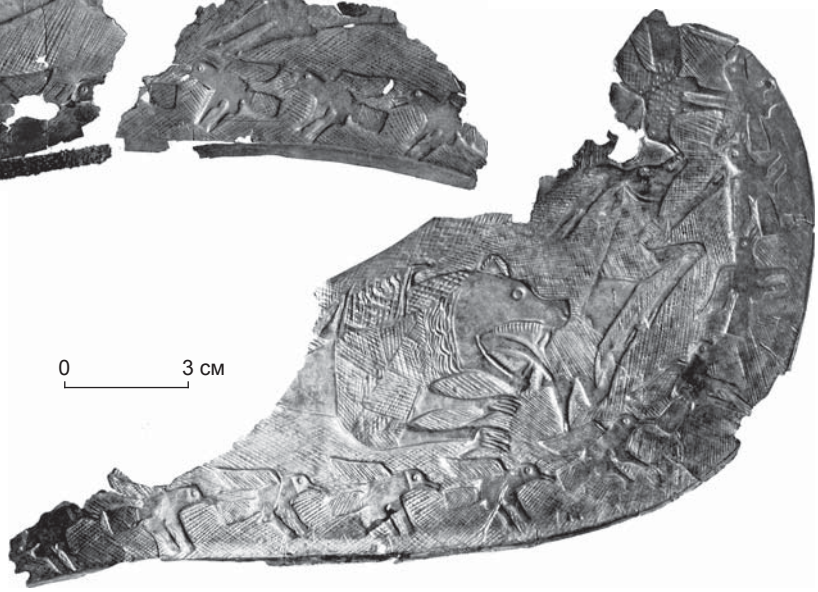


Рис. 8. Серебряная обкладка заднего конца полки седла. Алтынказган.

конструируется, и фрагмент серебряной обкладки размерами 115 × 40 мм. Она изготовлена из тонкой серебряной пластины толщиной 0,1 мм. На ней сохранились изображения бегущего оленя и передней части сайгака, бегущего за ним. Если предположить, что туловища оленя и сайгака по пропорциям равны, то композиция на обкладке должна быть четырехфигурной – возможно, это две пары бегущих навстречу друг другу животных. В пластине в 20 мм друг от друга по центру и в 13–14 мм от существующего внутреннего края имеются два отверстия диаметром 5 мм, служившие для крепежных ремней – сочленения задней луки и полок.

Обкладки задних концов полок (рис. 7, 8). Обкладки симметричные, парные, имеют форму перевернутого асимметричного сегмента с прогнутым основанием, узкие концы которого не сохранились. Представляют собой тонкие серебряные пластины с рельефным скосом по краю концов полок и с отверстиями диаметром 8–9 мм. По краю обкладки окантованы медным прутком треугольного сечения. При отсутствии узких концов обкладок удалось точно восстановить форму одной окантовки. Нижние основания обкладок чуть вогнуты, они повторяют контур деревянной основы полки. Размеры обкладок с учетом сохранившейся длины прутков 232 × 102 мм.

На поверхности обкладок воспроизведены зооморфные композиции в зеркальном отражении. В одном случае на бегущего оленя сзади нападает кабан, а спереди и сверху – две птицы с прямыми клювами. За оленем просматривается силуэт бегущего парнокопытного животного (сайгака ?). На другой пластине изображены бегущий олень и кусающий его за круп крупный хищник, а также птица, которая прямым длинным клювом бьет оленя в нос (рис. 8, 9). На обеих пластинах композиции обведены полукартушем из однотипных птичек. Поле, свободное от фигур, покрыто кососетчатой штриховкой. По стилистике изображения животных и птиц аналогичны вышеописанным на других частях обкладок седла.

*Обкладки передних концов полок** (рис. 10). Обкладки парные; каждая имеет форму асимметричного

*Вывод о том, что эти элементы служили украшениями именно передних концов полок, основывается на данных раскопок конских захоронений у р. Дюрсо близ Новороссийска (V в. н.э.): здесь подобные пластины находились на костяках лошадей *in situ* [Дмитриев, 1979, рис. 1]. Однако большая часть ученых при трактовке подобных обкладок предпочитает ссылаться на изобразительные материалы, в основном иранского происхождения (см. об этом: [Ахмедов, 2012, с. 19–20, рис. 2]).

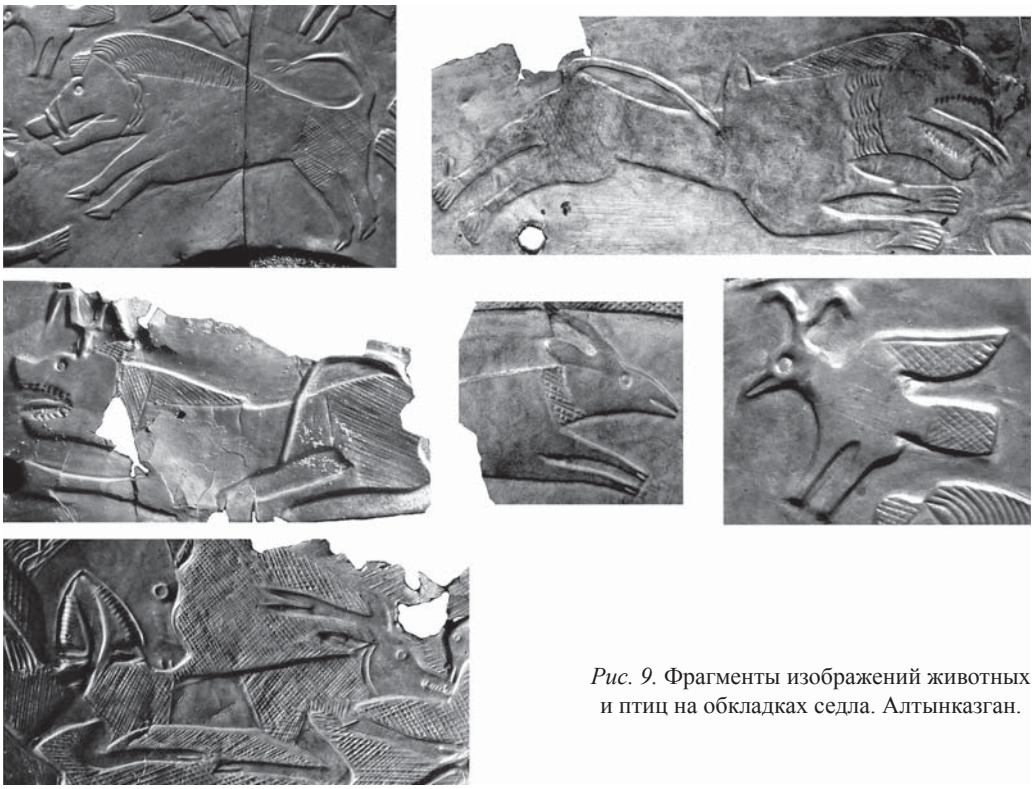


Рис. 9. Фрагменты изображений животных и птиц на обкладках седла. Алтынказган.

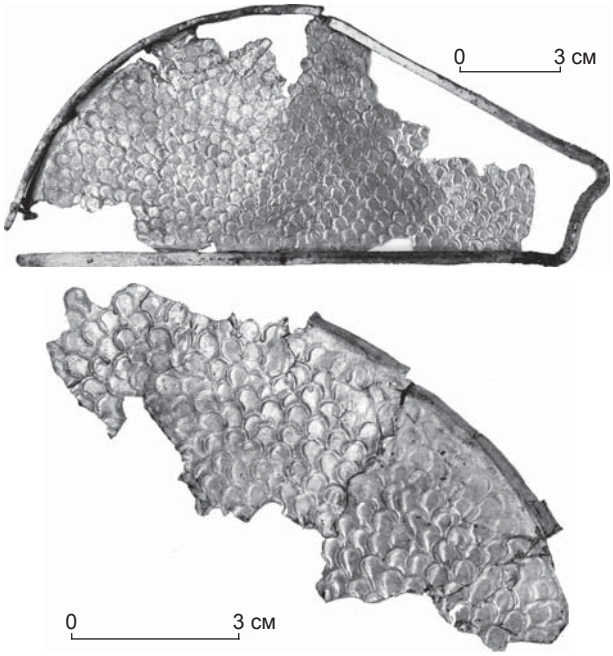


Рис. 10. Фрагменты серебряных обкладок передних концов полок седла. Алтынказган.

сегмента с кососрезанным острым концом и выдавленным чешуйчатым орнаментом. По краю – неровный загиб, обложенный бронзовым прутком треугольного сечения, который крепился к деревянной основе полок с помощью длинных гвоздиков. Кончик гвоздика загнут, поэтому возможно определить толщину края деревянной дощечки – 9–10 мм. Размеры обкладок 170 × 75 мм.

Металлические детали рукояти плети (рис. 11, *1, 2*). Детали плети представлены двумя наконечниками, одетыми на остатки деревянной основы рукояти круглого сечения. Наконечники изготовлены в виде цилиндров из тонких серебряных пластин (металл сильно оксидирован), запаянных с одного конца. В средней части большого цилиндра имеется обойма из бронзового прутка треугольного сечения с позолотой, имеющая петлеобразный выступ для обжатия ремня плети. Ремень был дополнительно скреплен с рукоятью при помощи двух заклепок, насквозь пробивших цилиндр и деревянную основу.

Металлические детали гарнитуры седла (рис. 11, *3–7*). Вместе с обкладками седла и рукоятью плети были найдены: три одинаковые тонкие прямоугольные пластины с отверстиями и короткими заклепками на концах, два серьговидных массивных колечка на щитковидных пластинчатых обоймах круглой формы с короткими заклепками, мелкое серьговидное колечко на щитковидной пластинчатой обойме вытянутой треугольной формы в центре, две заклепки вытянутой треугольной формы, три однотипных пирамидальных колокольчика с окантовкой по краям. Они, судя по длине заклепок и зазорам обойм, крепи-

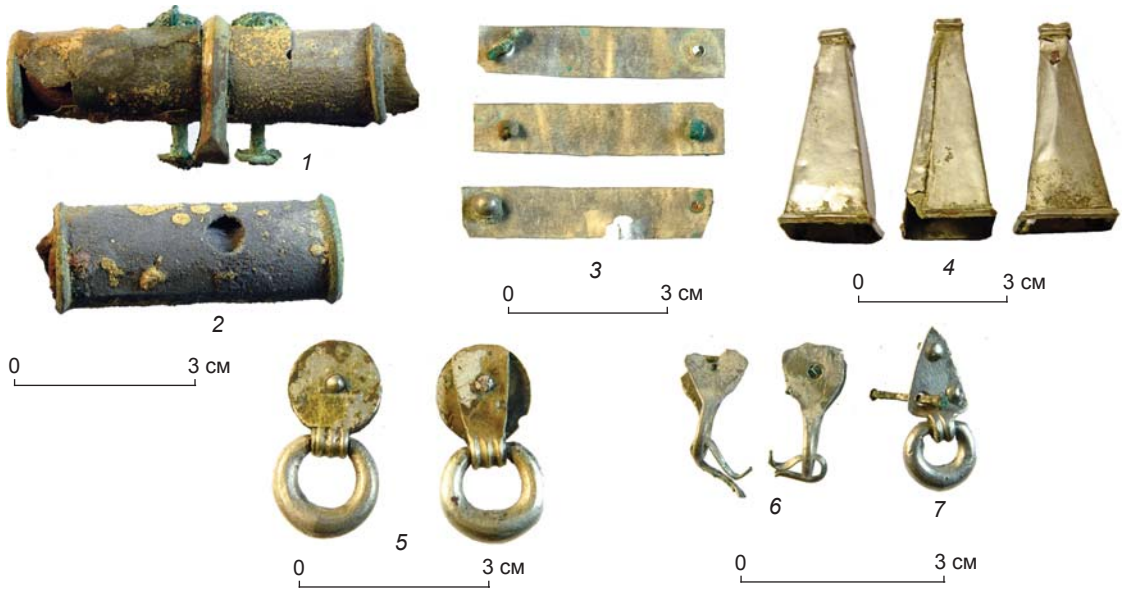


Рис. 11. Серебряные детали седла. Алтынказган.
1, 2 – детали рукояти плети; *3* – пластины с отверстиями и заклепками на концах; *4* – колокольчики с язычками; *5* – серьговидные колечки на щитковидных пластинчатых обоймах с заклепками; *6* – заклепки треугольной формы; *7* – серьговидное колечко на щитковидной пластинчатой обойме вытянутой треугольной формы в центре.

лись к тонкой основе толщиной 1–2 мм, которой могла быть кожа. Все найденные детали скорее были частью декоративного убранства седла, чем его конструктивными элементами (рис. 12).

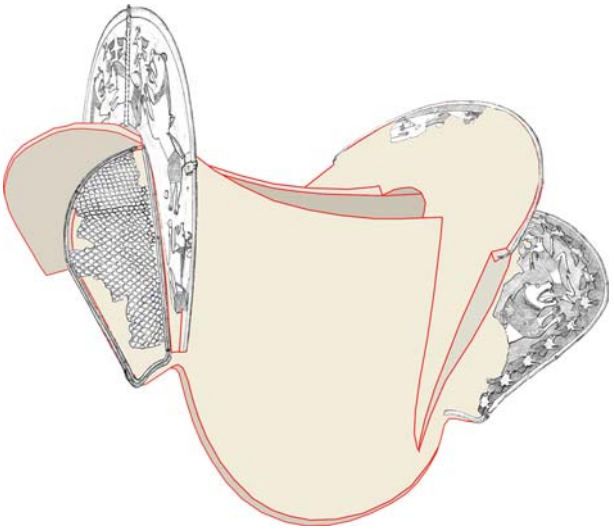


Рис. 12. Реконструкция седла из Алтынказгана.

Интерпретация материала

Одиночные каменные ограды из вертикально врытых плит (или уложенных камней) с проходами на Мангышлаке известны еще в трех пунктах на юго-восток от памятника Алтынказган в сторону плато Устюрт. Но самый крупный культово-погребальный комплекс в регионе обнаружен на возвышенности Чаш-Тепе (оконечность одного из мысов плато Устюрт) в Туркмении во время работ Хорезмийской экспедиции. Комплекс включает большие и малые курганы, каменные ограды с проходами, полукруглые и дуговидные каменные выкладки [Рапопорт, Трудновская, 1979, рис. 1, 3–6]. После раскопок в одном из курганов (погребение в виде сожжения на стороне) была обнаружена щитковая пряжка с перегородчатой инкрустацией, которую исследователи со ссылкой на публикации И.П. Засецкой и А.К. Амброза датировали IV – началом V в. н.э. [Там же, с. 158, рис. 7]. Серебряная ременная пряжка найдена в одной из алтынказганских оград (рис. 13, *3*); по классификации И.П. Засецкой она относится к группе 1, типу А, подтипам 1–3 [1994, с. 84–85]. Дата этой пряжки (V в. н.э.) не вызывает сомнений, поскольку исследовательница в своих выводах опиралась на несколько независимых систем датирования (типология стрел, котлов, фибул, стеклянной и металлической посуды и др.). Комплекс Чаш-Тепе Ю.А. Рапопорт и С.А. Трудновская при отсутствии находок из оград, но с учетом керамики датировали первой половиной I тыс. н.э. С их точки зрения, комплекс был оставлен кочевниками одной этнической группы, а не хорезмийским населением [1979, с. 165]. Показательно, что внутри алтынказганских оград также встречены фрагменты станковой посуды, проявляющие сходство с находками из Чаш-Тепе. В.Н. Ягодиным на Устюрте был обнаружен еще один памятник типа Чаш-Тепе – Актепе-1. В его составе имеются

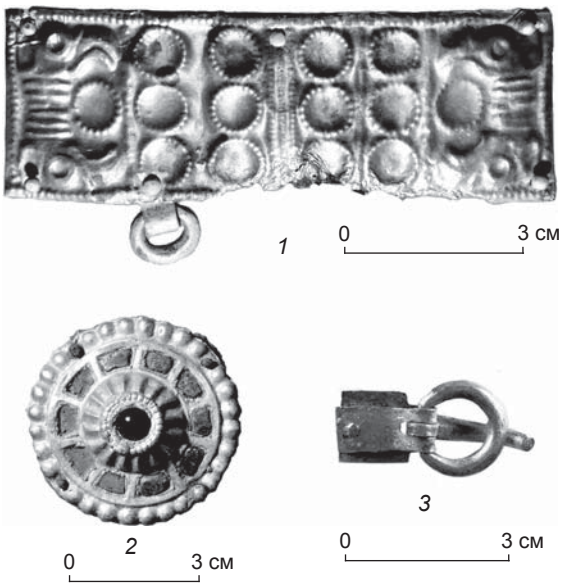


Рис. 13. Предметы конского снаряжения из оград Алтынказгана.
1 – накладка на ремень; *2* – распределитель; *3* – щитковая пряжка. *1, 2* – серебро с позолотой; *3* – серебро.

большой курган, прямоугольная ограда и рядовые курганы, среди которых один длинный. Как справедливо считает В.Н. Ягодин, «прямоугольная ограда и “длинный курган” – структурные элементы, общие как для позднесарматских могильников на Устюрте, так и для объектов типа Чаш-Тепе, однако в целом это явления, вероятнее всего, различной этнокультурной принадлежности» [2014, с. 266].

М.Г. Мошкова отмечала, что на «каждые два – четыре позднесарматских кургана в Лебедевском могильнике Западного Казахстана приходится одна ограда, что говорит о связи сооружений с погребальным обрядом и с “культом предков” (“места ритуальных трапез”)» [1984, с. 200–201]. И хотя лебедевские ограды земляные, а не каменные, между ними и сооружениями комплекса Алтынказган можно найти не только конструктивно-планиграфическое сходство. В Алтынказгане на территории, обрамленной оградой, также фиксируются следы ритуальных церемоний: большое количество разнообразной битой и целой посуды, некоторые сосуды были вкопаны. По мнению М.Г. Мошковой, в горшках из лебедевских оград «могли содержаться дары в виде еды и каких-то напитков» [Там же, с. 201].

Таким образом, с учетом формы и конструкции сооружений можно предположить, что создателями ограды в Алтынказгане были представители кочевых племен, связанных с позднесарматскими культурами. Вместе с тем характерные предметы конского снаряжения с территории нашего памятника указывают на «гуннский след». А.В. Комар поддержал «идею погребальных даров», предложенную европейскими учеными И. Бона, П. Томка, и согласился с версией о существовании у знатных гуннов пространственного разделения места погребения тела и места совершения жертвенного приношения вещей (воинские и всаднические культы) [2013, с. 89]. В этой связи интересно сравнение алтынказганских дугообразных выкладок в сочетании с каменной оградой (с ритуальными захоронениями предметов конской упряжи) и южно-приуральских комплексов с «усами» (см.: [Боталов, 2009, с. 362–408]). Ритуальный характер курганов с «усами» и найденный в них яркий набор предметов гуннского периода свидетельствуют, как считает А.В. Комар, о существовании в первой половине V в. единого этнокультурного пространства в степях от Дуная до Южного Урала [2013, с. 100].

Культовый характер захоронения в ограде Алтынказгана парадного седла, его конструкция, а также аналогии с вещевыми комплексами с соседних территорий дают возможность по-иному взглянуть на даты и в целом – на эволюцию верхового седла. Так, накладки на передние концы полок с чешуйчатым орнаментом, сходные с алтынказганскими по размерам, форме, расположению отверстий на обкладке передней луки, но золотые и без изображений были обнаружены в мог. IX у с. Новогригорьевка Запорожской обл. [Засецкая, 1994, табл. 2, *7, 10*]. Подобные детали седла найдены в мог. VIII у с. Новогригорьевка, а также в разрушенном погребении в Кизиярской Балке у г. Мелитополя в Запорожской обл., в кург. 8 в урочище Кубей Одесской обл., в погребении кург. 4 у с. Владимирское в Заволжских степях и т.д. [Там же, табл. 4, 7, 35, 41, 47]. По форме, а также соотношению высоты и длины основания пластин И.П. Засецкая выделила несколько типов обкладок ленчиков седла и разработала модель их эволюции с учетом материалов из Венгрии, Франции, Италии, Казахстана, Заволжья, Северного Кавказа, Южного Приуралья. Согласно ее классификации, алтынказганские накладки на передние концы полок относятся к типу 3 и датируются первой половиной V в. [Там же, с. 72–74, рис. 2]. А.К. Амброз в своей схеме развития стремян и седел подобные накладки на переднюю луку датировал VI–VII вв., но накладки с чешуйчатым орнаментом на передних концах полок из Новогригорьевки IX связал с V в. [1973, рис. 2; 1989, рис. 7]. В данном случае нам представляется принципиальным вопрос точности датировки, поскольку V в. – время наибольшего могущества гуннского союза, а VI–VII вв. – уже совсем иная эпоха, когда моду на вещи и формы конского снаряжения начинают диктовать тюрки. Седла (особенно парадные) имеют более выраженные хронологические, нежели этнокультурные особенности, объединяющие памятники не только западной части Евразии (Северного Кавказа, Причерноморья, Прикубанья, Поволжья), но и восточной (напри-

мер, Саяно-Алтай). Сохранившиеся детали находки из Алтынказгана (форма и загибы на краях передних и задних обкладок полок, а также пространственное соотношение конфигураций передней и задней лук) позволяют провести реконструкцию седла (см. рис. 12).

Базовым моментом явилось определение конфигураций углов полок в зависимости от очертаний основания холки и спины лошади. Угол между передними концами полок по внутреннему контуру алтынказганской передней луки составляет примерно 45°, что не соответствует имеющимся реконструкциям гуннских и раннесредневековых седел (см., напр.: [Дмитриев, 1979, с. 219, рис. 5, *а, б*; Вайнштейн, 1966, рис. 40; Вайнштейн, Крюков, 1984, рис. 16]). Исследователи почему-то обошли вниманием наличие парных отверстий в средней части дуг у накладок из Новогригорьевки, кургана около Мелитополя и пр. Подобные парные отверстия имеются на передней луке седла из погребения у с. Бородаевка (Поволжье) [Максимов, 1959, рис. 45]. В алтынказганской обкладке передней луки также сделаны парные отверстия. Повторяющиеся отверстия на обкладках и деревянной основе передних лук появились неслучайно, они имели определенное назначение. Ранее мы уже точно установили размеры и форму (треугольную в сечении) передней луки алтынказганского седла. Параметры луки и наличие на ее обкладках конструктивно значимых отверстий позволяют заключить, что внутренние края крепились непосредственно к плоскости полок. Взаимное примыкание серебряных обкладок луки и передних концов полки в местах отверстий на обкладках подразумевает наличие подобных отверстий на передних полках. Однако на чешуйчатых обкладках, сохранившихся не полностью, какие-либо отверстия отсутствуют. Это могло бы вызвать справедливое сомнение в правильности нашей реконструкции, если бы не данные об одном из типов кокэльских седел: при сочленении передней и задней лук с полками использовался принцип «потайного» пропускания стяжных ремней в деревянном каркасе лук (отверстие сверлилось под углом к плоскости луки) [Вайнштейн, 1966, табл. X, XI]. Эта информация позволила предположить подобный вариант крепления и у алтынказганского седла.

Реконструкция задней луки была затруднена из-за фрагментарности серебряной обкладки. С учетом имеющихся в последней парных симметричных отверстий, таких же, как в обкладке передней луки, а также сохранившихся деревянных основ кокэльских седел можно предположить, какими были характер и угол крепления задней луки к полкам. Скорее всего, алтынказганское седло размещалось на спине лошади не горизонтально, а под углом с подъемом в сторону холки (как, например, у более поздних, китайских седел эпохи Тан). В этом случае вряд ли задняя лука была узкая, поскольку, во-первых, она находилась бы в зоне активного весового воздействия тела всадника; во-вторых, не обеспечивала бы устойчивого положения всадника в седле; в-третьих, при ее использовании повреждалась бы декоративная серебряная обкладка. Задняя лука должна была быть широкой. Задняя лука кокэльских седел относительно узкая, шириной в среднем 80 мм. Однако окантовка задней луки алтынказганского седла в 2 раза короче задних лук всех типов кокэльских седел. Поэтому мы предположили, что окантовка и серебряная обкладка могли быть элементами выступающей плоскости над дугой более длинной луки. Пластическое воспроизведение формы задней луки позволило определить внутренний угол примыкания полок, который составил в среднем 110°. Конструкция столь короткой луки при ширине не менее 0,8 мм, как было доказано экспериментально, была неустойчивой и не отвечала главным принципам устройства степных седел. Поэтому мы предположили, что окантовка и серебряная обкладка могли быть элементами выступающей плоскости над дугой более длинной луки.

Для воссоздания первоначальных контуров полок, пожалуй, основное значение имеет форма передних и задних обкладок. При определении положения обкладок передних концов полок мы опирались на реконструкцию, предложенную А.В. Дмитриевым [1977, рис. 2]. Пространственное соотношение форм задней луки и обкладок задних концов полок позволило с высокой долей вероятности предположить расположение последних. Кососрезанный с изгибом узкий конец обкладки, по аналогии с окантовкой обкладок передних концов полок, мог иметь фигурный уступ с возможным продолжением линии края полки вниз под углом. Пожалуй, самым сложным на данный момент является определение конфигурации нижнего края полки алтынказганского седла. Наиболее близкими к нему по времени и территории являются седла могильника Кокэль [Вайнштейн, 1966, табл. X]. Важной особенностью конструкций полки этих седел, определяемой исследователем как лопасть, является наличие нижнего выступа. Документировано широкое бытование подобных седел на пространстве от Китая (терракотовые лошади династии Тан) до Нижнего Поволжья (бородаевское седло) в VII–IX вв. По нашему мнению, их основой послужили конструкции степных седел гуннского времени. Следовательно, полки алтынказганского седла могли иметь лопастную форму (см. рис. 12). Таким образом, по форме обкладок на луках и полках изучаемого седла и по аналогиям с одним из типов кокэльских седел можно восстановить средние габаритные размеры реконструируемого седла из Алтынказгана: 51 × 53 × 37 см.

Появление седел кокэльского типа исследователи относят к VI в. [Вайнштейн, Крюков, 1984, рис. 16] или VII–VIII вв. [Кызласов, 1979, с. 137–139]. «Территория его (седла. – **Авт.**) распространения в это время

позволяет предполагать, что это изобретение связано с древнетюркскими кочевыми племенами, передавшими его поздним сяньбийцам, китайцам и другим соседним народам Центральной и Восточной Азии. В VII–VIII вв., по мере распространения влияния древнетюркской культуры, новый тип седла далеко вышел за пределы собственно тюркского мира» [Вайнштейн, Крюков, 1984, с. 129–130]. Однако седло из Алтынказгана опровергает это мнение, поскольку конструкции такого типа связаны с гуннской культурой и появились по крайней мере в V в. Интересно, что в одной из своих работ А.К. Амброз неожиданно отказывается от поздней даты и признает, что «седла (лука с накладками с чешуйчатым орнаментом. – **Авт.**) европейских гуннов IV–V вв. обнаруживают значительное сходство с кокэльскими образцами» [1979, с. 229].

Эволюции верхового седла посвящено большое количество работ. Кроме уже упомянутых публикаций А.К. Амброза [1973], Кызласова [1979, с. 136–138, рис. 96], С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова [1984], стоит отметить исследования А.А. Гавриловой [1965], Ю.А. Виноградова и В.П. Никонорова [2009], П.П. Азбелева [2010], И.Р. Ахмедова [2012], Е.В. Степановой [2014]. Различия точек зрения на даты и типологии обусловлены выбором разных хронологически значимых признаков, а также малочисленностью хорошо сохранившихся седел и обкладок в бесспорно датированных комплексах. При всех разногласиях авторы сходятся в одном – в середине I тыс. н.э. на смену полужестким седлам приходят седла с жесткой основой и высокими луками арочной формы. Если говорить о парадных седлах, то их декоративно-художественным оформлением подчеркивался высокий статус владельца. Очень сложно согласиться с выводами И.Р. Ахмедова о том, что «седла гуннского типа могут быть связаны с Сасанидским Ираном» и их появление – результат похода гуннов в Закавказье в конце IV – начале V в. [2012, с. 24]. Как показало сравнение алтынказганских серебряных обкладок с кудыргинскими роговыми накладками из мог. 9 или с реконструированным обликом аналогичной детали «парадного» седла из Копенского Чаа-таса (см.: [Евтюхова, 1948, рис. 86–88]), последние представляют совсем иной пласт кочевых культур и последующий этап развития жестких каркасов седел. Место расположения отверстий для крепления лук к полкам на накладках (и основе) не изменилось, но стала иной форма лук. Мы абсолютно согласны с мнением Д.Г. Савинова о том, что «внутреннее содержание композиции на кудыргинском седле, представляющей обычную для степного искусства сцену конной (облавной ?) охоты, было намеренно усилено включением более крупных фигур геральдически расположенных хищников. <…> За неимением прототипов для подобных заимствований в местной изобразительной традиции они были заимствованы из искусства Сасанидского Ирана» [2005, с. 19]. Но этот вывод неприменим для алтынказганских серебряных обкладок. Изображения на них выполнены, несомненно, под влиянием скифо-сибирского звериного стиля. Об этом свидетельствует не только технология изготовления, но и иконография образов. Сцены противостояния кабана/вепря и хищников на передней луке седла, а также терзания хищником оленя на обкладках полок композиционно сходны с таковыми на пазырыкских изделиях, например, с изображениями на деревянной основе колчана из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994, рис. 21] или на диадеме из Уландрыка IV [Кубарев, 1987, табл. LXIX]. Образ оленя у номадов евразийских степей был неотъемлемой частью ритуального и повседневного убранства верхового коня. Самый яркий пример – маски оленей на пазырыкских лошадях. Схватка свирепого дикого кабана с хищниками, сцены охоты на кабана, терзание оленя запечатлены на многих великолепных изделиях скифской и сарматской эпох. Очень часто сцены терзания или борьбы дополнены фигурами хищных птиц (грифоны) или синкретичных существ с птичьими головами. Среди сарматских древностей имеется достаточно большая серия изделий, на которых центральные изображения оконтурены рядом из головок грифов (см., напр.: [Богданов, 2006, табл. LXXXV]). Но птицы, показанные на алтынказганских обкладках, не встречаются на скифо-сибирских и гунно-сарматских предметах. Нет таких образов и в иранском искусстве. Особое внимание стоит обратить на птиц с хохолками. Возможно, древний мастер изобразил удодов, которые и сегодня обитают в средней и южной частях степного пояса Евразии. У удода контрастные черно-белые полосы на крыльях и хвосте, клюв в виде тонкого шила, крылья короткие и очень широкие, закругленные, полет ныряющий, как у бабочки, волнообразный. Но главное – хохолок; такого хохолка нет больше ни у одной птицы в данных широтах. Голову удода украшает шикарный «веер» с длинными рыжими перьями с черным обрамлением. Обычно птица держит его сложенным и разворачивает во всей красе при возбуждении, удивлении или испуге. Возможно, именно его стилизованно пытался показать мастер на алтынказганских обкладках. Интересно, что у самки удода есть такая особенность: в период размножения копчиковая железа, находящаяся над хвостом, начинает вырабатывать жидкость с крайне неприятным запахом. Потревоженные птицы выпускают на врага струю экскрементов, смешанных с этой субстанцией. На мелких хищников такая мера действует чрезвычайно эффективно [Рябицев, 2001, с. 338]. Возможно, именно поэтому на обкладках птицы показаны в «зависающей» позиции над хищником. Хотя нельзя исключать стремления древнего мастера отразить опре-

деленные мифологические представления. Например, птица с таким своеобразным оперением и повадками упомянута в античной мифологической традиции. В «Метаморфозах» Овидия герой Терей был превращен в удода. «Как у воинственного Терея на шлеме, так развевается у удода на голове гребень из перьев» [Кун, 2000, с. 46].

Объем статьи не позволяет провести подробный стилистический и семантический анализ каждого изображения на обкладках, поэтому мы отметим лишь их некоторые важные особенности:

1. Изображения животных и птиц на обкладках уникальны и не имеют точных аналогов. Вместе с тем манера обработки металла «штриховкой» резными линиями, в результате чего получаются прямоугольники (загривки на теле львов), находит определенные параллели в материалах гуннского времени. Например, такие прямоугольники и треугольники отмечены на золотой обкладке рукояти меча из Волниковского клада (Курская обл.) [Волниковский «клад»…, 2014, с. 97–98, кат. № 124]. Чешуйчатый орнамент имеется почти на всех золотых обкладках (на передних концах полок) гуннских седел от Южного Приуралья до Восточной Европы (см., напр.: [Засецкая, 1984, с. 72–73]).

2. Большая часть образов показана обособлено. Симметрия частично «подавляла» сюжет. Например, фигуры однотипных птичек на обкладках задних концов полок, хотя переданы очень детально, выступают скорее как элементы орнамента. Складывается впечатление, что мастеру важно было изобразить на конкретных частях седла определенные образы и расположить их в нужном порядке согласно идеологическим постулатам «поединка, борьбы и победы». Центральные персонажи маркируют высшую ступень в соответствующей иерархии образов и указывают на привилегированный статус владельца седла. Так, фигура кабана является наиболее значимой в композиции, показанной на деталях седла. Охота на этих животных у номадов «носила состязательный характер и считалась боевой забавой, позволяющей показать доблесть, смелость, силу» [Полосьмак, 1994, с. 32]. Включив в композицию «абстрактных», а не конкретных хищников, мастер отразил скифские «идеи борьбы и терзания», но уже не реалистично, а символически. Эти новации свидетельствуют об изменениях кочевнического мировоззрения, обусловленных появлением новых связей с оседлыми народами во время гуннских передвижений.

3. На привилегированный статус владельца седла или на достаточно высокую значимость ритуальных действий, в которых использовалось седло*, указывают тамгообразные знаки над головами мелких хищников на передней луке седла. Поскольку знаки размещены над головами не центральных, а «второстепенных» персонажей, то с позиции «полифункциональности» их можно считать знаками принадлежности (этнической или коллективной) к клану владельца тамги, в частности, «знаками покровительства и подчинения» (по этому поводу см.: [Ольховский, 2001, с. 107]). Подобный знак должен был подчеркнуть богатство, доблесть владельца седла и даже, возможно, причастность к «фарну» (символ царской власти). Если бы это было клеймо «авторства» мастера, то оно находилось бы в ином месте. Возможно, появление таких тамгообразных знаков в Прикаспии связано с традициями и культами сарматской знати. Однако более точное и развернутое соотнесение знаков на алтынказганских обкладках с тамгами Хорезма, Южной Сибири и других регионов требует отдельной публикации, тем более что в рамках этой темы существует большая источниковая база, анализу которой посвящена обширная литература [Соломоник, 1959; Драчук, 1975; Ольховский, 2001; Яценко, 2001; Воронятов, 2009]. Отметим лишь, что круг поисков аналогий должен быть очень широким, т.к. движение гуннов вызвало миграции разных этносов по евразийским степям, поэтому идентичные знаки можно обнаружить на территориях, удаленных друг от друга на тысячи километров.

Выводы

Алтынказганское парадное седло было захоронено на территории, ограниченной в ритуальных целях каменной оградой. Данный тип седел определенно связан с племенами гуннского облика и сформировался по крайней мере в V в., о чем свидетельствуют не только сами обкладки, но и другие предметы, найденные на территории памятника (см. рис. 13)*.

В дальнейшем такие седла стали прообразами древнетюркских. Изображения на серебряных обкладках выполнены под влиянием скифо-сибирского звериного стиля, но отражают становление новых ми-

*На лицевой поверхности обкладок и бронзовых скоб отсутствуют какие-либо царапины и затертости, поэтому можно предположить, что седло было сделано для ритуального захоронения и не использовалось в быту.

*И.Р. Ахмедов по конструктивным особенностям отнес остатки рукояти плети из Алтынказгана к позднесарматской группе II, началу V в. Аналогичные предметы были обнаружены в кург. 7 могильника Брут-1 (Северный Кавказ) и в некоторых рязанско-окских памятниках. Могильник Брут-1 исследователем датирован периодом от конца IV до середины – начала второй половины V в. [Габуев, 2014, с. 72–74]. Авторы благодарят И.Р. Ахмедова за возможность ознакомиться с его статьей «Плети из рязанско-окских могильников. Новые данные», которая в настоящий момент находится в печати.

фологических и идеологических представлений, которые окончательно оформились уже в тюркскую эпоху (накладки на луки седел из Кудыргэ и Копенского Чаа-таса). Уникальность и высокая информативность памятника Алтынказган требует проведения на его территории полномасштабных раскопок.

Список литературы

Азбелев П.П. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2010. – № 3. – С. 75–91.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81–98.

Амброз А.К. К статье А.В. Дмитриева. Приложение // СА. – 1979. – № 4. – С. 229–231.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа (V–VII вв.). – М.: Наука, 1989. – 134 с.

Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. – М.: ГИМ, 2012. – С. 12–26. – (Тр. ГИМ.; вып. 191).

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки. – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966. – № 3. – С. 60–81.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. – 1984. – № 6. – С. 114–130.

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из Керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. – Симферополь; Керчь: [б.и.], 2009. – С. 127–134. – (Боспорские исследования; вып. XXII).

Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э.: каталог коллекции. – М.: Голден-Би, 2014. – 200 с.

Воронятов С.В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2009. – С. 80–98.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. – Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2014. – 184 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.; Л.: АН СССР, 1965. – 145 с.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. – 1979. – № 4. – С. 219–229.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: Наук. думка, 1975. – 224 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: [б.и.], 1948. – 109 с.

Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса в свете проблем хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 68–78.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). – СПб.: Эллипс, ЛТД, 1994. – 224 с.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пущино: Отд. науч.-техн. информ. Пущ. науч. центра РАН, 2005. – 398 с.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 88–109.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Кристалл, 2000. – 464 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Моск. гос. ун-т, 1979. – 208 с.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археол. сб. – Саратов: [б.и.], 1959. – С. 65–84. – (Тр. Саратов. обл. музея краеведения; вып. 1).

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 196–201.

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир; М.: Армавир. краевед. музей, 2001. – Вып. 7. – С. 100–109.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (аканахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 151–166.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. – 608 с. + ил.

Савинов Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 19–24.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Изд-во АН УССР, 1959. – 179 с. + 22 ил.

Степанова Е.В. Китайские седла III в. до н.э. – III в. н.э. // Тр. IV (IX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. II. – С. 235–240.

Ягодин В.Н. Арало-каспийское междуморье в первые века нашей эры // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Издат. группа фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 264–278.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 190 с. + ил.

Материал поступил в редколлегию 29.06.15 г.

УДК 902.26

Н.А. Макаров[1], О.В. Зеленцова[1], Д.С. Коробов[1], А.П. Черников[2], А.Н. Ворошилов[1]

[1]Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: nmakarov10@yandex.ru, olgazelentsova2010@yandex.ru, dkorobov@mail.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru
[2]ООО «Тензор-Телеком»
4-й Лихачевский пер., 15, Москва, 125438, Россия
E-mail: chernikov@tt-com.ru

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ»*

В статье рассматриваются принципы создания единственной в своем роде автоматизированной системы обработки информации (АСОИ) «Терек», являющейся основой для географо-информационной системы национального масштаба «Археологические памятники России». Разработанная в Институте археологии РАН система описания археологических объектов базируется на информации о полевых исследованиях из отчетов, поступающих в научно-отраслевой архив института. В настоящее время ведется работа по созданию и заполнению АСОИ «Терек» данными, включенными в отчеты 2009–2012 гг. На сегодняшний день система содержит краткое описание ок. 20 тыс. памятников и мест археологических обследований с достоверно зафиксированным отсутствием археологических материалов. Современные возможности использования картографических систем открытого доступа позволяют совершать автоматическое картографирование содержащихся в системе объектов при помощи общедоступных Интернет-геосерверов (Google.Maps, Яндекс.Карты, SAS. Planeta). В статье приводятся примеры подобного картографирования.

Ключевые слова: *охрана археологического наследия, географо-информационные системы, базы данных, археологические памятники, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях.*

N. A. Makarov[1], O.V. Zelentsova[1], D.S. Korobov[1], A.P. Chernikov[2], and A.N. Voroshilov[1]

[1]Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulianova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: nmakarov10@yandex.ru; olgazelentsova2010@yandex.ru; dkorobov@mail.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru
[2]LLC "Tenzor-Telekom"
4 Likhachevskii Per. 15, Moscow, 125438, Russia
E-mail: chernikov@tt-com.ru

FIRST STEPS TOWARDS A NATIONAL GEOINFORMATION SYSTEM "ARCHAEOLOGICAL SITES OF RUSSIA"

Principles underlying an automated system of archaeological information processing (ASIP) "Terek" are described. It is part of a nation-wide geoinformation system "Archaeological sites of Russia", designed at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, and based on the information from archaeological reports that were submitted to the archives of the IA RAS. Currently, under Russian Science Foundation Project No. 14-1803755, field data covered by the 2009–2012 reports are being fed into "Terek", which at the present time contains a brief description of approximately 20,000 sites and places where no archaeological remains were revealed by surveys. Open access cartographic systems enable automated mapping of sites based on Internet geoservers such as Google.Maps, Yandex.Maps, and SAS.Planeta. Examples of such a mapping are provided.

Keywords: *Archaeological heritage protection, geoinformation systems, databases, archaeological sites, archival materials, field reports*.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.085-093

*Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 14-1803755.

© Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н., 2015

В современных условиях состояния археологии в Российской Федерации на передний план выходят задачи полного учета объектов археологического наследия страны. На настоящий момент поставлено на государственный учет и включено в реестр ок. 133 тыс. таких объектов. При этом наблюдается существенная неравномерность по степени археологической изученности разных регионов [Макаров, Беляев, Энговатова, 2015, с. 6–7]. Кроме того, совершенно очевидно, что реальное число памятников значительно больше фигурирующих в реестре. Возникает необходимость выявления современных тенденций в изучении археологических объектов в разных регионах и разработки стратегии их планомерного учета и мониторинга. С этой целью в Институте археологии (ИА) РАН была начата работа по созданию географо-информационной системы (ГИС) «Археологические памятники России», призванной стать первой подобной системой учета объектов археологического наследия национального масштаба.

Следует отметить, что применение географо-информационных систем в археологии насчитывает уже более 30 лет. За это время сложилось несколько направлений, среди которых можно назвать охрану археологического наследия и предиктивное моделирование; моделирование исторической ситуации на основе археологических источников; мультидисциплинарные исследования в рамках ландшафтной археологии [Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 51–60; Коробов, 2011, с. 16–19]. Работы по созданию национальной ГИС, проводимые коллективом археологов ИА РАН и специалистов в области компьютерного программирования ООО «Тензор-Телеком» в рамках первого из перечисленных направлений, имеют свою предысторию, восходящую к попыткам учета археологического наследия Российской империи, которые предпринимались Императорской археологической комиссией совместно с губернскими статистическими комитетами в 1862 г. [Императорская археологическая комиссия..., 2009, с. 80–82], а также работам по составлению свода археологических памятников, начатым в Институте археологии АН СССР в 1970–1980-х гг. и продолженным в 1990–2000-х гг. в форме выпусков многотомного издания «Археологическая карта России» [Макаров и др., 2015, с. 8].

Помимо традиционного накопления информации по учету объектов археологического наследия, разрабатывались различные системы их описания в виде компьютерных баз данных. Так, к числу первых подобных попыток, осуществлявшихся в ИА РАН, относится база данных «GRAVE», разработанная Б.Е. Янишевским и Д.И. Киселевым для учета археологических объектов Московской области [1996]. Безусловно, ценным опытом по созданию универсальной системы описания памятников в сочетании с автоматизированным компьютерным картографированием следует признать созданную в Институте истории материальной культуры РАН Ст.А. Васильевым археологическую информационную систему (АИС) «Археограф» [2005, 2006].

Параллельно шла многолетняя работа по созданию региональных ГИС для учета и мониторинга объектов археологического наследия некоторых субъектов Российской Федерации (например, Республики Калмыкия и Удмуртия, Ставропольский край [Беглецова, Князева, Телегина, 2005; Белинский, 2008; Очир-Горяева, Дюмкеева, 2008]), а также пользовательских ГИС отдельных территорий с целью научного изучения древностей разных эпох и культур (памятники палеолита Северной Азии, древности I тыс. н.э. Кисловодской котловины, средневековые памятники Суздальского Ополья, античные крепости Таманского полуострова, памятники Маргианы и т.д. [Деревянко и др., 2003; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 60–62; Макаров, Шполянский, Леонтьев, 2005; Макаров, Федорина, Шполянский, 2013; Требелева, 2005; Кошеленко, Гаибов, Требелева, 2007]).

Рассматриваемая в данной статье автоматизированная система обработки информации (АСОИ) «Терек», с одной стороны, базируется на предшествующих разработках в области описания и картографирования объектов археологического наследия, а с другой – имеет ряд специфических черт, поскольку она изначально ориентирована на сбор и интеграцию данных о памятниках в национальном масштабе. Основным источником сведений, обеспечивающим глобальность территориального охвата, служат отчеты о полевых исследованиях, поступающие в научно-отраслевой архив ИА РАН из всех регионов страны. С этой точки зрения «Терек» является закономерным развитием существующей информационной системы «Листопад», разработанной с целью учета документооборота по Открытым листам и археологическим отчетам, поступающим в отдел полевых исследований и далее в научно-отраслевой архив ИА РАН [Месснянкина и др., 2012], и в перспективе будет с ней объединена.

В настоящий момент архивный фонд ИА РАН насчитывает ок. 28 600 единиц хранения. Чуть более половины из них (14 400) приходятся на последние 23 года, прошедшие с момента распада СССР в 1991 г., тогда как в предшествующие 47 лет – с 1945 по 1991 г. – было получено ок. 14 100 отчетов. Исходя из этого, представляется целесообразным начать процесс создания ГИС «Археологические памятники России» с обращения к полевой документации последних лет. В рамках настоящего проекта вносятся сведения о памятниках, содержащиеся в отчетах

2009–2012 гг. Они составят первичное «ядро» всего массива данных, которое будет впоследствии наращиваться за счет информации из отчетов предшествующего периода. Преимущество первоначального использования отчетной документации последнего десятилетия заключается также в том, что она уже содержит точные координаты памятников, зафиксированные с помощью систем глобального спутникового позиционирования (GPS). С одной стороны, обращение к этим материалам позволит избежать серьезных ошибок при определении местоположения археологических объектов по крайней мере на первых этапах внесения сведений в информационную систему. Как показывает опыт сбора и систематизации данных для Археологической карты России и свода памятников, подобные ошибки практически неизбежны при использовании полевой документации 1940–1970-х гг., в которой географическое положение многих объектов обозначено неточно, а их планы схематичны. С другой стороны, такой подход позволит получить представление об общем количестве и пространственном распределении памятников, исследовавшихся в последние годы на всей территории России, что даст возможность проследить современные тенденции в полноте охвата археологическими исследованиями разных регионов страны и разработать стратегию дальнейшего систематического учета и мониторинга объектов археологического наследия Российской Федерации.

Одной из основных задач, решаемой на первом этапе создания информационной системы, является разработка качественного описания археологического памятника, которое должно быть достаточно полным для первичного ознакомления с культурно-хронологической и территориальной принадлежностью объекта, а также формализованным и стандартизированным для соответствия требованиям программного обеспечения, быстроты наполнения информационной системы данными, сведения к минимуму ошибок операторов.

Система описания археологического памятника в АСОИ «Терек» (рис. 1) содержит следующие поля:

1) название объекта археологического наследия. Дается указанное в отчете. При наличии нескольких названий устаревшие приводятся в скобках;

2) тип археологического объекта. Указывается в соответствии с принятой в археологии классификацией памятников (курганные могильники, грунтовые могильники, городища, поселения, стоянки, дольмены и т.д.). Данный список может пополняться неучтенными типами археологических объектов, характерными для отдельных регионов РФ;

3) двухуровневую хронологическую атрибуцию. Включает самое общее отнесение памятника к исторической эпохе (палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век, Средневековье, Новое время) и узкую датировку, которая указана исследователем в отчете. При наличии многослойного памятни-

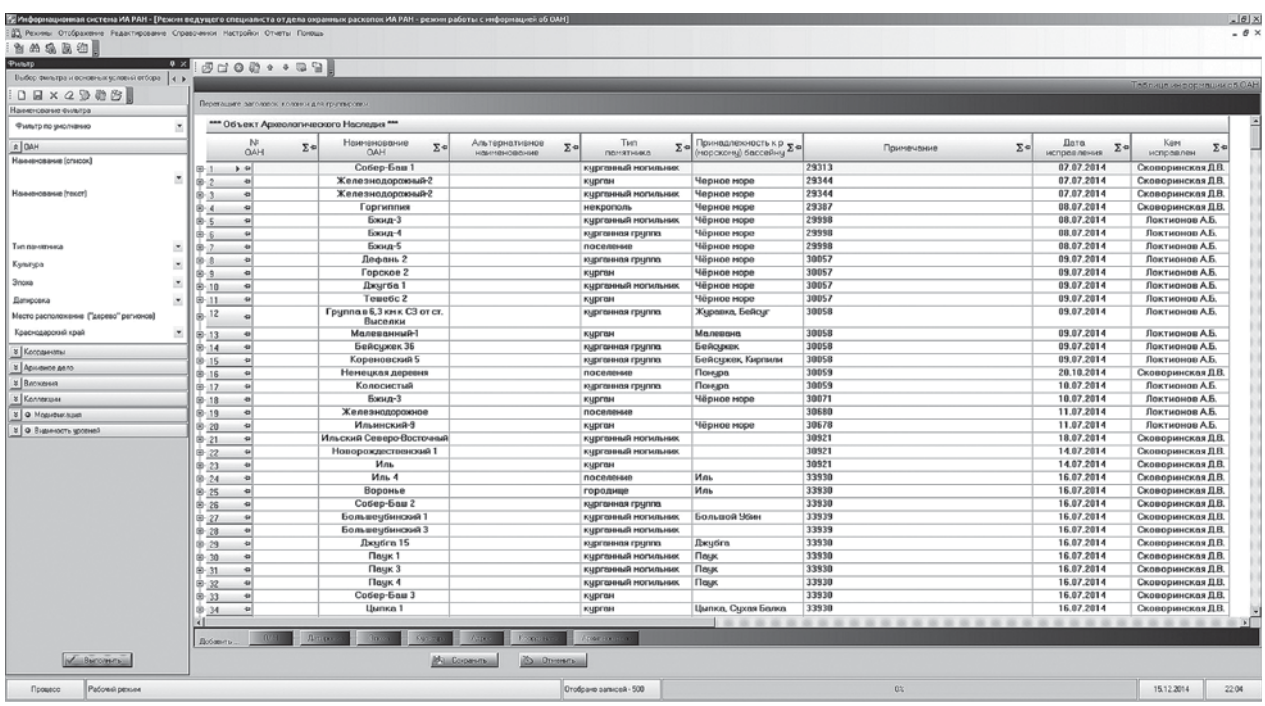


Рис. 1. Окно АСОИ «Терек» с запросом по археологическим памятникам Краснодарского края.

ка, относящегося к разным хронологическим периодам, в базу вносятся через запятую все даты;

4) культурную принадлежность. Выбирается из списка-справочника культур в соответствии с атрибутивными данными исследователя, содержащимися в научном отчете. При наличии данных о принадлежности памятника к разным культурам в базу вносятся через запятую все определения;

5) административную принадлежность. Адрес памятника содержит информацию о субъекте Российской Федерации, административном районе, населенном пункте или привязке к ближайшему населенному пункту с указанием расстояния в метрах и азимута в градусах в текстовом значении;

6) принадлежность к речному/морскому бассейну и особенности микрорельефа. Включает наименование реки, а также расположение памятника в рельефе (пойма, I–IV террасы и пр.);

7) географические координаты. Даются в формате координат, зафиксированных с помощью GPS, в системе координат WGS-84 (градусы, минуты, секунды или десятичные градусы), а также в виде информации о геодезических XY-координатах границ памятника, поворотных точек и их номерах при наличии оцифрованных геодезических планов объекта;

8) сведения об исследовании памятника, которые носят справочный характер и имеют важное значение как ссылка на источник информации. Указываются данные используемого отчета: ФИО автора, год исследования, наименование отчета, тип исследования (разведка, разведка с шурфовкой, раскопки), исследованная площадь, предыдущие авторы и характер исследования памятника.

В состав АСОИ «Терек» входят пять подсистем: 1) информационная, 2) контроля действий пользователей, 3) административная, 4) поиска, 5) документальных форм. Способ построения подсистем предполагает распределенный характер их набора функций. Например, элементы поисковой подсистемы присутствуют во всех других.

При помощи информационной подсистемы осуществляется ввод, коррекция и удаление информации в соответствии с ролями пользователей. Реализуются различные степени доступа, которые обусловлены разными компетенциями и потребностями пользователей. В базе ведется электронная картотека исследователей, осуществляющих археологическую деятельность. Реализован режим обучения сотрудников навыкам работы с АСОИ.

В административной подсистеме выполняются операции по регистрации пользователей, разграничению их доступа к информации в соответствии с функциональными ролями, ведению различных справочников и по персональной настройке пользовательского интерфейса. Клиентская часть АСОИ реализована в виде приложения Windows с многооконным пользовательским интерфейсом, использованием программных компонент от компании Infragistics. Во всех основных экранных формах системы применяется единый подход к представлению данных о главных и связанных с ними информационных объектах (рис. 1). Система фильтров позволяет создавать многократно используемые индивидуальные запросы, в которых пользователь может установить критерии отбора по любому полю любого уровня иерархической таблицы.

Для автоматизации ввода данных система оснащена расширяемым перечнем применяемых справочников. Например, ок. 40 справочников содержат типовую информацию. К таковой, в частности, относятся виды форматов данных, ролевые функции, наименование форм, типы адресной информации и т.п. Это позволяет обеспечить контроль и достоверность данных, повысить производительность труда.

Еще одной принципиальной особенностью созданной базы является введение в нее сведений не только о памятниках, но и обо всех фактах археологических вскрытий, которые зафиксированы в отчетах и имеют GPS-привязки. Эта информация позволит в дальнейшем оперировать большим массивом данных, отражающим степень археологической изученности России, и выделять участки, где памятники отсутствуют. Подобный подход поможет в будущем решать задачи прогностического (предиктивного) моделирования, выявлять закономерности в системе заселения определенных территорий, а также осуществлять мониторинг и управление объектами археологического наследия в случае проведения строительных работ, необходимым этапом которых является учет данных о наличии или отсутствии памятников в зоне потенциального строительства. Учет информации об отсутствии объектов археологического наследия, достоверно полученной в ходе археологических разведок с шурфовкой, позволит решать подобные задачи в границах всей Российской Федерации.

Таким образом, созданная в 2014 г. АСОИ «Терек» стала интенсивно наполняться данными об объектах археологического наследия РФ. В результате этой работы в географо-информационную систему «Археологические памятники России» за период с 07.07.2014 по 11.06.2015 г. внесена информация о памятниках, содержащаяся в 6 419 отчетах, из которых 1 658 относятся к 2009 г., 1 428 – к 2010, 1 655 – к 2011 и 1 678 – к 2012 г. Общее количество записей на 11.06.2015 г. достигает 19 722, при этом учтены сведения о 12 249 памятниках (из них 8 928 имеют географические координаты). Около 7 500 записей представляют собой информацию о достоверно отсутствующих следах археологических объектов, полученную в результате обследования местности с шурфовкой, в подавляю-

щем большинстве случаев с указанием географических координат, зафиксированных с помощью приемников GPS.

Существенным отличием разрабатываемой системы от имеющихся аналогов является возможность автоматического нанесения археологических объектов на электронные карты по содержащимся в АСОИ «Терек» сведениям о их географических координатах. При этом было решено использовать общедоступные Интернет-геосерверы, что существенно упрощает доступ к картографической информации и делает данный процесс независимым от доступности пользователю тех или иных видов геоинформационных систем. Расширение сферы применения картографической информации, находящейся в свободном доступе в сети Интернет, является очевидной современной тенденцией, что продемонстрировано, например, в серии докладов на 42-й ежегодной Международной конференции «Применение компьютерных приложений и количественных методов в археологии» («Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology») в Париже в апреле 2014 г. [Bernard, Ertlen, Schwartz, 2014; Duplouy, Capozzoli, Zambon, 2014].

Таким образом, автоматизированный процесс картографирования осуществляется с помощью специально созданного в АСОИ «Терек» модуля, позволяющего сохранить сведения о совокупности археологических объектов согласно применяемым пользователем фильтрам в виде файла KML/KMZ и впоследствии нанести эти объекты в виде точечного слоя на картографическую основу, используя общедоступные геосерверы (например, Google.Maps, Яндекс. Карты или SAS.Planeta). Нами приводятся примеры подробных запросов и результаты их картографирования с использованием в качестве основы космических снимков (Яндекс и в последнем примере Google) в окне программы SAS.Planeta:

1) всех записей с географическими координатами, существующих на середину июня 2015 г. в АСОИ «Терек» (ок. 16 500) (рис. 2);

2) всех археологических памятников, фигурирующих в АСОИ «Терек» на середину июня 2015 г. (ок. 8 800) (рис. 3);

3) всех мест археологического обследования с достоверно отсутствующими следами памятников (ок. 7 200) (рис. 4);

4) выборки памятников по типу – курганов и курганных могильников (ок. 3 400) (рис. 5);

5) выборки археологических объектов по культурам – памятников раннего железного века (ок. 1 200) (рис. 6);

6) выборки памятников, расположенных в определенном административном регионе, – объектов археологического наследия Краснодарского края (ок. 470) (рис. 7).

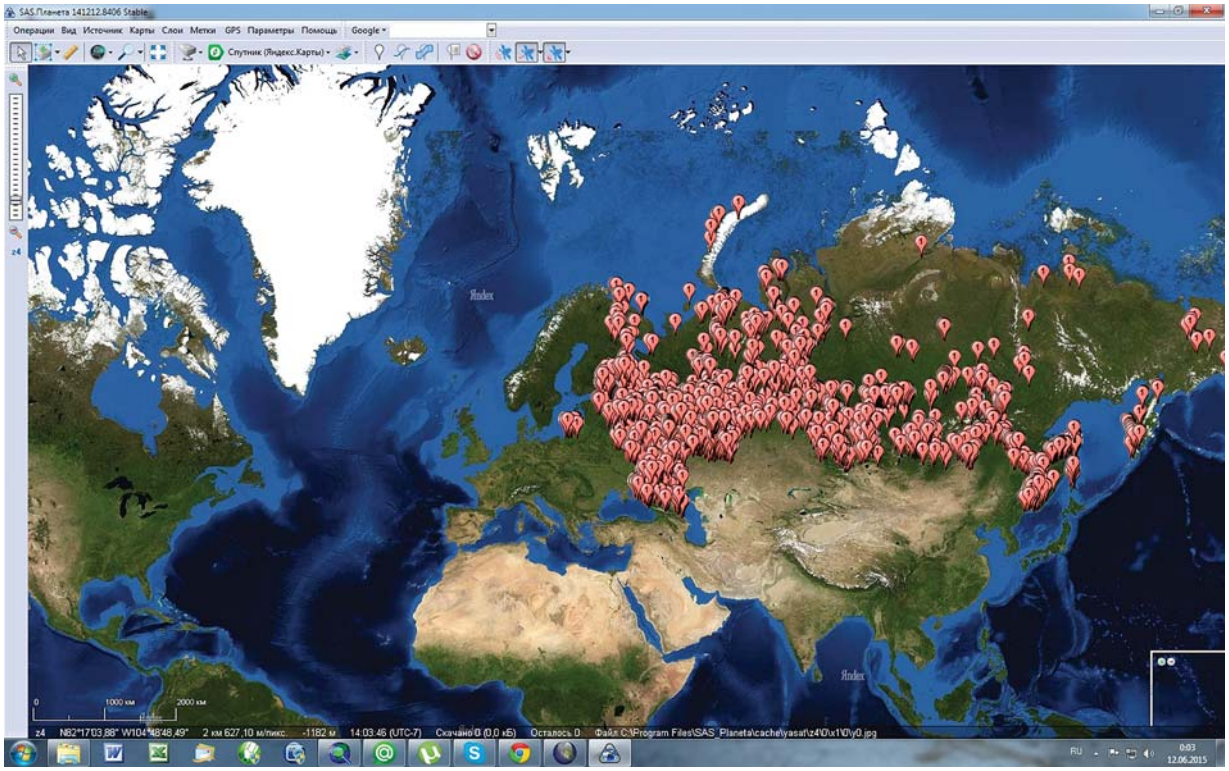


Рис. 2. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем записям с географическими координатами.

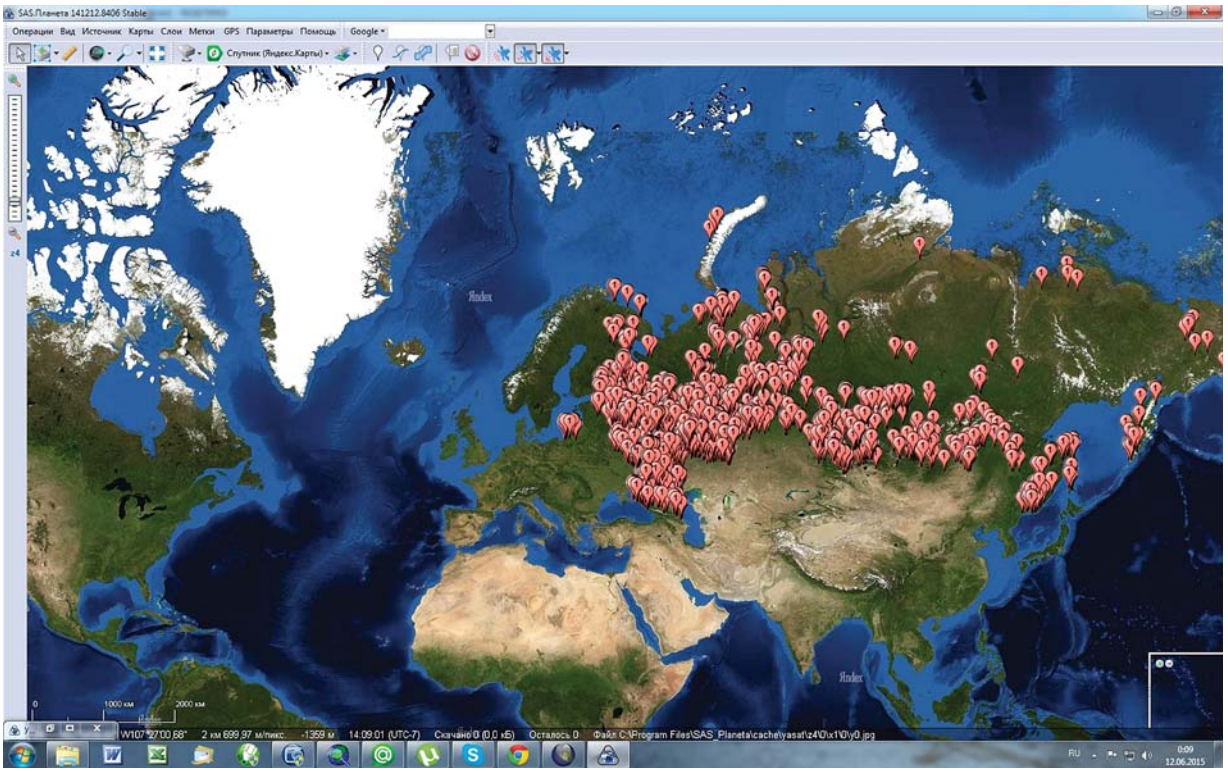


Рис. 3. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем объектам археологического наследия.

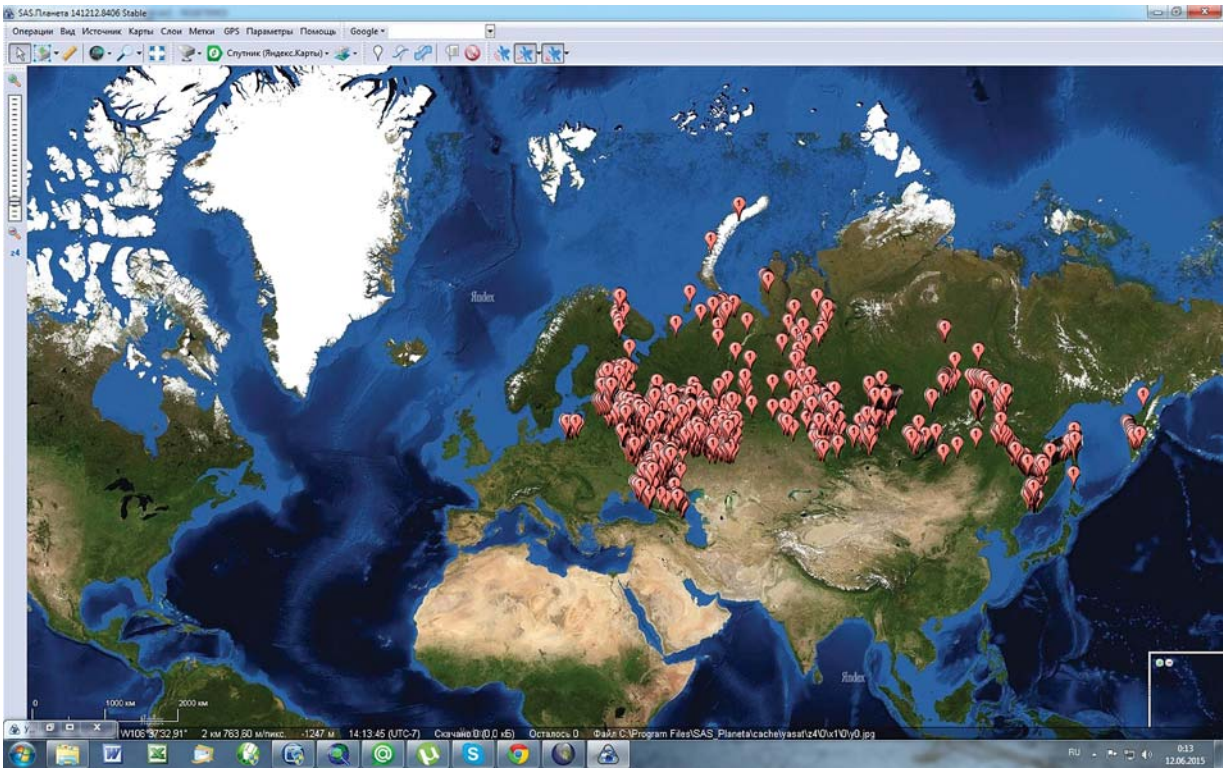


Рис. 4. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем местам археологического обследования с достоверно отсутствующими следами памятников.

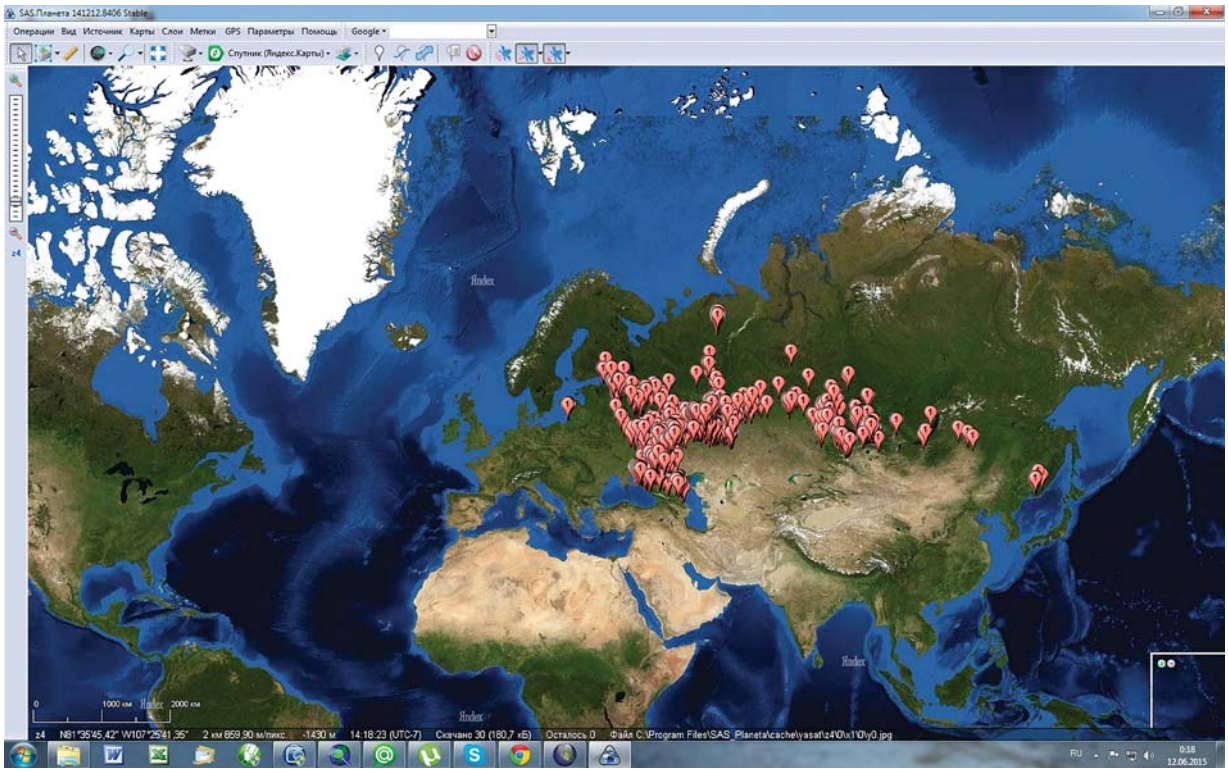


Рис. 5. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем курганам и курганным группам.

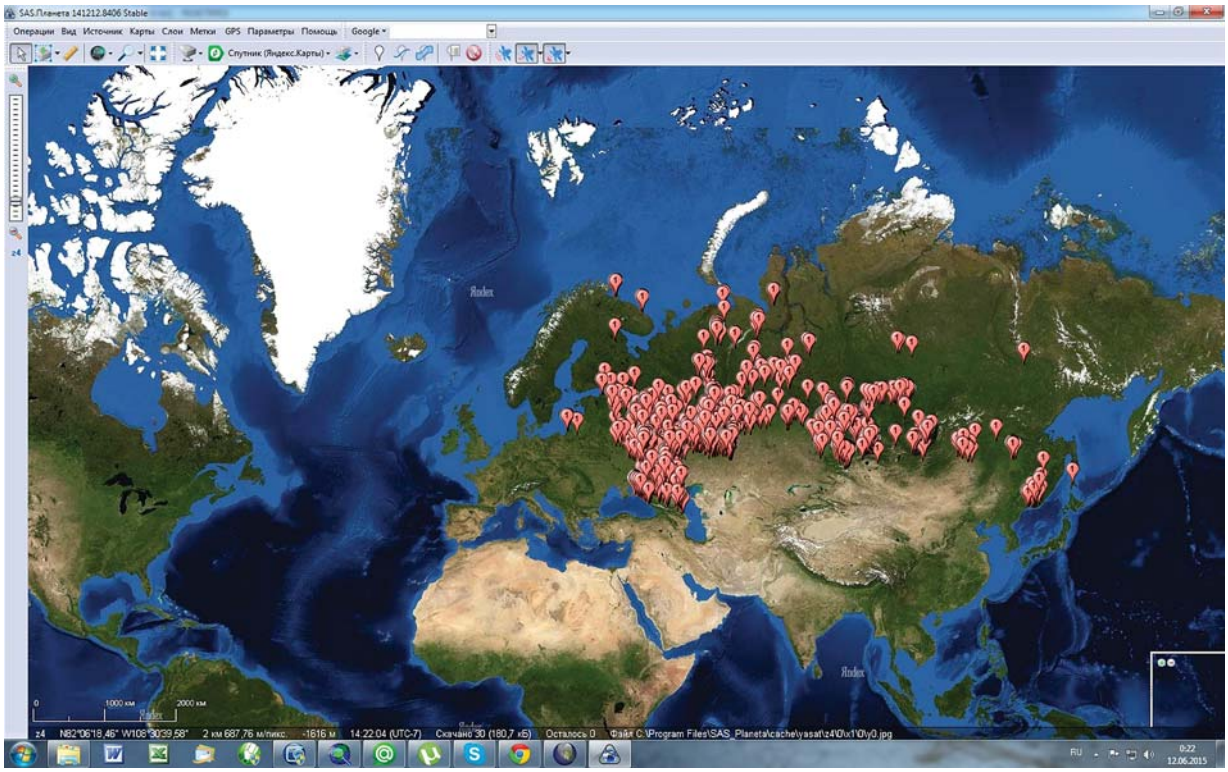


Рис. 6. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем памятникам раннего железного века.

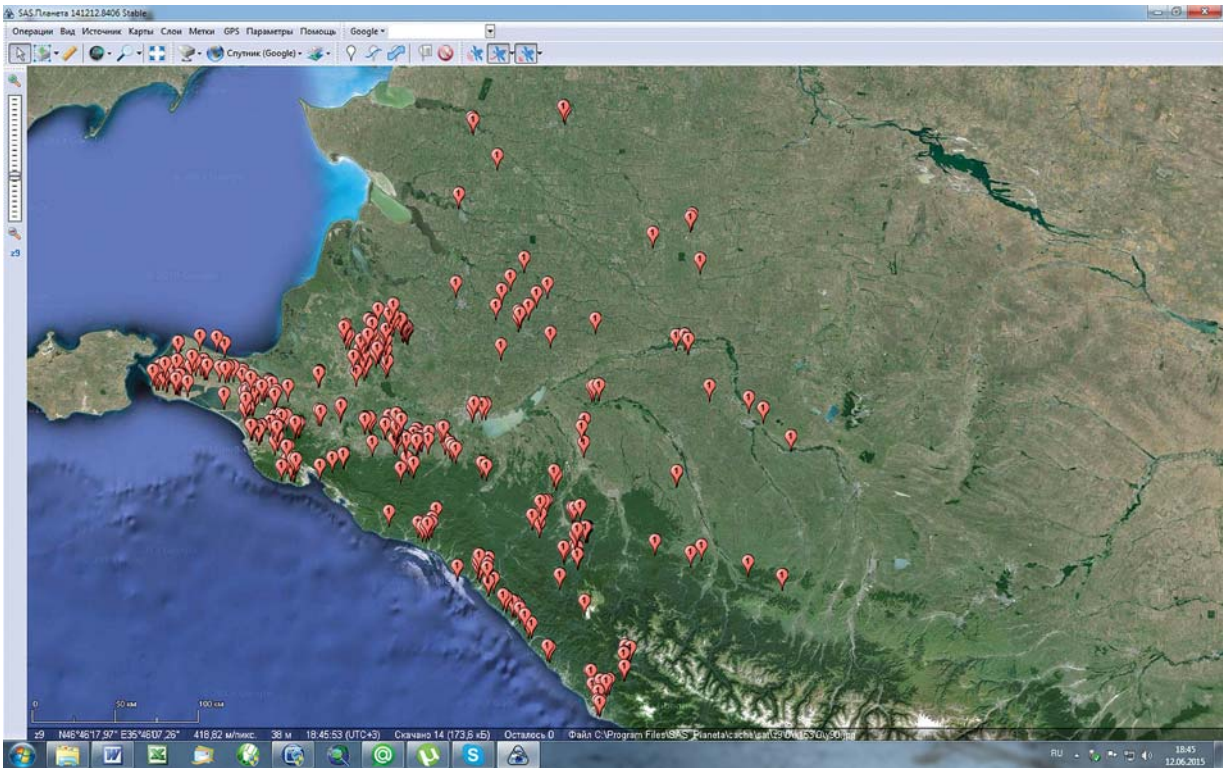


Рис. 7. Пример картографирования запроса АСОИ «Терек» по всем археологическим объектам Краснодарского края.

Работа по наполнению содержанием географо-информационной системы национального масштаба «Археологические памятники России» в настоящее время активно продолжается. Уже сейчас введенная в АСОИ «Терек» информация позволяет получать и использовать точные данные об археологических объектах, локализовать места проведения земляных работ, в результате которых памятники не выявлены, что, в свою очередь, дает возможность оперативно создавать и использовать археологическую карту любого региона России, а также делать предварительные выводы о степени археологической изученности различных районов.

Таким образом, создаваемая в масштабах Российской Федерации географо-информационная система, аккумулирующая данные об археологических объектах, позволит в ближайшем будущем решать разнообразные задачи в области учета и сохранения археологического наследия России, даст необходимый массив информации для дальнейшего детального изучения системы расселения в разных регионах страны в широких хронологических рамках, а также станет основой для прогностического моделирования пространственного распространения памятников, являющегося обязательным условием для проведения новых полевых исследований на современном уровне. Ближайшие задачи, стоящие перед научным коллективом, – выявление закономерностей в степени археологической изученности различных регионов Российской Федерации и разработка стратегии дальнейшего учета и мониторинга памятников в национальном масштабе.

Список литературы

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. – М.: Науч. мир, 2004. – 240 с.

Беглецова С.В., Князева Л.Ф., Телегина М.В. Геоинформационная система памятников историко-культурного наследия Удмуртии // Археология и геоинформатика: [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 2. – CD-ROM.

Белинский А.Б. Применение методов дистанционного зондирования Земли при создании геоинформационной системы «Археологическое наследие Ставропольского края» // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 260–261.

Васильев Ст.А. АИС «Археограф»: система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2005. – С. 13–21.

Васильев Ст.А. Проект «АИС Археограф» // Археология и геоинформатика: [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН, 2006. – Вып. 3. – CD-ROM.

Деревянко А.П., Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Бердников Е.В. ГИС «Палеолит Северной Азии» // Инфор-

мационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 6. – С. 21–29.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 1400 с.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – 224 с.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Требелева Г.В. Археологическая геоинформационная система Маргианы // Археология и геоинформатика: [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН, 2007. – Вып. 4. – CD-ROM.

Макаров Н.А., Беляев Л.А., Энговатова А.В. Археология в современной России: перспективы и задачи // РА. – 2015. – № 2. – С. 5–15.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. – 2015. – Вып. 237. – С. 7–19.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. – 2013. – № 4. – С. 58–74.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Леонтьев А.Е. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 196–215.

Меснянкина С.В., Ольховский С.В., Мамукин С.А., Черников А.П. Комплекс программных средств автоматизированного учета информации по археологическим исследованиям «Листопад» // Археология и геоинформатика: Первая Междунар. конф.: тез. докл. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 39–40.

Очир-Горяева М.А., Дюмкеева В.Ц. Опыт создания цифровой карты археологических памятников, раскопанных на территории Республики Калмыкия // Археология и геоинформатика: [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН, 2008. – Вып. 5. – CD-ROM.

Требелева Г.В. Оборона территории Азиатского Боспора в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС-технологий: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 2005. – 24 с.

Янишевский Б.Е., Киселев Д.И. База данных памятников археологии GRAVE // Компьютеры в археологии: мат-лы конф. «Опыт компьютерной обработки археологических материалов», Москва, апрель 1993 г. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 109–113.

Bernard L., Ertlen D., Schwartz D. ArkeoGIS, Merging Geographical and Archaeological Datas Online // CAA 2014: 21st Cent. Archaeology: Concepts, Methods and Tools: Proc. of the 42nd Ann. Conf. on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2014. – P. 401–406.

Duplouy A., Capozzoli V., Zambon A. An Inventory of Lucanian Heritage // CAA 2014: 21st Cent. Archaeology: Concepts, Methods and Tools: Proc. of the 42nd Ann. Conf. on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2014. – P. 333–340.

Материал поступил в редколлегию 25.06.15 г.

УДК 903.27

Е.Г. Дэвлет[1], А.Р. Ласкин[2]
[1]Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва,117036, Россия
Лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии»
Новосибирского государственного университета – Университета Бордо
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: eketek@yandex.ru
[2]Научно-производственный центр по охране
и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края
ул. Дзержинского, 36, Хабаровск, 680000, Россия
E-mail: archaeology@inbox.ru

ПЕТРОГЛИФЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА ПОСЛЕДСТВИЙ ПАВОДКА В 2013 ГОДУ НА АМУРЕ И УССУРИ*

В статье приводятся результаты исследования памятников петроглифов Сикачи-Алян и Шереметьево, расположенных в бассейне Амура и Уссури и составляющих особую провинцию наскального искусства. В работе освещаются история исследований петроглифов в указанной зоне Приамурья. Приводятся описания объектов наскального искусства и оценка их состояния. Указывается, что после крупномасштабного наводнения были зафиксированы природные сколы на камнях с изображениями, усиление негативного воздействия на объекты колебания уровня воды, разницы температур, ветровой эрозии. На Сикачи-Аляне в качестве доминирующего фактора разрушения отмечено заиливание валунов с петроглифами и их перемещение в результате сезонного повышения уровня воды и ледохода. Установлено, что деструкция наскальных изображений Шереметьево связана преимущественно с воздействием обрастателей. На этом памятнике под лишайниками на вертикальных скалах выявлены новые петроглифы и уточнены детали известных ранее, в прибрежных зарослях и на надпойменной террасе обнаружены валуны, декорированные петроглифами, которые пополнили корпус наскальных изображений региона редкими вариантами зооморфных и антропоморфных образов.

Ключевые слова: *наскальные изображения, петроглифы, Дальний Восток, Сикачи-Алян, Шереметьево, сохранение культурного наследия.*

E.G. Devlet[1] and A.R. Laskin[2]
[1]Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulianova 19, Moscow, 117036, Russia
Laboratory for Multidisciplinary Studies of Prehistoric Eurasian Art
(Novosibirsk State University – University of Bordeaux),
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: eketek@yandex.ru
[2]Khabarovsk Regional Center for the Preservation and Management
of Historical and Cultural Sites,
Dzerzhinskogo 36, Khabarovsk, 680000, Russia
E-mail: archaeology@inbox.ru

PETROGLYPHS OF THE KHABAROVSK REGION: THE IMPACT OF THE 2013 AMUR AND USSURI FLOODING

Sikachi-Alyan and Sheremetievo rock art sites are part of the Lower Amur and Ussuri rock art province. A history of their discovery is outlined, and their preservation state is described. In 2013, many of them were damaged by a major flooding. Effects of

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 14-01-00453, 15-01-00240).

© Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., 2015

water level and temperature fluctuations and of wind erosion are assessed. In Sikachi-Alyan, the main impact factors were silting of boulders with petroglyphs and their displacement caused by seasonal rise of water level and ice drift. In Sheremetievo, destruction resulted mainly from biofouling. The removal of lichen revealed new petroglyphs, and details of known ones were specified. Boulders with rare zoomorphic and anthropomorphic petroglyphs were discovered in the riverside bush and on the floodplain terrace.

Keywords: *Rock art, petroglyphs, Russian Far East, Sikachi-Alyan, Sheremetievo, cultural heritage.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.094-105

Введение

Памятники наскального искусства на территории Хабаровского края делятся на семь локальных групп. На самом юге сосредоточены Шереметьевские, Сикачи-Алянские* и Киинские, далее на север, вниз по течению Амура, расположены два небольших пункта изображений у сел Калиновка и Аури (у бывшего стойбища Май). Самыми отдаленными от водной системы Амура считаются пункты с изображениями, выполненными минеральной краской (охрой) на скальных выступах по берегам горных рек Сукпай и Мая, которые в древности были важными путями миграции населения с материка к побережью Тихого океана и обратно. Наиболее изученными и посещаемыми считаются сикачи-алянские, шереметьевские и киинские петроглифы.

Памятники наскального искусства в бассейнах рек Амур и Уссури образуют особую локальную провинцию наскального искусства, к которой относятся изображения Сикачи-Аляна, Шереметьево, Кии (Чертово Плесо), камень у с. Калиновка и утраченные к настоящему времени рельефы в пещере Медвежьи Щеки на р. Суйфун [Окладников, 1971; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, с. 29–32].

Традиции наскального искусства Амуро-Уссурийского региона представлены стилизованными изображениями личин разнообразной формы (овальные, сердце-, трапеце-, череповидные и др.) с контуром и без него (рис. 1, *1*). Особая выразительность рисунков достигается благодаря использованию природного рельефа камня, многие личины расположены на схождении двух или трех граней (рис. 2, 3). Почти на всех личинах проработаны глаза (часто это концентрические круги с лунками в центре), нос (в виде лунок-ноздрей или треугольника-провала) и рот, многие заполнены сложным орнаментом, состоящим из углов, треугольников, дуг или их сочетаний. Некоторые личины окружены ореолом из расходящихся лучей, которые могут быть разной длины и располагаться как в верхней части, так и по всему абрису. Крупные личины (до 50–60 см) изображены, как правило, изолированно и занимают одну плоскость, а небольшие (10–15 см) могут составлять группы. Однако репертуар петроглифов не исчерпывается личинами; есть разные варианты антропоморфных фигур, многообразны зооморф-

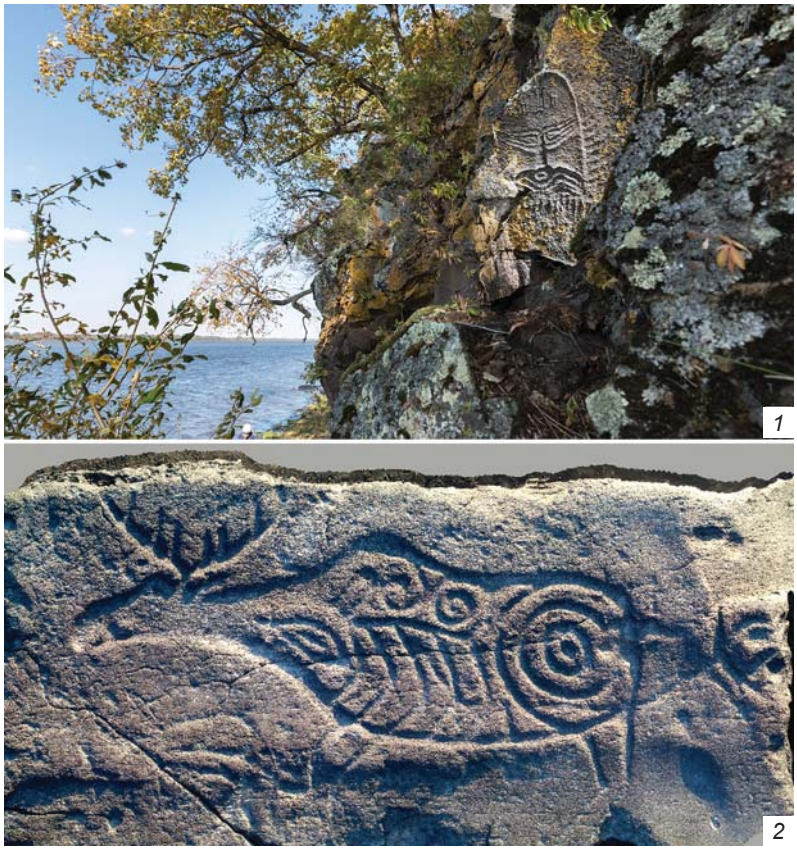


Рис. 1. Петроглифы Амуро-Уссурийского региона.
1 – изображение личины, Шереметьево; *2* – ортофотография фрагмента камня с изображением лося в рентгеновском стиле, лучника и личины на схождении граней, Сикачи-Алян.
1 – фото выполнено с выносной вспышкой И.Ю. Георгиевским; *2* – изображение получено методом фотограмметрии с последующим экспортом ортофото из программы Agisoft PhotoScan А.С. Пахуновым.

*Ранее памятник назывался Сакачи-Алян и под этим названием вошел в научную литературу, однако эпонимное село было переименовано и название в паспорте памятника также изменилось.

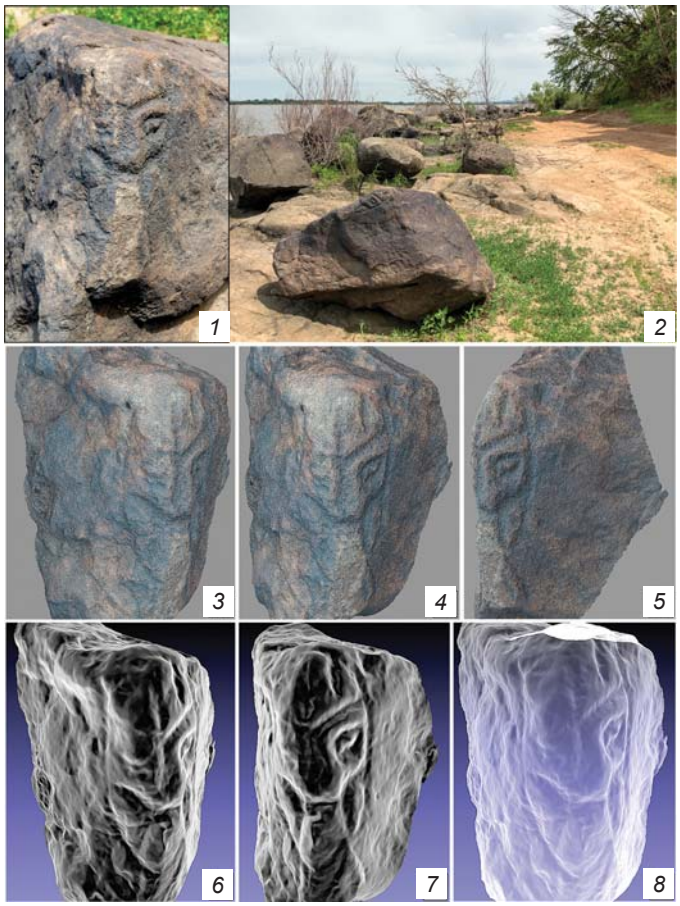


Рис. 2. Варианты документирования рельефной личины, выполненной на схождении граней камня, пункт 1 Сикачи-Аляна.
1, 2 – фото; *3–5* – проекции текстурированной 3D-модели петроглифа, скриншоты программы Agisoft PhotoScan; *6–8* – проекции 3D-модели с применением шейдеров Electronic microscope (*6, 7*) и Xray (*8*) в программе Meshlab, скриншоты.
1, 2 – фото И.Ю. Георгиевского; *3–8* – А.С. Пахунова.

ные изображения: лоси, лошади, тигры, кабаны, различные птицы, змеи (см. рис. 1, *2*). Представлены также изображения лодок, чашечные углубления, концентрические круги и другие геометрические элементы.

Из истории исследований

Петроглифы на р. Уссури у с. Шереметьево были первыми наскальными изображениями, описанными исследователями Приамурья. Они упомянуты в сочинении Р.К. Маака, который путешествовал по Уссури в 1859 г. [1861]. Об изображениях «головы тигра, рыбы, каких-то знаков» на скалах по правому берегу Уссури говорится в заметке географа К.Ф. Будогоского [1860]. Детальное описание наскальных рисунков у с. Шереметьево принадлежит подполковнику Генерального штаба Н. Альфтану; он указал три пункта сосредоточения изображений, привел сведения о средневековом городище, расположенном выше одной из групп петроглифов. Его материалы – первые достоверные данные не только о шереметьевских, но вообще о дальневосточных петроглифах [1895]. В 1908 г. они были использованы Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткиным в обобщающей сводке по археологическим памятникам Дальнего Востока [1908]. В 1959, 1968 и 1970 гг. систематическое документирование и изучение петроглифов Шереметьево проводит экспедиция под руководством А.П. Окладникова [Окладников, 1971].

Петроглифы у с. Сикачи-Алян в конце XIX в. упомянуты в дневниках русского востоковеда Палладия Кафарова [Ларичев, 1966], охарактеризованы в 1895 г. штабс-капитаном П.И. Ветлицыным [1895]. В зарубежной печати первые сведения опубликовал в 1899 г. американский востоковед Бертольд Лауфер – участник этнологической экспедиции на Амур, организованной Американским музеем естественной истории [Laufer, 1899]. В 1908 г. краткое описа-

Рис. 3. Камни с петроглифами в пунктах 2 (*1, 2*) и 4 (*3*) Сикачи-Аляна.
1 – фото И.Ю. Георгиевского; *2, 3* – А.Р. Ласкина.

ние наскальных рисунков у с. Сикачи-Алян выполнил В.К. Арсеньев во время экспедиции в горы Сихотэ-Алиня [1947]. Древние легенды, связанные с сикачи-алянскими петроглифами и народом, который населял эти места, записал этнограф Л.Я. Штернберг в 1910 г. [1933]. В 1930-е гг. Н.Г. Харламов документировал петроглифы, которые связывал с остатками древнего города Гальбу [1933].

В 1935 г. петроглифы у с. Сикачи-Алян обследовала экспедиция под руководством А.П. Окладникова. С 1950-х гг. начинается новый этап в планомерном научном изучении этого памятника, исследования проводятся под руководством А.П. Окладникова, позднее – А.П. Деревянко. Итогом огромной научно-исследовательской работы стала опубликованная в 1971 г. монография А.П. Окладникова «Петроглифы Нижнего Амура». Благодаря выходу в свет этой книги и альбому, посвященному искусству народов нижнего Амура от древности до этнографической современности [Окладников, 1971; Okladnikov, 1981], уникальный археологический объект приобрел всемирную известность. При изучении генезиса мотивов петроглифов Сикачи-Аляна и их семантики А.П. Окладников заложил основы научного подхода к интерпретации петроглифов Амура и других ареалов наскального искусства, начал поиск широких евразийских и трансокеанских аналогий; его работы стали колоссальным вкладом в изучение и способствовали признанию ценности этого вида культурного наследия. Шесть пунктов локализации петроглифов Сикачи-Аляна были выделены А.П. Окладниковым с учетом взаимного расположения валунов, их ландшафтного контекста.

Ключевой вклад в археологическое изучение памятников вблизи сикачи-алянских петроглифов внес А.П. Деревянко, археологические исследования успешно продолжил В.Е. Медведев [Деревянко, Медведев, 1993; Медведев, 1995]. Археологические изыскания, проводившиеся в 2000-е гг., помогли расширить представления о внутренней хронологии петроглифов, возможной корреляции стилей своеобразной провинции наскального искусства с другими археологическими материалами, в частности, с орнаментированной керамикой [Шевкомуд, 2004; Медведев, 2010, 2011]. Было установлено, что в бассейнах нижнего Амура и Уссури с эпохи неолита существовали крупные культовые центры и святилища [Медведев, 2005].

В последние десятилетия обсуждалось много предложений и проектов по созданию этнокультурных и научных центров в уникальном историческом месте. Проводились исследования с целью определения охранной зоны культурного слоя в районе с. Сикачи-Алян [Медведев, Краминцев, 1991]. Был разработан генеральный план застройки с. Сикачи-Алян, предусматривавший строительство в небольшом национальном селе многоэтажных гостиниц и кафе, а также создание парков и скверов [Генеральный план…., 1992]. Памятник наскального искусства в этом проекте занимал не основное место. Однако важно, что в ходе подготовки генплана была проделана большая работа по определению особенностей природных условий, составлению инженерно-геологических характеристик района, обозначены проблемы сохранения и музеефикации петроглифов. В 2000 г. под руководством ландшафтного архитектора М.И. Горновой [2000] в пункте 1 Сикачи-Аляна были перемещены в безопасное место подверженные разрушению четыре валуна с петроглифами, проведено исследование современной локализации камней, выявлены новые изображения, сформулированы предложения по сохранению памятника. В 2003 г. по заказу Министерства культуры Хабаровского края разрабатываются проект зон охраны и историко-археологический опорный план, проводится ландшафтный анализ, выделяются охранные зоны различного типа и предлагается регламент их использования [Проект…, 2003]. В пункте 2 был проведен мониторинг местоположения петроглифов; благодаря низкому уровню воды в Амуре (–75 см) удалось выявить 12 ранее неизвестных камней с изображениями. По оригинальному проекту, разработанному фондом «Историческое наследие Амурского региона», в 2003 г. в пунктах 1 и 2 Сикачи-Аляна устанавливаются новые информационные стелы (рис. 4, *1*), создаются контактные силиконовые матрицы, с которых в дальнейшем изготавливаются позитивные отливки некоторых композиций и отдельных изображений. В 2013 г. разработана концепция по организации и развитию историко-культурного музея-заповедника регионального значения «Петроглифы Сикачи-Аляна» [Концепция…, 2013]. По заказу Министерства культуры РФ в 2014 г. Институтом археологии РАН проводятся работы, связанные с определением влияния катастрофического паводка на состояние сохранности петроглифов Сикачи-Аляна. Их основой послужили материалы мониторинга, проводившегося в 2000-е гг. Научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края [Ласкин, 2007, 2008, 2011, 2012, 2014а, б; Devlet, 2008; Ласкин, Дэвлет, 2013].

Сикачи-Алян – единственный в мире памятник наскального искусства, компоненты которого находятся в постоянном движении под действием могучих вод Амура, особенно в период ледохода, когда глыбы льда смещают и переворачивают прибрежные валуны, в результате некоторые изображения пропадают из поля зрения, другие появляются. Если камни с изображениями располагаются не на скальном основании, а на песке, они проседают и могут быть практически полностью засыпаны (см. рис. 3). Эти

Рис. 4. Общий вид пункта 1 (*1*) Сикачи-Аляна и петроглифы, выявленные на нем в 2003 г. (*2–5*). Фото И.Ю. Георгиевского.

особенности обусловливают необходимость проведения регулярного мониторинга и документирования петроглифов Сикачи-Аляна на современном техническом уровне*.

Вновь открытые петроглифы Сикачи-Аляна

Исследованиями, проведенными в полевом сезоне 2014 г., установлено, что во время наводнения 2013 г., когда уровень воды достиг исторического максимума, пункты 1 и 2 Сикачи-Аляна были полностью закрыты водой. На декоративном оформлении верхней части охранного знака отчетливо видна полоса, дающая представление об уровне воды в то лето (см. рис. 4, *1*).

При проведении мониторинга и составлении корпуса петроглифов за основу были приняты данные, указанные в монографии А.П. Окладникова [1971]: среди 76 камней с изображениями 1–19-й относятся к пункту 1, а 20–76-й – к пункту 2 Сикачи-Аляна. Они сопоставлялись со сведениями, приведенными в документации мониторинга разных лет, которая хранится в Краевом государственном бюджетном учреждении культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края» и в архивах для определения динамики утрат на памятнике наскального искусства [Дэвлет, 2002]. Камни, обнаруженные позднее, пронумерованы для каждого пункта отдельно. Их шифр начинается с нуля (пункт 1 – камни с 01 по 05, пункт 2 – камни с 01 по 012). В 2014 г. исследования на памятнике проводились в разные месяцы, уровень воды в Амуре был не очень высоким (+140 см). На момент осмотра в пункте 1 из описанных А.П. Окладниковым 19 объектов не удалось обнаружить 6: одни из них, возможно, были перевернуты, другие находились ниже уровня воды. В этом пункте в разные годы было обнаружено пять новых камней с петроглифами. В 2014 г. выявлены камни 1-01, 1-03, 1-05. В пункте 2 из учтенных А.П. Окладниковым 57 объектов н″е обнаружены 22, из них под водой на момент исследований могли находиться 12. Для этого пункта с 2003 г. описано 12 новых камней с петроглифами (см. рис. 3, 5).

Пункты 1 и 2 Сикачи-Аляна представляют собой огромную россыпь глыб базальта, различных по размерам и степени окатанности, на правом берегу Амура. Сквозная нумерация объектов с петроглифами в обоих пунктах начинается снизу вверх по течению реки. За начальную точку принята восточная оконечность пункта 1 с координатами N 48°45′11.4″ E 135°38′56.2″. В этом месте – широкой пойме – на речном песке и толще ила на некотором расстоя-

*Выражаем благодарность И.Ю. Георгиевскому (Карельский научный центр РАН) и А.С. Пахунову (Институт археологии РАН), иллюстрации которых использованы в публикации, за большую работу по документированию петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево.

нии друг от друга располагаются отдельные валуны, далее скопление камней становится более плотным, валуны лежат на скальном основании. Скальный цоколь поднимается над песчаным ложем Амура эффектной, рассеченной трещинами каменной стеной высотой до 2,5 м. На надпойменной террасе находятся сельские постройки, заросли леса и поляны старых огородов. В обнажении берега вдоль селения часто встречаются фрагменты керамики, каменные и металлические изделия.

Общее состояние памятника в пункте 1 аварийное. Во время весеннего ледохода некоторые базальтовые валуны с петроглифами изменяют свое положение. По этой причине не удалось обнаружить 6 из 19 камней, описанных А.П. Окладниковым. В летний период на петроглифы оказывают влияние колебания уровня воды в Амуре – происходит заиливание камней, изображения покрываются налетом минерального и органического происхождения. Интенсивно расширяется зона роста высших растений, имеют место процессы природной деструкции: растрескивание и расслоение поверхности камней, распространение на них обрастателей. В октябре 2014 г. на камнях 6 и 17 отмечены остатки композитных материалов – результат непрофессионального снятия силиконовых копий. Через территорию пункта 1 проложена грунтовая дорога; она используется рыбаками и неорганизованными туристами, которые паркуются на территории охранной зоны, разводят костры, оставляют бытовой мусор. Администрация села, пытаясь бороться с этим, перекрывает проезд железобетонными блоками, но это не дает положительного результата. Посетители делают надписи как на камнях без петроглифов, так и на некоторых валунах с древними изображениями (камни 4, 6, 14).

Камень 1-01 – крупная базальтовая глыба прямоугольной формы – расположен на песчаной отмели в начале пункта 1, в 1,8 м к западу от камня 1. Изображение выполнено на западной вертикальной плоскости, имеющей положительный уклон; верхняя граница петроглифа находится на уровне песчаного основания. После вертикальной расчистки выявлена личина без внешнего контура, созданная в технике выбивки желобком. Глаза крупные, в виде двух концентрических окружностей с небольшими углублениями-ямками в центре, ниже двумя чашевидными углублениями показаны ноздри, под ними – небольшой округлый рот (см. рис. 4, *2*).

Изображение рассечено глубокой трещиной, нарушена цветовая гамма поверхности в нижней части рисунка, долгое время находящегося под слоем песка. Состояние аварийное; деструкция интенсивная: трещины и сколы природного происхождения на плоскости с изображением. Отмечается негативное воздействие колебаний уровня воды (затапливается полностью при уровнях немногим выше среднего), перепадов температур и ветровой эрозии.

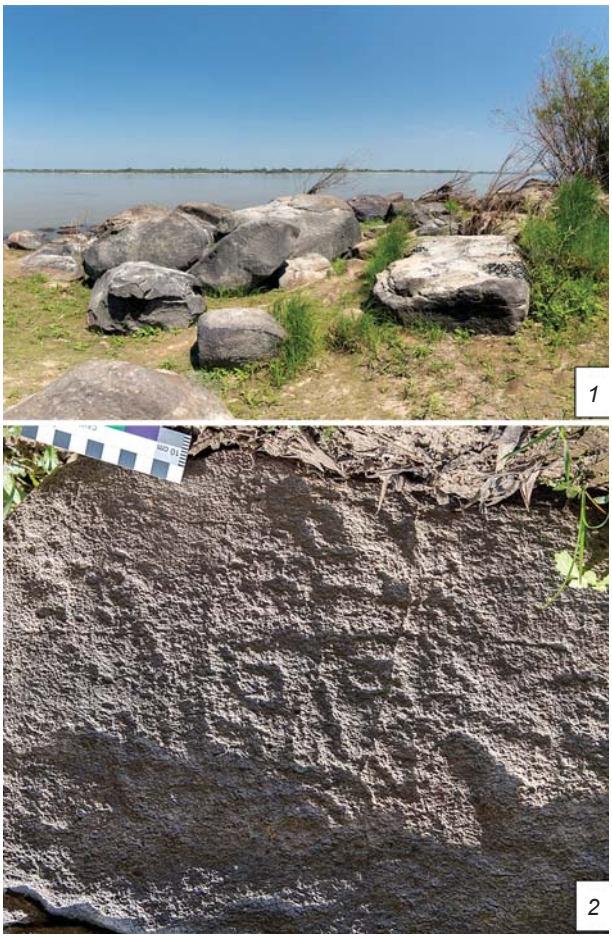


Рис. 5. Перевернутый валун с изображением личины (справа) (*1*) и изображение контурной личины на камне (*2*) в пункте 1 Сикачи-Аляна. Фото И.Ю. Георгиевского.

Камень 1-02 расположен ближе к восточной части пункта, на границе среднего многолетнего уровня воды. На южной вертикальной плоскости большого камня прямоугольной формы выявлено антропоморфное изображение, выполненное широким желобком (см. рис. 5). Личина овальной формы с внешним контуром, показаны округлые глаза с углублениями-ямочками в центре, нос треугольной формы, расширяющийся книзу, под ним – широко раскрытый округлый рот. Над глазами широким горизонтальным желобком, отделяющим лобную часть, показаны массивные брови, выше на лбу – две дуги. Изображение перевернуто на 180° из-за перемещения камня. Состояние аварийное; деструкция интенсивная: на плоскости с древним рисунком трещины и сколы природного характера. Отмечается негативное воздействие колебаний уровня воды (затапливается полностью при уровнях немногим выше среднего), перепадов температур и ветровой эрозии.

Камень 1-03 средних размеров расположен ближе к восточной части пункта на границе среднего многолетнего уровня воды. Довольно крупная парциальная личина выбита на западной вертикальной грани, к которой близко примыкает соседний камень. Петроглиф можно исследовать лишь через оставшуюся небольшую щель: просматриваются большие округлые глаза в виде двух концентрических окружностей с чашечными углублениями в центре (см. рис. 4, *3*). Состояние аварийное, деструкция интенсивная: камень перемещен, зажат со всех сторон соседними валунами. Отмечается негативное воздействие колебаний уровня воды (камень затапливается полностью при уровнях немногим выше среднего), перепадов температур и ветровой эрозии.

Камень 1-04 небольших размеров прямоугольной формы находится вблизи центральной части пункта на границе среднего многолетнего уровня воды. На северной вертикальной грани с небольшим отрицательным уклоном выявлено изображение оконтуренной личины округлой формы, широким желобком показаны овальные раскосые глаза с миндалевидными углублениями в центре, ниже – треугольный нос, под ним – широко раскрытый «оскаленный» рот с верхним и нижним рядами зубов, обозначенными горизонтальной линией и шестью вертикальными бороздками (см. рис. 4, *4*). Камень смещен и прижат гранью с изображением к соседнему валуну. В ходе исследования в 2009 г. глаза, нос и рот по контуру были обведены белым красящим веществом, которое в 2014 г. уже не выявляется. Состояние аварийное; деструкция интенсивная: камень перемещен, зажат с трех сторон соседними валунами, на плоскости с изображением имеются глубокие трещины. Отмечается негативное воздействие колебаний уровня воды (камень затапливается полностью при высоких уровнях), перепадов температур и ветровой эрозии.

Камень 1-05 расположен в центральной части пункта выше границы среднего многолетнего уровня воды. Небольшая (до 10 см) парциальная личина выбита на поверхности валуна овальной формы. Глаза переданы концентрическими окружностями с небольшими углублениями в центре, ниже коротким вертикальным желобком показан нос, под ним горизонтальным желобком обозначен узкий рот (см. рис. 4, *5*). Камень смещен относительно исходного положения, изображение развернуто примерно на 140º, возможно, это произошло во время паводка 2013 г. Состояние аварийное; деструкция интенсивная: камень смещен, на плоскости вблизи с петроглифом имеются трещины и сколы природного происхождения. Отмечается негативное воздействие колебаний температур и ветровой эрозии. Поскольку камень находится рядом с пешеходной тропой, может испытывать антропогенное воздействие.

Объекты пункта 2 расположены за верхней оконечностью с. Сикачи-Алян, где к Амуру выходит крутое скалистое обнажение высокой сикачи-алянской террасы. Террасу прорезает небольшой ключ с чистой водой, за которым в прибрежной полосе начинается большая россыпь слабо окатанных или почти не окатанных глыб базальта. Валуны образуют широкую полосу вдоль берега на песчаном пляже, которая начинается в месте с координатами N 48°45′05.5″ E 135°38′23.4″, а также рассеяны вдоль излучины, образованной крутым уступом скалы. Имеются участки очень плотных скоплений; здесь валуны громоздятся, образуя своего рода вал. Многие перекрыты речным песком, а также находятся ниже уровня воды и обнажаются только во время самого низкого уровня воды в Амуре. У мыса Гася проходит условная граница пункта 2 (N 48°45′04.1″ E 135°37′17.0″). В 2003 г. благодаря очень низкому уровню воды в Амуре (–75 см) было обнаружено 12 объектов с изображениями; они опубликованы [Ласкин, Дыминский, 2006; Ласкин, 2007]. В 2014 г. на камне 2-012 в юго-восточной части пункта 2 у намывной песчаной косы, помимо рельефной личины, выполненной на схождении граней, удалось найти еще одну парциальную личину (см. рис. 3, *1, 2*). Она расположена в северной части камня на схождении двух плоскостей, глаза и рот показаны чашечными углублениями, продолговатым, чуть расширяющимся книзу желобком, проходящим по ребру камня, обозначен нос личины, возможно в верхней части, имеются штрихи ореола.

Общее состояние пункта 2 аварийное. Во время весеннего ледохода продолжается процесс смещения валунов. В 2014 г. не удалось обнаружить 22 из 57 камней, описанных А.П. Окладниковым; большинство из них в момент исследований находилось под водой, но некоторые, вероятно, оказались смещенными или перевернутыми, погребенными под слоем иловых и песчаных наносов. Частично прижатой соседним камнем оказалась доступная ранее для осмотра плоскость с изображениями 2-37. Ввиду повышенного уровня воды не удалось обследовать 10 из 12 учтенных позднее декорированных валунов.

В летний период из-за колебаний уровня воды в Амуре на сохранность петроглифов негативно влияют заиливание, формирование на поверхности камня плотных минеральных отложений. На всей территории пункта активно распространяется кустарник; лишайник и мох развиваются на тех камнях, которые расположены непосредственно у основания второй надпойменной террасы мыса Гася, где разрослись кустарники. Интенсифицируются процессы природной деструкции: растрескивание и расслоение поверхности камней.

Территория пункта 2, по сравнению с территорией пункта 1, менее доступна для осмотра, особенно

в теплое время года, когда попасть сюда можно только по воде. В редкие периоды спада воды к пункту 1 можно пройти пешком, миновав небольшой перешеек устья залива Орда в западной части села. В зимний период место пользуется популярностью у рыбаков, они заезжают на памятник по льду на машинах. На территории пункта отмечены следы разведения костров и в незначительном количестве мусор. В целом не очень высокая посещаемость обусловливает менее интенсивное, чем в пункте 1, антропогенное воздействие на валуны с изображениями, но от рук вандалов существенно пострадало изображение лошади на камне 2-73. Наиболее выразительный в пункте 2 прямоугольный камень 2-63 декорирован изображениями на различных гранях, на верхней горизонтальной плоскости размещается композиция с крупным изображением лося, выполненным в рентгеновском стиле. Ниже фигуры лося в левом углу имеются небольшое изображение лучника и нефигуративные линии, которые слабо просматриваются (см. рис. 1, *2*). Интенсивное развитие патины на верхней плоскости может быть связано с антропогенным воздействием: у коренного населения этот камень до сих пор является основным местом совершения культовых обрядов, на поверхности с изображениями раскладывают приношения и пр., что провоцирует биодеструкцию.

Открытие ранее неизвестных петроглифов в пунктах 1 и 2 Сикачи-Аляна свидетельствует о том, что памятник «живой». Многие камни перемещаются, переворачиваются, могут быть замыты песком или илом, изображения исчезают из поля зрения. Однако благодаря природным процессам удается обнаружить новые петроглифы.

Главной особенностью Сикачи-Аляна – крупнейшего памятника наскального искусства региона – считается предпочтительное использование в качестве природных скальных полотен прибрежных базальтовых валунов. Практически все петроглифы Сикачи-Аляна выполнены на камнях разного размера и формы. Исключением являются несколько изображений пунктов 3 и 4, нанесенных на вертикальные скальные выходы. Фактура валунов помогала авторам петроглифов представить изображения, расположенные на разных плоскостях, для кругового обзора, а размещение рисунков на разных гранях – придать им рельефность; изображения тяготеют уже не к плоскостным, а к барельефным (см. рис. 2; 3, *1, 2*). Сделать изображение более рельефным позволяла популярная у древних мастеров Сикачи-Аляна техника: петроглифы оконтуривались широким желобком, снимающим фон и поднимающим силуэт. Петроглифы Уссури демонстрируют иные предпочтения: здесь все ранее выявленные изображения располагаются на разных ярусах прибрежных вертикальных скальных выходов. В последние годы на Уссури обнаружены петроглифы на отдельно лежащих валунах как в прибрежной зоне, так и на надпойменной террасе [Дэвлет, Ласкин, 2014].

Вновь выявленные петроглифы у села Шереметьево

Шереметьевские петроглифы расположены на вертикальных скальных выходах по правому берегу Уссури (правый приток Амура) в 130 км к юго-юго-западу от Хабаровска, между селами Шереметьево и Кедрово Вяземского р-на Хабаровского края. Это гористая местность с мысовидными прирусловыми террасами, прорезанными глубокими оврагами. Вплотную к обнажениям подходит полоса густого широколиственного леса с преобладанием дуба, в береговой полосе распространены заросли тальника. На правом берегу Уссури на участке между селами Шереметьево и Кедрово открыты 13 поселений и городищ, относящихся к периодам неолита, раннего железного века и Средневековья. По фарватеру Уссури проходит государственная граница между Россией и КНР; территория, на которой расположены петроглифы, относится к особой пограничной зоне, однако и здесь имеются следы действий вандалов, например, в пункте 3 на скалах вблизи и поверх петроглифов они нанесли краской и прочертили надписи. Для вертикальных скал характерно интенсивное развитие лишайника, что негативно сказывается на состоянии петроглифов, особенно в пункте 2. Петроглифы, расположенные на высоте 3 м и более, частично, а некоторые полностью покрыты лишайниками.

По мнению специалистов, древними художниками могли быть освоены и отдельно лежавшие каменные валуны, которых немало на береговой полосе между скальными массивами. Найти их непросто, поскольку прибрежные камни перемещаются во время весеннего ледохода, покрываются лишайниками или находятся в густых тальниковых зарослях. Однако в 2012–2014 гг. удалось найти недостающее звено в галерее шереметьевских скал – петроглифы на отдельно лежащих базальтовых валунах (рис. 6–9). Все обнаруженные на Уссури новые пункты с петроглифами получили порядковые номера в продолжение уже известных по работе А.П. Окладникова [1971].

Пункт 4 расположен в 5,38 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 0,75 км к юго-западу от пункта 3, в 6 м от края первой надпойменной террасы. На наклонной плоскости округлого базальтового валуна выбита простая округлая контурная личина. Лунками обозначены глаза и нос, ниже широкой дугообразной полосой показан рот (см. рис. 6*, 3*). Общее состояние аварийное; имеются природные сколы и следы растрескивания поверхности камня в зоне изображения. Зафиксировано негатив-

Рис. 6. Петроглифы на валунах у с. Шереметьево, обнаруженные в 2012 г.
1 – выбитое изображение личины на валуне, которому придана форма лягушки (слева), пункт 7; *2* – личина с ореолом из лучей, пункт 7; *3* – контурная личина, пункт 4.
1, 2 – фото И.Ю. Георгиевского; *3* – А.Р. Ласкина.

Рис. 7. Изображения на прибрежном валуне в пункте 5 у с. Шереметьево. Фото И.Ю. Георгиевского.

Рис. 8. Изображения на перевернутом валуне в пункте 6 у с. Шереметьево. Фото И.Ю. Георгиевского.

Рис. 9. Орнитоморфные изображения в пункте 8 у с. Шереметьево. Фото И.Ю. Георгиевского.

ное влияние колебаний уровня воды, перепадов температур и ветровой эрозии.

Пункт 5 расположен в 3,38 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,2 км к северо-востоку от пункта 2. Относительно небольшой округлый камень находится в затапливаемой зоне и доступен только при низком уровне воды. На обращенной к берегу стороне сплошным пикетажем выбиты три силуэтных изображения. Слева изображена, вероятно, цапля с укороченными лапами, которая словно стоит в воде во время охоты. Показаны овальное туловище, вытянутая шея и длинный острый клюв. Правее изображена птица с мощным туловищем, выделяющимся клювом, широким хвостом и лапами. Птицы обращены головами к змее с извилистым телом и выделенной головой (см. рис. 7).

Состояние аварийное. Камень находится в затапливаемой зоне, можно рекомендовать переместить его на безопасное расстояние от линии уреза воды; имеются природные сколы на участках с изображениями, которые затираются под действием льда и песка. Отмечено негативное влияние колебания уровня воды, перепадов температур и ветровой эрозии.

Пункт 6 расположен в 3,3 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,1 км к северо-востоку от пункта 2, в 8 м от края первой надпойменной террасы. Камень, вероятно, перевернут на 180º: все выполненные на нем рисунки в настоящее время расположены вверх ногами. На южной вертикальной плоскости нешироким глубоким желобком выбита контурная личина округлой формы. Обозначены глаза, широкий треугольный нос и рот; лоб и щеки декорированы (см. рис. 8). Подобные личины со сложным внутренним заполнением встречаются среди петроглифов Шереметьево и Сикачи-Аляна. Немного ниже личины (с учетом ее изначального положения) изображен отпечаток лапы с четырьмя округлыми ямками-углублениями и подушечкой в форме скобки представителя семейства кошачьи, вероятнее всего тигра, проработанное. Справа и выше показаны еще два подобных следа. На углу трех сходящихся граней – небольшая овальная личина с округлыми углублениями глаз и валиками губ; у нее отсутствует центральная часть, имеется часть внешнего контура. Изображения звериного следа, тем более в сочетании с антропоморфными личинами на петроглифах Амуро-Уссурийского региона выявлены впервые.

Состояние петроглифов аварийное. Зафиксированы многочисленные природные сколы, следы растрескивания поверхности, в частности в зоне изображений, развивается биопоражение. Отмечено негативное влияние перепадов уровня воды, температур и ветровой эрозии.

Пункт 7 расположен в 3,27 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,07 км к северо-востоку от пункта 2, в 7 м от края первой надпойменной террасы. На западной наклонной грани относительно небольшого валуна желобком выбита крупная выразительная личина со сложнопроработанными деталями. Овальный контур сплошь окружен линиями, образующими своеобразный ореол, лоб и щеки декорированы. Глаза крупные в виде двух концентрических кругов со зрачками-ямочками по центру, массивный овально-вытянутый нос, небольшой овальный рот (см. рис. 6, *1, 2*). Личина очень выразительна, хотя имеет сходство с серией подобных изображений в региональном наскальном искусстве. В 0,5 м от описываемого валуна обнаружен камень размерами 64 × 44 × 44 см, которому придана форма лягушки. Нижняя сторона-основа плоская, туловище и голова разделены глубоким поперечным выбитым желобком. На слегка вытянутой мордочке просматри-

ваются линия рта и маленькие глаза-ямочки. В нижней части по бокам выделены передние и задние конечности.

Общее состояние петроглифов удовлетворительное. Зафиксированы незначительные природные сколы, развиваются обрастатели.

Пункт 8 расположен в 2,75 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 0,37 км к северо-востоку от северной оконечности пункта 2. Небольшой округлый валун на 1/3 заглублен в грунт, находится в редко затапливаемой зоне на краю второй надпойменной террасы, в 10 м к востоку от берега реки. О нем сообщил краевед В.А. Васильев. На северной плоскости глубоким широким желобом выбиты фигуры двух водоплавающих птиц, возможно гусей или уток, обращенных головами в сторону реки (см. рис. 9); слева нанесены линии. Орнитоморфные фигуры в высоту достигают 0,5 м и отличаются от ранее известных в комплексе шереметьевских петроглифов изображения лебедя с крестообразно рассеченным туловищем (пункт 2), одиночных (пункт 2) и парных фигур уток (пункт 3), а также фигур цапли и хищной птицы (пункт 5). Общее состояние петроглифов аварийное. Зафиксированы многочисленные природные сколы, следы интенсивного растрескивания поверхности камня, в частности, в зоне изображений. Отмечены воздействие обрастателей, а также негативное влияние перепадов температур и ветровой эрозии.

Заключение

При проведении мониторинга было зафиксировано аварийное состояние петроглифов в пунктах 1 и 2 Сикачи-Аляна, попавших в 2013 г. в зону паводка. Сильное поднятие уровня воды в Амуре в 2013 г. и периодическое ежегодное изменение уровня реки обусловили формирование на поверхности многих валунов отложений, которые стимулируют процессы деструкции, негативно отражающиеся на экспозиционных качествах объектов. Вследствие движения льда камни с петроглифами перемещаются и могут быть утрачены (по крайней мере из зоны обзора). Вероятно, происходит проседание валунов, изображения заносит песок. Интенсивный рост кустарника меняет ландшафт и общий облик памятника. Кроме того, корни деревьев усиливают механическое воздействие на камни и расширение трещин; притенение способствует развитию обрастателей; интенсифицируется выветривание. Постоянно действующими факторами угрозы сохранности петроглифов является неконтролируемое посещение, заезд на территорию автотранспорта; необратимые повреждения вызывают разведение костров вблизи валунов (у них отделяется поверхностный слой), а также нанесение надписей и другие формы прямого воздействия на камни с изображениями.

Художественные, стилистические, хронологические и технико-технологические черты петроглифов нижнего Амура являются отражением длительного (начиная с эпохи неолита) развития мощной самобытной изобразительной традиции. Элементы влияния этого очага первобытного искусства прослеживаются далеко за пределами региона. Они проявляются в культуре коренных народов Приамурья – нанайцев, ульчей, нивхов, орочей и удэгейцев.

Выявленные в 2013 г. изображения на Сикачи-Аляне и Шереметьево пополнили корпус петроглифов своеобразной провинции наскального искусства редкими вариантами зоо- и антропоморфных образов. Обращает на себя внимание многообразие приемов использования фактуры камня для выполнения петроглифов, создания рельефов и круглой скульптуры.

Результаты изучения петроглифов нижнего Амура и Уссури позволяют ожидать открытий в будущем. Широкий временной диапазон существования петроглифов Амуро-Уссурийского региона (от эпохи камня до Средневековья), обширные этнокультурные параллели с традиционной культурой современных народов Приамурья и трансокеанские параллели, исключительная выразительность художественных образов, уникальные черты природного контекста определяют неповторимость памятников наскального искусства Амуро-Уссурийского региона их общемировую значимость. Это предъявляет особые требования к охране, организации туристического посещения и музеефикации памятников. Необходимо найти правильный подход к эффективному практическому использованию объекта культурного наследия с учетом местной специфики. Проведение археологических исследований на памятниках древнего наскального искусства Сикачи-Алян и Шереметьево позволило проанализировать состояние сохранности петроглифов и окружающих их природно-исторических ландшафтов. Был сделан вывод об аварийном состоянии петроглифов и необходимости проведения мероприятий по сохранению и музеефикации. Петроглифы Сикачи-Аляна включены в предварительный список культурного наследия ЮНЕСКО, необходимо последовательное и систематическое продолжение работ по созданию здесь историко-культурного музея-заповедника под открытым небом.

Список литературы

Альфтан Н.А. Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Тр. Приамур. отд. РГО. – Хабаровск, 1895. – Т. II. – С. 10., 2 с. ил.

Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня // Соч. – Владивосток: Примиздат, 1947. – Т. 3. – С. 8–9.

Будогоский К.Ф. Юго-восточная часть русской Маньчжурии // Амур. – 1860. – № 1. – С. 11–13; № 2. – С. 26–28.

Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // Зап. Об-ва изучения Амур. края. – 1908. – Т. XII. – С. 1–66.

Ветлицын П.И. Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамур. вед. – 1895. – № 56. – С. 17–18.

Генеральный план села Сикачи-Алян Хабаровского района: Пояснит. зап. ЛенНИИПградостроительства. – СПб., 1992. – 35 с.; прил. 12 л.

Горнова М.И. Проект сохранения историко-археологического памятника в пункте первом каменной гряды у села Сикачи-Алян Хабаровского края: научно-реставрационный отчет. – Хабаровск, 2000. – 28 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты 1980 г.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Науч. мир, 2002. – 256 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005. – 472 с.: ил. + 96 с. цв. вклейки.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 8–31.

Концепция организации и развития историко-культурного музея-заповедника «Петроглифы Сикачи-Аляна» в селе Сикачи-Алян Хабаровского края. – М.: Центр исследований и разработок, 2013. – Т. 1, 2. – 134 с.

Ларичев В.Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. СО АН СССР. – 1966. – № 1: Сер. обществ. наук, вып. 1. – С. 121–124.

Ласкин А.Р. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2. – С. 136–142.

Ласкин А.Р. Исследования петроглифов Нижнего Амура // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале (20–25 окт. 2008) / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. – М., 2008. – Т. 3. – С. 53–55.

Ласкин А.Р. О разрушающих факторах петроглифов Сикачи-Аляна // Вопросы менеджмента памятников историко-культурного наследия: мат-лы Междунар. семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ. – Алматы, 2011. – С. 51–57.

Ласкин А.Р. Исследования Шереметьевских петроглифов в Хабаровском крае // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 51–54.

Ласкин А.Р. Новые результаты исследований памятников древнего наскального искусства в бассейне рек Амура и Уссури в Хабаровском крае: проблемы сохранения и использования // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014а. – Т. IV. – С. 62–65.

Ласкин А.Р. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. – 2014б. – Вып. 236. – С. 82–86.

Ласкин А.Р., Дыминский С.А. Новые петроглифы Сикачи-Аляна // Пятые Гродековские чтения: мат-лы Межрегион. науч.-практич. конф. «Амур – дорога тысячелетий». – Хабаровск, 2006. – Ч. 1. – С. 165–169.

Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г. Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4. – С. 209–215.

Маак Р.К. Путешествие по долине реки Уссури. – СПб., 1861. – Ч. 1. – 203 с.

Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 228–237.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.

Медведев В.Е. Неолит Амурского бассейна // III Северный археологический конгресс, Ханты-Мансийск, 8–13 нояб. 2010 г.: докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. – С. 54–91.

Медведев В.Е. Из истории организационно-охранных мероприятий на петроглифах Сакачи-Аляна // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2011. – Т. 1. – С. 179–183. – (Тр. Сиб. ассоциации исследователей палеолитического искусства; вып. VIII).

Медведев В.Е., Краминцев В.А. Отчет об исследованиях в Сикачи-Алянской охранной зоне (история, ситуационные планы, стратиграфия) в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р-1.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 329 с.

Проект зон охраны памятника археологии «Петроглифы Сикачи-Аляна» в Хабаровском районе Хабаровского края. – Хабаровск: Хабаровскгражданпроект, 2003. – Т. 1, 2. – 50 с.

Харламов Н.Г. Руины «Гальбу»: (Петроглифы Сакачи-Аляна, находки разновременных вещей) // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 1/2. – С. 42–44.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: Изд-во Дальневост. отд-ния РАН, 2004. – 156 с.

Штернберг Л.Я. Гольды // Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы / под ред. и с предисл. Я.П. Алькора (Кошкина). – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – С. 454–458.

Devlet E. Rock art studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World. – Oxford: Oxbow Books, 2008. – Vol. III. – P. 120–137.

Laufer B. Petroglyphs on the Amur // Am. anthropologist. – 1899. – N 5. – P. 749–750.

Okladnikov A. Ancient Art of the Amur region. – Leningrad: Awrora, 1981. – 159 p.

Материал поступил в редколлегию 30.06.15 г.

УДК 904

Л.А. Бобров
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: spsml@mail.ru

КАЗАХСКИЕ БОЕВЫЕ УЗКОЛЕЗВИЙНЫЕ ТОПОРЫ «ШАКАН» XVIII–XIX ВЕКОВ*

В статье проанализированы конструкция и система оформления бойков и рукоятей топоров «шакан» из музейных и частных собраний Российской Федерации и Республики Казахстан. Установлено, что данная разновидность ударно-рубящего оружия восходит к боевым топорам тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья. На протяжении длительного исторического периода топоры типа «шакан» применялись номадами Центральной Азии для поражения воинов противника, использовавших металлическое защитное вооружение. Во второй половине XVIII – XIX в. их удельный вес в комплексе ударно-рубящего оружия казахских номадов резко сократился, что было обусловлено вытеснением металлического доспеха из широкого военного обихода народов региона.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Казахстан, вооружение кочевников, ударно-рубящее оружие, боевые топоры.*

L.A. Bobrov
Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: spsml@mail.ru

SHAKAN: KAZAKH 18TH–19TH CENTURY NARROW-BLADED BATTLE AXES

Kazakh narrow-bladed battle axes – shakan – in private and museum collections of Russia and Kazakhstan are described in terms of construction and decoration. Our results show that this type of shock-and-slash weapon originated from the battle axes early and high medieval Turkic and Mongolian nomads had used against armored enemies. In the late 18th and 19th centuries, the shakan axes largely fell into disuse because of the disappearance of metal armor.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, nomads, weapons, battle axes.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.106-113

Введение

Боевые топоры занимают особое место в комплексе вооружения казахских номадов. Ни у одного другого кочевого народа (кроме, возможно, киргизов) они не были так популярны и не имели столь широкого распространения. Иностранные путешественники оставили десятки описаний и изображений казахских боевых топоров, которые в сообщениях авторов XIX в. именуются «национальным», «древним», «исконным» оружием казахов [Бобров, 2014, с. 40].

Боевые топоры кочевников Дешт-и-Кипчака позднего Средневековья и раннего Нового времени неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей [Курылев, 1978, с. 11–13; Кушкумбаев, 2001, с. 65, 66; Ахметжан, 2007, с. 113–119; Бобров, 2014]. Однако до сих пор в научный оборот не введены материалы из многих музейных собраний и частных коллекций, слабо изучены вопросы эволюции казахских боевых топоров, а также их конструктивные особенности в сравнении с удар-

*Исследование проведено в рамках задания № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

© Бобров Л.А., 2015

но-рубящим оружием других азиатских народов. Сопоставление материалов оружейных коллекций с археологическими находками более ранних исторических периодов позволяет проследить логику развития боевых топоров тюркских кочевников Центральной Азии на протяжении Средневековья и раннего Нового времени. Таким образом, изучение этого оружия казахских номадов представляется важным и перспективным направлением научных исследований.

Анализ топоров «шакан»

Нами собраны сведения о 117 казахских боевых топорах, хранящихся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Узбекистана, Китая и других стран. По ширине лезвия они могут быть разделены на узколезвийные (менее 10 см) и широколезвийные (более 10 см). Выделяются бойки с клинком треугольной, трапециевидной и асимметрично-трапециевидной формы. В настоящей статье рассматриваются особенности конструкции и системы оформления узколезвийных боевых топоров с треугольным или трапециевидным клинком, получивших известность среди казахских кочевников под названием «шакан»*. Они ранее не становились объектом специального научного исследования.

К категории «шаканов» могут быть отнесены 14 топоров рассматриваемой серии. По материалу все бойки относятся к классу железных, а по способу насада на топорище – к отделу проушных. На основании сечения выделяются две группы бойков, каждая из которых подразделяется на несколько типов и вариантов.

Группа I. Плоскообушные.

Тип 1. Плоскообушные топоры с треугольным клинком. Их отличительной особенностью являются клинки с прямым или слабовыпуклым лезвием и узкой шейкой, благодаря которой клинок имеет форму вытянутого (рис. 1, *1, 4*) или почти равнобедренного треугольника (рис. 1, *14, 17, 18*).

Вариант 1. Плоскообушные топоры с удлиненно-треугольным клинком, украшенным растительным и геометрическим орнаментом (рис. 1, *1, 7, 13*). Включает 5 экз. из МАЭ, ИКМС и частных коллекций. Топоры имеют узкое слабовыпуклое или прямое лезвие (ширина 4,5–9,0 см). Большая часть бойка (за исключением узкой полосы вдоль лезвия) покрыта орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу.

Рассмотрим данный вариант боевых топоров на примере образца из МАЭ (№ 313-112) (рис. 1, *1*; 2, *6*). Длина бойка 9,4 см, толщина – 3,0, ширина слабовыпуклого лезвия 5,6 см. Стальной боек изготовлен в технике литья и покрыт орнаментом, выполненным в технике набивной насечки с чернением (фон проработан штриховой насечкой). Боковые поверхности лопасти окантованы зубчатой лентой, образованной двумя рядами симметрично расположенных треугольных вырезов. Внутреннее поле заполнено изображениями вьющихся растительных побегов с округлыми цветочными бутонами. Боек насажен на массивное деревянное топорище (общая длина 80,3 см), обтянутое кожей. Со стороны клинка и обуха на рукояти расположены металлические планки (пожилины), украшенные геометрическим и растительным орнаментом. Обтяжка топорища состоит из шести сегментов, имеющих различные крой и длину. Центральные сегменты выполнены из коричневой кожи, а крайние – из зеленой шагрени. Верхняя часть топорища украшена округлыми и фигурными серебряными бляшками (по четыре с каждой стороны). На нижний конец рукояти насажен латунный цилиндрический наконечник (рис. 2, *6*). К нему крепилось кольцо для темляка, которое в настоящее время утеряно. Три других топора имеют схожие конструкцию и оформление. Все они восходят к боевым топорам кочевников раннего и развитого Средневековья [Худяков, 1980, с. 63, табл. XII, рис. 1, 2, 4, 5; Горелик, 2002, с. 66, рис. 1, 4, 5, 10, 19; Горбунов, 2006, с. 215, рис. 3–5, 8; с. 216, рис. 70, *1–3*]. Главное отличие казахского оружия от его прототипов заключается в отсутствии ярко выраженного обуха, выполнявшего роль противовеса. Судя по изобразительным источникам, топоры данного типа продолжали применяться казахскими и узбекскими воинами вплоть до второй половины XIX в. (см. рис. 1, *2, 3, 6, 11, 12*). Это подтверждается и материалами рассматриваемой серии. Упомянутый выше топор из МАЭ был изготовлен казахскими мастерами середины – второй половины XIX в. и преподнесен в числе прочих подарков цесаревичу Николаю (будущему императору Николаю II) во время его поездки на Восток в 1890–1891 гг.

В рассматриваемой серии выделяется топор из ИКМС (№ 1210)*, который по ширине лезвия (9 см) вплотную приближается к широколезвийным образцам (см. рис. 1, *13*). Боек (длина 11,9 см, в т.ч. клинка – 8,6 см) снабжен проухом треугольной формы. Плоский обух топора незначительно оттянут вниз. Рядом с проухом приклепан закрученный в кольцо железный прут, служивший для крепления темляка. Боковые поверхности лопасти окаймлены серебряной полосой с насечками. Внутреннее поле заполне-

*По данным казахстанского исследователя К.С. Ахметжана, это название происходит от корня глагола *шаку* (*шагу*) – «колоть, раскалывать» [2007, с. 114].

*Топор был передан в ИКМС жительницей с. Кокпеты Карагандинской обл. Республики Казахстан Д.С. Абдуллиной.

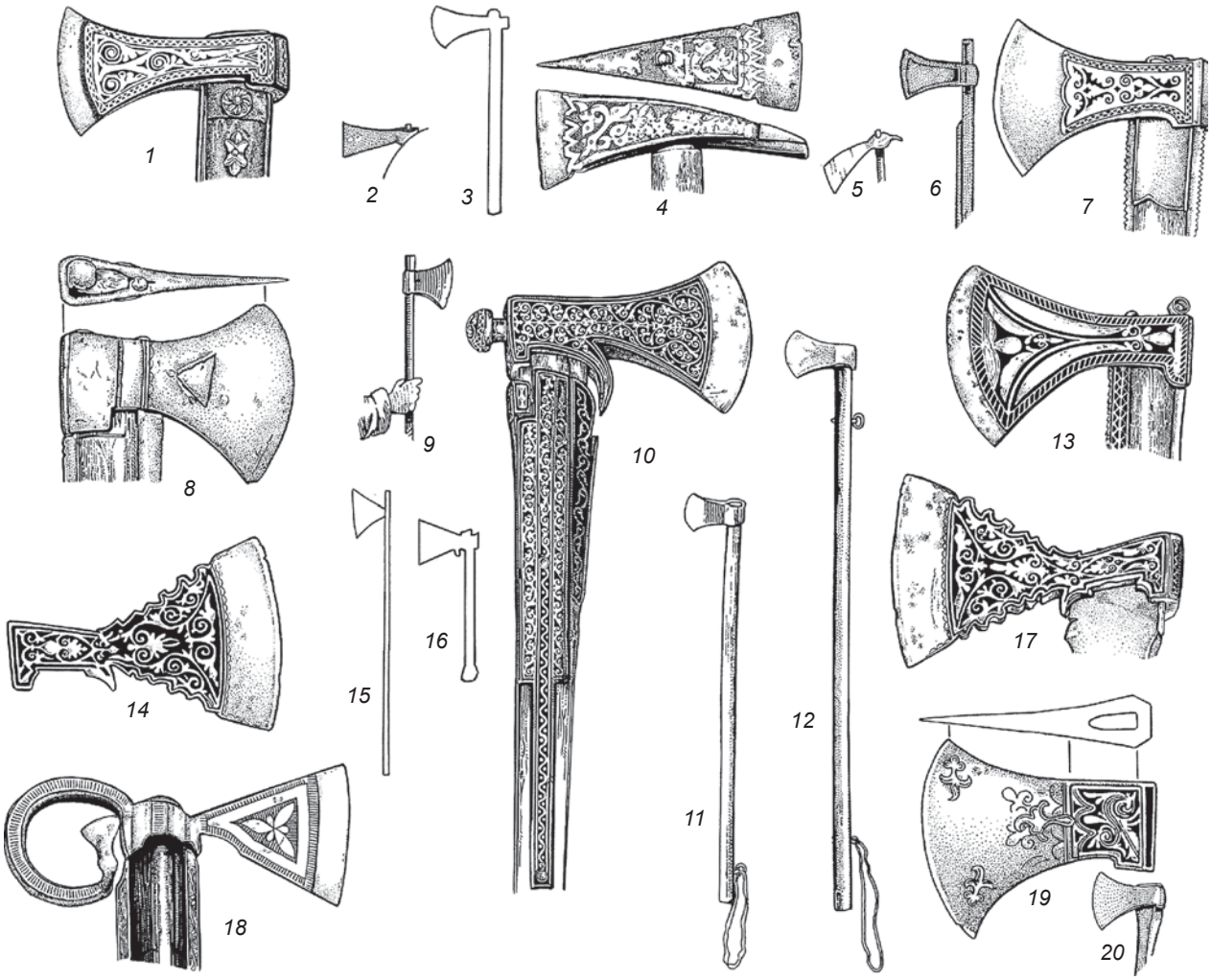


Рис. 1. Бойки топоров «шакан» (*1*, *4*, *7*, *8*, *10*, *13*, *14*, *17–19*) и их изображения (*2*, *3*, *5*, *6*, *9*, *11*, *12*, *15*, *16*, *20*) XVIII–XIX вв. *1*, *14*, *17*, *18* – МАЭ; *2* – с рисунка Н.Н. Каразина [1874]; *3*, *15*, *16* – с кулпытасов Западного Казахстана; *4* – ЮКОИКМ; *5* – с рисунка Б. Залесского (1865 г., из частной коллекции); *6* – с герба князя Ахмет-Гирея Чингисхана (1858 г.); *7* – из частной коллекции; *8* – ОГИКМ; *9* – с цинской гравюры «Битва при Курмане» (середина XVIII в.); *10* – РЭМ; *11*, *12* – с рисунков П.М. Кошарова (1857 г., МАЭ, кол. № 116, 2643/1); *13* – ИКМС; *19* – ЦГМРК; *20* – с рисунка В.Н. Плотникова (1861 г., РЭМ).

но узором в виде трехлепестковых бутонов различных форм и размеров. Боек насажен на деревянное топорище (длина сохранившейся части 38 см, диаметр – 3,2 см). Передняя часть рукояти снабжена железной пластиной (длина 22,5 см, ширина 1,1 см), край которой оформлен загнутыми остроугольными зубцами (см. рис. 1, *13*; 2, *7*), а поверхность украшена сетчатым узором*. Со стороны обуха топорище усилено железной пожилиной (длина 21,5 см, ширина 1,6 см), покрытой стилизованным растительным орнаментом. Судя по особенностям конструкции и системы оформления, топор был изготовлен казахскими мастерами XVIII–XIX вв.

Вариант 2. Плоскообушные топоры с треугольным орнаментированным клинком с зубчатым краем и «бородкой» (см. рис. 1, *14, 17*). Представлен одним экземпляром из МАЭ (№ 313-116). Длина стального бойка 13,8 см, ширина слабовыпуклого лезвия 9,5 см. Широкий у лезвия ударник резко сужается у проуха, благодаря чему клинок имеет форму практически равнобедренного треугольника. Верхний и нижний края клинка оформлены остроугольными и трапециевидными фестонами. Боек снабжен небольшой «бородкой» непосредственно под клинком. Трехгранный обух незначительно оттянут вниз. Большая часть клинка, щечки и обух топора покрыты сложным орнаментом в виде стилизованного изоб-

*Подобные заточенные пластины, укрепленные на древках копий и рукоятях боевых топоров, получили у российских казаков XVIII в. название «отрез». Неосторожный противник, попытавшийся ухватиться рукой за заточенный край «отреза», мог сильно поранить ладонь или даже лишиться пальцев [Георги, 2005, с. 583].

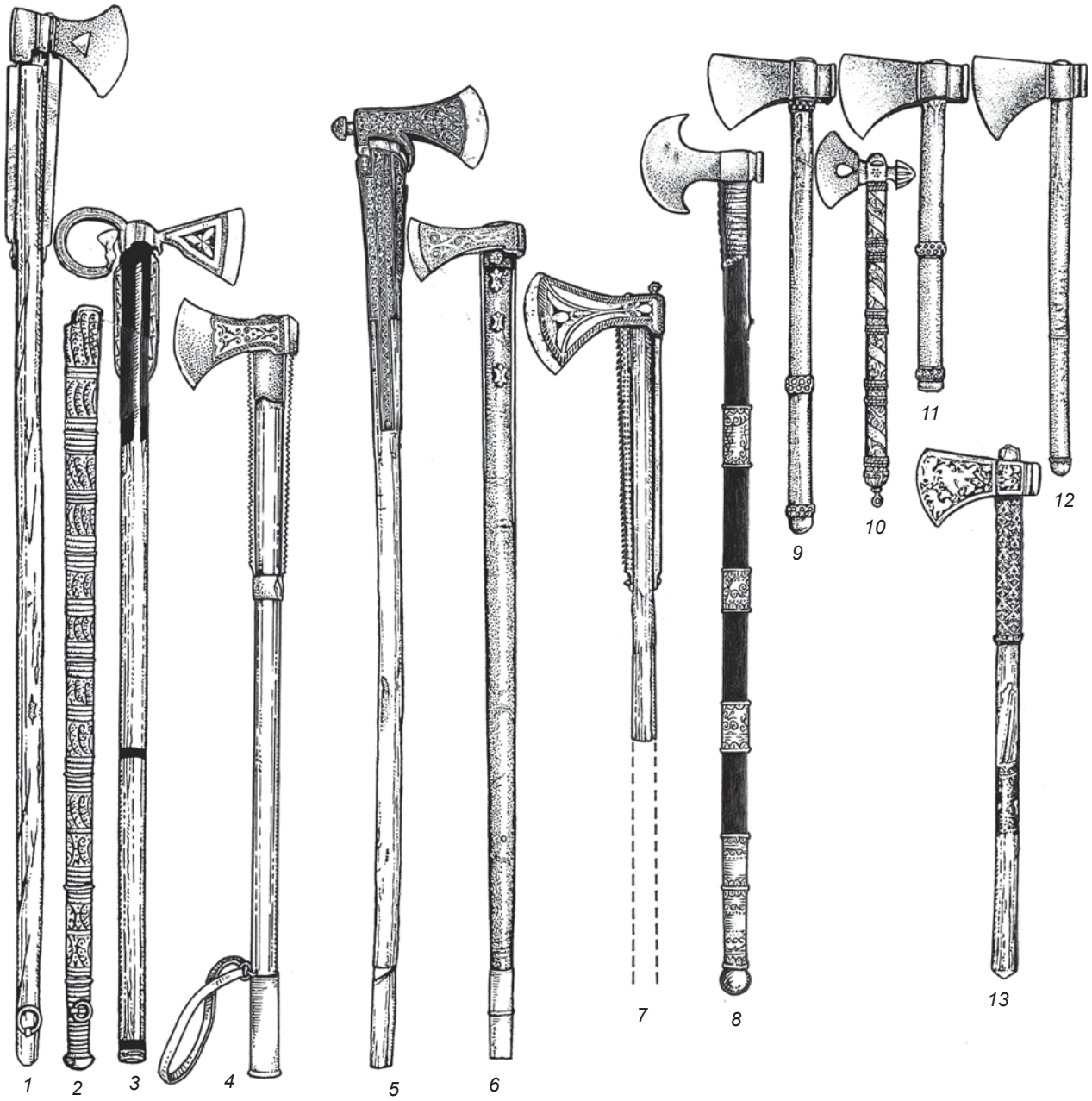


Рис. 2. Топоры «шакан» (*1*, *3–7*), топорище (*2*), секирка «айбалташык» (*8*), топорки «балташык» (*9–13*).
1 – ОГИКМ; *2*, *9*, *11*, *12* – ЦГМРК; *3*, *6* – МАЭ; *4*, *8* – частная коллекция; *5* – РЭМ; *7* – ИКМС; *10*, *13* – Историко-краеведческий музей г. Уральска.

ражения летящей птицы, вьющихся растительных побегов и цветочных бутонов. Узор выполнен в технике набивной насечки (фон матирован и проработан штриховой насечкой). На обухе в той же технике нанесены буквы «Н.А» (Николай Александрович?). Боек насажен на короткое (26 см) изогнутое топорище, характерное для рабочих топоров*. К тыльной стороне рукояти приклепана пластина с растительным орнаментом и надписью «Турпаковъ».

Данный топор был изготовлен казахскими мастерами второй половины XIX в. и преподнесен казахами Акмолинской области цесаревичу Николаю во время его поездки на Восток в 1890–1891 гг. Изобразительные материалы свидетельствуют о том, что схожие по конструкции и оформлению боевые топоры применялись казахскими воинами XVIII–XIX вв. (см. рис. 1, *15*). Для более ранних исторических периодов оружие по-

*Первоначально боек, вероятно, насаживался на длинную (боевую) рукоять.

добной формы не характерно. Клинок в виде равнобедренного треугольника не имел особых преимуществ перед своими удлиненно-треугольными прототипами. Его оригинальная форма была обусловлена не столько функциональной необходимостью, сколько эстетическими вкусами заказчиков оружия.

Тип 2. Плоскообушные топоры с трапециевидным клинком. От топоров первого типа они отличаются более массивным и тяжелым ударником с выпуклым лезвием и широкой шейкой, благодаря которой клинок имеет подтрапециевидную форму. От широколезвийных топоров с трапециевидным клинком («балта») бойки рассматриваемой серии отличаются более узким лезвием, его ширина обычно не превышает 8,0–9,5 см. Данная разновидность ударно-рубящего оружия представляет собой переходную форму от узколезвийных к широколезвийным топорам.

Вариант 1. Плоскообушные топоры с трапециевидным клинком, украшенным медными накладками (см. рис. 1, *8*; 2, *1*). Представлен одним экземпляром из ОГИКМ (№ 3665). Длина клинка 11,5 см, ширина слабовыпуклого лезвия 9,0 см. Концы лезвия скруглены, обух оттянут вниз. Клинок топора украшен медными накладками треугольной формы. По шейке нанесена гравированная линия с полукруглыми фестонами. Вертикальные медные полосы-накладки украшают щечки топора. Боек с треугольным проухом насажен на длинное изогнутое деревянное топорище (длина 104 см, диаметр 2,3–2,6 см) и зафиксирован двумя железными гвоздями (см. рис. 2, *1*). Топорище снабжено заточенными «отрезами» (длина 19,5 см) под клинком и обухом.

Топор был приобретен сотрудниками ОГИКМ в 1908 г. у Г.В. Турусова в г. Омске. По предположению работников музея, он мог быть изготовлен в конце XVIII – начале XIX в. [Культура казахов…, 1995, с. 33, 34]. Однако топоры с бойками подобной формы неоднократно встречаются в изобразительных материалах более раннего периода (см. рис. 1, *9*). Это позволяет датировать данный экземпляр XVIII – первой половиной XIX в.

Вариант 2. Плоскообушные топоры с трапециевидным орнаментированным клинком (см. рис. 1, *19*). Включает 4 экз. из ЦГМРК (КП 2033) и частных коллекций. Топоры имеют трапециевидный клинок с выпуклым или прямым лезвием (ширина 4,9–8,9 см). Большая часть бойка покрыта орнаментом, выполненным в технике гравировки и (или) серебряной насечки по металлу. Из общей серии выделяется топор из ЦГМРК (см. рис. 1, *19*), концы лезвия которого слегка отогнуты в сторону топорища, что сближает данный образец с секирками «айбалташык» (см. рис. 2, *8*). Обух топора оттянут вниз. Щечки бойка покрыты густым растительным орнаментом. Клинок украшен изображениями трехлепестковых бутонов. Данный боек был изготовлен в конце XIX – начале XX в. Однако схожие по конструкции боевые топоры применялись кочевниками Казахстана еще в середине XVIII в. [Бобров, 2014, с. 43, рис. 1, 10–12]. Практически точный аналог топора из ЦГМРК изображен на рисунке В.Н. Плотникова, датированном 1861 г. (см. рис. 1, *20*).

Группа II. Высокообушные.

Тип 3. Высокообушные топоры с треугольным клинком.

Вариант 1. Высокообушные топоры с орнаментированным удлиненно-треугольным клинком, «бородкой» и полусферическим молотом на обухе (см. рис. 1, *10*; 2, *5*). Представлен одним экземпляром из РЭМ (№ 12286-1). Стальной боек имеет удлиненно-треугольный клинок с узким слабовыпуклым лезвием (ширина 6,5 см). Под клинком расположена длинная загнутая остроугольная «бородка». Трапециевидный проух топора, вероятно, прикрывался специальной металлической пластиной, которая не сохранилась. Обух незначительно оттянут вниз. Ярким элементом его оформления является миниатюрный «молот» с полусферической шляпкой, украшенной изображением распустившегося четырехлепесткового цветка в обрамлении зубчатой серебряной ленты. Вся поверхность бойка (за исключением полосы вдоль лезвия) покрыта легким, детально проработанным серебряным узором в виде переплетения тонких вьющихся побегов, увенчанных трехлепестковыми бутонами.

Верхняя часть длинного деревянного топорища (длина 72,2 см) покрыта массивными железными накладками с длинными пожилинами. Пластины приклепаны встык таким образом, что образуют своеобразный железный «корсет», защищающий рукоять от рубящих ударов оружия противника. Большие накладки украшены растительным орнаментом, а четыре пожилины – серебряными зубчатыми лентами (на боковых сторонах топорища в обрамлении серебряных «жемчужин»). «Отрез» под клинком бойка представляет собой узкую заточенную пластину, покрытую узором в виде вьющейся лозы с двузубыми лепестками. Топорище было снабжено металлическим наконечником, который в настоящее время утерян.

Топор из РЭМ определен сотрудниками музея как казахский. В пользу данной версии свидетельствует конструкция бойка и металлических элементов топорища. До нашего времени дошли как подлинные казахские топоры и секиры, снабженные молотом на обухе [Ахметжан, 2007, с. 123, рис. 101, *9*; с. 124, рис. 104], так и их изображения, выполненные художниками XIX в. [Бобров, 2014, с. 43, рис. 1, 24, 29]. Однако способ передачи узора на бойке и металлических накладках рукояти отличает данный обра-

зец от большинства изделий казахских оружейников XVII–XIX вв. Некоторые элементы декора, фиксируемые на топоре из РЭМ, можно встретить на продукции иранских и узбекских кузнецов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Это позволяет предположить, что данный топор мог быть изготовлен казахскими, среднеазиатскими или иранскими мастерами XVIII–XIX вв. по заказу богатого казахского воина.

Вариант 2. Высокообушные топоры с орнаментированным удлиненно-треугольным клинком и теслообразным обухом (см. рис. 1, *4*). Представлен одним экземпляром из ЮКОИКМ (КП 43). Стальной боек (длина 12 см) имеет клинок удлиненно-треугольной формы с прямым лезвием (ширина 4 см). Значительный интерес представляет обух топора в виде тесла, расположенного перпендикулярно к плоскости клинка. Проух на верхней стороне бойка имеет вид небольшого прямоугольного отверстия, в которое вбивался гвоздь, фиксирующий боек на топорище. На боковые стороны ударника набиты тонкие серебряные пластины, а вся его поверхность (за исключением полосы вдоль лезвия) покрыта стилизованным растительно-геометрическим орнаментом. В настоящее время боек насажен на короткую деревянную рукоять (длина 32 см, диаметр 3 см). Однако можно предполагать, что первоначально оружие имело более длинное топорище, позволявшее наносить удары, не сходя с коня.

Высокообушные топоры с удлиненно-треугольным клинком и прямым лезвием были весьма популярны среди кочевников Евразии в раннем и развитом Средневековье [Худяков, 1980, с. 63, табл. XII, рис. 3; Горелик, 2002, с. 66, рис. 1, 4, 5; Горбунов, 2006, с. 215, рис. 69, *2–5*; Кочкаров, 2008, с. 161–165]. Судя по изобразительным материалам, подобное оружие с обухом в виде клевца или тесла продолжало применяться номадами Казахстана вплоть до второй половины XIX в. (см. рис. 1, *5*). Что касается рассматриваемого боевого топора, то он был изготовлен казахскими мастерами XVIII–XIX вв.

Вариант 3. Высокообушные топоры с орнаментированным треугольным клинком, «бородкой» и кольцевидным украшением на обухе (см. рис. 1, *18*; 2, *3*). Представлен единственным экземпляром из МАЭ (№ 313-117а). Отличительными особенностями данного топора являются конструкция и система оформления клинка и обуха стального бойка. Клинок на очень узкой шейке имеет вид почти равнобедренного треугольника с неглубоким вырезом по нижнему краю. Треугольную форму ударника подчеркивает практически прямое лезвие (ширина 7,0 см). Непосредственно под клинком расположена миниатюрная остроугольная «бородка». Проух бойка заклепан специальной пластинкой. Обух топора дополнен оригинальным украшением, представляющим собой свернутый в кольцо железный прут с фигурным навершием в виде стилизованного конского копыта (диаметр 6,0 см, толщина ок. 1,0 см). Края клинка, щечки и боковые стороны прута покрыты короткими тонкими рубчиками. Клинок украшен изображением распустившегося цветка с тремя длинными и тремя короткими лепестками. Боек насажен на длинную (75 см) деревянную рукоять (диаметр 2,5 см), верхняя часть которой окрашена в черный цвет. Со стороны клинка и обуха ребром к топорищу приклепаны узкие заточенные пластины с растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки. Значительный интерес представляет нижняя часть топорища, снабженного специальной прорезью, в которую, как в ножны, вставлялся длинный стальной кинжал. Рассматриваемый топор был изготовлен казахскими мастерами середины – второй половины XIX в. и преподнесен в числе прочих подарков цесаревичу Николаю во время его поездки на Восток в 1890–1891 гг.

Проведенный анализ позволил выделить две группы, три типа и семь вариантов бойков казахских топоров «шакан». Основные разновидности бойков восходят к узколезвийным топорам тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья. Вместе с тем фиксируется тенденция постепенного увеличения ширины лезвия, что свидетельствует о сближении «бронебойных» топоров «шакан» по функциональным свойствам с универсальными топорами «балта».

Характерной особенностью конструкции казахских боевых топоров являются длинные рукояти, снабженные защитными металлическими элементами. Выделяются пассивные и активные способы защиты топорища. К первым относятся накладки и насадки различных форм и размеров: «корсеты», пожилины, «браслеты», наконечники. Каждый из этих элементов выполнял определенную защитную функцию. Так, например, железными и медными пластинами (подпрямоугольными и фигурными) покрывали верхнюю часть топорища, уязвимую для рубящих ударов оружия противника (см. рис. 1, *7*, *10*; 2*, 4, 5*). В некоторых случаях несколько пластин склепывались или сваривались между собой, образуя своеобразный «корсет» (см. рис. 1, *10*; 2, *2, 5*). Другой формой пассивной защиты рукояти были пожилины – длинные металлические планки, прибивавшиеся к торцу и (или) боковым сторонам топорища (см. рис. 1, *10*; 2*, 5, 8*). «Браслеты» представляли собой свернутые в трубку металлические пластины, надетые на рукоять на некотором расстоянии друг от друга (см. рис. 2, *8*). Наконечник (подток) имел вид вытянутого «стакана» конической или цилиндрической формы, который насаживался на нижний конец топорища (см. рис. 2, *4, 6, 8*). Часто он дополнялся специальным выпуклым бортиком, округлым или полусферическим наверши-

ем, не позволявшим топору выскользнуть из руки воина при нанесении мощного удара (см. рис. 2, *2, 4, 8*). В некоторых случаях наконечник снабжался петлей и кольцом для крепления кожаного темляка.

Если все вышеперечисленные элементы лишь укрепляли и защищали деревянную рукоять, то узкий заточенный «отрез» приклепывался непосредственно под клинком (см. рис. 1, *7, 8, 10, 13, 18*; 2, *1, 3–5, 7*) и мог применяться также в качестве оружия нападения, способного нанести противнику серьезные травмы и увечья. Это позволяет отнести его к активным формам защиты топорища. В некоторых случаях еще один «отрез» располагался с противоположной стороны рукояти, под обухом. В результате оружие получало не одно, а три заточенных боевых лезвия (см. рис. 1, *7*; 2, *4, 7*). Острый край «отреза» не позволял противнику перехватить рукой верхнюю часть топорища и тем самым задержать или отвести удар боевого топора. При определенных обстоятельствах это лезвие могло использоваться и для нанесений рубящих ударов по голове, плечам и конечностям противника, а также древкам вражеских копий и пик. В некоторых случаях его заточенный край снабжали остроугольными (иногда загнутыми) зубцами, превращавшими «отрез» в своеобразную пилу, наносившую противнику длинные рваные раны (см. рис. 1, *7, 13;* 2, *4, 7*).

Обсуждение результатов

Комплексный анализ источников позволяет определить основные направления эволюции казахских боевых топоров XVIII–XIX вв., их конструктивные отличия от ударно-рубящего оружия соседних народов, а также тюркских и монгольских номадов более ранних исторических периодов. Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени характеризуется резким ростом популярности боевых топоров в комплексе вооружения кочевников Дешт-и-Кипчака, что подтверждается как вещественными, так и изобразительными и письменными материалами [Бобров, 2014]. Если в раннем и развитом Средневековье они, как правило, играли вспомогательную роль и применялись значительно реже длинноклинкового оружия [Горбунов, 2006, с. 88], то в позднем не только сравнялись по распространенности с саблями, но и заняли (наряду с пиками и булавами) лидирующее положение в качестве оружия ближнего боя казахских номадов [Кушкумбаев, 2001, с. 69]. Первоначально повышенный интерес к боевым топорам был вызван изменением основных тактических схем ведения кавалерийского боя (ростом значения рукопашной схватки), а также широким распространением доспехов среди главных противников казахов – узбеков и ойратов (джунгар, волжских калмыков). В этих условиях боевые топоры, наряду с ударными пиками и ружьями, выполняли роль «бронебойного» оружия, предназначенного для поражения панцирников [Бобров, Худяков, 2008, с. 320]. После того как доспехи стали выходить из широкого военного обихода (начиная со второй половины XVIII в.), топоры продолжали применяться казахами в качестве эффективного оружия ближнего боя. Еще одной причиной их популярности среди казахских кочевников была малая ресурсоемкость и относительно низкая цена данного вида оружия, что позволяло организовать его массовое производство непосредственно в степных улусах.

Сокращение числа панцирников на полях сражений существенным образом повлияло на эволюцию казахского ударно-рубящего оружия. Это проявилось в снижении удельного веса узколезвийных боевых топоров с «бронебойным» удлиненно-треугольным клинком, доминировавших в комплексе ударно-рубящего оружия номадов раннего и развитого Средневековья. Если у кочевников Южной Сибири и Дешт-и-Кипчака VII–XIV вв. они составляли 50 % и более от общего числа боевых топоров [Худяков, 1980, с. 63; Горелик, 2002, с. 66; Горбунов, 2006, с. 215–218; Кочкаров, 2008, с. 161–165], то в нашей серии – лишь немногим более 10 % (14 из 117 экз.). Обратной стороной данного процесса стало распространение в казахских войсках новых типов боевых топоров, не характерных для Центральной Азии более ранних исторических периодов: секир «айбалта» и секирок «айбалташык» с месяцевидным лезвием (см. рис. 2, *8*), «шаканов» с клинком в виде равнобедренного треугольника (см. рис. 1, *14, 17, 18*; 2, *3*), топоров «балта» с трапециевидным клинком, топорков «балташык» с асимметрично-трапециевидным клинком (см. рис. 2, *11–13*) и др. Большинство из них относилось к категории универсальных, способных поражать как панцирных, так и легковооруженных воинов противника. Секиры «айбалта» и секирки «айбалташык» были наиболее эффективны против вражеских воинов без доспехов, т.к. месяцевидное лезвие позволяло наносить не только собственно рубящий, но и рубяще-режущий удар.

Несмотря на снижение популярности узколезвийных боевых топоров с удлиненно-треугольным клинком, они продолжали воспроизводиться казахскими оружейниками даже во второй половине XIX в. (см. рис. 1, *1*, *5*). Это объясняется как устойчивостью местной военно-культурной и производственной традиции, так и особенностями эволюции оружейных комплексов народов региона. Отдельные казахские, киргизские и узбекские воины продолжали применять металлическое защитное вооружение (шлемы, кольчуги, зерцальные доспехи, наручи, щиты) даже в 50–60-х гг. XIX в. [Терентьев, 1906,

с. 229, 239, 280, 294, 382]. Сохранялась и практика использования ударных отрядов, насчитывавших от нескольких десятков до нескольких сотен конных панцирников [Там же, с. 229, 280]. В этих условиях «бронебойные» узколезвийные боевые топоры с удлиненно-треугольным клинком продолжали сохранять определенную актуальность.

Выводы

Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени является важным и самостоятельным этапом развития ударно-рубящего оружия кочевников Казахстана. Представляется возможным выделить два основных фактора, повлиявшие на эволюцию казахских боевых топоров. Первый – увеличение числа панцирников в войсках противников казахов (ойратов и узбеков) в XVII–XVIII вв. Эффективность боевых топоров в качестве «бронебойного» оружия способствовала росту их популярности у казахских кочевников. Второй фактор – вытеснение металлического защитного вооружения из военной практики народов Центральной Азии во второй половине XVIII – XIX в. Данный процесс привел к изменению конструкции и системы оформления боевых топоров. В целом удельный вес узколезвийных «шаканов» снизился, а значение широколезвийных топоров и секир, напротив, возросло.

Характерная особенность казахского комплекса узколезвийного ударно-рубящего оружия XVIII–XIX вв., в сравнении с боевыми топорами соседних народов, – преобладание «шаканов» различных типов и секирок «айбалташык» с месяцевидным лезвием, которые насажены на длинные топорища, приспособленные для ведения конного боя. Оригинальной разновидностью казахских топоров являются экземпляры с клинком в виде равнобедренного треугольника. Для оформления топорищ характерны защитные металлические элементы различных типов: заточенные пластины («отрезы»), наконечники, пожилины и др. Типологически казахские узколезвийные топоры близки своим киргизским и (в меньшей степени) узбекским аналогам. При этом они имеют существенные отличия от ударно-рубящего оружия Монголии, Южной Сибири, Ирана и Китая [Бобров, Худяков, 2008, с. 321–323, 325, 326], что отражает специфику комплекса вооружения и тактики ведения боя тюркских кочевников Казахстана в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Список литературы

Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. – Алматы: Алматыкитап, 2007. – 216 с.

Бобров Л.А. Казахское ударно-рубящее оружие позднего Средневековья и раннего Нового времени в изобразительных материалах XVIII–XIX вв. // Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. – Омск: Амфора, 2014. – С. 40–44.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПб. гос. ун-та, 2008. – 770 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: Русская симфония, 2005. – 816 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Вост. горизонт, 2002. – 84 с.

Каразин Н.Н. Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии // Нива. – 1874. – № 15.

Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: Таус, 2008. – 176 с.

Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 190 с.

Курылев В.П. Оружие казахов // Сб. МАЭ. – 1978. – Вып. 34. – С. 4–22.

Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. – СПб.: [Типолит. В.В. Комарова], 1906. – Т. I. – 510 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Материал поступил в редколлегию 13.11.14 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391.2+391.9

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА СТАРООБРЯДЦЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ОПЫТ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ*

В статье рассматривается традиционная горничная одежда старообрядческих групп юга Западной Сибири, представители которых хотя и имели одну конфессиональную принадлежность (беспоповские согласия), но были выходцами из разных мест Европейской России («поляки», белорусские «москали» и т.д.). За основу исследования взят комплекс с сарафаном – наиболее выразительным элементом традиционного русского костюма. Сарафаны обладали этнодифференцирующими признаками, которые позволяют выделить отдельные группы носителей, подтвердить или опровергнуть предположение об их происхождении (местах исхода). Картографирование этнографических материалов, главным образом полевых, показало культурное разнообразие старообрядческих групп, тяготевших как к северо-восточным, так и северо-западным традициям. Сохранению этнокультурных особенностей традиционной одежды способствовали круги брачных связей, существовавшие до 1920-х гг.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, старообрядцы, типы сарафанов, картографирование.*

E.F. Fursova
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

MAPPING THE TRADITIONAL DRESS TYPES OF SOUTHWESTERN SIBERIAN OLD BELIEVERS (LATE 1800S – EARLY 1900S)

The article addresses traditional domestic clothing of southwestern Siberian Old Believers. Professing the same Priestless Old Belief, they came from different parts of European Russia ("Poles", Belarusian "Muscovites", "Kerzhaks", etc.). The basic type of clothing is sarafan, whose types reveal the sources of migration. Their geographic distribution indicates northeastern and northwestern Russian traditions. Ethno-cultural diversity was maintained owing to the stability of marriage circles until the 1920s.

Keywords: *Western Siberia, Old Believers, traditional dress.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.114-126

Введение

Картографирование является одним из технических приемов, который используется исследователями при синтезе информации. Сопоставление ареалов синхронных культурных явлений позволяет полнее выявить исторические связи как между этносами, так и между их более мелкими подразделениями – этнокультурными (этнографическими) группами. Что касается Сибири, то здесь картографирование различных элементов традиционной культуры может помочь не только осветить вопросы происхождения и культурного состава отдельных локальных групп русских

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

© Фурсова Е.Ф., 2015

переселенцев XVIII – начала XX в., но и охарактеризовать культурные особенности населения в местах исхода восточно-славянских народов из Европейской России. Исторические факты свидетельствуют о том, что нередко эти европейские территории становились промежуточными пунктами переселения старообрядцев в Сибирь [Заварина, 1986, с. 9–45; Липинская, 1996, с. 31–35; и др.]. Картографирование помогает выявить и объяснить культурное многообразие сибирских староверов, которые не только принадлежали к разным направлениям беспоповских согласий, но и являлись носителями различных вариантов традиционной русской культуры.

Исследование культурного разнообразия русских Сибири должно быть основано на осознании того, что это собирательная культура этнокультурных, в т.ч. этноконфессиональных, групп российских переселенцев, как мигрировавших из Европейской России, так и сформировавшихся на вновь осваиваемой территории [Фурсова, 1993, с. 35]. К настоящему времени в результате многолетних полевых исследований этнографами Л.М. Сабуровой (1972), Г.С. Масловой (1983), В.А. Липинской (1996), Е.Ф. Фурсовой (1997, 2003), П.Е. Бардиной (1999, 2006), Н.И. Шитовой (2005) и др. описана традиционная одежда ряда старообрядческих групп Западной и Восточной Сибири. Нами также выявлены ранее не исследованные этнографами группы (курганы Присалаирья, двоеданы Приобья, Причумышья и Прибердья и др.), проведен сравнительно-исторический анализ особенностей их культуры [Фурсова Е.Ф., Голомянов, Фурсова М.В., 2003]. До 1930-х, а в ряде мест и до 1950-х гг. русские старожилы и переселенцы юга Западной Сибири представляли собой этнокультурные общности, различавшиеся диалектами. В целом эти группы можно характеризовать как проживавшие в ситуации «свои среди своих»*. Уровень изученности этноконфессиональных групп позволяет обобщить этнографические данные, составив карту распространения конкретных элементов традиционной культуры, в частности видов, типов и названий традиционной одежды. В наших ранних работах уже были рассмотрены некоторые виды старинной одежды, например, нательные рубахи XIX – начала XX в. в различных группах населения Верхнего Приобья [Фурсова, 1985].

В данной статье анализируется горничная одежда старообрядцев, а именно сарафаны. В Западной Сибири, в отличие от Европейской России, комплекс с сарафаном в конце XIX – первой трети XX в. был известен в основном в старообрядческих группах. Согласно данным совета противораскольнического Братства святителя Димитрия за 1892–1893 гг., число старообрядцев в Томской епархии доходило до 80 тыс. чел., представлявших разнообразные согласия и направления [Томский справочный листок, 1894, № 71]*.

Староверы выделялись своим внешним видом, потому что у основной массы старожилок-чалдонок и части сибирячек (не относивших себя к чалдонкам) преобладал комплекс кофты с юбкой. Сарафаны в качестве горничной одежды носили переселенцы из западных губерний Российской империи середины XVIII в. («полячки» Алтая, семейские Забайкалья) и начала XX в. (белорусские «москали»), а также выходцы с Русского Севера, Поволжья, Северного и Южного Урала (кержачки, двоеданки, курганки)**. В старообрядческих группах «мода по-сибирски», т.е. с кофтой и юбкой, не получила распространения даже в 1920-х гг. В 1930-х гг. многие старообрядцы были репрессированы, раскулачены, что сопровождалось изъятием не только средств производства, жилья, но и хорошей дорогой одежды.

Использовать метод картографирования возможно лишь при выработке типологии изучаемых объектов. В этнографической литературе под ней понимается «абстракция или идеальная модель, отражающая некие существенные признаки определенного множества явлений, но заведомо игнорирующая другие его признаки, рассматриваемые в данном случае как несущественные» [Крюков, 1983, с. 3].

---

*Этим они отличались от проживавших в инокультурном и, случалось, иноязычном окружении этнических групп в Сибири (например, мордвы, вепсов, немцев и др.).

*Противораскольническое Братство святителя Димитрия действовало на территории Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Им была проведена значительная работа по изучению старообрядчества, собраны статистические данные, которые являются ценным источником [Ильин, 2013, с. 157]. Мы приводим эти материалы, считая их в целом реальными, однако установить точное количество старообрядцев не представляется возможным по причине скрытности их существования.

***«Поляки»* – старообрядцы, насильственно переселенные в середине XVIII в. с территорий Речи Посполитой на Алтай («поляки») и в Забайкалье (семейские). Сейчас территории их изначального проживания входят в Брянскую обл. России и Гомельскую обл. Белоруссии.

Белорусские «москали» – мигрировали в Сибирь в 1903–1919 гг. из Виленской и Витебской губерний Российской империи, входящих сейчас в Белоруссию.

Кержаки – обобщенное название сторонников староверия в Сибири, будто бы прибывших с р. Керженец Нижегородской губ. На самом деле под это название попали все хранители древлеправославия, но более – выходцы из северных, северо-восточных районов Европейской России.

Двоеданы – старообрядцы, бежавшие в Сибирь от преследований с Урала (Пермская, Оренбургская губернии). Название происходит от необходимости платить двойные налоги «за веру».

Курганы – выходцы из Среднего Поволжья (Самарская, Пензенская губернии). Приехали в Сибирь в 1907–1908 гг.

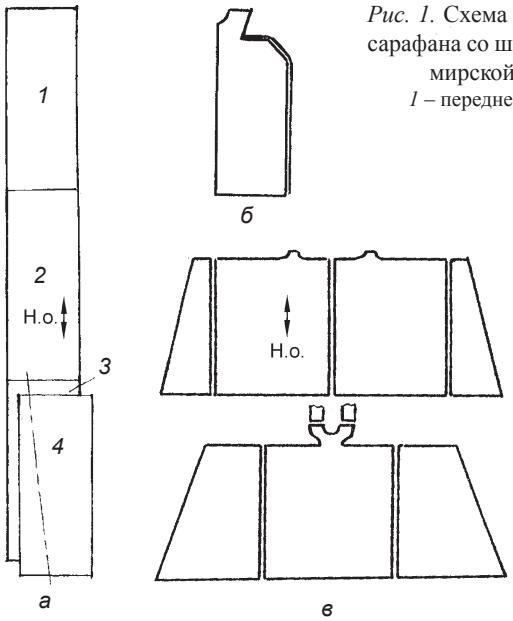


Рис. 1. Схема раскроя (*а*), раскрой спинки (*б*) и раскладка кроя (*в*) косоклинного сарафана со швом спереди. Холщовый погребальный сарафан, д. Быструха Владимирской вол. Бийского окр. Полевые материалы автора (ПМА) 1978 г.
1 – переднее полотнище; *2* – заднее; *3*, *4* – боковые полотнища. Н.о. – нить основы.

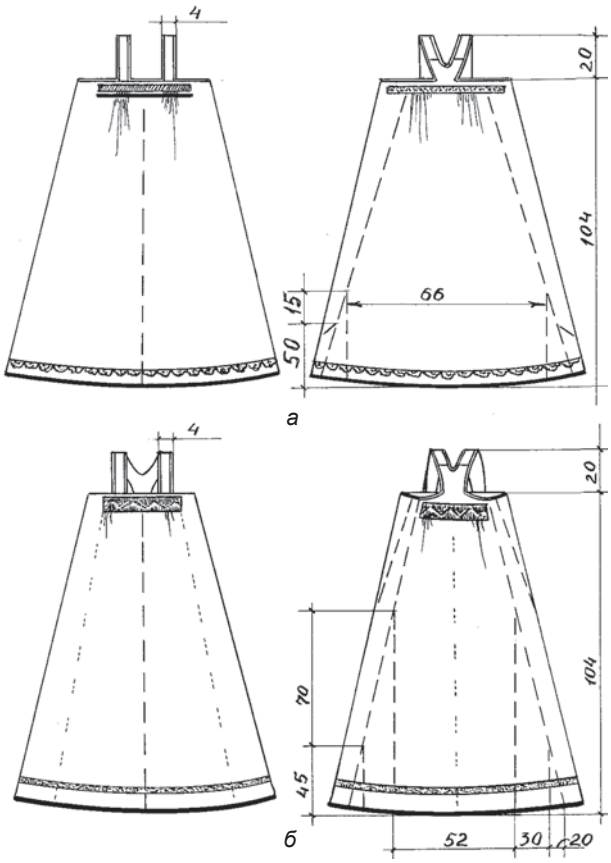


Рис. 2. Контурный чертеж сарафанов. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН.
а – из красного кашемира, д. Соловьево Бухтарминской вол. Бийского окр., изготовлен в конце XIX в.; *б* – из зеленого бурса (шелка), украшен позументом и черной шерстяной тесьмой, д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского окр., изготовлен в 1905 г.

Таким образом, логично предположить одновременное существование нескольких принципиально отличных типологий для одного и того же множества изучаемых объектов. За основу типологии одежды этнографы берут покрой – морфологический признак, характеризующийся необходимыми для этого свойствами – «устойчивостью и выраженной ареальностью» [Чеснов, 1979, с. 195]. Покрой таких видов одежды, которые держатся на плечах, называется плечевым (вариант: наплечным), а тех, что крепятся на бедрах или талии, – набедренным (вариант: поясным). Как показали исследования советских и российских этнографов Б.А. Куфтина (1926), Л.В. Тазихиной (1955), Н.И. Лебедевой, Г.С. Масловой (1967) и др., покрой обладал ярко выраженной этнической спецификой, почему и является столь важным показателем при характеристике этноса или его микрогрупп. Материал, цвет, орнаментация, приемы шитья, а также связанная с ними лексика обязательно принимаются во внимание при выделении локальных групп.

Типы сарафанов

Если в полевых сезонах 1970–1980-х гг.* нам встречались пожилые женщины, умевшие показать процесс раскроя сарафана (рис. 1, *а*, *б*), то в настоящее время его можно восстановить только гипотетически. Проставленные размеры деталей кроя и известная ширина полотна позволяют выполнить схему раскроя. Сделав раскладку кроя на плоскости, можно реконструировать процесс формообразования (рис. 1, *в*) [Фурсова, 1985, с. 182–183]. На чертеже должны быть обозначены швы и линии перегибов, а также направление нитей основы**, в зависимости от чего различные типы одежды можно отнести к конкретным этнографическим группам или народам (рис. 2). В данной статье мы не будем касаться характеристик орнамента, цвета, приемов шитья, т.к. это тема отдельной работы.

---

*Экспедиции Алтайского этнографического отряда 1978–1979 гг. (руководитель Л.М. Русакова) и Восточнославянского этнографического отряда 1981–2014 гг. (руководитель Е.Ф. Фурсова) были организованы Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и Институтом археологии и этнографии СО РАН.

**Основа – продольные нити, идущие параллельно вдоль ткани, в отличие от утка (поперечные нити).

Принятая в этнографической литературе типология горничной одежды (сарафанов), разработанная Г.С. Масловой, ориентирована на конструкцию подола (с одним или двумя полотнами, наличием клиньев), предложенная нами включает дополнительные параметры. Этнографический материал Западной Сибири, касающийся сарафанов старообрядок, можно разделить на две большие группы. В первую входят типы одежды, которая закрывала плечевой пояс, т.е. представлявшие собой рубахи без рукавов. Вторую группу составляют сарафаны, подолы которых держались на узких лямках (т.н. *лямошные* сарафаны). В зависимости от принципов раскроя полотен подола, т.е. его конструкции, различались сарафаны с кошеным, косоклинным и прямым подолом.

Кержачки, двоеданки называли свою горничную одежду *дубасами*, *перемитниками*, *горбачами, сарафанами* и пр., курганки Присалаирья – *горбачами*, белорусские «москали» Васюганья – *шубейками.* У «поляков», уймонских староверов Алтая, старообрядцев Бухтармы использовались название *сарафан* и термины, отражавшие его конструкцию и материал, – *клинник, дабинник, атласник, шалонник, кубовик, двоелисчатый, моркашник* и пр. (рис. 3).

Покрой сарафанов, закрывавших плечевой пояс (с кошеным и прямым подолом). Прежде чем перейти к рассмотрению бытовавших на юге Западной Сибири типов сарафанов, остановимся на уникальном сочетании одежды, не фиксируемом для рассматриваемого периода в других местностях России. На Северном Алтае (Боровлянская, Тальменская, Касмалинская, Кулундинская волости Барнаульского уезда) у местных кержачек в конце XIX в. бытовал комплекс в виде двух, надетых одна на другую, рубах-туник со стоячим воротником (рис. 4). Верхняя рубаха могла носить различные названия. Конструкция и терминология, возможно, указывают на раннее, «досарафанное» происхождение этого вида одежды (*поморник, саван* и пр.). По воспоминаниям местных жителей, в изучаемое время подобный комплекс использовали в качестве моленной, погребальной и иногда (некоторые пожилые женщины) повседневной

Рис. 3. Карта-схема распространения названий сарафанов конца XIX в. в Томской губ. Составлена на основе этнографических материалов.

Г – горбач (горбун); Д – дубас; Пе – перемитник (пермитник); По – поморник; С – сарафан; Са – саван; У – убор; Х – халадай, Ш – шубейка.

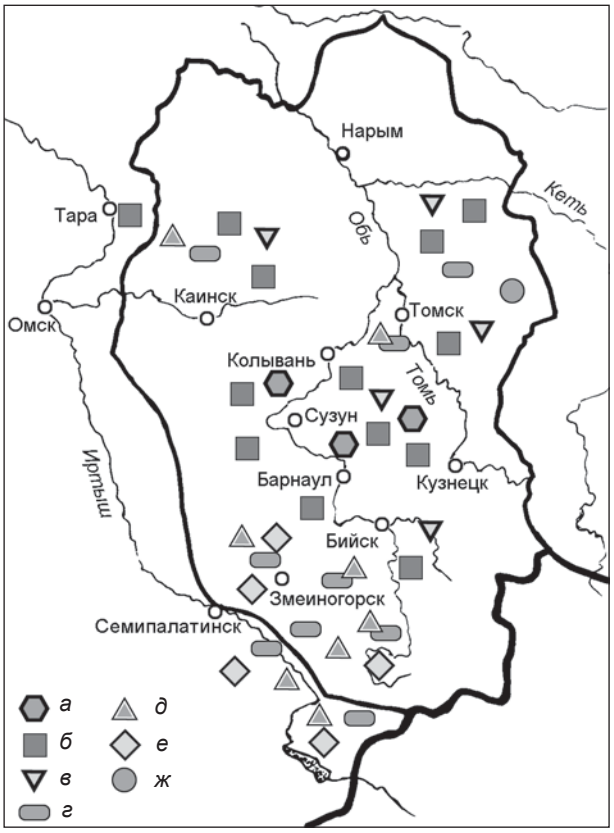


Рис. 4. Карта-схема распространения типов сарафанов конца XIX в. в Томской губ. Составлена на основе этнографических материалов.

а – рубахи-туники с рукавами; *б, в* – сарафаны, закрывавшие плечевой пояс: *б* – с кошеным подолом, *в* – с прямым; *г–е* – сарафаны на лямках: *г* – с кошеным подолом, *д* – косоклинным; *е* – прямым подолом; *ж* – сарафаны с лифом.

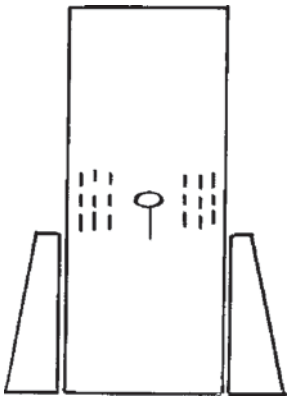


Рис. 5. Раскладка кроя моленного горбача из черного сатина, д. Карагайка Красногорского р-на Алтайского края. Сшит в 1950 г. ПМА 1982 г.

Рис. 6. Молодая женщина в горбаче из Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ. (в настоящее время Маслянинский р-н Новосибирской обл.). ПМА 1989 г.

одежды (*халадай*). По данным совета противораскольнического Братства святителя Димитрия, в 1894 г. на этих землях, в Чумышской, Тальменской, Боровлянской волостях Барнаульского окр., число старообрядцев доходило до 6 тыс. чел., половина из которых относилась к последователям белокриницкой иерархии (поповское согласие) [Томский справочный листок, 1894, № 71].

В тех же местностях, где зафиксированы комплексы из двух рубах, еще в конце XIX – начале XX в. были известны сарафаны в виде туникообразной одежды без рукавов (*перемитник, дубас, горбач, горбун*) (рис. 5, 6). «Глухой» сарафан, как назван этот тип одежды Г.С. Масловой, был известен у старообрядок Причумышья (ранее Верх-Чумышская, Тальменская и другие волости Барнаульского уезда). В этой местности он бытовал в качестве погребального и у некоторых пожилых женщин – моленного и повседневного. Название «перемитник», по сообщениям информантов, обозначало крой сарафана – «переметом через голову», т.е. без швов на плечах. Когда стали использовать для шитья более широкие, чем холст, материалы, верхнюю часть по традиции не делали вырезной, но излишки материала присборивали на плечах, как это можно было наблюдать на моленном горбаче из д. Карагайка Красногорского р-на Алтайского края (см. рис. 5). В бока вшивали полосы разрезанного по диагонали полотна, которые имели форму прямоугольной трапеции. Прямыми продольными краями они соединялись с передней частью основного полотна, а косыми – с задней. По конструкции подола сарафан относился таким образом к кошеным. Как сообщали пожилые женщины, перемитники красили серпухой* в желтый цвет или дубом** в черно-коричневый. Одежду из окрашенного холста носили поверх туникообразных рубах (позднее рубах на кокетке). Если перемитник был сшит из хорошего материала, то в нем ходили в церковь (информант П.Т. Акулова, д. Акулово Первомайского р-на Алтайского края). В некоторых деревнях Причумышья глухие сарафаны называли дубасами (название произошло от общерусского способа окрашивания холста – дубом). Наиболее популярными сарафанами у кержачек юга Западной Сибири являлись горбачи, именовавшиеся также горбунами. В своих ранних формах эти сарафаны относились к глухим, туникообразным, а по конструкции основных и дополнительных элементов имели сходство с «подрясниками» старообрядцев Причудья, Восточной Латвии [Заварина, 1986, с. 194; Рихтер, 1976, с. 141]. Однако в начале XX в. в Западной Сибири бытовали горбачи, подрезанные по груди (с кокеткой-*пералинкой*), впоследствии они получили широкое распространение в кержацкой среде. На переднюю и заднюю часть подола отрезали по два и четыре полотна соответственно, т.е. по типу кроя он относился

*Серпуха – растение, распространенное в лесостепной зоне Сибири; имеет прочный прямостоячий стебель, высота которого от 50 до 110 см.

**В Сибири красили не дубовой корой, а тальниковой, ивовой, но говорили по общерусской традиции «красить дубом».

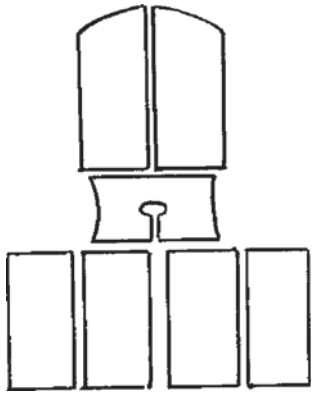


Рис. 7. Раскладка кроя горбача из полушелковой ткани, д. Тайна Красногорского р-на Алтайского края. Сшит в 1929 г. ПМА 1982 г.

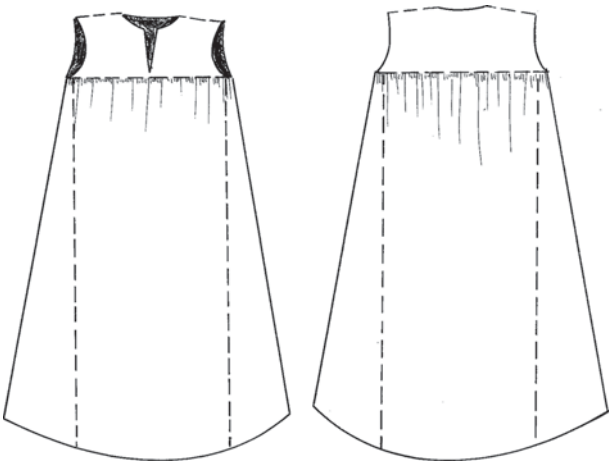


Рис. 8. Кержацкий погребальный сарафан из белого ситца, с. Солонешное Солонешенского р-на Алтайского края. Сшит в 1960 г.

к прямым (рис. 7). Если подол кроили с кошеными полотнами, то такой сарафан выглядел динамичнее по силуэту и относился к кошеным (рис. 8).

Как показывают наши экспедиционные материалы, развитие конструкции сарафанов с закрытым верхом шло по линии ее усложнения: вначале подрезали и присобирали ткань на груди с двух боков, оставляя цельной центральную часть, а затем начали подрезать и делать сборки по всей груди. Именно платья-сарафаны на кокетке-*пералинке* имели значительное распространение в изучаемое время (*горбач, горбун*). В начале XX в. уже было очевидным заметное влияние северо-восточных и уральских традиций старообрядцев поморского согласия (поморцев), преобладавших в количественном отношении и пользовавшихся авторитетом среди прочих сторонников старой веры. Горбачами на кокетке сибирские кержачки этого согласия отличались от вятских единоверок, нередко приезжавших в Сибирь в сарафанах на узких лямках. В первой трети XX в. сибирские образцы моленной одежды «глухой» конструкции возобладали практически во всех группах поморцев (и даже староверов некоторых других беспоповских согласий) на территории юга Западной Сибири (см. рис. 4). Подобные горбачи/горбуны были известны и у старообрядок тех районов, откуда пришла в Сибирь часть предков сибирских староверов, – в Пермской, Шадринской, Ишимской, Томской и других областях [Тазихина, 1955, с. 25].

С одной стороны, описанная одежда напоминала известные «глухие» типы, по типологии Г.С. Масловой: «шушуны», «шушпаны», «сукманы», «насовы», «широколямочники» и пр., которые в Великом Новгороде донашивали в конце XIX в. пожилые старообрядки. С другой стороны, по покрою она сходна с девичьими сарафанами южно-русских областей и с женскими великорусскими нагрудниками* [Маслова, 1955, с. 15]. В собраниях Государственного Исторического музея сохранились сарафаны в виде распашного или глухого платья без рукавов (на коротких широких лямках) XVIII – начала XIX в. из северно- и южно-русских губерний [Русский народный костюм, 1989, с. 22, 57, 192, 249]. Близость этой одежды с болгарскими сукманами заставляет исследователей отнести ее происхождение к глубокой древности. Однако не во всех группах русских старообрядцев Западной Сибири глухие сарафаны, в т.ч. горбачи, можно считать традиционной одеждой даже для конца XIX – первой трети XX в. К таким группам относятся, например, «поляки», уймонцы Алтая, бухтарминцы верховьев Иртыша. О типологии характерной для них горничной одежды речь пойдет далее.

Покрой сарафанов на лямках (с косоклинным, кошеным и прямым подолом). Сарафан с лямками и цельным (неразрезанным) передним полотном реликтового туникообразного покроя был зафиксирован в конце 1920-х гг. Н.П. Гринковой у старообрядок Южного Алтая (Верх-Бухтарминской и Бухтарминской волостей Бийского окр.) под названием «дабинник» (по названию используемой ткани – «даба») (рис. 9, 10). От вышерассмотренной глухой одежды он отличался наличием вырезанных на основном полотне лямок. В среде «поляков» и их соседей значительно чаще нам встречались сарафаны, у которых спинку выкраивали заодно с задним полотном, а лямки отдельно, возможно, в целях экономии из остатков материала (рис. 11). У дабинника переднее и заднее полотна были цельными, т.е. по конструкции подола

**Нагрудник* – распространенное народное название короткой туникообразной одежды, носившейся поверх рубахи.

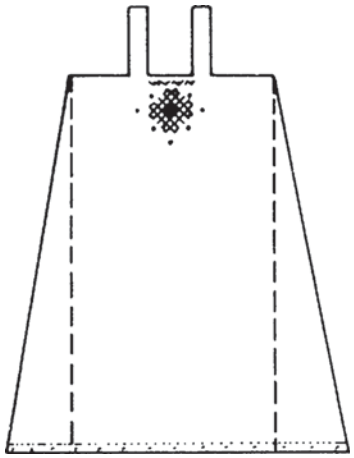


Рис. 9. «Поляцкий» дабинник, д. Бутачиха Риддерской вол. (по: [Гринкова, 1930]).

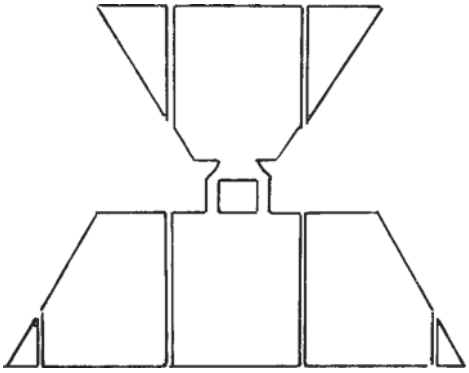


Рис. 10. Раскладка кроя «поляцкого» дабинника.

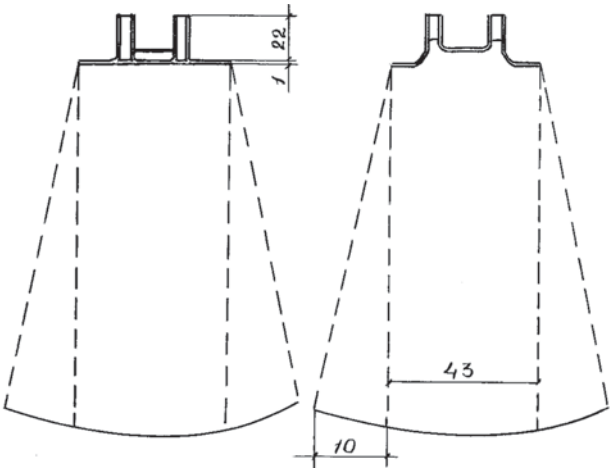
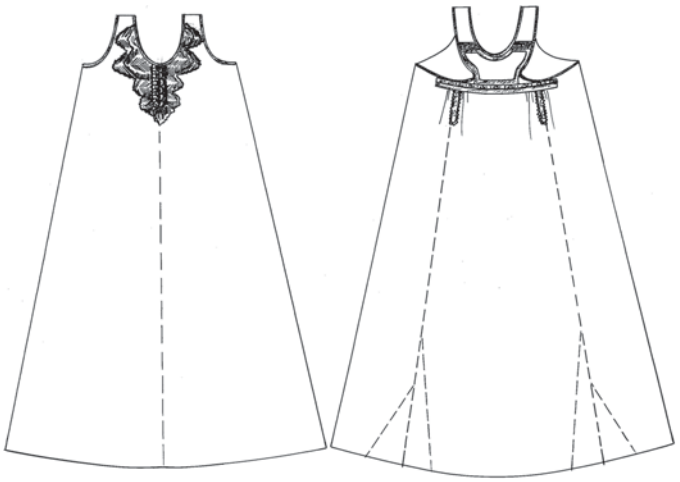


Рис. 11. Погребальный сарафан из холста, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. Сшит в 1930 г. ПМА 1988 г.

он относился к «глухим» (1 + 1), подобно описанным выше перемитникам, горбачам и пр. Отличие заключалось в открытых плечах, т.е. лямки не закрывали нижнюю нательную одежду – рубаху. По крою подол мог быть как кошеным, так и иным: расширение достигалось за счет вставки внизу сарафана срезанных уголков полотна. По наличию этих клиньев данный тип назван Г.С. Масловой косоклинным (народное название *клинник*). Конструкция подола, расширяющегося от подмышек до низа, создавала форму колокола. Сборки вверху сарафана отсутствовали.

Тип сарафана со швом спереди, по типологии Г.С. Масловой, как считала этнограф, связан своим происхождением с распашной одеждой [1955, с. 15]. Распашной косоклинный сарафан с застежкой был типичен для областей с преобладанием владимиро-суздальской и московской колонизаций [Лебедева, Маслова, 1967, с. 206, 207]. Наиболее интенсивно он распространялся, как считают этнографы, в период формирования русского централизованного государства в XV–XVII вв. Из Центральной Руси этот тип одежды проник на север, а также в Поволжье, южные русские области, Приуралье и Сибирь [Маслова, 1955, с. 15].

Сарафаны указанной конструкции в приалейских и прианyйских деревнях кержачки называли «польскими», «поляцкими», подчеркивая тем самым отличие от собственных горбачей (например, информант М.Я. Пермякова, с. Солонешное Алтайского края). Отдельные рудименты в виде застежки спереди встречались в единичных случаях в сарафанах конца XIX – начала XX в. только у «полячек» Алтая и старообрядок Бухтармы, использовавших эту одежду в качестве праздничной, свадебной и моленной (рис. 12, 13). Для раскроя сарафанов данного типа использовали от трех до семи полотен ткани: на перед шло четное их число (обычно два), на спинку – нечетное. У старинных образцов на двух передних полотнах выкраивались мысики для соединения с лямками-проймами, а на заднем – фигурная спинка (рис. 14, 15). С каждого полотна срезали клинья, которые пришивали внизу подола, раскашивая его. Вследствие этого швы на боках располагались «елочками», что являлось характерной чертой великорусских сарафанов-клинников [Лебедева, Маслова, 1967, с. 206]. «Поляцкий» кумачник из коллекции А.Е. Новоселова сшит из трех полотен ткани: два использованы на перед, одно – на спинку (2 + 1). Передний шов вверху оставлен незашитым и оформлен в виде застежки (пуговицы и петли из гарусных косичек-*плетешков*), что свидетельствует о родственных связях этих сарафанов с распашными видами одежды. По застежке, лямкам, спинке-*задушке*, верху сарафана проложены полоски позумента, разнообразные тесьмы, по подолу настрочены фигурные строчки – *венцы, вилюшки*.



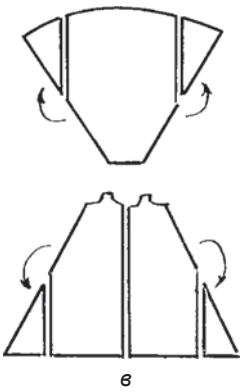


Рис. 12. «Поляцкий» кумачник из коллекции А.Е. Новоселова. Омский государственный историко-краеведческий музей, № 3150.
а – вид спереди; *б* – вид сзади; *в* – раскладка кроя.

Рис. 13. Пожилая старообрядка из д. Сенное Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978 г.

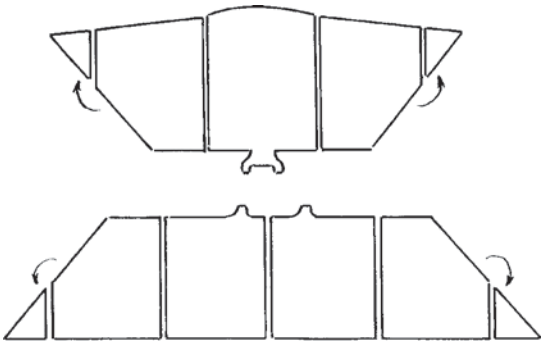


Рис. 14. Раскладка кроя бурсового (шелкового) сарафана, д. Богатырево Зыряновского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978 г.

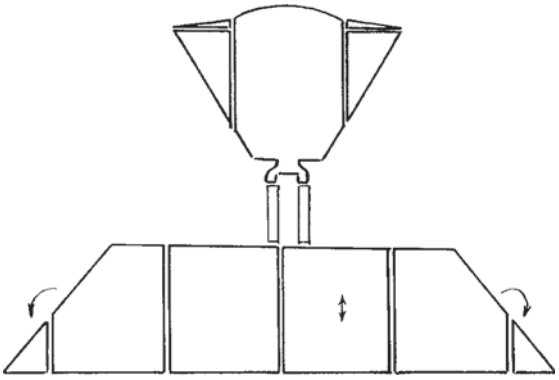


Рис. 15. Раскладка кроя шелкового сарафана, д. Тургусун Зыряновского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978 г.

Детали изделия соединены через вязанное иглой разноцветное кружево (см. рис. 12, *б*). Хотя косоклинные сарафаны с передним швом и богато украшенной верхней застежкой были известны у русских юга России (Курская, Екатеринославская и другие губернии) [Русский народный костюм, 1989, с. 84, 86], идентичных «поляцким» среди них нет.

У «полячек» по р. Уба существовали сарафаны аналогичного покроя, однако без застежки. Сшитые из холста для обряда погребения, они в качестве дериватов одежды более закрытого покроя сохранили цельнокроеные с задним полотном спинку-*задушку*, лямки-*мысики*. Так, при крое холщового погребального сарафана из д. Быструха Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан два полотна отрезали на перед и одно на спинку. Еще два дополнительных полотна вставляли с боков, предварительно разрезав их по диагонали (см. рис. 1, *а*). Прямыми краями эти полотна пришивали к основным, а косыми соединяли между собой (см. рис. 1, *в*). По принципам кроя данный тип сарафанов, как уже отмечалось выше, мы называем кошеным. Праздничная и свадебная одежда такой конструкции отличалась яркой, многоцветной отделкой кантами, горизонтальными нашивками из тесьмы, вышивкой, кружевом, сутажем по груди,

лямкам, спинке-*задушке* (рис. 16). Заметим, что в типологии, предложенной Г.С. Масловой на основе русской одежды Европейской России, такой тип не выделяется [1955, с. 15, 16]. Сходные по покрою сарафаны с неукрашенным передним швом встречались в начале XX в. и у семейских Забайкалья (ПМА 1977, 2009 гг.).

В другом варианте кошеного сарафана прямые и косые края дополнительных полотен соединялись между собой поочередно (рис. 17), на спинке вверху ткань присборивалась. Этот тип был популярен у «полячек», бухтарминских и уймонских старообрядок в 1920–1930-х гг. Например, у сарафана из д. Сибирячиха Ануйской вол. Бийского окр. между передними и задним полотнами вшиты по два кошеных, за счет чего создалось расширение подола внизу (рис. 18). Спинка, нагрудный пояс и лямки здесь выкроены отдельно. Сарафан украшен сутажем, тесьмой-*вьюнчиком*, контрастным кантом.

В 1920-х гг. среди «полячек» и их соседей уймонских старообрядок [Шитова, 2005, с. 59] были распространены сарафаны, у которых спинка полностью состояла из кошеных полотен (рис. 19). Шились они из недорогих хлопчатобумажных материалов, как правило ситцев, и не имели украшений, подобно более

Рис. 16. Фрагмент нарядного «поляцкого» костюма из полушелковой ткани, д. Быструха Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978 г.

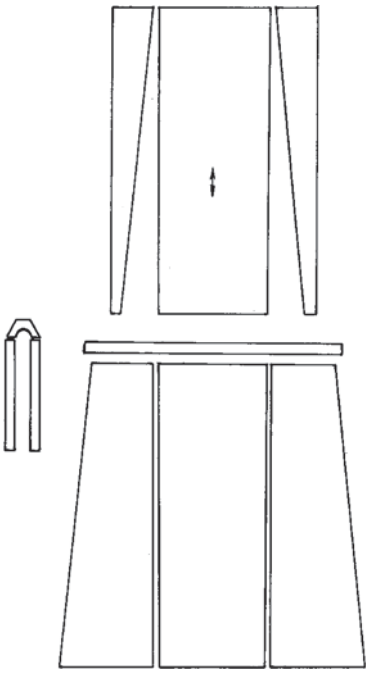


Рис. 17. Раскладка кроя сарафана из синего сатина, с. Солонешное Алтайского края. Сшит в 1960-х гг. ПМА 1983 г.

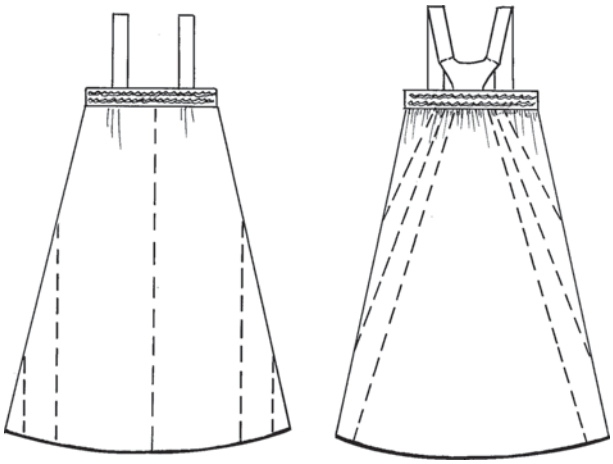


Рис. 18. Праздничный сарафан из красного кашемира, д. Сибирячиха Ануйской вол. Бийского окр. Сшит в 1905–1906 гг. ПМА 1983 г.

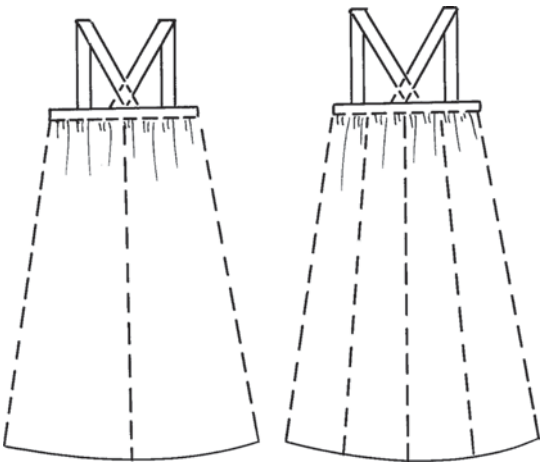


Рис. 19. Сарафан из пестрого штапеля, д. Сенное Большенарымского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Сшит в 1960-х гг. ПМА 1978 г.

ранним образцам. У «полячек», наряду с упрощенными вариантами декора в виде ситцевых аппликаций, встречались и, возможно, более старые, известные в косоклинных сарафанах: вышивки по счету нитей ткани на груди, обшивка лямок и спинки косичками-*плетешками* и пр. Выделялись отсутствием декоративных деталей и темными расцветками тканей уймонские старообрядки. Такие кошеные дубасы носили в основном вятские переселенки-старообрядки Северного Алтая.

Относительно поздними для «полячек» являлись сарафаны, подолы которых состояли из трех–пяти и более прямых полотен. В типологии Г.С. Масловой такой сарафан назван «прямым», «круглым» или «московским» в соответствии с центром его распространения [1955, с. 16]. Наличие этого типа одежды у военно-служилого населения, переселившегося в XVI–XVII вв. в южные области, может свидетельствовать о его существовании уже в то время. Видимо, с женами служилых людей прямой сарафан проник в Сибирь, но все же наибольшее распространение он получил с приездом поздних российских переселенцев в начале XX в. (рис. 20). Лишь в отдаленных районах «полячки» и бухтарминские старообрядки еще и в 1920–1930-х гг. не воспринимали его. Так, «полячки» деревень Малоубинка, Быструха Восточно-Казахстанской обл. в 1978 г. нам говорили: «Круглый сарафан – какой же это сарафан!» (ПМА 1978 г.). А в деревнях по верховьям Катуни если молодые женщины и носили в то время такие сарафаны в качестве праздничных и повседневных, то, отправляясь в моленную, все равно переодевались в старинные косоклинные или кошеные. Круглые сарафаны шили из российских ситцевых тканей. Лямки и спинку мастерицы обычно выкраивали отдельно, причем спинка в упрощенном варианте могла быть в виде двух перекрещенных бретелей. Украшали такие сарафаны также несложно: широко были распространены оборки по подолу, разноцветные аппликации из ситцев и сатинов.

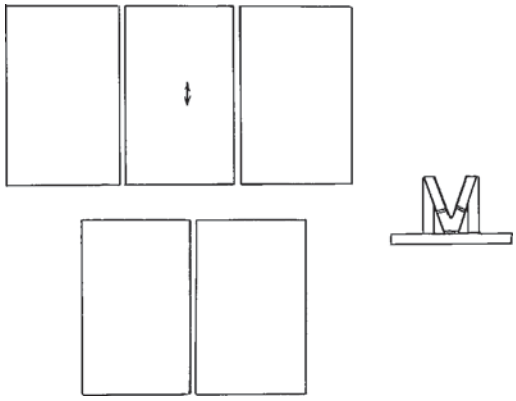


Рис. 20. Раскладка кроя прямого сарафана, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. Сшит в 1960-х гг. ПМА 1983 г.

На фоне одежды старожилов юга Западной Сибири резко выделялись своими традициями вольные переселенцы из Виленской и Витебской губерний Российской империи начала XX в.: старообрядцы Васюганья (белорусские «москали») и продвинувшиеся далее на восток староверы Присалаирья. Сегодня представителей этих групп местное население называет обобщенным термином «кержаки» (сами васюганцы отрицают родство с кержаками, которых они считают поморцами, а себя относят к федосеевскому согласию). У погребальных и повседневных сарафанов-шубеек «с грудиной» (вариант: «с огрудьями») старообрядок белорусского происхождения перед состоял из одного прямого полотна, а спинка из четырех кошеных (рис. 21). Кроме того, нам встречались в качестве праздничных сарафаны с подолом из прямых полотен (рис. 22). Как в первом, так

Рис. 21. Женщина в костюме с шубейкой. Собрание Дома-музея им. П.П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Фото А.А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

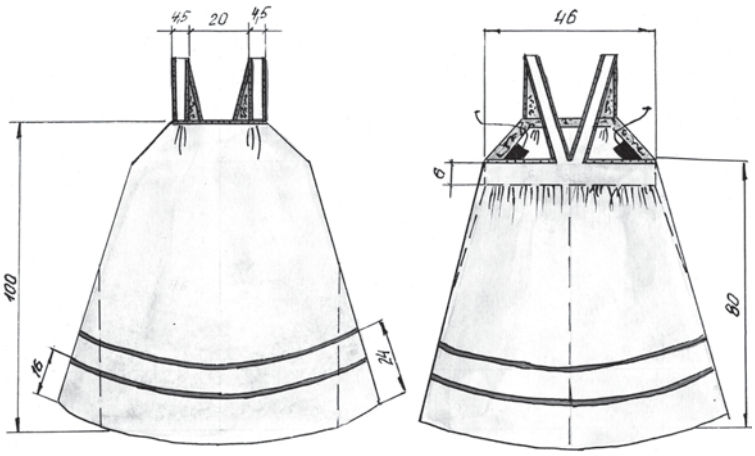


Рис. 22. Шубейка из голубого ситца, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. ПМА 1994 г.

и во втором варианте фигурная спинка выкраивалась вместе с лямками-проймами. Скроенные заодно с задним полотном спинка и с передними полотнами мысики лямок, очевидно, являются рудиментами одежды более закрытого типа.

Шубейки васюганцев, своим названием, видимо, связанные с верхней распашной одеждой, близки новгородским и псковским сарафанам «с грудинкой» (вариант: «с передницей»), «шубкам» Каргопольского уезда Олонецкой губ., соответствующей одежде однодворцев Курской губ. [Крестьянская одежда…, 1971, с. 59, 93, 141, 182]. Отличие старообрядческих шубеек в Сибири заключалось в отсутствии каких-либо декоративных элементов, орнаментации.

У старожилов Томского Приобья были известны сарафаны с лифом (*обтяжные*) в двух вариантах: на лямках и с пришивным лифом. В конце XIX в. такой сарафан назывался *убором* и служил горничной одеждой старушек [Бардина, 2009, с. 139]. Эта одежда была характерна для западных районов России, откуда распространилась на север, а также в центральные губернии и далее в Восточную Сибирь [Сабурова, 1972, с. 103].

Основные итоги картографирования

Полевой материал позволяет констатировать, что в среде старообрядцев юга Западной Сибири вариантов сарафанов было значительно больше, чем три-четыре типа, отмеченные исследователями в качестве основных. В Сибирском регионе как глухие, так и открытые виды одежды с цельным передним полотном (туникообразной конструкции) представляли не разные хронологические звенья эволюции, а различные локальные варианты. Анализ покроев показал, что, видимо, в Сибири практически все типы сарафанов имели в качестве исходной туникообразную конструкцию. Об этом свидетельствуют сохранившиеся рудименты одежды закрытого типа. Кроме того, кошеные подолы сарафанов, очевидно, не случайно выполнены в соответствии с принципами кроя нательной одежды, прежде всего мужских рубах. В сарафанах, как и в рубахах, расширение подола достигалось разрезанием по косой боковых полотен. Конструкции подола с двумя передними полотнами и швом или декоративной застежкой спереди не были популярны в Сибири. Таким образом, сибирские материалы не дают достаточно оснований связывать происхождение указанных косоклинных сарафанов с распашной одеждой, распространившейся на Руси со времен татаро-монгольского нашествия, т.е. с XIV в. Доказательством, помимо полевых данных, является тот факт, что значительное количество сохранившихся образцов, даже в самых старых сибирских музеях, Государственном музее этнографии народов России, не имеют застежку спереди (рис. 23).

Рис. 23. Комплекс с сарафаном и душегреей (телогреей). Красноярский краевой краеведческий музей.

За исключением погребальных, *лямошные* сарафаны изготавливались из шелковых, полушелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, ширина которых была вариативна. Именно для праздничных сарафанов из покупного материала была характерна косоклинная конструкция подола. При таком раскрое не оставалось ни одного лишнего куска ткани. Анализ конструкций косоклинных сарафанов показал, что если на перед шло одно цельное полотно, то на спинку – два; если на перед использовали два или четыре полотна (четное число), то на спинку – одно (нечетное число).

Спецификой покроев русской одежды с сарафаном является то, что до недавнего времени формообразование осуществлялось посредством комбинации прямых и кошеных полотен, вставки срезанных уголков, присборивания ткани. Традиция сохранялась не потому, что мастерицы не знали приемы выкраивания по криволинейным трафаретам (например, были известны конструкции фигурных спинок сарафанов, верхней одежды), а, видимо, по причине стойкого бытования представлений о необходимости носить «свою» традиционную одежду.

Составленные нами карты-схемы распространения типов и названий сарафанов старообрядцев на юге Западной Сибири (см. рис. 3, 4) позволяют увидеть, что этот вид одежды бытовал в Васюганье, Причумышье, Сузунском Приобье, Бия-Катунском междуречье, предгорьях Алтая, Присалаирье, а также по рекам Изылы, Ануй, Уба, Бухтарма, Уймон и др. Там, где компактно проживали старообрядцы северно-русского, северо-восточного и поволжского происхождения (кержаки, двоеданы, курганы и др.), преобладали сарафаны, закрывавшие плечевой пояс, а в местностях, которые стали родиной для выходцев из западно- и центрально-русских земель («поляки», васюганские, уймонские старообрядцы и др.), – открытые.

Распространение традиций между локальными группами старообрядцев, различавшимися в культурном отношении, происходило в соответствии с кругами брачных связей. «Поляки» из с. Солонешного сватали невест в соседних «поляцких» деревнях Сибирячихе, Тумановой, с. Топольном и даже отдаленной д. Солоновке. Здесь основным типом были открытые сарафаны с кошеной, прямой, реже косоклинной конструкцией подола. На Уймон приезжали невесты из Бухтармы и Убы, поэтому здесь среди специфической уймонской одежды встречались типично «поляцкие» сарафаны Южного Алтая – ярких расцветок, с открытым верхом и косоклинным или кошеным подолом. Старообрядцы с. Красногорского (ранее Старая Барда) ездили со сватовством в деревни Тайну и Кажу, где также, как и они, носили глухие горбачи/горбуны. Свои брачные связи сложились и у староверов Васюганской равнины, проживавших в соседних селениях и принадлежавших к одному согласию (Бергуль, Макаровка, Платоновка); здесь основным типом сарафанов были шубейки. Сузунские двоеданы были ориентированы на единоверцев в расположенных недалеко селениях, в т.ч. Алтайского края: Устюжанино обменивалось невестами с деревнями Верх-Алеус, Пушкари, Средний Алеус, Аллак. Здесь, помимо горбачей, носили платья на кокетке – халадаи.

Таким образом, у старообрядок в деревнях, входивших в брачные круги, могли бытовать сходные типы сарафанов, как, например, у двоеданов и курганов Присалаирья (горбачи). Если же традиции одежды не совпадали, то невеста переходила на принятую в семье (роду) жениха. Например, когда вятские переселенки конца XIX – начала XX в., принадлежавшие к поморскому согласию, выходили замуж за местных кержаков-поморцев, то они меняли свои *лямошные* сарафаны на глухие горбачи, перемитники и пр. Обнаруженные нами на Уймоне косоклинные сарафаны ярких расцветок – следствие налаженных брачных связей со старообрядцами долины р. Бухтармы. Однако, как показывают этнографические материалы, бухтарминские невесты надевали эти сарафаны

Рис. 24. Свадебный комплекс из кашемира, привезенный в д. Верх-Уймон Сарасинской инородческой управы бабушкой современной жительницы д. Белое Катон-Карагайского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979 г.

единожды на свадьбу и затем хранили в сундуках из-за невозможности их носить в группе уймонцев (рис. 24). К особенностям уймонской одежды относилось использование тканей темных расцветок, отсутствие декоративных деталей, вышивки [Шитова, 2005, с. 59]. В 1920–1930-х гг. *лямошные* сарафаны уймонских и ануйских старообрядок активно вытеснялись горбачом. Процесс унификации одежды не наблюдался только в среде «поляков» по р. Убе и староверов долины р. Бухтармы. В 1940–1950-х гг. новое поколение сторонников старых обрядов, пережив массовые репрессии в отношении старших своих представителей, перешло на фабричную одежду советского образца, сохранив комплекс с сарафаном в качестве молитвенного и погребального костюмов*.

Список литературы

Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. – Томск: Контекст, 2009. – 431 с.

Гринкова Н.П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы / Е.В. Бломквист, Н.П. Гринкова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 313–396.

Заварина А.А. Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. – Рига: Зинатне, 1986. – 247 с.

Ильин В.Н. Противораскольническое Братство святителя Димитрия, митрополита Ростовского в Томской епархии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 4, т. 2. – С. 157–161.

Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.): определитель. – М.: Сов. Россия, 1971. – 365 с.

Крюков М.В. О принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ. – 1983. – № 5. – С. 3–13.

Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: ист.-этногр. атлас. – М.: Наука, 1967. – С. 193–265.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае в XVIII – начале XX в. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Маслова Г.С. Опыт составления карт распространения русской народной одежды // КСИЭ. – 1955. – Вып. XXII. – С. 12–20.

Рихтер Е.В. Русское население Западного Причудья: (Очерки истории, материальной и духовной культуры). – Таллин: Валгус, 1976. – 291 с.

Русский народный костюм: Государственный Исторический музей / сост. Л.В. Ефимова. – М.: Сов. Россия, 1989. – 311 с.

Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1972. – Т. XXVIII: Из культурного наследия народов России. – С. 99–139.

Тазихина Л.В. Русский сарафан: (Из коллекции Государственного музея этнографии народов СССР) // КСИЭ. – 1955. – № 22. – С. 21–35.

Фурсова Е.Ф. Поликовые рубахи крестьянок Южного Алтая второй половины XIX – начала XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 180–203.

Фурсова Е.Ф. Этнокультурные группы россиян Приобья: старожилы и переселенцы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб.: Инфо Ол, 1993. – Ч. III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений. – С. 35–40.

Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2003. – 190 с.

Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 189–203.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2005. – 109 с.

Материал поступил в редколлегию 20.04.15 г.,
в окончательном варианте – 20.05.15 г.

*Вероятно, по этой причине в 1970-х и даже в первой половине 1980-х гг. информанты, показывая нам семейные реликвии в виде одежды и украшений, спрашивали: «А нас не посадят?»

УДК 39

В.С. Ефимов[1], А.В. Лаптева[1], Е.И. Михайлова[2]
[1]Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: efimov.val@gmail.com
avlapteva@yandex.ru
[2]Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, Якутск, 677027, Россия
E-mail: rector-svfu@ysu.ru

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ПРОЦЕССЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА НАРОДА САХА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье обсуждается воздействие урбанизации на воспроизводство идентичности, культуры и языка народа саха в Республике Саха (Якутия). Приведены результаты социологического опроса, показывающие этнокультурные особенности поселенческих групп (сельские жители, горожане в первом и втором поколении). Анализ полученных данных выявил существенные отличия городских жителей (особенно во втором поколении) от сельских по ряду социально-демографических и социально-культурных характеристик: планируют иметь меньшее число детей, слабее связаны с родовыми кланами, трансформируется их этническая идентичность, в повседневном общении семьи переходят на русский язык, снижается уровень причастности к народной культуре. Последствия урбанизации в полной мере проявятся через 20–25 лет, когда произойдет увеличение доли горожан во втором поколении среди населения в целом.

Ключевые слова: *северные народы, саха, якуты, урбанизация, демографические и культурные изменения, воспроизводство культуры и языка.*

V.S. Efimov[1], A.V. Lapteva[1], and E.I. Mikhailova[2]
[1]Siberian Federal University, Center for Strategic Research and Development,
Svobodny Pr. 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia
E-mail: efimov.val@gmail.com; avlapteva@yandex.ru
[2]North-Eastern Federal University,
Belinskogo 58, Yakutsk, 677027, Russia
E-mail: rector-svfu@ysu.ru

THE IMPACT OF URBANIZATION ON THE TRANSMISSION OF THE CULTURE AND LANGUAGE OF THE SAKHA PEOPLE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article discusses the impact of urbanization on the transmission of Sakha people identity, culture, and language in the Sakha Republic (Yakutia). Based on the results of a sociological survey, ethno-cultural identity of villagers and first and second generation urban dwellers is assessed. People living in towns, especially the descendants of townsfolk, show significant differences from the villagers in several respects: they plan to have fewer children, are less related to tribal clans, their ethnic identity is transformed, they are adopting Russian as an everyday language and are less involved in folk culture. It is predicted that the impact of urbanization will fully manifest itself 20–25 years later following a rise in the share of second generation urban dwellers in the Sakha population .

Keywords: *Northern peoples, Sakha, Yakut, urbanization, demographic changes, cultural changes, culture transmission, language transmission.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134

© Ефимов В.С., Лаптева А.В., Михайлова Е.И., 2015

Введение

В 2011 г. сотрудниками Сибирского и Северо-Восточного федеральных университетов было проведено этносоциологическое исследование коренного населения Якутии в рамках проекта «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050». Концепция проекта и основные результаты опубликованы [Ефимов, Лаптева, 2012, 2014а, б; Борисова, Попова, Ефимов, 2013; Ефимов, Лаптева, Борисова, 2014; Республика Саха…, 2014; Mikhailova, Lapteva, Efimov, 2014]. Исследование включало 54 глубинных интервью экспертов и социологический опрос представителей коренных национальностей Республики Саха (Якутия), всего 1 800 респондентов, выборка репрезентативна по возрасту, полу и территориальному расселению*. Опрос позволил получить количественные данные о социально-демографических и социально-культурных изменениях, обусловленных процессами урбанизации. Одна из ключевых гипотез исследования заключается в том, что урбанизация во многом определяет настоящее и будущее народа саха. В 1900 г. доля горожан в Якутии составляла 3,7 % [Сивцева, 2010, с. 295], к 2012 г. она достигла 64 %, к 2050 г. может возрасти до 75 % (по «среднему» варианту демографического прогноза) [Республика Саха…, 2014, с. 178]. Предположительно урбанизация должна сопровождаться изменением ряда важных социально-демографических и этнокультурных характеристик народа саха: переходом к малодетной семье (один-два ребенка), сужением сферы применения якутского языка и одновременно более широким использованием русского, снижением интереса к народной культуре саха, трансформацией идентичности.

Воздействие урбанизации на демографическое и социально-культурное воспроизводство народа саха (якутов) уже становилось предметом научных исследований: демографическое воспроизводство изучалось С.А. Сукнёвой – отмечалось снижение рождаемости и в сельской местности, и в городах [2007]; функционирование якутского и русского языков, в частности в семейном общении, отражено в работах Н.И. Ивановой [2013а, б]; соотношение локальной, этнической и общероссийской идентичности проанализировано Л.М. Дробижевой [2002; Дробижева и др., 2012]. Новизна данного исследования заключается в используемой научной модели и методе: сформулированы вопросы социологической анкеты, позволяющие изучить ряд важных социальных и этнокультурных особенностей саха (якутов); выполнен сравнительный анализ соответствующих характеристик сельских жителей, горожан в первом и втором поколении; составлены «портреты» данных категорий респондентов.

Важно, что для якутского общества характерна большая доля горожан в первом поколении (их родители являются сельскими жителями) – 60 % городского населения, по данным настоящего исследования. Они, как правило, воспитывались в сельской среде, поддерживают связи с родственниками, проживающими в сельской местности, проводят там свободное время. Большая численность горожан в первом поколении «сглаживает» эффекты урбанизации. Поэтому для оценки возможного влияния последней в долгосрочной перспективе необходимо сравнить три группы:

1) горожан во втором поколении – родители также проживают в городе;

2) горожан в первом поколении – родители являются сельскими жителями;

3) сельских жителей – родители также проживают (или проживали) в селе.

Для анализа данных социологического опроса были сформированы соответствующие подвыборки (число респондентов в первой 260, во второй – 385, в третьей – 538). Они различались по возрастной структуре: среди горожан оказалось заметно больше молодых людей, среди жителей сел – лиц старших возрастных групп. Для того чтобы устранить эффекты влияния возраста, было проведено «выравнивание» возрастного состава в данных подвыборках. В качестве эталона использовалась возрастная структура выборки в целом, соответствующая структуре генеральной совокупности. Недостаточно или чрезмерно наполненные возрастные группы внутри подвыборок дополнялись посредством дублирования анкет респондентов нужного возраста или удаления избыточных (анкеты выбирались случайным образом).

Сравнение социально-демографических и культурно-языковых характеристик поселенческих групп

Включенность в состав рода. Род, родовой клан в течение столетий являлся одним из базовых социальных институтов народа саха – именно широкая группа связанных родством людей была основой передачи из поколения в поколение языка, национальных традиций, картины мира, ментальности. На вопрос анкеты «Можете ли вы назвать себя частью рода, родового клана?» большинство респондентов ответило «да, безусловно» (рис. 1). Среди горожан во втором поколении заметно больше, чем в других группах, тех, кто не чувствует себя включенным в родовой клан, – сумма от-

*Полевая часть исследований и формирование базы данных опроса проведены коллективом социологов Северо-Восточного федерального университета под руководством д-ра социол. наук У.С. Борисовой.

ветов «скорее нет, чем да», «нет, не могу назвать» составляет 19 %.

Ожидаемое число детей в семье. Для сельской местности в Якутии традиционно были характерны многодетные семьи, причем ориентация на многодетность сохранялась дольше, чем в среднем по России. Урбанизация приводит к уменьшению числа детей, рождаемых женщиной в течение жизни [Сукнёва, 2007]. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь, учитывая ваши жизненные условия?» Обнаруживается отчетливое различие между сельскими жителями и горожанами во втором поколении (рис. 2). Последние ориентируются в основном на двухдетную семью, почти треть (31 %) считает, что у них должен быть только один ребенок или совсем не будет детей, а четырех и более собираются иметь лишь 7 %. Сельские жители ориентируются на двух-трехдетную семью, менее двух детей хотят иметь 9 %, четырех и более – 25 %.

Горожане в первом поколении занимают промежуточное положение, их значительное количество в городах «сглаживает» картину демографических последствий урбанизации. В дальнейшем, по мере роста численности горожан во втором поколении именно они будут определять демографические процессы в народе саха в силу численного преобладания городского населения над сельским. При этом может произойти переход от расширенного к суженному воспроизводству.

Рис. 1. Распределение респондентов поселенческих групп по включенности в родовые кланы.

Ответы на вопрос анкеты «Можете ли вы назвать себя частью рода, родового клана?»: *а* – «да, безусловно»; *б* – «скорее да, чем нет»; *в* – «скорее нет, чем да»; *г* – «нет, не могу».

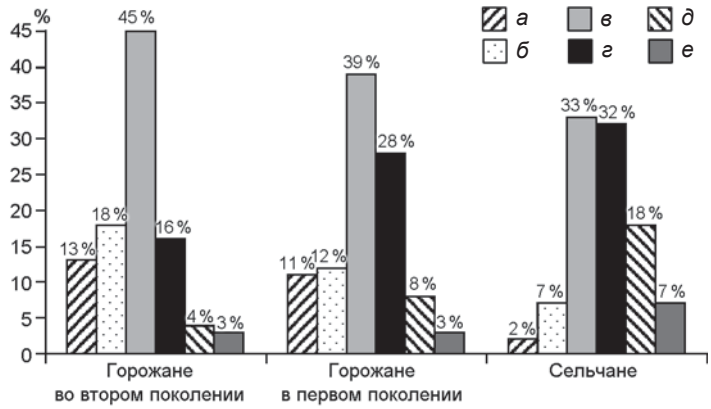


Рис. 2. Распределение респондентов по планируемому числу детей в семье.

а – ни одного; *б* – один; *в* – два; *г* – три; *д* – четыре; *е* – пять.

Характер этнической идентичности. Респондентам было предложено ответить на вопрос, какие чувства они испытывают при осознании себя представителем своего народа. Ответы свидетельствуют о характере этнической идентичности. Она может быть определена как позитивная, если респондент чувствует гордость, радость, достоинство, уверенность, родство и причастность к народу; негативная – ощущает тревогу и неуверенность, стесняется своей национальной принадлежности; амбивалентная – ничего не испытывает или испытывает «противоречивые чувства»*.

Во всех поселенческих группах преобладают респонденты с позитивной этнической идентичностью. Таких больше среди горожан (в первом поколении – 81 %, во втором – 79 %), несколько меньше среди жителей сел (76 %). Амбивалентная в равной степени представлена во всех группах (12–14 %). Респондентов с негативной этнической идентичностью среди сельских жителей несколько больше (11 %), чем среди горожан (5–9 %). Причинами этого могут быть общая неудовлетворенность условиями жизни в селе, которая «распространяется» на собственную национальность, либо бытовавшее в советскую эпоху отождествление якутов с «отсталыми деревенскими жителями»*.

*При разработке анкеты и анализе данных использовался упрощенный вариант типологии идентичностей, разработанной Л.М. Дробижевой и ее коллегами [Аклаев и др., 1996].

*Некоторые саха, детство и юность которых пришлись на советскую эпоху, в интервью отмечали, что их родители, например, порицали использование якутского языка «на людях» – «говори по-русски, иначе подумают, что ты деревенщина, что необразованный» (упоминались и другие аналогичные ситуации).

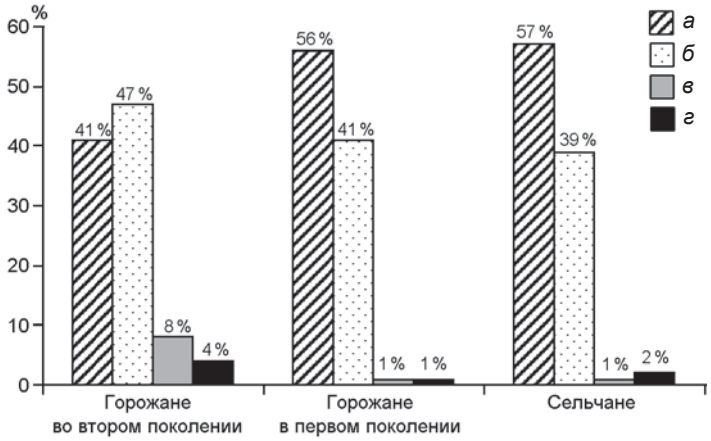


Рис. 3. Распределение респондентов по их самоидентификации. Ответы на вопрос, кем в большей степени себя чувствуют: *а* – больше якутянином; *б* – и якутянином, и россиянином; *в* – больше россиянином; *г* – затрудняются ответить.

Рис. 4. Распределение респондентов по языку внутренней речи. Ответы на вопрос, на каком языке удобно думать: *а* – на якутском; *б* – на русском и якутском одинаково; *в* – на русском.

Самоидентификация респондентов. Респонденты отвечали на вопрос, кем они в большей степени себя чувствуют – якутянами или россиянами либо и якутянами, и россиянами одновременно* (рис. 3). Среди сельских жителей и горожан в первом поколении преобладают респонденты с якутской идентичностью (считают себя больше якутянами). Среди горожан во втором поколении таких заметно меньше. Это единственная группа, где превалируют ответы «чувствую себя и якутянином, и россиянином». Кроме того, здесь заметна доля лиц с российской идентичностью.

Язык внутренней речи (мышления). Респондентам предлагалось определить, на каком языке им удобнее думать о себе, о важных вещах в своей жизни – на якутском, русском либо одинаково на обоих. В сельской группе отчетливо преобладают те, кто предпочитает думать на якутском языке (рис. 4). Среди горожан в первом поколении их не на много больше, чем респондентов, которым одинаково удобно думать на якутском и русском. Существенно иное распределение ответов горожан во втором поколении: на якутском языке думают лишь 21 %, на обоих – 37, на русском – 42 %. Таким образом, урбанизация сопровождается вытеснением якутского языка в функции языка внутренней речи, мышления русским. Это начинает проявляться во втором поколении горожан.

Использование якутского языка в повседневной жизни. Респондентам предлагалось ответить, на каком языке обсуждают домашние и личные дела они сами, их родители, дети (рис. 5). Подавляющее большинство сельских жителей в повседневной жизни общается на якутском языке. Среди горожан во втором поколении таких респондентов меньше половины и лишь 33 % их детей. Горожане в первом поколении занимают промежуточное положение в этом плане. Таким образом, в городах наблюдается вытеснение якутского языка русским в сфере повседневного общения. Оно обнаруживается при сопоставлении поколений – респондентов, их родителей и детей. Наиболее явно вытеснение якутского языка прослеживается у горожан во втором поколении.

Намерение учить своих детей говорить на якутском языке. Перспективы сохранения якутского языка во многом зависят от субъективных установок его носителей – намерены они научить своих детей говорить на якутском языке или нет (рис. 6). Во всех группах преобладают респонденты, которые определенно имеют такое намерение, однако среди горожан во втором поколении их лишь 53 %. Таким образом, в сельских поселениях установки родителей способствуют воспроизводству якутского языка из поколения в поколение. В городах происходит их изменение: заметная часть респондентов либо не намерена учить своих детей говорить на якутском языке, либо не определилась в этом отношении. Данная тенденция более выражена в группе горожан во втором поколении.

*Слово «якутяне» использовалось как собирательное название народов Севера (саха, юкагиров, долган, эвенков, эвенов), участвовавших в опросе; приводимые в данной статье распределения ответов рассчитаны для представителей саха.

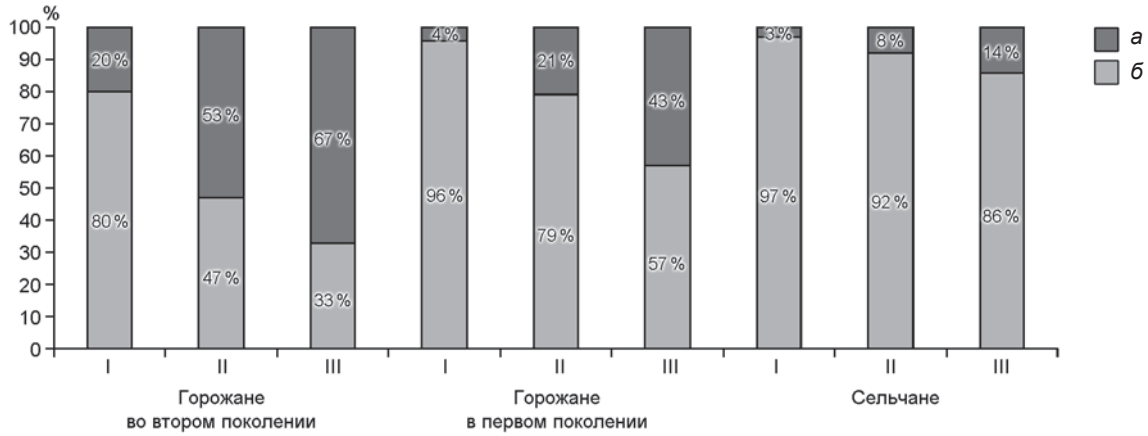


Рис. 5. Распределение респондентов по языку, на котором обсуждают домашние и личные дела их родители (I), они сами (II), их дети (III).
а – на русском; *б* – на якутском.

Значимые элементы народной культуры. Респонденты определяли, как много значат для них разные элементы народной культуры – национальные праздники, кухня, народные обычаи, обряды и т.д. (всего 11 пунктов). Предлагалось ответить на вопрос, какое место в их жизни занимает каждый из этих элементов (варианты ответа: «большое», «среднее», «никакое»). При анализе данных опроса подсчитывались доли респондентов, выбравших вариант «большое» (см. *таблицу*).

Для сельских жителей характерна большая значимость всех элементов народной культуры. В жизни городского населения народная культура занимает меньше места: горожане во втором поколении в сред-

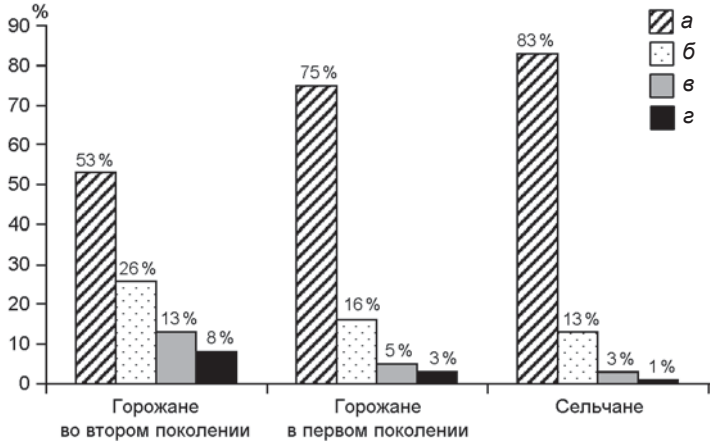


Рис. 6. Распределение респондентов по намерению учить своих детей говорить на якутском языке.
а – определенно да; *б* – скорее да; *в* – не знают; *г* – скорее нет, определенно нет.

Значимость элементов народной культуры для поселенческих групп

Элемент народной культуры	Доля респондентов, выбравших вариант ответа «большое место в жизни», %*		
	Горожане во втором поколении	Горожане в первом поколении	Сельчане
Национальная кухня	39	53	50
Национальные праздники	36	53	52
Народные обычаи, обряды	30	46	57
Национальные виды хозяйственных занятий	28	43	51
Национальные традиции	29	38	47
Национальный характер	22	36	40
Народные игры, состязания, виды отдыха	21	35	38
Народные песни, танцы	17	25	37
Народные предания, легенды	15	24	36
Национальная одежда	14	21	32
Народная медицина	12	18	26

*Сумма долей в каждом столбце превышает 100 %, поскольку респондент мог неоднократно ответить «большое» (в отношении различных элементов культуры).

нем в 1,5–2 раза реже оценивают ее как значимую. Данные опроса показывают, что урбанизация сопровождается вытеснением народной культуры из жизни саха. При этом для горожан наиболее важны национальные кухня и праздники, для жителей села – народные обычаи, обряды, национальные праздники, хозяйственные занятия. Таким образом, сельские поселения являются средой, где поддерживаются традиции народа саха. Для каждого четвертого сельчанина много значат все элементы народной культуры, затронутые в анкете.

Активность респондентов в отношении культуры и традиций своего народа. Респондентам предлагалось несколько суждений: 1) я провел много времени, стараясь узнать как можно больше о своей этнической группе, ее истории, традициях, обычаях; 2) я активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов моей этнической группы; 3) я горжусь своей этнической группой; 4) я соблюдаю традиции своей этнической группы. По каждому можно было выбрать один из вариантов ответа: «совершенно согласен», «скорее согласен», «скорее не согласен», «совершенно не согласен».

Больше всего тех, кто гордится своей этнической группой (42 %), соблюдает ее традиции (31 %), среди горожан в первом поколении (для сравнения: среди горожан во втором поколении – 33 и 22 % соответственно, среди сельчан – 34 и 29 %). Можно предположить, что перемещение из села в город вызывает определенный «всплеск» идентификационной активности, поскольку городские жители имеют больше контактов с людьми иных национальностей. Горожане во втором поколении адаптировались к среде, сравнительно богатой межэтническими взаимодействиями, и не отличаются в этом отношении от сельского населения.

«Портреты» жителей сел, горожан в первом и втором поколении

Сельские жители:

– в большей степени, чем горожане, включены в сообщества родственников (78 % респондентов чувствуют себя безусловно частью родового клана);

– ориентированы на более многодетную семью, чем горожане (планируют иметь двух или трех детей 33 и 32 % респондентов соответственно, четырех и более – 25 %);

– для них, как и для горожан, характерна в основном позитивная этническая идентичность (76 % респондентов, однако это несколько меньше, чем в других поселенческих группах), амбивалентная обнаруживается у 12 % респондентов, негативная – у 11 %, что больше, чем в других группах;

– среди сельских жителей в большей степени, чем среди горожан во втором поколении, преобладают респонденты с якутской идентичностью (57 %); доля тех, кто считает себя и якутянином и россиянином (39 %), меньше, чем в других поселенческих группах; ответы, свидетельствующие о российской идентичности (и утрате якутской), составляют лишь 1 %;

– значительно больше сельчан, по сравнению с горожанами, предпочитают думать на якутском языке (66 % респондентов); в равной мере удобно думать на якутском и русском 26 % респондентов, более удобно на русском – 8 %;

– в повседневном общении сельских жителей отчетливо преобладает якутский язык (97 % родителей респондентов, 92 % респондентов, 86 % их детей общаются на якутском);

– они в большей степени, чем горожане, нацелены на обучение своих детей якутскому языку (определенно будут учить 83 % респондентов);

– для сельчан, по сравнению с горожанами, характерна бóльшая значимость народной культуры (от 26 до 57 % ответов о том, что ее элементы занимают большое место в жизни);

– сельские жители, как и другие поселенческие группы, характеризуются средним уровнем активности в отношении культуры и традиций своего народа: гордятся своей этнической группой 34 % респондентов, соблюдают народные традиции – 29, посвятили много времени, узнавая о своем народе, его истории и традициях, – 16, активны в организациях и группах, включающих преимущественно саха, – 12 %.

Горожане в первом поколении:

– в большинстве (но меньше, чем сельские жители) включены в сообщества родственников (64 % респондентов чувствуют себя безусловно частью родового клана);

– ориентированы на двух- или трехдетную семью (39 и 28 % респондентов соответственно, планируют иметь одного ребенка 12 %, четырех и более – 11 %); наблюдается «сдвиг» в направлении к малодетности;

– для горожан в первом поколении в большей степени, чем для других поселенческих групп, характерна позитивная этническая идентичность (81 % респондентов), амбивалентная – у 14 % респондентов, негативная – у 5 %;

– среди них преобладают респонденты с якутской идентичностью (56 %); второе место занимают считающие себя и якутянами, и россиянами (41 %), ответов, указывающих на российскую идентичность, лишь 1 %;

– среди горожан в первом поколении близки доли тех, кому удобнее думать на якутском языке и кому одинаково удобно на якутском и русском (47 и 40 % соответственно); думать на русском языке предпочитают 12 % респондентов;

– в их повседневном общении преобладает якутский язык, однако в меньшей степени, чем у сельских жителей (на якутском языке общаются 96 % родителей респондентов, очевидно, это сельчане, 79 % респондентов, 57 % их детей); переселившись в город, саха расширяют использование русского языка в повседневной жизни;

– несколько меньше, чем сельчане, нацелены на обучение своих детей якутскому языку (определенно намерены учить 75 % респондентов);

– для них характерна более низкая, по сравнению с сельскими жителями, значимость народной культуры (от 18 до 53 % ответов о том, что ее элементы занимают большое место в жизни); в наибольшей степени сохраняется интерес к национальным праздникам, кухне, народным обычаям и обрядам, национальным видам хозяйственных занятий, традициям;

– это наиболее активная группа в плане приобщения к традициям народа саха: тех, кто гордится своим этносом, 42 %, соблюдает народные традиции – 31, посвятили много времени, узнавая о своем народе, его истории и традициях, – 16, активны в организациях и группах, включающих преимущественно саха, – 11 %.

Горожане во втором поколении:

– в меньшей степени, чем сельские жители, включены в сообщества родственников (считают себя безусловно частью родового клана 53 % респондентов, ответов «скорее нет, чем да» и «нет» 19 %, что больше, чем в других группах);

– ориентированы на одно- или двухдетную семью 18 и 45 % респондентов соответственно; планируют иметь трех детей 16 %, четырех и более – лишь 7 %;

– для них в основном характерна позитивная этническая идентичность (79 % респондентов), амбивалентная – у 12 % респондентов, негативная – у 9 %;

– среди горожан во втором поколении начинают преобладать те, кто считает себя и якутянином, и россиянином (47 % респондентов); доля носителей якутской идентичности (41 %) заметно меньше, чем в других группах, а российской – больше (8 %);

– резко выделяются среди других групп по языку внутренней речи: удобно думать на якутском языке лишь 21 % респондентов, на обоих – 37, на русском – 42 %.

– существенно отличаются и по языку повседневного общения: якутский используют 80 % родителей респондентов, но лишь 47 % самих респондентов и 33 % их детей; происходит переход к русскому как языку повседневного общения;

– меньше других групп ориентированы на обучение своих детей якутскому языку (определенно намерены учить 53 % респондентов);

– наиболее «дистанцированы» от народной культуры (получено от 12 до 39 % ответов о том, что ее элементы занимают большое место в жизни); в наибольшей степени сохранился интерес к национальным кухне, праздникам, народным обычаям и обрядам, национальным традициям;

– в меньшей степени активны в отношении культуры и традиций своего народа: гордятся своей этнической группой – 33 %, соблюдают народные традиции – 22, посвятили много времени, узнавая о своем народе, его истории и традициях, – 17 (только по этому пункту они «не отстают» от других групп), активны в организациях и группах, включающих преимущественно саха, – 7 %.

Выводы

Проведенное сравнение трех поселенческих групп – жителей сел, горожан в первом и втором поколении – подтверждает гипотезу о том, что урбанизация сопровождается значимыми социально-демографическими и социально-культурными изменениями, несущими риски и для демографического воспроизводства якутского этноса, и для его воспроизводства как культурно-языковой общности. В настоящее время они не проявлены в полной мере, поскольку существенная часть городского населения – это горожане в первом поколении, которые по многим значимым параметрам еще близки к сельским жителям.

Исследование группы горожан во втором поколении позволяет более отчетливо выявить изменения и риски, связанные с урбанизацией. Эта группа отличается от других тем, что в меньшей степени включена в сферу действия родового клана, обеспечивающего трансляцию национального языка и культуры. Горожане во втором поколении больше ориентированы на малодетную семью – большинство планирует иметь двух или одного ребенка. В данной группе начинает преобладать сложная идентичность, сочетающая якутскую и российскую. Большинству горожан во втором поколении удобнее думать на русском языке или одинаково удобно на обоих (русском и якутском); в повседневном общении их семьи переходят на русский язык. Снижается уровень причастности к народной культуре – она занимает все меньше места в жизни горожан. Обсуждаемые изменения в полной мере проявятся через 20–25 лет, когда увеличится доля данной категории городских жителей среди населения в целом за счет пополнения детьми горожан в первом поколении.

Список литературы

Аклаев А.Р., Дробижева Л.М., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.

Борисова У.С., Попова Л.Н., Ефимов В.С. Экономические и этнокультурные процессы Республики Саха (Якутия): настоящее и будущее // Экономическая наука в различных культурных контекстах. – Prague: Charles Univ. in Prague, Fac. of social sciences. – 2013. – С. 6–37.

Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – 2002. – № 2. – С. 213–244.

Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Бравин А.Д., Кузнецов И.М., Перебоева М.А., Рыжова С.В., Яковлева Э.Я. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия) // Информ.-аналит. бюл. Ин-та социологии РАН. – 2012. – № 4. – С. 4–96.

Ефимов В.С., Лаптева А.В. Форсайт Республики Саха (Якутия): концепция и базовые модели проекта // Вестн. НГУЭУ. – 2012. – № 1. – С. 105–123.

Ефимов В.С., Лаптева А.В. Будущее циркумполярных территорий: проблемы воспроизводства северных этносов // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития. – М.: Инфра-М; Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2014а. – С. 48–102. – DOI: 10.12737/1205.3

Ефимов В.С., Лаптева А.В. Будущее коренных народов Республики Саха (Якутия) (по материалам форсайт-исследования) // 55 и выше: Междунар. этно-антропол. конгресс: сб. эксперт. мат-лов / под ред. С.А. Смирнова, И.В. Октябрьской. – Новосибирск, 2014б. – С. 198–224.

Ефимов В.С., Лаптева А.В., Борисова У.С. Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этно-социологического исследования) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2 (44). – С. 333–349.

Иванова Н.И. Динамика функций якутского и русского языков в сфере семейного общения // Сев.-Вост. гуманит. вестн. – 2013а. – № 2 (7). – С. 94–101.

Иванова Н.И. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2013б. – № 10. – С. 79–83.

Республика Саха (Якутия) – 2050: Форсайт-исследование / Е.И. Михайлова, В.С. Ефимов, У.С. Борисова, А.В. Лаптева, А.Т. Набережная, Н.В. Саввина, В.М. Саввинов, С.А. Сукнёва, М.П. Федоров, К.М. Яковлева. – Якутск: Изд. дом Сев.-Вост. федерал. ун-та, 2014. – 184 с.

Сивцева С.И. Региональная демографическая история: население Якутии в XX в. (общее и особенное) // Регионология. – 2010. – № 4. – С. 294–301.

Сукнёва С.А. Основные закономерности изменения рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. – 2007. – № 3. – С. 108–113.

Mikhailova E.I., Lapteva A.V., Efimov V.S. Scenario of the Future of the Sakha (Yakutia) Republic: Foresight Research // J. of Siberian Federal Univ.: Humanities & Social Sciences. – 2014. – Vol. 7 (9). – P. 1457–1470.

Материал поступил в редколлегию 02.10.14 г.,
в окончательном варианте – 18.11.14 г.

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

УДК 572.77

А.В. Зубова, Т.А. Чикишева
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru; chikisheva@ngs.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗУБОВ ЧЕЛОВЕКА СО СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА II И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОДОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ*

Обследованы пять зубов нижней челюсти, обнаруженной в 2014 г. на стоянке Афонтова Гора II (16–12 тыс. л.н.). Основными особенностями их морфологии являются архаизм строения коронок, сложность одонтоглифического узора, отсутствие ключевых маркеров восточного и западного одонтологического ствола, крупные размеры коронок при малой длине корневой системы. Ближайшие аналоги зубов со стоянки Афонтова Гора II обнаружены у индивида из Лиственки. Предполагается самостоятельный очаг морфогенеза выделенного одонтологического комплекса, названного южно-сибирским. Его ареал находился на территории Южной Сибири, а возможным эпицентром являлись предгорья Алтая и Саян. Установлен недифференцированный по вектору восток – запад характер южно-сибирского одонтологического комплекса и высказано предположение о независимости его формирования от восточного и западного одонтологического ствола.

Ключевые слова: *одонтологический комплекс, верхний палеолит, афонтовская культура, Афонтова Гора II.*

A.V. Zubova and T.A. Chikisheva
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru; chikisheva@ngs.ru

HUMAN TEETH FROM THE UPPER PALEOLITHIC SITE OF AFONTOVA GORA II, SOUTHERN SIBERIA: MORPHOLOGY AND AFFINITIES

Metric and nonmetric traits of five lower teeth from Afontova Gora II, dated to 16–12 thousand years BP, were examined. The trait combination includes large crowns with short roots, complex and somewhat archaic odontoglyphic pattern, and absence of key eastern or western markers. The closest parallel is provided by teeth of the Listvenka child. This dental complex, termed Southern Siberian, is neutral with regard to the east to west differentiation and had apparently originated in the Altai and Sayan foothills.

Keywords: *Dentition, Upper Paleolithic, Afontova culture, Afontova Gora II.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.135-143

Введение

Стоянка Афонтова Гора II, расположенная в границах г. Красноярска, относится к афонтовской археологической культуре и датируется в пределах от 15 до 11 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2014, с. 431]. Первые палеоантропологические находки на этой стоянке были обнаружены в 1924 г. Г.П. Сосновским, Н.К. Ауэрбахом и В.И. Громовым: фаланга пальца руки, фрагменты левых лучевой, плечевой и локтевой костей взрослого человека и второй верхний премоляр подростка 11–15 лет [Грязнов, 1932]. В 1937 г. Ж. Фромаже при осмотре обнажений культурного слоя на памятнике нашел фрагмент лобной кости человека с прикорневой частью носовых костей, на основании

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

© Зубова А.В., Чикишева Т.А., 2015

малых размеров и толщины признанных детскими [Герасимова, Астахов, Величко, 2007, с. 23]. Опираясь на их малую высоту над линией, соединяющей точки соприкосновения лобной, верхнечелюстной и носовой костей, Г.Ф. Дебец сделал вывод об антропологической монголоидности индивида, которому принадлежал этот фрагмент [1946, с. 75].

В 2014 г. на памятнике были обнаружены первый шейный позвонок женщины в возрасте старше 20 лет, нижняя челюсть и пять зубов индивида 14–15 лет, предположительно женского пола. Обсуждению половозрастного статуса и остеологических характеристик челюсти посвящена специальная работа, которая готовится к печати. Основная задача данной статьи – анализ морфологических особенностей зубов и определение их места в системе одонтологических комплексов эпохи верхнего палеолита Северной Евразии.

Материалы и методы

Обследованы пять зубов нижней челюсти, два из которых – правые первый и второй моляры – находились *in situ*, а три – левые второй премоляр, первый и второй моляры – найдены отдельно, но относились к той же челюсти. Обнаруженный в 1924 г. зуб был определен как нижний левый второй моляр [Шпакова, 2001] и, следовательно, принадлежал другому индивиду. Коронки и корни всех зубов полностью сформированы, на первых молярах наблюдается легкая сглаженность рельефа осевых гребней главных бугорков, не затрудняющая оценку его основных деталей.

Измерения диаметров коронок и размеров корней моляров выполнялись по методу Р. Сельмера-Олсена, предполагающему опору на морфологически контактные точки, а не на наиболее удаленные друг от друга участки. В случае мезио-дистального диаметра моляров (MDcor) передняя опорная точка лежит приблизительно на 1 мм вестибулярнее продолжения мезиальной борозды, а дистальная – на наиболее выдающейся части гипоконулида. Вестибуло-лингвальный диаметр моляров (VLcor) измерялся отдельно для тригонида и талонида на уровне наиболее выступающих точек протоконида и метаконида в первом случае, энтоконида и гипоконида во втором [Зубов, 1968б, с. 119–120]. На премолярах MDcor и VLcor определяются эмпирически как наибольшие размеры. Высота коронки (Hcor) измерялась по методу Р. Мартина с поправкой Р. Сельмера-Олсена, учитывающей наличие или отсутствие затека эмали [Зубов, 2006, с. 70]. Длина корня (HR) определялась как расстояние по средней линии от его верхушки до эмалево-цементной границы в вестибулярной норме. Пределы размерных категорий для каждого диаметра устанавливались в соответствии со шкалой А.А. Зубова [1968а, табл. 26]. Для сравнительного анализа метрических показателей привлекались характеристики находок Сунгирь 2, 3 [Зубов, 2000, табл. 19.4, 19.5], Костенки 14 [Халдеева, 2010], 18 [Халдеева, 2006], Мальта 2, Лиственка [Шпакова, 2001].

Одонтоскопическое описание деталей рельефа коронок и строения корней зубов выполнялось на основании критериев, принятых российской одонтологической школой [Зубов, 1968а, 1974, 2006; Зубов, Халдеева, 1993] и системой Аризонского государственного университета (ASUDAS) [Turner, Nichol, Scott, 1991; Scott, Turner, 1997]. При анализе таксономического статуса находок мы опирались на распределение одонтологических признаков, дифференцирующих популяции *Homo sapiens* по направлению запад – восток, и их сочетания с маркерами генерализованной архаики, выделяемыми отечественными исследователями в отдельную группу фенов. Из маркеров восточной направленности учитывалось наличие дистального гребня тригонида, шестого бугорка, ямки протостилида, одонтоглифического фена 2med(III), варианта III точек впадения первых борозд метаконида и протоконида в межбугорковую борозду. Поскольку частоты коленчатой складки метаконида и tami в древних сериях на юге Западной Сибири варьируют вне строгой связи с монголоидным комплексом (неопубликованные данные А.В. Зубовой), в данном анализе они имеют второстепенное значение. К группе архаичных морфологических элементов (маркеров архаики) на нижних зубах в российской антропологии традиционно относят повышенную сложность рельефа жевательной поверхности, передние и задние ямки, средний гребень тригонида, дериваты цингулюма (в т.ч. и протостилид), центральные бугорки, наклон вершин основных бугорков к центру коронки [Халдеева, Харламова, Зубов, 2010; Зубова, 2013]. В эту группу были включены также маркеры неандертальского одонтологического комплекса [Bailey, 2002, 2005]. Для сравнительного анализа и определения таксономического статуса изученной находки привлекались данные о морфологии зубов индивидов Мальта 2, Лиственка, Костенки 14, 15 [Zubova, 2014] (а также неопубликованные данные А.В. Зубовой), Костенки 18 [Халдеева, 2006], Сунгирь 2, 3 [Зубов, 2000].

Результаты и обсуждение

Одонтометрическая характеристика

Второй левый премоляр был сопоставлен по метрическим характеристикам с зубом, обнаруженным на стоянке Афонтова Гора II ранее [Шпакова, 2001, табл. 2]. Его мезио-дистальный диаметр оказался заметно больше, а вестибуло-лингвальный – несколько

меньше, чем у зуба из раскопок 1924 г. Мезио-дистальные размеры и первых, и вторых моляров попадают в категорию очень больших значений, вестибуло-лингвальные – больших (табл. 1). Высота коронок очень велика и выходит за пределы современной рубрикации. Она сочетается с короткой корневой системой, что не удивительно с учетом малых размеров самой нижней челюсти [Чикишева и др., в печати]. Индексы корня, рассчитанные как отношение максимальной длины корневой системы к высоте коронки и вестибуло-лингвальному диаметру, имеют очень низкие значения.

Сопоставление метрических характеристик моляров нижней челюсти из Афонтовой Горы II с опубликованными данными о других аналогичных верхнепалеолитических находках с территории Северной Евразии (табл. 1) показало, что они отличаются большими мезио-дистальными размерами, сочетающимися со средними для верхнего палеолита вестибуло-лингвальными. К сожалению, в сравнительных материалах у двух из трех индивидов постоянные зубы нижней челюсти были представлены только первыми молярами. Это затруднило проведение полноценного статистического сопоставления одонтологических образцов из Афонтовой Горы II с другими находками и заставило нас ограничиться только анализом их распределения в двухмерном пространстве по значениям мезио-дистального и вестибуло-лингвального диаметров правых первых моляров (рис. 1). Максимальные различия по метрическим характеристикам

Таблица 1. **Одонтометрические характеристики зубов нижней челюсти у верхнепалеолитического населения Северной Евразии**

Показатель	Афонтова Гора II				Сунгирь 2		Сунгирь 3		Костенки 18		Костенки 14		Мальта 2	Лиственка
	P2 (л)*	M1 (п)	M1 (л)	M2 (п)	M1 (п)	M2 (п)	M1 (п)	M2 (п)	M1 (п)	M2 (п)	M1 (п)	M2 (п)	M1 (п)	M1 (п)
MDcor	7,7	12,3	12,2	11,7	12	11,7	11,1	10,3	11,5	11,5	10,3	10	11,3	12,1
VLcor	8,8	11	11,1	10,8	11,8	11,5	10,9	9,2	11	11	11	11,3	10	10,7
Hcor	8,4	8,7	8,7	8,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
HR	13	11,5	11,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
HR : VLcor × 100	147,73	104,56	101,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
HR : Hcor × 100	154,76	132,18	129,89	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
MDM2 : MDM1 × × 100	95,12				97,50		92,79		100		97,09		–	–
VLM2 : VLM1 × × 100	98,18				97,46		84,4		100		102,73		–	–

*В скобках указана сторона челюсти: л – левая, п – правая.

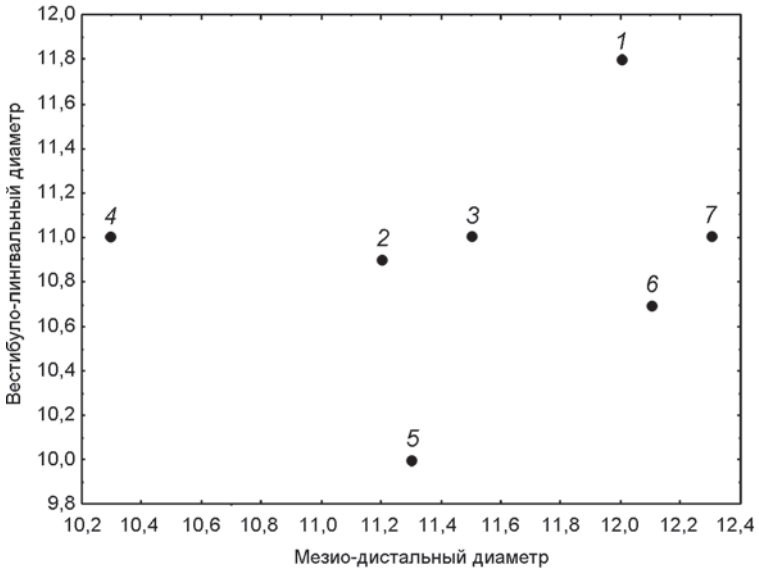


Рис. 1. Распределение правых первых моляров нижней челюсти в двухмерном пространстве по значениям мезио-дистального и вестибуло-лингвального диаметров. *1* – Сунгирь 2; *2* – Сунгирь 3; *3* – Костенки 18; *4* – Костенки 14; *5* – Мальта 2; *6* – Лиственка; *7* – Афонтова Гора II.

у индивида из Афонтовой Горы II наблюдаются с образцами из костенко-борщевского района, а ближайшее сходство – с ребенком, нижняя челюсть которого была обнаружена на памятнике Лиственка в Красноярском крае. Эти две находки образовали на графике общую совокупность, и сходство между ними оказалось даже выше, чем между погребенными на одной стоянке индивидами Сунгирь 2 и 3. Старший ребенок из погребения на памятнике Мальта в Иркутской обл. заметно удаляется от них, отличаясь меньшими значениями обоих размеров. По мезио-дистальному диаметру он сближается с индивидами Сунгирь 2 и Костенки 18.

Сопоставление по соотношению мезио-дистальных и вестибуло-лингвальных размеров нижних первых и вторых моляров (третий стэп-индекс) выявило интересную закономерность. У индивидов Сунгирь 2, 3, Костенки 18 величина индекса, вычисленная по вестибуло-лингвальному диаметру, меньше или равна рассчитанной по мезио-дистальному. Это свидетельствует о том, что скорость редукции продольных и поперечных размеров коронок вторых моляров здесь примерно одинакова. На нижней челюсти из Афонтовой Горы II наблюдается иная динамика, когда вестибуло-лингвальные размеры вторых моляров уменьшаются относительно первых медленнее, чем мезио-дистальные. Величина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибуло-лингвальному диаметру, здесь выше рассчитанной по мезио-дистальному. Из всех черепов, привлекаемых для сравнения, такое соотношение наблюдается только у индивида Костенки 14. Для того чтобы делать выводы об эволюционном значении выявленных различий, пока недостаточно оснований. Тем не менее приведенные А.А. Зубовым данные о панойкуменном распределении значений третьего стэп-индекса [1968б, табл. 28] позволяют заключить, что в большинстве современных популяций его величины, вычисленные по мезиодистальным показателям, выше рассчитанных по вестибуло-лингвальным. Это может свидетельствовать о том, что на значительной части земного шара эволюционная тенденция к уменьшению размеров вторых моляров в большей степени захватывала поперечный диаметр зуба, нежели продольный. В первую очередь это касается европеоидных популяций.

На территории Алтае-Саянского нагорья тенденция к относительно менее интенсивной редукции вестибуло-лингвального диаметра вторых моляров нижней челюсти является хронологически устойчивой. Она сохранялась здесь как минимум до эпохи неолита, где ее можно проследить у носителей кузнецко-алтайской культуры, оставивших захоронения на могильниках Солонцы-5 и Усть-Иша (неопубликованные данные А.В. Зубовой). Это позволяет выдвинуть предположение о том, что меньшая редукция вестибуло-лингвального диаметра вторых нижних моляров по сравнению с мезио-дистальным на челюсти из Афонтовой Горы II отражает не индивидуальную изменчивость, а реальную ситуацию консервативности морфогенетических процессов на изучаемой территории.

Одонтоскопическая характеристика

Левый второй премоляр. Характеризуется сложной морфологией рельефа окклюзивной поверхности (рис. 2). Лингвальная и вестибулярная части коронки близки по высоте, средний гребень, соединяющий протоконид и метаконид, прерван глубокой межбугорковой фиссурой. В лингвальном отделе начинается дифференциация метаконида и энтоконида, в вестибулярном – гипоконида, которые демонстрируют зачатки собственных вершин. Интересной особенностью зуба является более слабая морфологическая выраженность интертуберкулярных борозд, разделяющих метаконид и энтоконид с лингвальной стороны и протоконид и гипоконид с вестибулярной, по сравнению с бороздами второго порядка, выделяющими осевые гребни каждого бугорка. Интертуберкулярные фиссуры имеют форму скорее неглубоких ямок, чем резко очерченных борозд и не пересекают краевые гребни, соединяющие зачатки дополнительных бугорков.

Одонтоглифический узор коронки, таким образом, составляют интертуберкулярные фиссуры первого порядка I и II и борозды второго порядка 1 и 2med, 1 и 2prd, 1 и 2end, 1 и 2hyd. Выразить степень дифференцированности коронки в баллах шкал ASUDAS и А.А. Зубова затруднительно, поскольку они ориентированы, в первую очередь, на интертуберкулярные борозды первого порядка. По шкале А.А. Зубова премоляр находится между баллами 4 и 7, отличаясь от формы 4 повышенной дифференциацией лингвальной части, а от более сложных – отсутствием борозд III и IV. По схеме ASUDAS он соответствует баллам 7 и 8, но отличается от этих вариантов наличием архаичных непрерывных краевых гребней и меньшей разницей в высоте лингвального и вестибулярного отделов коронки.

Зуб имеет один корень, апикальное отверстие которого закрыто. В нижней трети он заметно изогнут в дистальном направлении.

Правый первый моляр. Как и премоляр, зуб характеризуется повышенной дифференциацией окклюзивной поверхности коронки (рис. 3). Он имеет шестибугорковое строение, хотя шестой бугорок очень мал (балл 1 по ASUDAS) и не до конца обособлен. Можно предполагать наличие еще более слабо оформленного метаконулида. Узор основных борозд коронки относится к типу «X», при котором в кон-

Рис. 2. Нижний левый второй премоляр.

такт входят мезио-вестибулярный и дисто-лингвальный бугорки. Дополнительные гребни тригонида, коленчатая складка метаконида, дополнительные стилоидные образования отсутствуют. Фены системы протостилида представлены небольшой ямкой на конце вестибулярной борозды. Наблюдается незначительный сдвиг окклюзивной площадки в лингвальном направлении. В мезиальном отделе зуба присутствует передняя ямка, на поверхности энтоконида – задняя.

Одонтоглифический узор метаконида и протоконида составляют основные борозды второго порядка – 1 и 2med, 1 и 2prd. На гипокониде он стерт. На энтокониде фиксируется только 2end, первая борозда сливается с межбугорковой фиссурой IV и задней ямкой. Гипоконулид также дифференцирован. Из-за легкой стертости нельзя определить направление хода борозды 1hld, но 2hld фиксируется вполне надежно. На протокониде можно отметить присутствие дополнительной бороздки, соединяющей 2prd и фиссуру I. На метакониде также наблюдается дополнительная бороздка, отходящая от 2med. Первые борозды метаконида и протоконида впадают в фиссуру II одновременно. Борозда 2med впадает в центральную ямку (fc), образуя диагностически нейтральное сочетание.

Зуб имеет два корня – мезиальный и дистальный, особенностью которых является наличие двух вершин.

Левый первый моляр. Как и правый, имеет шестибугорковое строение и узор коронки «Х» (рис. 4). На зубе присутствуют передняя и задняя ямки, наблюдается небольшой лингвальный сдвиг окклюзивной площадки. Дополнительные гребни тригонида, фены системы протостилида, за исключением ямки, другие стилоидные образования, центральный бугорок и tami отсутствуют. Одонтоглифический узор метаконида, протоконида, гипоконида и энтоконида представлен бороздами 1 и 2, гипоконулида – только второй, т.к. первая, по всей видимости, стерта. Первые борозды метаконида и протоконида впадают в фиссуру I одновременно. Вторая борозда метаконида впадает в фиссуру III.

Зуб имеет два корня – мезиальный и дистальный, у каждого по две вершины.

Правый второй моляр. Коронки вторых моляров отличаются не меньшей морфологической сложностью, чем первых. Правый M2 имеет шестибугорковое строение (см. рис. 3), причем гипоконулид на этом зубе меньше, а t6, наоборот, крупнее, чем на первых молярах. Узор основных интертуберкулярных борозд относится к типу «Х». Дополнительные гребни тригонида, стилоидные образования, коленчатая склад-

Рис. 3. Первый и второй моляры правой стороны нижней челюсти.

Рис. 4. Нижний левый первый моляр.

ка метаконида, tami, центральные бугорки отсутствуют. В мезиальном отделе фиксируется передняя ямка, в дистальном – задняя. На вестибулярной стороне отмечается ямка протостилида. Окклюзивная площадка немного сдвинута в лингвальном направлении. На метакониде и протокониде присутствуют борозды 1, 2 и 2'; на гипокониде и энтокониде – 1, 2 и 3. Первая борозда гипоконида в терминальном отрезке образует трирадиус. Интересной особенностью зуба является сильная дифференциация гипоконулида, на котором фиксируются элементы как первой, так и второй борозды. Первые борозды метаконида и протоконида впадают в фиссуру II одновременно. Борозда 2med впадает в фиссуру III.

Левый второй моляр. По строению абсолютно аналогичен правому (рис. 5): фиксируются шестой бугорок, узор коронки «X», отсутствуют дополнительные гребни тригонида, коленчатая складка метаконида, tami, центральные бугорки. В мезиальном отделе коронки отмечена передняя ямка, в дистальном – задняя, на вестибулярной поверхности – ямка протостилида. На метакониде и протокониде присутствуют борозды 1, 2 и 2'; на гипокониде и энтокониде – 1 и 2. Гипоконулид дифференцирован также, как и на правом зубе. Первые борозды метаконида и протоконида впадают в фиссуру II одновременно. Вторая борозда метаконида впадает в фиссуру III.

Морфологические характеристики зубов нижней челюсти из Афонтовой Горы II складываются в очень интересную комбинацию (табл. 2). Она характеризуется отсутствием неандертальских маркеров, повышенной сложностью строения и сочетанием в едином комплексе архаичных и прогрессивных морфологических особенностей. Об архаизме свидетельствует наличие передних и задних ямок на вторых молярах, а также уровень морфологической дифференциации коронок этих зубов, не уступающий таковому первых моляров. Эпохальный эволюционный процесс, направленный на уменьшение вторых моляров, по сравнению с первыми, и упрощение их морфологии, не повлиял в данном случае на число бугорков и борозд коронки. Однако он затронул линейные размеры вторых моляров и сказался на абсолютных размерах гипоконулида.

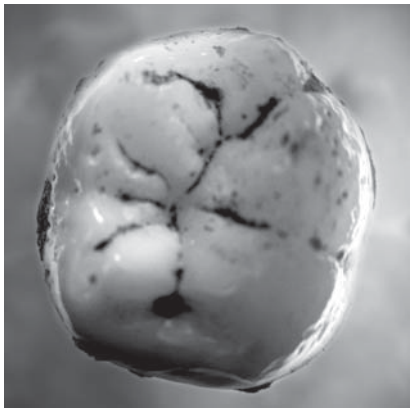


Рис. 5. Нижний левый второй моляр.

Набор маркеров восточного одонтологического ствола, дифференцирующий современных монголоидов и европеоидов, представлен здесь в редуцированном варианте: присутствуют только очень слабо выраженные шестые бугорки и фен 2med(III) – признаки, с невысокими частотами встречающиеся как в европеоидных, так и в монголоидных популяциях. Такой важный признак, как дистальный гребень тригонида, который в неолитическое время на территории Алтае-Саянского нагорья фиксируется даже на единичных находках, на данных образцах отсутствует.

Для определения статуса морфологического комплекса изучаемых зубов в среде верхнепалеолитических популяций Северной Евразии он был сопоставлен с наборами характеристик одонтологических образцов с памятников костенко-борщевского археологического района (Костенки 14, 15, 18) и Сунгирь под Владимиром (Сунгирь 2, 3), а также стоянок Мальта и Лиственка в Западной Сибири. Все эти образцы проявляют определенную морфологическую специфику, но позволяют выделить несколько одонтологических комплексов, имеющих географическую приуроченность. Один из них объединяет находки с территории Восточно-Европейской равнины. Он включает отсутствие выраженной лопатообразности верхних центральных резцов, повышенную частоту бугорка Карабелли, заметную редукцию гипоконуса верхних вторых моляров, отсутствие шестибугорковых нижних моляров и дистального гребня тригонида на первых нижних молярах. Также в число его отличительных особенностей входят доминирование на последних «Y»-узора коронки и повышенная частота четырехбугорковых нижних вторых моляров. Этот комплекс подразделяется на два варианта. В составе первого из них, выявленного на одонтологических образцах из костенко-борщевского района, указанные особенности присутствуют в полной мере. Во втором варианте, представленном на сунгирских находках, сохраняются все перечисленные черты и добавляются коленчатая складка метаконида, дополнительные бугорки нижних премоляров, некоторые архаичные элементы [Зубов, 2000]. Тем не менее оба варианта можно относить к западному одонтологическому стволу и рассматривать в пределах большой европеоидной расы.

Сибирские верхнепалеолитические находки со стоянок Мальта и Лиственка очень сильно отличаются друг от друга. Характеристики коронок постоянных зубов старшего индивида из Мальты аналогичны таковым образцов из костенко-борщевского

Таблица 2. **Некоторые морфологические характеристики зубов нижней челюсти у верхнепалеолитического населения Северной Евразии**

Признак	Зуб		Сунгирь 2	Сунгирь 3	Костенки 14	Костенки 15	Костенки 18	Мальта 2	Лиственка	Афонтова Гора II
1	2		3	4	5	6	7	8	9	10
Форма премоляров	P1	правый	2	–	?	–	–	–	–	–
		левый	2	–	?	–	–	–	–	–
	P2	правый	5	–	?	–	–	–	–	–
		левый	7	–	?	–	–	–	–	> 4
Цингулюм	P1	правый	0	–	0	–	–	–	–	–
		левый	0	–	0	–	–	–	–	–
	P2	правый	0	–	0	–	–	–	–	–
		левый	0	–	0	–	–	–	–	0
	M1	правый	+	0	0	0	–	0,5	0,5	0
		левый	+	0	0	0	–	0,5	0,5	0
	M2	правый	0	0	0	–	–	–	–	0
		левый	0	0	0	–	–	–	–	0
Форма моляров	M1	правый	Y5	Y5	5	Y4	Y5	Y5	Y6	X6
		левый	Y5	+5	5	Y4	Y5	Y5	Y6	X6
	M2	правый	X4	+4	+4	–	+4	–	–	X6
		левый	X4	+4	+4	–	+4	–	–	X6
Протостилид	M1	правый	0	0	0	0	0	0	p	p
		левый	0	0	0	–	0	0	p	p
	M2	правый	0	0	0	–	0	–	–	p
		левый	0	0	0	–	0	–	–	p
Дистальный гребень тригонида	M1	правый	0	0	–	0	0	0	0	0
		левый	0	0	–	0	0	0	0	0
	M2	правый	0	0	0	–	0	–	–	0
		левый	0	0	0	–	0	–	–	0
Средний гребень тригонида	M1	правый	0	0	–	0	0	0	0	0
		левый	0	0	–	0	0	0	0	0
	M2	правый	0	0	0	–	0	–	–	0
		левый	0	0	0	–	0	–	–	0
Коленчатая складка метаконида	M1	правый	+	0	–	0	0	0	0	0
		левый	+	0	–	0	0	0	0	0
	M2	правый	0	0	–	–	0	–	–	0
		левый	0	0	–	–	0	–	–	0
Fa	M1	правый	0	0	–	0	0	0	+	+
		левый	0	0	–	0	0	0	–	+
	M2	правый	0	0	0	–	+	–	–	+
		левый	0	0	0	–	+	–	–	+
Fp	M1	правый	0	0	–	0	+	0	0	+
		левый	0	0	–	0	0	0	0	–
	M2	правый	0	0	0	–	+	–	–	+
		левый	0	0	0	–	0	–	–	+

Окончание табл. 2

1	2		3	4	5	6	7	8	9	10
Центральный бугорок	M1	правый	+	0	–	0	–	0	0	0
		левый	+	0	–	0	–	0	0	0
	M2	правый	0	0	–	–	–	–	–	0
		левый	0	0	0	–	–	–	–	0
Tami	M1	правый	0	0	0	0	0	0	0	1
		левый	0	0	0	0	0	0	0	1
	M2	правый	0	0	0	–	0	–	–	0
		левый	0	0	0	–	0	–	–	0
1med/1prd	M1	правый	–	–	–	3	–	–	1	1
		левый	1	–	–	3	–	–	–	–
	M2	правый	1	2	–	–	–	–	–	1
		левый	2	1	–	–	–	–	–	1
2med	M1	правый	–	–	–	III	–	fc	fc	fc
		левый	III	–	–	III	–	II	III	–
	M2	правый	II	II	–	–	II	–	–	III
		левый	II	II	–	–	II	–	–	II

археологического района. Максимальное сходство обнаруживается с находками Костенки 15 и 18. Ребенок из Лиственки при отсутствии лопатообразности верхних резцов характеризуется очень сложным строением постоянных нижних первых моляров. На них имеются шестые бугорки, ямка протостилида и целый ряд архаичных особенностей: повышенная дифференцированность одонтоглифического узора, элементы передних и задних ямок, увеличение цингулюма. Одонтологические характеристики этого индивида представляют собой самостоятельный морфологический комплекс, резко отличающийся от наблюдаемого на восточно-европейских верхнепалеолитических черепах.

Сравнительный анализ показал, что зубы из Афонтовой Горы II наиболее полные аналогии находят именно в нижней челюсти из Лиственки. Их объединяет сложность одонтоглифического узора коронок первых нижних постоянных моляров, присутствие на них шестых бугорков, ямок протостилида, одонтоглифического варианта 2med(III/fc) и типа 1 контакта борозд 1prd и 1med при впадении в фиссуру II. К сожалению, возраст индивида из Лиственки не позволяет сопоставить эти находки по строению вторых постоянных моляров нижней челюсти. Совпадение морфологических особенностей и метрических характеристик зубов из Афонтовой Горы II и Лиственки дает основание говорить о включении Присаянья в ареал самостоятельного очага одонтологического формообразования, который, возможно, распространялся на всю территорию Алтае-Саянского нагорья.

Заключение

Одонтометрические и одонтоскопические характеристики зубов нижней челюсти, обнаруженной при раскопках на Афонтовой Горе II в 2014 г., образуют комбинацию, особенностями которой являются морфологическая сложность рельефа коронок, отсутствие основных маркеров восточного или западного одонтологического ствола, крупные размеры коронок зубов при малой длине корней. Ее анализ на фоне верхнепалеолитического населения Северной Евразии позволил выделить для этой территории два очага одонтологического формообразования – восточно-европейский (к нему можно отнести находки Костенки 14, 15, 18, Сунгирь 2, 3) и южно-сибирский (Лиственка, Афонтова Гора II).

Морфологический комплекс, формировавшийся в пределах южно-сибирского очага, нельзя отнести к западному одонтологическому стволу, но, в строгом смысле, он не соответствует и характеристикам восточного. От западных групп он отличается повышенной частотой шестибугорковых нижних моляров, ямки протостилида и малой длиной корневой системы; от восточных – отсутствием таких важнейших признаков, как лопатообразность верхних резцов и дистальный гребень тригонида. На зубах из Лиственки и Афонтовой Горы II обнаружены лишь те фены, которые могут встречаться у представителей как западных, так и восточных популяций. Основные различия между одонтологическими комплексами, выявленными у верхнепалеолитического населения

Южной Сибири и средней полосы Восточно-Европейской равнины, наблюдаются по степени архаизма строения нижних моляров: у зубов из Красноярского края она заметно выше, чем у образцов из Костенок и Сунгиря. Это позволяет сделать вывод о большем консерватизме морфогенетических процессов в Западной Сибири и формировании здесь недифференцированного одонтологического комплекса, который изначально отличался от характеристик как западного, так и восточного ствола. Архаизм этого комплекса подтверждается соотношением мезио-дистальных и вестибуло-лингвальных размеров нижних первых и вторых моляров, позволяющим судить о направлении редукционного процесса. На территории Восточно-Европейской равнины (Сунгирь 2, 3, Костенки 18) происходило более интенсивное уменьшение вестибуло-лингвальных размеров вторых моляров относительно первых, что наблюдается и в большинстве современных популяций; а в Южной Сибири – мезио-дистальных, и эта тенденция сохранялась в Алтае-Саянском регионе как минимум до эпохи неолита.

Список литературы

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 240 с.

Грязнов М.П. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1932. – Т. 1. – С. 137–144.

Дебец Г.Ф. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова Гора II» под Красноярском // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1946. – № 8. – С. 73–77.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Дудко А.А., Ломов П.К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 431–434.

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968а. – С. 5–123.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968б. – 200 с.

Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11–42.

Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения 2 // HOMO SUNGIRENSIS: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – С. 256–268.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 72 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения маркеров архаики в одонтологических комплексах населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4 (26). – С. 107–127.

Чикишева Т.А., Слепченко С.М., Зубова А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И. Антропологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка (атланта) из местонахождения Афонтова Гора II (в печати).

Халдеева Н.И. Результаты одонтологического изучения черепа Костенки-18 // Васильев С.В., Зубов А.А., Герасимова М.М., Баруцкая С.Б., Кожин П.М., Халдеева Н.И. Доисторический человек: Биологические и социальные аспекты. – М.: Оргсервис-2000, 2006. – С. 171–186.

Халдеева Н.И. Одонтометрический анализ палеоматериалов за период «верхний палеолит – современность»: в центре поля и по краям // Этногр. обозрение. – 2010. – № 2. – С. 15–25.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Сравнительное одонтологическое исследование «классических» западноевропейских неандертальцев // Вестн. антропологии. – 2010. – № 18. – С. 60–87.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Bailey S.E. A Closer Look at Neanderthal Postcanine Dental Morphology: the Mandibular Dentition // The Anatomical Records. – 2002. – Vol. 269. – P. 148–156.

Bailey S.E. Diagnostic Differences in Mandibular P4 Shape between Neanderthals and Anatomically Modern Humans // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2005. – Vol. 126. – P. 268–277.

Scott G.R., Turner C.G. The anthropology of modern human teeth: Dental morphology and its variation in recent human populations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 382 p.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. – N. Y.: Wiley-Liss, Inc., 1991. – P. 13–31.

Zubova A.V. Non-metric dental trait variation among Eastern European and Western Siberian forest-steppe Neolithic populations // Bull. of Intern. assoc. for Paleodontology. – 2014. – Vol. 8, N 2. – P. 244–257. – URL: http://ojs.sfzg.hr/index.php/IAPO/article/view/480

Материал поступил в редколлегию 01.06.15 г.,
в окончательном варианте – 12.08.15 г.

УДК 575.17

А.С. Пилипенко[1–3], Р.О. Трапезов[1, 2], Н.В. Полосьмак[2]
[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail:alexpil@bionet.nsc.ru
Rostislav@bionet.nsc.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева,17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
[3] Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-1 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

В статье представлены результаты молекулярно-генетического исследования останков двух носителей пазырыкской культуры, погребенных в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 (плато Укок, Горный Алтай, Россия), с использованием четырех систем генетических маркеров – митохондриальной ДНК, полиморфного фрагмента гена амелогенина, STR-локусов аутосом и Y-хромосомы. Установлен мужской пол обоих индивидов. Выявлены идентичные варианты митохондриальной ДНК и Y-хромосомы, что свидетельствует в пользу родства погребенных. Однако интегральное рассмотрение полученных генетических данных позволяет исключить прямое родство (отец – сын). Приведена филогенетическая и филогеографическая интерпретация данных по митохондриальной ДНК и Y-хромосоме. Исследование демонстрирует современные возможности палеогенетических методов и назревшую необходимость их широкого применения для объективизации археологических реконструкций.

Ключевые слова: *палеогенетика, митохондриальная ДНК, маркеры половой принадлежности, STR-маркеры аутосом и Y-хромосомы, Горный Алтай, пазырыкская культура.*

A.S. Pilipenko[1–3], R.O. Trapezov[1, 2], and N.V Polosmak[2]
[1]Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 10, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru
Rostislav@bionet.nsc.ru
[2]Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
[3]Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia

A PALEOGENETIC STUDY OF PAZYRYK PEOPLE BURIED AT AK-ALAKHA-1, THE ALTAI MOUNTAINS

The study outlines the results of a molecular-genetic analysis of two males from a Pazyryk burial at Ak-Alakha-1, Ukok Plateau, the Altai Mountains, relating to mitochondrial DNA, the polymorphic part of amelogenin gene, autosomal STR-loci and STR-loci of Y-chromosome. Major lineages of both mtDNA and Y-chromosome are identical, indicating kinship. However, more detailed results exclude first degree (father–son) kinship in favor of a more distant relationship. Phylogenetic and phylogeographic implications

*Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-03124.

© Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В., 2015

of the findings are discussed. The study demonstrates the capacities of modern paleogenetic techniques and the urgent necessity to include them in archaeological reconstructions.

Keywords: *Paleogenetics, ancient DNA, mitochondrial DNA, sex-related genetic markers, autosomal STR-loci, STR-loci of Y-chromosome, the Altai Mountains, Pazyryk culture.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.144-150

Введение

Многочисленные курганные могильники пазырыкской культуры скифской эпохи, исследованные археологами на юге Сибири в горах Алтая, получили широчайшую известность благодаря уникальной сохранности останков людей, животных, изделий из органических материалов, которая обусловлена благоприятными условиями среды в погребениях (низкая средняя температура, слабая интенсивность жизнедеятельности микроорганизмов, наличие мерзлоты в некоторых погребениях и др.). Вариабельность устройства погребальных сооружений, состава погребенных в кургане, разнообразие сопроводительного инвентаря и бытовых предметов, обнаруживаемых в захоронениях, позволяют реконструировать различные аспекты социального устройства пазырыкского сообщества, особенности семейной организации и связанные с ними элементы погребальной практики.

Вместе с тем высокая сохранность останков носителей пазырыкской культуры (как мумифицированных, так и скелетов) делает их перспективными объектами для исследования естественно-научными методами, в первую очередь, палеогенетическими. Помимо изучения общей структуры генофонда пазырыкских популяций, поиска их генетических корней и генетического наследия в более поздних группах населения Евразии, одним из наиболее перспективных направлений применения палеогенетических методов является реконструкция таких аспектов, как степень родства погребенных в коллективных захоронениях или могильниках и половая принадлежность некоторых индивидов. Мы уже провели ряд исследований в этом направлении (см., напр.: [Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015; Pilipenko et al., 2010]).

Очередным объектом нашего внимания стали останки носителей пазырыкской культуры из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994, с. 16–60; Население…, 2003, с. 17–21]. Памятник расположен в долине одноименной реки на плато Укок (Горный Алтай, Россия). Состоял из пяти курганов, три из которых были исследованы под руководством Н.В. Полосьмак. Курган 1 диаметром 18 м по своим размерам относится к разряду средних и содержал останки двух индивидов. Ряд черт в устройстве погребального сооружения и элементы обряда погребения свидетельствуют о довольно высоком статусе погребенных, по-видимому относившихся к элите пазырыкского общества: наличие двух срубов – внешнего семивенцового и внутреннего пятивенцового; сопроводительное захоронение девяти лошадей в специальном отсеке внешнего сруба; помещение обоих погребенных в колоды, не уступающие по своим размерам таковым из «царского» пазырыкского кургана 4 [Руденко, 1953, с. 44]. Несомненный интерес вызывает тот факт, что в обеих колодах находились наборы вооружения, включающие железные чеканы с деревянными рукоятями, железные кинжалы в деревянных ножнах, гориты со стрелами и луки. Этот курган был первым в истории изучения пазырыкской культуры неразграбленным и «замерзшим» погребением знатных воинов-всадников с полностью сохранившимся погребальным инвентарем и фрагментами костюма.

Методами физической антропологии установлено, что в первой колоде был захоронен мужчина 45–50 лет, во второй – молодая женщина (16–17 лет) [Чикишева, 1994]. Таким образом, данное погребение рассматривалось как аргумент в пользу существования в пазырыкском обществе практики владения оружием и привлечения к воинской деятельности как мужчин, так и женщин, хотя и подчеркивалось, что для пазырыкской культуры этот случай является уникальным [Полосьмак, 2001, с. 276].

В статье приводятся результаты исследования останков носителей пазырыкской культуры из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 методами палеогенетики с целью прояснения их филогенетических и филогеографических характеристик (по маркерам мтДНК и Y-хромосомы), возможной степени родства и половой принадлежности.

Материалы и методы

Палеоантропологические образцы. Для исследования были взяты по две кости посткраниального скелета каждого погребенного, характеризующиеся наибольшей макроскопической сохранностью: индивида 1 – бедренные, индивида 2 – бедренная и большая берцовая. Работа с разными костями каждого погребенного проводилась с большим хронологическим перерывом, чтобы исключить возможность какой-либо перекрестной контаминации и обеспечить максимальную независимость результатов. Также принимались специальные меры для исключения перекрестной контаминации между образцами от индивидов 1 и 2.

Предварительная обработка палеоантропологического материала и экстракция ДНК. Применялись методы, описанные в наших работах [Pilipenko et al., 2010, 2015; Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015]. Поверхность костей обрабатывали 5%-м раствором гипохлорита натрия для разрушения возможных загрязнений современной ДНК, затем удаляли механически слой ~1–2 мм и облучали образец ультрафиолетом не менее 1 ч. Из компактного костного вещества высверливали мелкодисперсный порошок, который использовали для экстракции суммарной ДНК. Костный порошок в течение 36–48 ч инкубировали в 5М гуанидинизотиоционатном буфере при температуре 65 ºС и постоянном перемешивании с помощью термошейкера [Pilipenko et al., 2010, 2015]. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом.

Анализ генетических маркеров. Исследование включает анализ четырех систем молекулярно-генетических маркеров: митохондриальной ДНК (последовательность ГВС I, маркер родства по женской линии, филогенетически и филогеографически информативный маркер), фрагмента гена амелогенина (маркер, используемый для определения половой принадлежности останков), высоковариабельных STR-локусов аутосом (универсальные маркеры степени родства индивидов) и Y-хромосомы (маркеры родства по мужской линии, филогенетически и филогеографически информативные маркеры, являются также независимыми маркерами мужского пола). Таким образом, пол погребенных устанавливали на основании анализа двух независимых систем маркеров (ген амелогенина и STR-локусы Y-хромосомы), родство – трех (STR-локусы аутосом и Y-хромосомы, а также мтДНК). Две из них – мтДНК и STR-локусы Y-хромосомы – являются филогенетически и филогеографически информативными, отражая генетическую историю пазырыкской популяции по женской и мужской линиям соответственно. Методы генотипирования каждой анализируемой системы маркеров приведены ниже.

Анализ последовательности мтДНК. Амплификацию ГВС I мтДНК проводили двумя разными методами: четырех коротких перекрывающихся фрагментов посредством однораундовой ПЦР [Haak et al., 2005] и одного длинного с помощью «вложенной» ПЦР (включала два раунда реакции) [Пилипенко и др., 2008].

Последовательности нуклеотидов определяли с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, USA). Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyser (Applied Biosistems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (http://sequest.niboch.nsc.ru).

Полученные последовательности сравнивали с уточненной кембриджской референсной последовательностью мтДНК (rCRS) [Andrews et al., 1999]. Их филогенетическую интерпретацию осуществляли на основании существующей классификации структурных вариантов мтДНК (http://www.phylotree.org) [Van Oven, Kayser, 2009]. Полученные результаты дополнительно верифицировали с помощью программного инструмента HaploGrep [Kloss-Brandstatter et al., 2011] (http://haplogrep.uibk.ac.at/). Для филогеографического анализа привлекались литературные данные по разнообразию структуры ГВС I мтДНК в современных популяциях Евразии численностью более 25 тыс. образцов.

Определение профилей девяти аутосомных STR-локусов и анализ полиморфизма участка гена амелогенина (маркер половой принадлежности останков) проводили с использованием коммерческого набора реактивов AmpFlSTR® Profiler® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя. Профили 17 STR-маркеров Y-хромосомы определяли с помощью коммерческого набора реактивов AmpFlSTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя. Для установления принадлежности исследованных STR-гаплотипов Y-хромосомы к гаплогруппам использовали программу Haplogroup predictor, находящуюся в свободном доступе (http://www.hprg.com/hapest5/).

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены в лаборатории, специально оборудованной для палеогенетических исследований. Персонал лаборатории использовал комплекты спецодежды для чистых помещений. Все рабочие поверхности и приборы регулярно обрабатывались раствором гипохлорита натрия (5 %) и облучались ультрафиолетом. Через полную процедуру экстракции и амплификации параллельно с древними образцами проходили контрольные пробирки чистоты системы (без добавления палеоматериала) для выявления возможного загрязнения используемых реактивов и оборудования. Для каждого индивида проводили три независимые экстракции ДНК. Амплификацию выполняли несколько раз для каждого экстракта. У всех сотрудников палеогенетической лаборатории, имеющих доступ в чистые помещения, были определены последовательности ГВС I мтДНК с целью выявления возможной контаминации материалов. Реализация перечисленных мер и особенности результатов исследования свидетельствуют о достоверности полученных палеогенетических данных.

Результаты и обсуждение

Для каждого индивида была получена серия из семи экстрактов ДНК (по три из первой кости и по четыре из второй). Их анализ позволил получить информацию о последовательности ГВС I мтДНК, присутствии в останках аллельных вариантов гена амелогенина, специфичных для половых хромосом, об аллельных вариантах STR-локусов аутосом и Y-хромосомы (табл. 1, 2).

Степень сохранности ДНК в останках и эффективность использованных систем генотипирования маркеров. В процессе экспериментальных работ нами получены многочисленные свидетельства различной степени сохранности ДНК в исследуемых останках: у индивида 2 она существенно ниже, чем у индивида 1. При амплификации мтДНК методом «вложенной» ПЦР, для осуществления которой требуется присутствие в экстракте фрагментов длиной более 300 пар нуклеотидов, положительные результаты получены для всех образцов ДНК индивида 1 и только для четырех из семи индивида 2. При этом амплификация короткими перекрывающимися фрагментами была успешно проведена для всех образцов, что свидетельствует о достаточно высокой для древних скелетных материалов сохранности аутентичной ДНК. Аналогичные результаты получены для других систем маркеров: для индивида 1 реконструированы полные профили аллелей STR-локусов аутосом и Y-хромосомы, в то время как для индивида 2 амплификация была менее эффективной (особенно для локусов, продукты амплификации которых существенно превышали длину 250 пар нуклеотидов), что не позволило воспроизвести полные профили аллелей (табл. 1, 2). Амплификация фрагментов гена амелогенина (маркер половой принадлежности) также была нестабильной. Именно с учетом относительно низкой степени сохранности ДНК в останках индивида 2 мы решили увеличить число независимых экстрактов для каждого индивида с двух-трех (стандартное число) до семи. В этом контексте особо важен факт воспроизведения результатов из разных частей скелета. Полученные достоверные данные позволили сделать выводы с использованием всех четырех анализируемых нами систем генетических маркеров.

Половая принадлежность погребенных. Задача определения пола индивида сводится к установлению присутствия или отсутствия в останках аутентичной ДНК Y-хромосомы. В рамках нашего исследования реализованы два подхода к решению этой задачи: анализ аллелей гена амелогенина (его варианты отличаются для X- и Y-хромосом человека) и генотипирование STR-локусов Y-хромосомы. Для набора реактивов AmpFlSTR® Profiler® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), позволяющего проводить одновременный анализ аллелей гена амелогенина и профиля аутосомных STR-маркеров, нами была выявлена значительная зависимость эффективности ам-

Таблица 1. **Результаты генотипирования профиля аутосомных STR-локусов в образцах ДНК**

Локус	Генотип	
	Скелет 1	Скелет 2
D3S1358	15/16	14/15
vWA	**18/18**	**14/16**
FGA	22/22*	23/23*
D8S1179	**13/13**	**14/18**
D21S11	**31/32.2**	**29/30**
D18S51	Нет данных	Нет данных
D5S818	11/12	11/11
D13S317	10/13	Нет данных
D7S8	8/8	Нет данных
Амелогенин (пол)	XY (мужской)	XY (мужской)

Примечание: Жирным шрифтом выделены генотипы, свидетельствующие об отсутствии прямого родства между погребенными.

*Существует вероятность отсутствия сигнала от второго аллеля (с большим числом повторов), который не был амплифицирован из-за деградированного состояния ДНК.

Таблица 2. **Результаты генотипирования профиля STR-локусов Y-хромосомы**

Локус	Генотип	
	Скелет 1	Скелет 2
DYS19	14	14
DYS385a/b	12/13	Нет данных
DYS389I	13	13
DYS389II	29	Нет данных
DYS390	23	23
DYS391	10	10
DYS392	14	Нет данных
DYS393	13	13
DYS437	14	14
DYS438	10	10
DYS439	10	10
DYS448	18	Нет данных
DYS456	15	15
DYS458	16	16
DYS635	24	24
YGATAH4	12	12

плификации от степени сохранности ДНК в останках. Этот метод позволил получить устойчивые, хорошо воспроизводимые результаты как по гену амелогенина, так и по STR-маркерам индивида 1. Для индивида 2 амплификация маркеров была нестабильной. Аналогичные результаты получены при использовании набора AmpFlSTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США). Тем не менее оба подхода продемонстрировали присутствие в останках ДНК Y-хромосомы. Таким образом, молекулярно-генетические данные свидетельствуют о мужском поле обоих погребенных из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1, что расходится с результатами определения половой принадлежности индивида 2 методами физической антропологии [Население…, 2003, с. 19]. Причиной, на наш взгляд, может быть молодой возраст этого индивида (16 лет), поскольку установление пола погребенных подросткового возраста по морфологии скелета в некоторых случаях достаточно затруднительно. Таким образом, полученные данные позволяют заключить, что в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 совершено парное погребение мужчин 45–50 и 16 лет.

Результаты анализа структуры образцов мтДНК. Исследованные индивиды характеризовались идентичной структурой ГВС I мтДНК. Структура гаплотипа ГВС I 16093C-16129A-16223T-16298C-16327T однозначно свидетельствует о принадлежности данного структурного варианта мтДНК к восточно-евразийской гаплогруппе C (наиболее вероятно, к подгруппе C4a1), относящейся к макрогаплогруппе M. Согласно результатам филогеографического анализа, варианты гаплогруппы C4 с идентичной или близкой структурой гаплотипов широко представлены как у населения Южной Сибири (включая Алтай) и Центральной Азии (в т.ч. Северного Китая), так и в автохтонных популяциях более северных районов Сибири [Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015; Derenko et al., 2003, 2007; Starikovskaya et al., 2005; Metspalu et al., 2004]. Таким образом, выявленный вариант характерен для современных коренных народов рассматриваемого региона.

Анализ данных по составу линий мтДНК у носителей пазырыкской культуры показал, что обнаруженный нами вариант довольно часто встречается в генофонде пазырыкцев и является одним из его типичных компонентов. В частности, близкие и идентичные варианты гаплогруппы C4 были выявлены у погребенных из расположенных на небольшом удалении от могильника Ак-Алаха-1 памятников Ак-Алаха-3 [Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015] и Ак-Алаха-5, а также из других, территориально более удаленных пазырыкских могильников, например, Алагаил в среднем течении р. Чуя (неопубликованные данные авторов). Высокая частота встречаемости рассматриваемого варианта мтДНК в генофонде пазырыкцев Алтая ослабляет его значимость в качестве возможного маркера родства индивидов, погребенных в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1, по материнской линии.

Аллельный профиль STR-локусов Y-хромосомы. В рамках нашего исследования он был использован как один из маркеров половой принадлежности останков (см. выше), в качестве маркера родства индивидов по мужской линии, а также филогенетически и филогеографически информативного маркера, отражающего историю мужской части популяции пазырыкцев. Для индивида 1 нам удалось реконструировать полный профиль из 17 STR-локусов Y-хромосомы. Из-за относительно низкой степени сохранности ДНК в останках индивида 2 для него были получены данные только по 12 STR-локусам из 17 (табл. 2). Аллельные варианты для STR-локусов, успешно генотипированных в обоих случаях, полностью идентичны. Это с высокой вероятностью указывает на принадлежность данных индивидов к одной линии Y-хромосомы, что предполагает их близкое родство по мужской линии.

Исследование структуры Y-хромосомы с целью проведения филогенетического и филогеографического анализа может быть осуществлено двумя способами. Один заключается в анализе ОНП Y-хромосомы, которые маркируют принадлежность к конкретным ее гаплогруппам и подгруппам; другой – генотипировании набора STR-локусов и определении филогенетической принадлежности с помощью специальных программ, выявляющих корреляцию между STR-профилями и филогенетическими кластерами Y-хромосомы. Нами был использован последний. Полученный полный аллельный профиль по 17 STR-локусам позволил определить принадлежность исследуемого варианта Y-хромосомы к гаплогруппе N (вероятность по данным программы Haplogroup Predictor составила 100 %). Эта гаплогруппа возникла в Юго-Восточной Азии, но впоследствии длительное время эволюционировала на территории Южной Сибири [Харьков, 2012]. Именно через Алтае-Саянское нагорье пролегал путь распространения ее подгрупп в другие регионы Евразии – преимущественно в северные широты от Восточной Европы до Дальнего Востока. Подгруппы гаплогруппы N имеют филогеографическую специфику, многие из них сформировались на юге Сибири, именно здесь наблюдается наибольшее разнообразие вариантов этой гаплогруппы. Для точного установления принадлежности исследуемого варианта Y-хромосомы к подгруппам гаплогруппы N требуется проведение дополнительного анализа его ОНП маркеров. Эта задача будет решена в рамках масштабного исследования разнообразия линий Y-хромосомы в генофонде пазырыкских по-

пуляций Алтая, осуществляемого нами в настоящее время. На данном этапе ограничимся констатацией того, что вариант Y-хромосомы, выявленный у погребенных из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1, является характерным для изучаемого региона и сопредельных районов Северной Евразии и это хорошо согласуется с рассмотренными выше данными по структуре их мтДНК.

Таким образом, по результатам анализа маркеров с однородительским наследованием (мтДНК и Y-хромосома) нами была установлена вероятность близкого родства рассматриваемых индивидов из парного погребения как по женской, так и по мужской линии. В такой ситуации решающее значение могут иметь данные по профилю аутосомных STR-локусов. Они свидетельствуют о том, что эти индивиды не являлись прямыми родственниками, т.е. с учетом пола погребенных они не могли быть отцом и сыном. Речь может идти о других вариантах близкого родства.

Погребение в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 в свете молекулярно-генетических данных

Полученные молекулярно-генетические данные позволяют по-новому интерпретировать особенности погребения в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1. Важное значение имеет установление мужского пола молодого индивида. В этой связи становится понятным, что и мужская одежда, в которую был облачен погребенный (шерстяные штаны, подпоясанная шуба, войлочный шлем с деревянными фигурками животных) и мужская прическа (вернее, отсутствие женской – парика) в спорных случаях являются маркерами половой принадлежности. Ранее на основании данных физической антропологии индивид рассматривался как молодая женщина. Хотя подчеркивались ее физические особенности, сближающиеся с мужскими характеристиками: «череп очень крупный и кажется массивным… черепная коробка очень длинная и очень высокая… нижняя челюсть очень массивная… Кости посткраниального скелета очень длинные, не уступающие по абсолютным размерам и указателям массивности костям мужского скелета… Длина тела очень большая» [Чикишева, 1994, с. 173].

Новые данные позволяют пересмотреть и возможные родственные отношения погребенных. Парное захоронение зрелого мужчины и молодой женщины рассматривалось как погребение либо супругов, либо отца и дочери. Генетические данные опровергают оба эти предположения. Погребенные вместе мужчины, по-видимому, действительно связаны определенной степенью родства. Об этом свидетельствует довольно редкая ситуация, когда индивиды из парного погребения демонстрируют идентичность вариантов как мтДНК, так и Y-хромосомы, указывающая на потенциальное родство по материнской и отцовской линиям, соответственно. Учитывая мужской пол погребенных, можно предположить, что они являются отцом и сыном. Однако данные по аутосомным STR-локусам, позволяющие проверить наличие прямого родства индивидов, опровергают это предположение. По-видимому, родственные отношения исследуемых индивидов носят более отдаленный (и сложный для анализа) характер (например, дядя и племянник)*. Детальная реконструкция и вероятностная оценка такого родства требует репрезентативных данных по частотам аллельных вариантов STR-локусов и Y-хромосомы в пазырыкской популяции, к которой относятся погребенные. В настоящее время мы приступили к накоплению этих данных, что позволит повысить возможности установления отдаленной степени родства индивидов из погребений пазырыкской культуры.

Ситуация, когда все основные варианты родственных отношений погребенных были отвергнуты по результатам палеогенетического анализа, демонстрирует назревшую необходимость объективизации подобных реконструкций в археологии. Объективный характер им может придать в первую очередь широкое применение методов палеогенетики, которые, несмотря на существующие ограничения, позволяют тестировать наиболее простые модели родства. Именно эти модели, как правило, и используются археологами в подобных реконструкциях.

Следует заметить, что в одной могиле двух мужчин свели как родственные отношения, так и определенный социальный статус, но их совместное захоронение обусловлено сложившейся ситуацией – оба не пережили (вероятно, каждый по своей причине) прошедшую зиму и были похоронены весной, когда это стало возможным. Парные погребения Укока, скорее всего, объясняются данными обстоятельствами. И у нас уже есть возможность проверить это.

Список литературы

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии и генетики) / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чи-

*В этнографии давно и хорошо известно о большом разнообразии систем родства. Но для археологии без данных палеогенетики эти сведения практически бесполезны. Тем не менее при привычных интерпретациях парных погребений как захоронений мужа и жены или наложницы либо, если возраст позволяет, матери и сына надо помнить, что существует гораздо больше вариантов, и не делать поспешных выводов.

кишева, А.Г. Ромащенко, Н.В. Полосьмак, Е.О. Шульгина, М.В. Нефедова, И.В. Куликов, Л.Д. Дамба, М.А. Губина, В.Ф. Кобзев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 57–67.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 2. – С. 138–145.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирк: Наука, 1994. – 124 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 387 с.

Харьков В.Н. Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: автореф. дис. … д-ра биол. наук. – Томск, 2012. – 45 с.

Чикишева Т.А. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 167–173.

Andrews R.M., Kubacka I., Chinnery P.F., Lightowlers R.N., Turnbull D.M., Howell N. Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA // Nature Genetics. – 1999. – Vol. 23. – P. 147.

Derenko M.V., Grzybowski T., Malyarchuk B.A., Dambueva I.K., Denisova G.A., Czarny J., Dorzhu C.M., Kakpakov V.T., Miscicka-Sliwka D., Wozniak M., Zakharov I.A. Diversity of mitochondrial DNA lineages in South Siberia // Ann. Hum. Genet. – 2003. – Vol. 67. – P. 391–411.

Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Dambueva I., Perkova M., Dorzhu C., Luzina F., Lee H.K., Vanecek T., Villems R., Zakharov I. Plylogeographic analysis of mitochondrial DNA in Northern Asian populations // Am. J. Hum. Genet. – 2007. – Vol. 81. – P. 1025–1041.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A.K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // Science. – 2005. – Vol. 305. – P. 1016–1018.

Kloss-Brandstatter A., Pacher D., Schonherr S., Weissensteiner H., Binna R., Specht G., Kronenberg F. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups // Hum. Mutat. – 2011. – Vol. 32, iss. 1. – P. 25–32.

Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E., Parik J., Hudjashov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M., Behar D.M., Gilbert M.T.P., Endicott P., Mastana S., Papiha S.S., Skorecki K., Torroni A., Villems R. Most of the extant mtDNA boundaries in South and Southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // BMC Genet. – 2004. – Vol. 5. – P. 26. – DOI: 10.1186/1471-2156-5-26

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2010. – Vol. 2, N 4. – P. 231–236.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Molodin V.I., Romaschenko A.G. MtDNA Haplogroup A10 Lineages in Bronze Age Samples Suggest That Ancient Autochthonous Human Groups Contributed to the Specificity of the Indigenous West Siberian Population // PLoS ONE. – 2015. – Vol. 10 (5): e0127182. – DOI: 10.1371/journal.pone.0127182

Starikovskaya E.B., Sukernik R.I., Derbeneva O.A., Volodko N.V., Ruiz-Persini E., Torroni A., Brown M.D., Lott M.T., Hosseini S.H., Huoponen K., Wallace D.C. Mitochondrial DNA diversity in indigenous populations of the southern extent of Siberia, and the origins of Native American haplogroups // Ann. Hum. Genet. – 2005. – Vol. 69. – P. 67–89.

Van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive tree of global human mitochondrial DNA variation // Hum. Mutat. – 2009. – Vol. 30, iss. 2. – P. 386–394.

Материал поступил в редколлегию 26.10.15 г.

ПЕРСОНАЛИИ

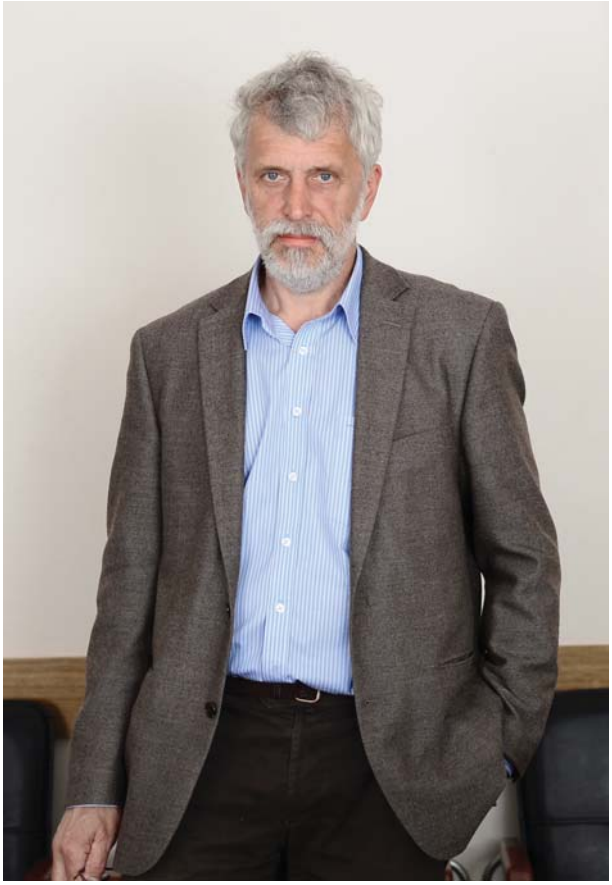
К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА МАКАРОВА

Директор Института археологии РАН академик Николай Андреевич Макаров является блестящим ученым и организатором науки в стране. В декабре текущего года он отмечает свое шестидесятилетие.

Н.А. Макаров родился 22 декабря 1955 г. в г. Москве. В 1973 г. он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, где проходил специализацию по кафедре археологии. Его учителями были выдающиеся отечественные ученые – профессор Д.А. Авдусин и академик В.Л. Янин, творческие контакты и дружеские отношения с которым сохраняются по сей день. В 1978 г. после окончания университета Н.А. Макаров поступил на работу в Институт археологии АН СССР, где прошел путь от лаборанта в секторе новостроечных и хоздоговорных экспедиций до директора Института.

Едва ли мы ошибемся, если констатируем, что непроходящей любовью Николая Андреевича (и не только с точки зрения науки) всегда был и остается Русский Север. Наверное, эту любовь заложили родители А.Н. Макаров и Е.Л. Леонова – известные советские художники, творчество которых самым тесным образом связано с Севером России. С приходом в Институт молодой ученый вел полевые исследования по изучению средневековых памятников на территории Вологодской и Архангельской областей. В 1982 г. им была организована Онежско-Сухонская экспедиция, руководителем которой Н.А. Макаров оставался более десяти лет. Фактически на основе полученных в эти годы материалов уже в 1986 г. молодой исследователь защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.».

За 20 лет полевых археологических работ в Белозерье Н.А. Макаровым были проведены сплошные обследования масштабных территорий, где открыты десятки памятников, а также осуществлены раскопки на многих из них. Можно без преувеличения сказать, что в результате изысканий исследователя на Русском Севере получен и введен в научный оборот целый пласт уникальных источников, аккумулированы высокоинформативные данные, касающиеся интеграции северных окраин в состав Древнерусского государства. Фундаментально исследована проблема славяно-финского этнокультурного взаимодействия. Итогом этих работ стала докторская диссертация Н.А. Макарова «Колонизация северных



окраин Древней Руси в XI–XIII вв.», которую он защитил в 1995 г.

После блестящей защиты научная карьера ученого сложилась достаточно своеобразно. В 1995 г. Н.А. Макаров перешел на основную работу в тогда еще молодой Российский гуманитарный научный фонд, где в течение пяти лет занимал должность начальника отдела истории. Немалой его заслугой является качественная организация конкурсов, по существу, главного направления деятельности фонда в масштабах России. В 1997 г. за выдающийся вклад ученого в науку и организацию науки в стране Николай Андреевич был избран членом-корреспондентом РАН. С 1999 г. связан новый поворот в деятельности Н.А. Макарова. Он перешел на работу в Отделение историко-филологических наук РАН, где до 2002 г. работал на должности заместителя академика-секретаря по научно-организационным вопросам.

Занимая высокие посты в области организации науки в стране, Н.А. Макаров успешно совмещает эту нелегкую и порой неблагодарную работу с научной деятельностью. В 2001 г. ученым был начат крупный многолетний проект по изучению древностей Суздальской земли, включающий масштабные полевые исследования под Суздалем. В сферу его научных интересов входят археология и история средневековой Руси, сельское расселение в эпоху Средневековья, финские памятники, христианские древности, колонизация Европейского Севера, сохранение археологического наследия, проблемы совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей его охрану.

В 2003 г. начался новый этап в жизнедеятельности Николая Андреевича. Он стал директором центрального научно-исследовательского института страны, занимающегося археологическими изысканиями. Институт имеет богатую историю, корни которой уходят в созданную в 1859 г. Российскую императорскую археологическую комиссию, а затем учрежденную на ее основе в 1919 г. в Петрограде Российскую академию истории материальной культуры. Пройдя вместе со страной нелегкий путь преобразований, в 1943 г. институт был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось его отделение. В разные годы Институт археологии возглавляли выдающиеся советские ученые. Его сотрудниками сделаны замечательные археологические открытия мирового класса. Такое учреждение принял Николай Андреевич и вот уже на протяжении более десяти лет успешно его возглавляет. Если же еще учесть, сколь непросты были эти годы для новой России, когда одна реформа сменяла другую, в т.ч. и в организации науки, станет понятным, как сложны они были для молодого ученого.

О том, что Институт археологии РАН по-прежнему является одним из лидеров отечественной и мировой науки, свидетельствуют не только серьезные открытия его сотрудников, но и высочайший рейтинг директора, который в 2011 г. был избран действительным членом (академиком) РАН. Кроме того, Николай Андреевич является сегодня заместителем академика-секретаря, руководителем секции истории Отделения историко-филологических наук РАН. Свидетельством высокого международного рейтинга является избрание Н.А. Макарова в 2005 г. членом-корреспондентом старейшего и авторитетнейшего в мире Германского археологического института, а в 2009 г. – членом-корреспондентом Американского археологического института.

Николай Андреевич является главным редактором журнала «Краткие сообщения Института археологии РАН», входит в состав редколлегий ряда ведущих отечественных и зарубежных журналов. Он является членом Научно-методического совета по культурному наследию при Министерстве культуры Российской Федерации.

Н.А. Макаров – автор и соавтор более 230 научных публикаций, в т.ч. 10 монографий.

Как коллеги и друзья юбиляра мы от всей души желаем ему здоровья, новых творческих успехов в науке и ее организации.

А.П. Деревянко, В.И. Молодин, М.В. Шуньков

Материал поступил в редколлегию 06.08.15 г.

К ЮБИЛЕЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЫХА

К числу ярчайших представителей российской археологии принадлежит член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Евгений Николаевич Черных, который отмечает в эти дни свое восьмидесятилетие.

Е.Н. Черных родился 11 декабря 1935 г. в г. Москве. В 1958 г. Евгений Николаевич окончил исторический факультет Московского государственного университета (кафедра археологии), где его научным руководителем был известный советский археолог профессор О.Н. Бадер. Поступив на работу в Институт истории материальной культуры АН СССР, Е.Н. Черных продолжал свое образование в Московском институте стали и сплавов, который он окончил в 1962 г. Такая, скажем так, нетипичная подготовка к будущей профессиональной деятельности археолога была совершенно осмысленным и хорошо продуманным шагом, поскольку молодой специалист собирался посвятить себя изучению древней металлургии.

Надо сказать, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Институте истории материальной культуры АН СССР закладывался фундамент широкого применения в археологии естественно-научных и технических методов (сегодня это именуется мультидисциплинарным подходом). Организатором данного направления был доктор исторических наук Б.А. Колчин. На начальной стадии мультидисциплинарный подход реализовывался в рамках т.н. кабинетов или групп, нацеленных на активное применение методов естественных наук в практике археологических исследований. Это были кабинеты дендрохронологии, металлографии, петрографии, палинологии, археозоологии, спектрального анализа. Последний из них и возглавил в 1960 г. Евгений Николаевич.

В 1963 г. Е.Н. Черных успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы». Без преувеличения можно сказать, что именно с этого момента в отечественной науке появился безусловный лидер важнейшего научного направления, связанного с изучением древней металлургии. В 1972 г. Евгений Николаевич блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке».

Е.Н. Черных не только прекрасный аналитик, но и активный полевой исследователь. С 1955 г. прак-

тически по настоящее время он ежегодно работал в археологических и геологических экспедициях. Территориальные рамки этих исследований чрезвычайно широки: Верхнее, Среднее и Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье, Болгария, Северный Кавказ и Закавказье, Подунавье, Балканы, Средняя и Малая Азия, Средний и Южный Урал, Забайкалье, Монголия, а совсем недавно к ним добавился еще и Синьцзян.

Пожалуй, одной из самых замечательных по полученным результатам, примером комплексного подхода явилась возглавляемая Е.Н. Черныхом с 1989 по 2002 г. Волго-Уральская (Каргалинская) экспедиция. Крайне важно подчеркнуть, что уникальные материалы по истории древнего горнорудного дела, металлургии да и вообще палеоэкономики были оперативно введены в научный оборот в виде фундаментальной пятитомной серии монографий, подготовленной творческим коллективом под руководством Евгения Николаевича. Уместно напомнить, что эти масштабные исследования (включая и саму организацию работ) пришлись на сложнейший для страны период (начало 1990-х гг.). В преодолении трудностей ярко проявился талант Е.Н. Черныха не только как исследователя, но и как организатора науки.

С 1984 г., после ухода из жизни Б.А. Колчина, и по сегодняшний день Евгений Николаевич успешно возглавляет Лабораторию естественнонаучных методов Института археологии. Это подразделение, несомненно, одно из сильнейших в Институте. Здесь созданы уникальные базы данных, особенно в области металлургии и дендрохронологии, которых нет в других исследовательских центрах Евразии и Америки.

Несмотря на кризисные девяностые годы, Е.Н. Черныху удалось сохранить почти все исследовательские направления и, может быть, самое главное, сформировать новый костяк коллег и единомышленников. В работе лаборатории акцентируются не только широкомасштабные полевые исследования (изучение Каргалинского месторождения тому пример), но и развитие компьютерных технологий, направленных на обработку огромной источниковой базы. Последние годы Е.Н. Черных и сотрудница лаборатории Л.Б. Орловская формируют базу радиоуглеродных калиброванных дат, полученных для культур эпохи бронзы Евразии. Весь гигантский массив данных подвергается серьезнейшей аналитической обработке. Публикации этих сводок сегодня являются настольными работами для всех, кто занимается эпохой бронзы Евразии.

Научное творчество Е.Н. Черныха значительно и многогранно. Он является ведущим в мире специалистом в области изучения древней металлургии, плодотворно работает над проблемами функционирования крупнейших производственно-культурных систем древности – металлургических провинций. Для разработки этих проблем им создан ряд исследовательских групп в рамках изучения древнего производящего хозяйства. Особое внимание уделяется методологическим аспектам археологических исследований.

Евгений Николаевич является автором и соавтором более 400 научных публикаций, в т.ч. более 10 монографий. Уместно подчеркнуть, что ряд его монографических работ, включая и написанные совместно с коллегами и учениками, постоянно востребованы специалистами. Упомянем лишь некоторые: «История металлургии Восточной Европы» (М., 1966), «Древняя металлургия Урала и Поволжья (М., 1970; МИА, № 172), «Древняя металлургия Северной Азии» (М., 1989; в соавторстве с С.В. Кузьминых), «Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология» (М., 2000; в соавторстве с Л.И. Авиловой и Л.И. Орловской). Совсем недавно появился двухтомник, посвященный роли кочевников степного пояса Евразии в истории народов этого субконтинента, – «Культура номадов в мегаструктуре Евразийского мира» (М., 2013). Широкому кругу читателей хорошо известны научно-популярные книги Е.Н. Черныха «Металл, Человек, Время» (М., 1972), «Каргалы. Забытый мир» (М., 1997).

Евгений Николаевич всегда занимал и занимает активную жизненную позицию. Многие годы он является членом Ученого совета Института, а также членом редколлегий ряда ведущих отечественных и зарубежных журналов. Он возглавляет экспертный совет по естественно-научным исследованиям в гуманитарных науках РФФИ. Непререкаемый авторитет ученого высоко оценен научным сообществом. В 1986 г. Е.Н. Черных избран членом-корреспондентом Германского археологического института – одного из старейших и авторитетнейших в мире, а в 2006 г. – членом-корреспондентом РАН.

Мы как коллеги и давние друзья юбиляра от всей души желаем ему здоровья, творческих успехов, новых книг и талантливых учеников.

А.П. Деревянко, В.И. Молодин

Материал поступил в редколлегию 06.08.15 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РУз – Академия наук Республики Узбекистан

АН УзССР – Академия наук Узбекской Советской Социалистической Республики

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ВДИ – Вестник древней истории

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИГ РАН – Институт геологии РАН

ИКМС – Историко-краеведческий музей г. Семей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АН СССР)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НГУЭУ – Новосибирский государственный университет экономики и управления

ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей

РА – Российская археология

РГО – Русское географическое общество

РЭМ – Российский этнографический музей

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

УдмИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

ЦГМРК – Центральный государственный музей Республики Казахстан

ЮКОИКМ – Южно-казахстанский областной историко-краеведческий музей

CAA – Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology

Алкин С.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; доцент Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: alkin-s@yandex.ru

Анойкин А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: anui1@yandex.ru

Астафьев А.Е. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Мангистауского государственного историко-культурного заповедника, 3-й микрорайон, 66, Актау, Мангистауская обл., 130001, Республика Казахстан. E-mail: aasta@list.ru

Бобров Л.А. – доктор исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: spsml@mail.ru

Богданов Е.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Волков П.В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: volovopen@gmail.com

Ворошилов А.Н. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

Выборнов А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: vb.anton@gmail.com; vybornov@archaeology.nsc.ru

Деревянко А.П. – академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Дэвлет Е.Г. – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Института археологии РАН, руководитель Центра палеоискусства ИА РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; ведущий научный сотрудник лаборатории «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии» Новосибирского государственного университета – Университета Бордо, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: eketek@yandex.ru

Ефимов В.С. – кандидат физико-математических наук, доцент Сибирского федерального университета, директор Центра стратегических исследований и разработок, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: efimov.val@gmail.com

Зеленцова О.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

Зубова А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru

Колобова К.А. – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru

Коробов Д.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: dkorobov@mail.ru

Кривошапкин А.И. – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Лаптева А.В. – сотрудник Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: avlapteva@yandex.ru

Ласкин А.Р. – заведующий сектором Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края, ул. Дзержинского, 36, Хабаровск, 680000, Россия. E-mail: laskin66@mail.ru

Макаров Н.А. – академик РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: nmakarov10@yandex.ru

Макулов В.И. – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: makulov@krasurao.ru

Медведев Г.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующий Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия.

Михайлова Е.И. – доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, ректор Северо-Восточного федерального университета, ул. Белинского, 58, Якутск, 677027, Россия. E-mail: rector-svfu@ysu.ru

Молодин В.И. – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Нестеров С.П. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Пилипенко А.С. – кандидат биологических наук, исполняющий обязанности заведующего межинститутским сектором молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Полосьмак Н.В. – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Роллан Н. – профессор, Канадское общество по изучению доисторической антропологии, Канада. Prehistoric Anthropology Research Canada, 192 Bushby St., Victoria, B.C., V8S 1B, Canada. E-mail: prehistory@shaw.ca

Трапезов Р.О. – кандидат биологических наук, научный сотрудник межинститутского сектора молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Rostislav@bionet.nsc.ru

Фурсова Е.Ф. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mf11@mail.ru

Цыбанков А.А. – кандидат исторических наук, заведующий отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: tsybankov@yandex.ru

Черников А.П. – ведущий инженер ООО «Тензор-Телеком», 4-й Лихачевский пер., 15, Москва, 125438, Россия. E-mail: chernikov@tt-com.ru

Чикишева Т.А. – доктор исторических наук, заведующая сектором антропологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikisheva@ngs.ru

Шалагина А.В. – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Шуньков М.В. – доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru

Аксянова Г.Я. Русскоустьинский антропологический феномен № 3 (43)

Анойкин А.А. Индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита долины реки Рубас (Приморский Дагестан) № 4 (43)

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана (полуостров Мангышлак, Казахстан) № 4 (43)

Бауло А.В. Боги и люди: жизнь под одной крышей № 2 (43)

Березкин Ю.Е. Сибирский фольклор и происхождение на-дене № 1 (43)

Бобров В.В., Герман П.В. Роговая антропоморфная фигурка из северных предгорий Кузнецкого Алатау № 2 (43)

Бобров Л.А. Казахские боевые узколезвийные топоры «шакан» XVIII–XIX веков № 4 (43)

Богданов Е.С. «Камни жизни» из ноин-улинских погребений (по материалам раскопок в 2006–2012 годах) № 3 (43)

Богунов Ю.В., Мальцева О.В., Богунова А.А., Балановская Е.В. Нанайский род *самар*: структура по данным маркеров Y-хромосомы № 2 (43)

Бородовский А.П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) № 2 (43)

Бородовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири № 1 (43)

Бородовский А.П., Тур С.С. Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине нижней Катуни (антропологический аспект) № 3 (43)

Волков Д.П., Коваленко С.В., **Ермацанс И.А.**, **Палажченко А.И.** Нательный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции № 1 (43)

Выборнов А.В., Цыбанков А.А., Макулов В.И. Археологические объекты на берегах Ангары от реки Чадобец до поселка Богучаны: обзор и закономерности № 4 (43)

Горлова Е.Н., Крылович О.А., Тиунов А.В., Хасанов Б.Ф., Васюков Д.Д., Савинецкий А.Б. Изотопный анализ как метод таксономической идентификации археозоологического материала № 1 (43)

Давуди Д., Базгир Б., Аббаснеджад Р., Барски Д., Олле А., Отт М. Нижний палеолит Ирана: новые находки из пещеры Мар-Гверга-Лан № 1 (43)

Деревянко А.П. Пластинчатая и микропластинчатая индустрии в Северной, Восточной и Центральной Азии. 1. Возникновение пластинчатой индустрии в Африке и распространение ее на Ближний Восток № 2 (43)

Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д. Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая (по материалам стоянки Чихэн-2) № 3 (43)

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая № 3 (43)

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури № 4 (43)

Ефимов В.С., Лаптева А.В., Михайлова Е.И. Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ № 4 (43)

Зориктуев Б.Р. Тюркская версия происхождения предания об Эргунэ-Куне: ошибки и заблуждения № 3 (43)

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам № 3 (43)

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии № 4 (43)

Кардаш О.В., Соколков А.В. Ритуальный комплекс Холято-1 на полуострове Ямал № 1 (43)

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка III в Северной Кулунде № 1 (43)

Ковтун И.В. И.Г. Гмелин и Томская писаница (к 305-летию со дня рождения исследователя) № 1 (43)

Кореневский С.Н. Две новые находки эпохи энеолита – бронзового века с реки Фарс (Западное Предкавказье) № 1 (43)

Кореневский С.Н., Медникова М.Б., Бочковой В.В. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности № 2 (43)

Корниенко Т.В. К вопросу о человеческих жертвоприношениях на территории Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита № 3 (43)

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Реконструкция растительности на городище Уфа II и прилегающих ландшафтов по данным спорово-пыльцевого анализа № 1 (43)

Майничева А.Ю. «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей № 1 (43)

Майничева А.Ю. Этноконфессиональные маркеры самоидентификации русских в Сибири в XVII–XVIII веках: церкви с бочечным покрытием № 3 (43)

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Первые шаги по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» № 4 (43)

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (фёдоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) № 3 (43)

Молодин В.И., Медведев Г.И. Уникальный бронзовый меч из Прибайкалья № 4 (43)

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) № 1 (43)

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье № 2 (43)

Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) № 2 (43)

Нестеров С.П., Волков П.В., Алкин С.В. Каменная плитка-абразив с Черемховского поселения в Западном Приамурье № 4 (43)

Окладников А.П., Медведев В.Е., Филатова И.В. Первые стационарные исследования с получением радиоуглеродных дат на острове Сучу (1972 год) № 3 (43)

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 № 2 (43)

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) № 4 (43)

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии № 2 (43)

Роллан Н. «Люди Севера» в плейстоцене: палеолитические вехи и переходные горизонты в Северной Евразии. Часть II: Биогеографический ареал человека в среднем палеолите № 4 (43)

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге № 2 (43)

Табарев А.В., Каномата Й. «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур Тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора) № 3 (43)

Федюнин И.В. Мезолит лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования № 1 (43)

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда старообрядцев юга Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века: опыт историко-этнографического картографирования № 4 (43)

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю. Оружие, украшения и принадлежности костюма с памятника «Красный строитель» в Чуйской долине Кыргызстана № 1 (43)

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане № 2 (43)

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Зубова А.В. Новые данные о погребальном комплексе кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 № 1 (43)

Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии № 4 (43)

Ширази Р., Солтани М. Памятники наскального искусства Иранского Макрана: петроглифы Апсе-Гоалм и Кухбодане-Джор (район Кесре-Кенд) № 2 (43)

Яблонский Л.Т. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1 № 2 (43)